МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Под редакцией доктора философских наук,
профессора И. К. Харичкина

27–29 октября 2021 г., Москва

МГЛУ
Московский государственный
лингвистический университет

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный лингвистический университет»

МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
27–29 октября 2021 г., Москва

Под редакцией
доктора философских наук, профессора И. К. Харичкина

Москва • ФГБОУ ВО МГЛУ • 2022

УДК 659.3, 94, 327, 316 **DOI 10.52070/978-5-00120-382-7_2022**
ББК 76.0
С 833

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Научный план 2022 г., поз. 4

Редакционная коллегия:
доктор политических наук, профессор *Ю. В. Синчук*
кандидат юридических наук, доцент *Ю. В. Берладир*
кандидат филологических наук, доцент *Н. Ю. Мороз*

Рецензенты:
доктор политических наук профессор *В. К. Белозёров* (МГЛУ)
доктор политических наук профессор *А. В. Брега*
(Московский технический университет связи и информатики)

С 833 **Мировой** политический процесс: информационные войны и «цветные революции»: сборник материалов Международной научно-практической конференции, 27–29 октября 2021 г., Москва / под ред. д-ра философских наук, проф. И. К. Харичкина. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022. – 514 с.

ISBN 978-5-00120-382-7

В сборнике материалов Международной научно-практической конференции «Мировой политический процесс: информационные войны и "цветные революции"» рассмотрены проблемы равновесия в современном мире: вызовы и возможности для региональных держав; трансформация мирового порядка и региональные дисбалансы; противодействие терроризму и экстремизму в информационном пространстве; актуальные вопросы международного сотрудничества в области противодействия терроризму и экстремизму в информационном пространстве; социально-политическая устойчивость и противодействие «гибридным угрозам»; роль СМИ в захвате и удержании власти в период «цветных революций»; новые формы протестных коммуникаций в «цветных революциях».

Сборник предназначен ученым, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется современными международными политическими процессами и ролью России в противодействии распространению идеологии терроризма и экстремизма.

УДК 81'276.6(063)
ББК 81.2-006я431

ISBN 978-5-00120-382-7

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово ректора
Московского государственного лингвистического университета
И. А. Краевой 15

Приветственное слово Руководителя Антитеррористического центра
государств – участников Содружества Независимых Государств,
генерал-полковник полиции
А. П. Новикова 18

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Мировые миграционные вызовы и возможности
управления ими в региональных державах
Галас М. Л. 21

Миропорядок XXI века: глобальный блицкриг
Ивашов Л. Г. 31

Кто защищает защитников? Укрепление безопасности
гуманитарных работников в зонах конфликтов
Иррера Д. 42

Биполярная система международных отношений и иллюзия
многополярности
Касюк А. Я. 50

Финансирование терроризма с использованием криптовалют:
опыт контроля и пресечения
Красинский В. В. 59

«Исторический кейс» как инструмент «мягкой силы»
в формировании новой картины мира
Краско Г. Г. 71

Социологические исследования терроризма в современном
обществе
Лапшов В. А. 76

Современные технологии и человечество: проверка реальности,
факты и решения ненасильственным способом
Шарма Маниш 91

«Цветные революции» и информационная политика России
Меньшиков П. В. 105

Оружие массового поражения и исследования в области мира
Мехди С. С. 113

Актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности в условиях фейкизации медиапространства России
Небренчин С. М. 122

Проблемы социально-политической стабильности в Африканских странах
Сидорова Г. М. 134

Межгосударственное киберпротивоборство и вмешательство во внутренние дела суверенных государств (НАТО и его инструменты)
Сурма И. В. 141

Современные тенденции повышения эффективности противодействия терроризму
Сыли В. Н. 150

«Цветная революция»: сущность процесса
Харичкин И. К. 156

Современный геополитический дискурс миротворчества Польши, Литвы и стран Северной Европы
Шамаров П. В. 163

Секция I. Терроризм и экстремизм в современном информационном обществе: особенности проявления и тактика противодействия

Развитие процессов миграции на фоне глобализации как одна из тенденций развития террористическойпрактики в Российской Федерации
Абрамов А. Э. 171

Психологические аспекты влияния современных социальных сетей на формирование общественно-политических настроений (на примере сервиса TikTok)
Богомаз О. В. 178

Стимулирование культурной памяти посредством мемориалов мира
Бэйли Л. 187

Выявление процесса радикализации личности как элемент противодействия терроризму
Глухарев Д. С. 190

Противодействие проявлениям терроризма и экстремизма в информационном пространстве
Дехконбоев И. Н. 195

Соотношение понятий «революция» и «цветная революция»
Елубаева Л. З., Мухаметнуркызы М. Ж. 201

Оценка рисков террористических и экстремистских угроз в условиях неопределенности
Жадиков Р. С., Махмеджанова Л. Н. 208

Противодействие терроризму и религиозному экстремизму в информационном пространстве
Тыныбаев А. Н., Иржанов Р. С. 216

Социально-психологическое воздействие в информационной сфере как фактор распространения идей политического экстремизма
Кондратенко А. В. 222

Подготовка и распространение информационных материалов по линии противодействия терроризму и экстремизму
Красинский В. Вяч. 228

Кибертерроризм: понятие и проблемы противодействия
Машко В. В. 235

Прокуратура России в противодействии информационным войнам и «цветным революциям»
Меркурьев В. В., Глибовец И. С. 242

«Цветная революция» как предтеча терроризма
Опокин А. Б. 252

Перспектива современного миропорядка и мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции»
Сакоян Т. А. 256

Коммуникационные аспекты терроризма как феномена безопасности
Томич М. Т. 265

Секция II. Проблемы мира и конфликтов в эпоху перемен: вызовы и перспективы

«Халяльная интеграция» мусульман в Шотландии: к вопросу о социокультурных вызовах и возможностях для региональных держав в меняющемся мире
Агабабов А. Р., Савинова Е. Н. 282

Трансформация современного мирового порядка и задачи внешней политики России: ответ на вызовы и угрозы
Агуреев С. А. 293

Китайская стратегическая культура в современном межгосударственном взаимодействии (на примере отношений КНР и АСЕАН)
Кожухова К. Е. 299

Противоборство между США и Китаем в рамках Индо-Тихоокеанского региона на современном этапе
Китаев Р. В. 304

Спорт как один из инструментов информационной войны
Леонтьев Е. Д. 311

Реализация дипломатической функции спорта инструментами журналистики
Макарова П. В. 318

Геополитика и геоэкономика России и Русского мира
Михайлин И. В. 321

Актуальность возникновения военных конфликтов и деятельность пограничной службы по их предотвращению
Миргалимов Ф. А. 328

Достичь мира: понимание Дейтонских мирных соглашений
Мэри Холленкамп Рами 333

К вопросу о роли ЮНИСФА в разрешении конфликта в спорном районе Абьей
Тишков С. А. 341

«Мягкая сила» как средство ослабления сепаратистских настроений (на примере конфликта между Великобританией и Шотландией)
Тюрин Е. А., Переверзева О. В. 349

Актуальность гибридных угроз государству и деятельность пограничной службы по их противодействию
Рахман В. А. 355

Историческая политика и проблемы национальной и международной безопасности
Рудницкий А. Ю. 360

Изменение стретегии внешней политики Испании на современном этапе
Пупышева М. В. 368

Секция III. Коммуникационное противоборство в мировой политике

Использование коллекций для активной памяти и вдохновения (на примере музея мира, Брэдфорд, Великобритания)
Клайв Барретт 376

Информационные технологии в продвижении национальных интересов России
Васильева М. М. 380

Национальный брендинг РФ в области национальной безопасности как технология реагирования на глобальные информационные и военные угрозы
Данилова Е. А. 387

Основные черты кампаний англоязычных СМИ по освещению событий «арабской весны» 2010–2012 годов
Дорошенко Е. И. 394

Просвещение по вопросам негативного и позитивного мира в музеях мира: На примере Тегеранского музея мира
Мона Бадамчизадех 401

Неологизмы лексико-семантической группы «лица, демонстрирующие понимающее отношение» в немецких СМИ
Петрова М. В. 408

Международное G2G-противоборство и его отражение в коммуникационной среде
Чумиков А. Н. 414

Секция IV. Гражданско-патриотическое воспитание молодежи

Государственно-патриотическое воспитание сотрудников органов внутренних дел как идеологическая основа работы с личным составом
Дерешко Б. Ю. 423

Военно-патриотическое воспитание курсантов военных вузов посредством кино
Загинайко О. Ю. 429

Потенциал художественной литературы как средства патриотического воспитания
Зимакова Е. С. 435

Проблемы воспитания в духе мира в Музеях мира
Кадзуйо Яманэ 441

Памятники и музеи мира. Воспитание в духе мира
Балкришна Курвей 449

Роль духовности в патриотическом воспитании
Талканбаева Б. Е., Уразбаева А. М. 453

Система работы по профилактике идей экстремизма и терроризма в высшей школе (опыт регионального вуза)
Шульга Е. П. 461

Круглый стол.

Лингвокультурные особенности современного медиадискурса

Сторителлинг в современном медиадискурсе и образовательном процессе
Белогурова М. Ю., Данилова В. А. 468

Лингвокогнитивные особенности антонимии в экономическом медиадискурсе
Ивина Л. В. 473

Казахстанский новостной медиадискурс
Молдабаева В. Д. 480

Развитие профессионально значимых умений интерпретации газетно-публицистического текста у изучающих иностранный язык
Перлова О. В. 488

Как пандемия COVID-19 повлияла на то, как мы говорим (на примере итальянской и российской прессы)
Тюлькина А. А. 493

Когнитивно-коммуникативные особенности современного социально-политического дискурса
Феофанов К. А. 498

Coronalengua, или словообразование в современном испанском медиадискурсе
Харитонова М. А., Пупышева М. В. 506

Рекомендации Международной научно-практической конференции «Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции» (г. Москва, 27–29 октября 2021 года) 511

CONTENTS

PLENARY SESSION

Rector's Welcome Speech
Moscow State Linguistic University
I. A. Kraevoy 15

Welcome Speech by the Head of the Antiterrorist Center
Member States of the Commonwealth of Independent States,
Police Colonel General
A. P. Novikova 18

Global Migration Challenges and Opportunities to Manage Them in Regional Areas
Galas M. L. 21

World Order of the XXI Century: Global Blitzkrieg
Ivashov L. G. 31

Who Protects the Defenders? Strengthening the Safety of Humanitarian Workers in Conflict Zones
Irrera D. 42

Bipolar System of International Relations and Illusion of Multipolarity
Kasyuk A. Y. 50

Terrorism Financing with the Use of Cryptocurrencies: Experience of Control and Combatting
Krasinsky V. V. 59

"Historical Case" as "Soft Power" Tool in the New World Picture Build-up
Krasko G. G. 71

Sociological studies of terrorism in modern society
Lapshov V. A. 76

Modern Technology and Humanity: Reality Check, Facts and Solutions in a Non-Violent Way
Sharma Manish 91

"Colour Revolutions" and Information Policy of Russia
Menshikov P. V. 105

Weapon of mass destruction and research on the field of piece
Mehdi S. S. 113

Topical Issues of Ensuring Information Security in the Context of Fake Media Space in the Russian Federation
Nebrenchin S. M. 122

Problems of Social and Political Stability in African Countries
Sidorova G. M. 134

Interstate Cyber War and Intervention in the Internal Affairs of Sovereign States (NATO and its Tools)
Surma I. V. 141

Modern Trends in Increasing the Efficiency of Counterterrorism
Syli V. N. 150

"Colour Revolution": Nature of the Process
Kharichkin I. K. 156

Modern Geopolitical Discourse of Peacemaking in Poland, Lithuania and Northern Europe
Shamarov P. V. 163

Section I. Terrorism and extremism in the modern information society: features of manifestation and tactics opposition

Migration Processes Development on the Background of Globalization as One of the Terrorist Practice Development Trends in the Russian Federation
Abramov A. E. 171

Psychological Aspects of the Influence of Modern Social Networks on the Formation of Social and Political Moods (using the example of TikTok)
Bogomaz O. V. 178

Promoting Cultural Memory Using Peace Memorials
Bailey L. 187

Identifying the Process of Personality Radicalization as an Element of Counteraction Terrorism
Glukharev D. S. 190

Countering Manifestations of Terrorism and Extremism in the Information Space
Dekhkonboev I. N. 195

Relationship of Concepts "Revolution" and "Colour Revolution"
Yelubaeva L. Zh., Mukhametnurkyzy M. Zh. 201

Risk Assessment of Terrorist and Extremist Threats
in Uncertainty Conditions
Zhadikov R. S., Makhmedzhanova L. N. 208

Countering Terrorism and Religious Extremism
in the Information Space
Tynybayev A. N., Irzhanov R. S. 216

Social Impact and Psychological Effect in the Information
Environment in order to Disseminate the Ideas
of Political Extremism
Kondratenko A. V. 222

Preparation and Distribution of Information Materials on the Line
of Counterterrorism and Extremism
Krasinsky V. V. 228

Cyberterrorism: Concept and Counteraction Problems
Mashko V. V. 235

The Prosecutor's Office of Russia in Counteracting Information Wars
and "Colour Revolutions"
Merkuriev V. V., Glibovets I. S. 242

"Colour Revolution" as a Forerunner of Terrorism
Opokin A. B. 252

Perspective of the world order and the world political process:
informative wars and "colour revolutions"
Sakoyan T. A. 256

Communication Aspects of Terrorism as a Security Phenomenon
Tomic M. T. 265

**Section II. Problems of Peace and Conflict in an Era of Change:
challenges and prospects**

"Halal Integration" of Muslims in Scotland: to the Question
of Socio-Cultural Challenges and Opportunities for Regional
Powers in a Changing World
Agababov A. R., Savinova E. N. 282

The Transformation of the New World Order and the Tasks
of Russia's Foreign Policy: Responding to Challenges and Threats
Agureev S. A. 293

Chinese Strategic Culture in Modern Interstate Interaction
(on the example of China and Asean countries relations)
Kozhukhova K. E. 299

Modern Rivalry of the USA and China in the Framework of Indo-Pacific Region
Kitaev R. V. 304

Sports As One of the Information Warfare Tools
Leontyev E. D. 311

Implementation of the Sport's Diplomatic Function by Journalistic Tools
Makarova P. V. 318

Geopolitics and Geoeconomics of Russia and Russian World
Mikhailin I. V. 321

Relevance of the Emergence of Military Conflicts and Ways to Prevent Them
Mirgalimov F. A. 328

Achieving Peace: Understanding the Dayton Peace Accords
Mary Hollenkamp Ramey 333

UNISFA Role in the Disputed Abyei Area Conflict Resolution
Tishkov S. A. 341

"Soft power" as a means of attenuating separatist mood (on the example of the conflict between the Great Britain and Scotland)
Turin E. A., Pereverzeva O. V. 349

The relevance of hybrid threats to the state and the activities of the border service to counter them
Rakhman V. A. 355

Memory Politics and Issues of National and International Security
Rudnitskiy A. Yu. 360

Changes in the Foreign Policy Strategy of Spain at the Present Stage
Pupysheva M. V. 368

Section III. Communication Confrontation in World Politics

The use of collections for activist memory (an example of the Peace Museum in Bradford, Great Britain)
Clive Barrett 376

Modern Informaion Technologies Boosting National Interests of Russia International Relations
Vasilieva M. M. 380

National Branding of the Russian Federation in the Field of National Security as a Technology for Responding to Global Information and Military Threats
Danilova E A. 387

Main Characteristics of Media Campaigns by English-Language Sources Covering the Arab Spring of 2010–2012
Doroshenko E. I. 394

Peace Education on Negative and Positive Peace in Peace Museums: A Case Study of the Tehran Peace Museum
Mona Badamchizadeh 401

Neologisms of the Lexico-Semantic Group "People Demonstrating an Understanding Attitude" in the German Media
Petrova M. V. 408

International G2G Confrontation and its Reflection in the Communication Environment
Chumikov A. N. 414

Section IV. Civic-patriotic education of youth

State-Patriotic Education of Employees of Internal Affairs Bodies as an Ideological Basis for Working with Personnel
Dereshko B. Yu. 423

Military-Patriotic Education of Military Universities Cadets Using Cinema
Zaginaiko O. Yu. 429

Potential of Literature as a Means of Patriotic Education
Zimakova E. S. 435

Problems of Education for Peace in Museums of the World
Kazuyo Yamane 441

Monuments and Museums for Peace. Peace Education
Balkrishna Kurvey 449

Role of Spirituality in Patriotic Educatio
Talkanbaeva B. E., Urazbayeva A. M. 453

Work on Prevention of Extremist and Terrorist Ideas in Higher Education (Experience of Regional University)
Shulga E. P. 461

Round table.
Linguistic and cultural features of modern media discourse

Storytelling as a Tool in Modern Communication Media Discourse and General Education
Belogurova M. Yu., Danilova V. A. 468

Linguocognitive Aspects Of Antonymy In Economic Media Discourse
Ivina L. V. 473

Kazakhstan News Media Discourse
Moldabaeva V. D. 480

Professionally Relevant Interpretation Skills of Publicist Texts Aimed at Learners of Modern Languages
Perlova O. V. 488

How the COVID-19 Pandemic Affected the Way We Speak (case study of the Italian and Russian Press)
Tyulkina A. A. 493

Cognitive and Communicative Features of Modern Social and Political Discourse
Feofanov K. A. 498

Coronalengua, or Word Formation in Modern Spanish Media Discourse
Kharitonova M. A., Pupysheva M. V. 506

Recommendations of the International Scientific and Practical Conference "The World Political Process: Information Wars and Color Revolutions (Moscow, October 27–29, 2021) 511

Ректор Московского государственного лингвистического университета
И. А. Краева

Приветственное слово на открытии Международной научно-практической конференции «Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции». 27 октября 2021 г.

Уважаемый Андрей Петрович!

Уважаемые коллеги!

Дорогие друзья!

Позвольте приветствовать всех участников Международной научно-практической конференции «Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции»». Московский государственный лингвистический университет проводит ее совместно с Антитеррористическим центром государств – участников СНГ. Хотелось бы высказать искреннюю признательность руководству Центра и лично генерал-полковнику полиции Андрею Петровичу Новикову за плодотворное сотрудничество в подготовке форума, посвященного столь актуальной для всех теме.

На Конференции будет обсуждаться широкий спектр проблем, однако мне представляется важным акцентировать внимание на двух из них: это «Противодействие экстремизму в информационном пространстве» и «Пути формирования внутривузовской среды, направленной на воспитание у обучающихся патриотизма». Под экстремизмом следует понимать деятельность, базирующуюся на попытках жестко утвердить свою систему взглядов, любой ценой навязать ее своим оппонентам. Экстремистская идеология быстро находит сторонников и единомышленников, из чего следует, что ведущую роль в этом процессе играют социально-психологические факторы.

Любая идеология с элементами антигуманизма содержит в себе ростки экстремизма, но не всегда они достигают полного развития. Эти ростки должны быть культивированы специальными идеологами и внедрены в подготовленное к их восприятию сознание людей. Молодёжный экстремизм – это взгляды и тип поведения молодых людей, основанные на культивировании принципа силы, агрессии в отношении окружающих. Он предполагает непримиримость с инакомыслящими,

а также стремление к созданию тоталитарного сообщества, базирующегося на подчинении. В силу возрастных особенностей психики и неполной сформированности социального статуса молодежь представляет собой удобный объект для применения манипулятивных технологий обработки сознания. Важным фактором является вовлеченность молодых людей в потребление информации через современные коммуникационные технологии.

Анонимность и использование псевдонимов, трансляция информации через несвязанные друг с другом аккаунты – вот характерные черты современного интернет-пространства. Система противодействия манипулятивным методам распространения экстремистской идеологии обязана принимать во внимание эти факторы, а конкретные методики идейного противостояния экстремистской идеологии должны учитывать профиль обучения студентов. Необходимо включать эти вопросы во все программы высшего профессионального образования.

В свою очередь разработка антиэкстремистских компонентов образовательных программ немыслима без соответствующей переподготовки преподавателей. Каждый вуз должен стать базой для работы по противодействию экстремистским идеологиям. Важно превратить обучающихся в активных участников борьбы с данным явлением. Для этого необходимо сформировать единую стратегию, которая охватывала бы все стороны образовательного процесса: учебную, воспитательную, методическую и научную работы, а также его организационное, морально-психологическое и информационное обеспечение.

Уверена, что участники конференции приложат усилия для того, чтобы разобраться, каким образом вести работу с общественным сознанием, как выстраивать социальные механизмы противодействия распространению экстремистских идей. Тематика представленных докладов свидетельствует о том, что развитие социальных сетей обогатило экстремистов мощным инструментом мобилизации единомышленников. Экстремистские идеологи активно используют методы информационных войн. Причем дистанция от войны информационной до войны реальной оказывается невелика.

Конечная цель нашей работы заключается в попытке добиться отторжения молодежью самой мысли о возможности применения экстремистских методов для разрешения любых проблем и противоречий. Думаю, что выступающие уделят внимание и мерам профилактического

характера, направленным на устранение причин появления экстремистских наклонностей в молодежной среде.

Уважаемые коллеги! Как вы знаете, в прошлом году нашему университету исполнилось 90 лет. Все эти годы его деятельность была направлена на отстаивание принципов многокультурности и полилингвизма. Мы и впредь будем прилагать усилия для воплощения в жизнь этих основополагающих правил и норм.

Разрешите пожелать всем участникам Конференции новых достижений в их профессиональной деятельности и больших творческих успехов. Благодарю за внимание!

Руководитель Антитеррористического центра
государств – участников Содружества Независимых Государств,
генерал-полковник полиции

А. П. Новиков

Приветственное слово на открытии МНПК

«Мировой политический процесс: информационные войны
и «цветные революции»

Уважаемая Ирина Аркадьевна!

Уважаемые участники конференции!

Приветствую вас по случаю открытия Международной научно-практической конференции «Мировой политический процесс: информационные войны и "цветные революции"».

Вот уже второй год конференция подобного уровня проводится Московским государственным лингвистическим университетом совместно с Антитеррористическим центром государств – участников Содружества Независимых Государств. Конференция объединила своими востребованными целями и задачами известных ученых, представителей органов государственной власти, экспертного сообщества государств – участников СНГ и других стран.

Насыщенная повестка конференции, авторитетный состав участников и высокий уровень дискуссии позволят всесторонне обсудить широкий круг актуальных вопросов, связанных с обеспечением безопасности и устойчивого развития всего человечества в условиях возникновения новых вызовов и угроз в меняющемся мире, а также выработать нестандартные подходы к решению существующих проблем.

Одной из таких проблем остается международный терроризм. Преступления террористического характера, совершаемые на территории государств – участников СНГ, в Центрально-Азиатском и Ближневосточном регионах, в странах Европы и Африканского континента, продолжают оставаться серьезным фактором дестабилизации общественной безопасности. Представляя собой масштабную угрозу для мирового сообщества, терроризм быстро изменяется, мутирует, осваивает всё более разрушительные методы, адаптирует для своих целей новые технологии.

Использование информационного пространства и современных информационно-телекоммуникационных технологий в террористических целях значительно расширяет возможности террористических организаций и усложняет борьбу с ними.

Так, в результате использования террористическими организациями Сети Интернет и современных IT-технологий:

– стали возможными дистанционное планирование, управление, синхронизация действий террористических структур и групп террористов;

– усложнились методы и повысился «качественный» уровень террористической деятельности, прежде всего это касается пропаганды террористической идеологии, финансирования терроризма;

– террористическими структурами осуществляются дистанционная профессионализация и обмен опытом в рамках сетевой террористической структуры, подготовка и распространение в сети Интернет инструкций для неограниченного круга пользователей по совершению террористических актов без прохождения исполнителями специальной подготовки;

– расширились возможности использования террористическими организациями практики искусственного создания кризисных и конфликтных ситуаций на приоритетных для них территориях.

Последние годы не ослабевает интерес международных террористических организаций к странам Содружества как источнику человеческих и финансовых ресурсов и, как следствие этого, сохраняется их высокая активность по распространению на территории стран СНГ идеологии терроризма с целью вербовки их населения, образования «спящих» ячеек, попыток формирования стабильных источников финансирования.

На этом фоне Антитеррористический центр государств – участников СНГ уделяет особое внимание поиску новых наиболее перспективных путей реагирования на угрозы террористического характера.

Мы убеждены, что данный процесс требует активного вовлечения институтов гражданского общества, образовательных и научных организаций, молодежи. В этой связи следует особо отметить тот вклад, который вносит в деятельность по противодействию терроризму и экстремизму Московский государственный лингвистический университет. Активное проведение университетом научных исследований

и международных научно-практических мероприятий, международных конкурсов студенческих инициатив по антитеррористической тематике существенно повышает роль научной, педагогической и студенческой общественности, молодежных сообществ в противодействии терроризму и экстремизму. Сам университет не первый год является площадкой для многостороннего экспертного диалога в данной сфере.

В сегодняшней конференции, проводимой на площадке университета, принимают участие представители государственных ведомств, авторитетных международных структур, неправительственных организаций, академических и экспертных кругов, студенчества из различных стран.

Мы рассчитываем, что конференция пройдет в творческом, конструктивном ключе, послужит укреплению международного сотрудничества в сфере противодействия терроризму и экстремизму. А ее результаты будут содействовать эффективному экспертному сопровождению поиска путей реагирования на угрозы террористического характера.

Желаю вам плодотворной работы и всего наилучшего.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

МИРОВЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИМИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВАХ

М. Л. Галас

доктор исторических наук
главный научный сотрудник Финансового университета, Москва, Россия
MLGalas@fa.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема нелегальной и нерегулируемой миграции, ее особенности и негативные последствия. Приводятся количественные данные, характеризующие современное состояние данной проблемы в России, поднимается вопрос сложности интеграции иностранной рабочей силы в российский рынок труда. Кроме того, автор исследует основные формы борьбы с нелегальной иммиграцией в Соединенных Штатах Америки и Германии, анализирует инновационные эффективные методы решения этого вопроса.

Ключевые слова: беженцы, безработица, депортация, иммиграционная амнистия, мигранты, нерегулируемая миграция, политика права убежища, программа переселения беженцев

GLOBAL MIGRATION CHALLENGES AND OPPORTUNITIES TO MANAGE THEM IN REGIONAL AREAS

M. L. Galas

Doctor of History (Dr. habil)
Chief researcher of the Finance University
MLGalas@fa.ru

Abstract. The article considers the problem of illegal and unregulated migration, its features, and its negative consequences. The author provides quantitative data that characterizes the current state of this problem in Russia, as well as raises the question of the difficulty of integrating foreign labour into the Russian labour market. In addition, the author examines the main methods of

combating illegal migration in such countries as the United States of America and Germany and analyses effective methods for solving this issue.

Keywords: refugees, unemployment, deportation, immigration amnesty, migrants, irregular migration, right of asylum policy, refugee resettlement program

По словам начальника главного управления по вопросам миграции МВД России В. Л. Казаковой, нелегальных мигрантов на территории Российской Федерации более одного миллиона человек. Однако с ней не согласился советник министра внутренних дел В. А. Колокольцева, криминолог В. С. Овчинский. По его сведениям, расчеты, основанные на оперативных данных, показывают цифру от 1,5 до 2,5 млн человек.

С начала года мигранты совершили 24,7 тыс. преступлений, это на 5,9 % больше, чем за восемь месяцев 2020 года. С 1 октября 2021 г. в Российской Федерации формально прекратил действовать мораторий на депортацию нелегальных мигрантов. При этом действует некоторое послабление: те иностранные граждане, которые хотя бы встали на миграционный учет, депортированы не будут. По данным МВД РФ таких мигрантов в России порядка 1 млн человек.

Структурные подразделения МВД России получили рекомендации ограничиваться штрафами для иностранцев-нарушителей, не переполняя спецучреждения в рамках процедуры депортации. Необходимо обратить внимание на то, что продление запрета на депортацию активно лоббировали строительные компании и структуры ЖКХ.

В контексте развития интеграционных процессов заслуживает внимания развитие ситуации с иностранными гражданами в Республике Беларусь. В приграничных с Польшей районах, где осели мигранты, местные жители опасаются выходить на улицу. Зафиксированы грабежи, изнасилования, драки. Несколько десятков исламистских боевиков проникли в Беларусь и были задержаны на территории сопредельных государств. Ситуация вызывает серьезную озабоченность и в Москве.

Анализ инклюзии иностранных граждан (ИГ) и лиц без гражданства (ЛБГ) в рынки труда и занятости российских регионов показал, что наблюдается устойчивая избыточность предложения иностранной рабочей силы: трудоустройство иностранцев в отчетный период составляет от 23 –33,2 % относительно общего числа въехавших ИСТ. Следует отметить, что в январе 2021 г., по данным Росстата, безработными в России

были признаны четыре миллиона триста тысяч человек, а уровень безработицы составлял 5,8 %. Уровень занятости российского населения составлял 58,5 % (соотношение числа занятого населения к общему числу населения в возрасте 15 лет и старше).

Невостребованность на рынке труда и занятости ИГ и ЛБГ, легально въехавших в Россию с целью трудоустройства, является одним из важных факторов их криминализации. Показательно, что число преступлений ИГ и ЛБГ, въехавших легально, но не трудоустроенных реально, превышает существенно уровень преступности среди нелегально въехавших иностранцев.

Около 40 % ИСТ предпочитают трудовому договору (ТД) и гражданско-правовому договору (ГПД) личную договоренность с работодателем, а в миграционной подготовке и жизнедеятельности не обладают объективной достоверной информацией. ИГ и ЛБГ из Таджикистана также осуществляют трудовую деятельность в России преимущественно без оформления ТД и ГПД. Число таджикских трудовых мигрантов, оформивших ТД и ГПД на основании патентов, разрешений и без разрешений на конец отчетного периода относительно числа ИГ и ЛБГ из Таджикистана, имеющих действующие патенты и разрешения на работу на конец отчетного периода составило 28,4 %.

Остро стоит и проблема непрогнозируемого прибытия больших миграционных потоков в отдельные российские регионы. Нерегулируемый характером миграционного потока приводит к неравномерному въезду и распределению ИГ на территории РФ. Распределение иностранных работников по сферам занятости также неравномерно и не зависит от специальности, уровня образования квалификации и опыта работы, что связано с ограниченностью вакансий на рынке занятости, а также с доминирующим потребительски трудовым семейно-ориентированным целеполаганием въезда ИСТ при отсутствии перспектив и возможностей для достойной жизни в стране исхода.

Корреспондируют и сферы занятости российских и иностранных низкоквалифицированных работников (с общим средним образованием), что в миграционно привлекательных регионах может привести к росту конфликтогенности. Конкуренция становится «яблоком раздора» в период кризисных экономических ситуаций, в частности, которые страна наблюдала в 2020 г. в период пандемии. Россияне теряли работу, в связи с чем возрос уровень безработицы, и конкурс на рабочее место вместе с тем увеличился.

В 2020 г. на территории РФ ИГ и ЛБГ совершили 34 400 преступлений (на 1,5 % меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (АППГ), на 12,2 % меньше по сравнению с 2018 г.), материалы и уголовные дела по которым были направлены в суд, либо разрешены в отчетном периоде. Выявлен рост тяжких преступлений по сравнению с АППГ. Наблюдалось снижение преступлений экономической направленности, убийств и покушений на убийство, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований или покушений на изнасилование, хищений чужого имущества, совершенного путем кражи (которая остается одним из самых распространенных видов преступлений в РФ), грабежа, разбоя, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Возросло среди ИГ и ЛБГ и число распространенных на территории РФ видов преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, связанных с незаконным оборотом наркотиков, мошенничество. Незначительное число преступлений составляли преступления террористического характера и экстремистской направленности, но выявлен их рост по сравнению с АППГ. Из совершенных преступлений:

– тяжких и особо тяжких – 10 265 (на 7,6 % больше по сравнению с АППГ, на 3,7 % меньше по сравнению с 2018 г.), в том числе экономической направленности – 2 147 (на 5,9 % меньше по сравнению с АППГ, на 32,1 % меньше по сравнению с 2018 г.);

– экстремистской направленности – 30 (на 50 % больше по сравнению с АППГ, на 60 % меньше по сравнению с 2018 г.);

– террористического характера – 180 (на 3,9 % больше по сравнению с АППГ, на 10 % больше по сравнению с 2018 г.).

В общем числе совершенных в РФ преступлений, материалы и уголовные дела по которым были направлены в суд, либо разрешены в отчетном периоде, преступления, совершенные ИГ и ЛБГ составили 4,3 %. При рассмотрении по регионам картина уровня криминализации ИГ и ЛБГ дифференцирована и значительно превышала среднероссийский показатель. В Москве такое соотношение составило 12 %, по Московской области – 19,6 %, по Санкт-Петербургу – 14 %, по Республике Крым – 10,8 %, по Ленинградской области – 6,6%. Из всех преступлений, совершенных 2020 году 89,6 % (30 835 преступлений) совершено гражданами государств – участников СНГ (на 0,6 % меньше по сравнению с АППГ, на 0,2 % меньше по сравнению с 2018 г.).

По количеству совершенных за отчетный период преступлений наиболее криминогенны: ЦФО (44,4 % по отношению к общему числу преступлений, совершенных на территории РФ ИГ и ЛБГ в 2020 г., 43,7 % по отношению к АППГ, 39,5 % по отношению к 2018 г.), СЗФО (12,3 % по отношению к общему числу преступлений ИГ и ЛБГ в 2020 г., 12,1 % по отношению к АППГ, 11 % по отношению к 2018 году), ПФО (10,6 % по отношению к общему числу преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ в 2020 г., 10,5 % по отношению к АППГ, 9,5 % по отношению к 2018 г.), ЮФО (10,3 % по отношению к общему числу преступлений, совершенных ИГ и ЛБГ в 2020 г., 10,1 % по отношению к АППГ, 9,7 % по отношению к 2018 г.).

Такие государства, как ФРГ, США являются крупными реципиентами миграционных потоков, выступают центрами притяжения для трудовых и иных категорий мигрантов, испытывают проблемы с неурегулированной иммиграцией и активно проводят политику права убежища. И они, как и РФ, имеют федеративное государственное устройство.

Одна из особенностей нерегулируемой миграции – ее латентность. Нет однозначного мнения относительно решения вопроса противодействия нерегулярной миграции: возможно ли применить миграционную амнистию в отношении тех иностранцев, которые длительно проживают в стране въезда, но без определенного статуса. Для США, как лидера по числу принимаемых иммигрантов, эффективная система противодействия нерегулируемой (незаконной) миграции сопряжена с решением проблемы использования работодателями иностранных работников без определенного правового статуса. Еще в ноябре 1986 г. Конгрессом был принят Федеральный закон об иммиграционной реформе и контроле, который имел двуединую направленность: ужесточал санкции в отношении работодателей, нанимавших «недокументированных» («undocumented», т. е. нерегулярных) мигрантов, с другой – упрощал доступ к получению американского гражданства для иностранных граждан, находившихся на момент принятия Закона на территории США.

Закон об иммиграционной реформе и контроле предусматривал иммиграционную амнистию для нерегулярных мигрантов, пребывавших в США. «Недокументированным» иностранным гражданам, которые могли подтвердить непрерывность своего проживания в США с 1 января 1972 г., предоставлялось право обратиться за получением разрешения на постоянное проживание, что открывало путь к получению гражданства. В свою очередь иностранные граждане, незаконно

находящиеся в стране после января 1982 г., получали возможность ходатайствовать о получении временного статуса, который впоследствии мог дать возможность для получения разрешения на постоянное проживание. Амнистировано было три миллиона нерегулярных иностранных граждан. Отдельно в законе были учтены интересы сельскохозяйственного сектора экономики, что выразилось в предоставлении права недокументированным мигрантам, которые проработали в США в этом секторе в течение 3-х месяцев до мая 1986 г., обращаться за получением разрешения на постоянное проживание.

Закон не смог кардинальным образом решить проблему привлечения на рынок труда «недокументированной» иностранной рабочей силы, в правовой «тени» остались по меньшей мере два миллиона недокументированных иммигрантов.

В 2001 г. сенаторами Д. Дурбином и О. Хэтчем в Конгресс США был представлен проект Закона о развитии, помощи и образовании для несовершеннолетних иностранцев. Этот закон (также известный как «Закон о мечте») предлагал введение института условного временного проживания с предоставлением права на трудовую деятельность квалифицированным мигрантам, которые прибыли на территорию США в возрасте до 18 лет (в версии 2017 году – до 16 лет) и соответствуют требуемым качествам для получения права на постоянное место жительства.

Конгрессом США в 2005 г. был также принят законодательный акт, представленный сенаторами Дж. Маккейном и Т. Кеннеди, – Закон S1033 о безопасной Америке и упорядоченной иммиграции (известен как Закон Маккейна-Кеннеди). Этот закон был инновационным, поскольку содержал нормы по легитимации иностранных работников, программах их трудоустройства. Закон S2611 о всеобъемлющей иммиграционной реформе 2006 г. интересен новой программой «синих карт» для иностранных работников, длительно (более 5 лет) и непрерывно проживающих в США, но не задокументированных. Такие недокументированные трудовые мигранты могли направить заявление о предоставлении им гражданства США, уплатив штраф (до 200 долл. США) и налоги. Таких лиц в год принятия Закона насчитывалось до семи миллионов. Нерегулярным иммигрантам, прожившим в США от двух до пяти лет (их в то время было примерно три миллиона человек) разрешалось пребывать в стране в течение 3-х лет и не подвергаться депортации, затем добровольно покинуть США и подать заявление на предоставление гражданства за рубежом. Нерегулярные иммигранты,

прожившие в США менее 2-х лет, были обязаны возвратиться в страну своего гражданства или страну обычного проживания.

Закон S744 о пограничной безопасности, экономических возможностях, иммиграции и модернизации 2013 г. показателен предложением бальной системы категориальной (квалификационной, образовательной, лояльной) оценки иммигрантов, а также новой дифференцированной визовой программой, которая градировала статусы высококвалифицированных, низкоквалифицированных и неквалифицированных иммигрантов, иностранных предпринимателей. Были предложены ограничения для виз H1B, но модернизированы грин-карты для иммигрантов, обучающихся в вузах США, и иммигрантов, имеющих научную степень в сфере высоких технологий, инженерии и математики, защищенную в США. Закон также содержал программу по открытию рабочих мест для молодых иммигрантов в объеме 1,5 млрд долл. США.

Общемировая практика использования схем добровольного возвращения показала их эффективность как в части обеспечения устойчивости возвращения, т. е. снижения нелегальной составляющей миграционных потоков за счет сокращения реэмиграции, так и в части оптимизации (сокращения) расходования средств на мероприятия по противодействию нерегулярной миграции.

В настоящее время правовая система США различает четыре основных миграционных статуса, которые может иметь иностранный гражданин: постоянный, временный, дискреционный и неурегулированный (недокументированный) статусы. Недокументированный статус предполагает правовую защищенность, но является нестабильным, поскольку мигранты с недокументированным статусом находятся под угрозой депортации. Недокументированные мигранты, подлежащие депортации, – это лица, находящиеся в административной процедуре и потому не могут рассчитывать на права, предоставляемые в рамках уголовного судопроизводства: права на адвоката, наличия у полицейского ордера при проведении личного обыска и т. д. Решение о депортации принимается сотрудниками Министерства (Департаментом) внутренней безопасности США (ускоренная высылка). В ряде других случаев таких лиц задерживают, и они предстают перед судьей по иммиграционным делам, который выносит постановление об их высылке (стандартная формализованная процедура). В последнем случае информация об иностранном гражданине направляется в специальную базу данных, что будет иметь серьезные последствия в случае,

если иммигрант повторно будет задержан при незаконном пресечении государственной границы США.

В свою очередь в ноябре 2019 г. Служба гражданства и иммиграции США вышла с инициативой, направленной на недопущение нелегального въезда в страну иностранных граждан и исключение случаев обращения с необоснованными ходатайствами об убежище с целью получения разрешения на работу. Таким образом, Служба гражданства и иммиграции вынуждена предпринять шаги по устранению причин и факторов, поощряющих иностранных граждан к незаконному въезду и использованию системы предоставления убежища

«Добровольное возвращение» как правовая категория, в соответствии с принятыми стандартами МОМ, определяется следующим образом: «организованное или независимое возвращение в страну происхождения, транзита или третью страну на основании свободно выраженного желания возвращающегося». В свою очередь эта дефиниция разделяется на ряд подкатегорий, одной из которых является институт «помощи в добровольном возвращении мигрантов», под которым понимается «организационная и финансовая помощь лицам, которым было отказано в статусе беженцев, незаконно ввезенным мигрантам, жертвам торговли людьми, студентам, оказавшимся в тяжелом положении, квалифицированным гражданам и другим мигрантам, которые не могут или не хотят оставаться в принимающей стране, и которые добровольно желают вернуться в страну их происхождения». Сейчас в мире одновременно реализуется не менее ста подобных программ, с помощью которых мигранты (большинство из них нерегулярные) имеют возможность добровольно возвратиться в более чем 160 государств по всему миру.

Германия активно участвует в различных европейских структурах, созданных для противодействия и контроля нерегулярной миграции, например, состоит членом Европейского агентства по интегрированному управлению возвращением, объединяющего 21 государство ЕС, и Европейского агентства по безопасности внешних границ.

Системообразующим элементом национальной правовой основы деятельности по вопросам нерегулярной миграции следует считать закон ФРГ «О пребывании, экономической деятельности и интеграции иностранных граждан на федеральной территории» (Закон о пребывании), в который в 2016 г. были внесены значимые изменения, направленные на

повышение эффективности этой работы. При этом, как и в других государствах ЕС, в Германии приоритет отдается добровольным формам возвращения. Политика возвращения из Германии иностранных граждан, не имеющих права пребывания как на федеральной территории, так на территории ЕС в целом, сбалансировано сочетает меры добровольного и принудительного возвращения. В этой связи интересно заметить, что, несмотря на отмену контроля на внутренних границах Шенгенской зоны, полиции государств-членов всё-таки предоставлено право осуществления проверочных мероприятий, в том числе и для борьбы с трансграничной преступностью. Пользуясь этим правом и в целях недопущения нелегального въезда в страну, федеральная полиция Германии совместно Федеральной системой железнодорожного транспорта проводит выборочные проверки на поездах и в морских портах. Особой категорией незаконных мигрантов, характерной именно для Германии, является категория, в которую входят иностранные граждане, формально обязанные покинуть территорию Германии, но пользующиеся правом «толерантного пребывания» (Duldung), дающего отсрочку исполнения депортации. Это право, тем не менее, не предусматривает возможности для таких иностранных граждан пребывать (проживать) в Германии на законных основаниях, а обязательство выехать за пределы страны остается в силе.

Инновационный инструмент – программы переселения беженцев в третью страну. Однако число таких стран невелико и, главным образом, ограничивается США, Канадой, ФРГ, Великобританией, Австралией и скандинавским государствами. В 2018 г. удалось переселить чуть более 92 тыс. беженцев (менее 1 %). УВКБ предприняло вызов пандемии COVID-19: увеличен объем поддержки, предоставляемой беженцам (обеспечение питьевой водой, медицинскими услугами и гигиеническими материалами); организованы кампании по распространению информации о превентивных мерах защиты и доступу к медицинским сервисам; предприняты меры по защите прав перемещенных лиц, включая право на поиск убежища в условиях закрытия границ; реализуются меры по недопущению различных видов насилия в отношении беженцев.

Одним из современных и многообещающих механизмов формирования эффективного рынка на сегодняшний день является организованный набор иностранной рабочей силы.

В настоящее время в России действует Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная

Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 г. № 909. В этом документе обозначены основные направления государственной политики, связанные с профилактикой экстремизма в сфере этнических отношений и в духовной сфере:

– формирование и распространение идей духовного единства, дружбы народов, межнационального согласия, культивирование чувства российского патриотизма;

– сохранение исторического наследия и дальнейшее развитие национальной самобытности и традиций взаимодействия народов России в рамках евразийского национально-культурного пространства, создание в обществе атмосферы уважения к их культурным ценностям;

– обеспечение оптимальных условий для сохранения и развития языков всех народов России при использовании русского языка как общегосударственного;

– укрепление и совершенствование национальной общеобразовательной школы как инструмента сохранения и развития культуры и языка каждого народа наряду с воспитанием уважения к мировым культурным ценностям;

– учет взаимосвязи национальных обычаев, традиций и обрядов с религией, поддержка усилий религиозных организаций в миротворческой деятельности.

Заметную роль в прогнозировании миграционных вызовов играет институт общественных советов при органах государственной власти: общественные советы при Президенте Российской Федерации (Совет по взаимодействию с религиозными объединениями), Экспертно-консультативный совет Межведомственной рабочей группы по вопросам межнациональных отношений). В субъектах Российской Федерации созданы консультативные советы по межэтнических отношениям или взаимодействию с национально-культурными организациями.

МИРОПОРЯДОК XXI ВЕКА: ГЛОБАЛЬНЫЙ БЛИЦКРИГ

Л. Г. Ивашов

доктор исторических наук, профессор
президент Академии геополитических проблем
профессор Московского государственного института международных отношений
geoanaliz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается заявление председателей Римского клуба и Всемирного экономического форума (ВЭФ) о необходимости выстраивать новый миропорядок. Автор комментирует выступление Клауса Шваба, председателя ВЭФ, активно продвигающего вариант «инклюзивного капитализма», который, несмотря на внешнюю справедливость, являет собой рабовладельческий строй в цифровом варианте. Кроме того, в статье приводится перспективная модель социализма, которая может стать альтернативой существующему мировому порядку.

Ключевые слова: миропорядок, инклюзивный капитализм, Римский клуб, Всемирный экономический форум, финансовое мошенничество, экологическая катастрофа

WORLD ORDER OF THE XXI CENTURY: GLOBAL BLITZKRIEG

L. G. Ivashov

Doctor of History (Dr. habil), Prof.
President of the Academy of Geopolitical Problems
Professor of Moscow State Institute of International Relations
geoanaliz@mail.ru

Abstract. The article examines the statement of the Presidents of the Club of Rome and the Davos Forum on the need to build a new world order. The author comments on the speech of Klaus Schwab, chairman of the World Economic Forum, who is actively promoting the option of «inclusive capitalism», which, despite external justice, is a digital slave system. In addition, the article presents a promising model of socialism, which can become an alternative to the existing world order.

Keywords: world order, inclusive capitalism, The Club of Rome, World Economic Forum, financial fraud, environmental disaster

В декабре 1983 г. по инициативе Генерального секретаря ООН была создана Международная комиссия по окружающей среде и развитию (МКСОСР) под руководством Премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брунтланн. В 1986 г. Комиссия представила доклад «Наше будущее», который показал – будущего у нас нет [Наше будущее … 1989]. Приведем некоторые выводы Комиссии.

1. За последнее столетие взаимоотношения между человеком и планетой (читаем «природой планеты». – *Л. И.*), обеспечивающей его жизнь и деятельность, в корне изменились, *существование цивилизации оказалось под угрозой*.

2. За последние 100 лет темпы потребления и, следовательно, экономический рост сильно возросли. *В производство было вовлечено столько ресурсов, сколько за все прошлые века существования человека*.

3. Процессы экономического роста, не согласованные с возможностями природной среды, явились причиной возникновения тенденций, влияние которых *ни планета, ни население выдержать долго не смогут*.

4. Экономический рост разрушает природную среду, приводит к экологической деградации, а это, в свою очередь, подрывает процесс экономического роста.

5. В настоящее время регионы мира сталкиваются с риском необратимого разрушения окружающей среды, который грозит уничтожением основ цивилизации и исчезновением живой природы Земли.

6. *Нужен новый подход к развитию, который обеспечил бы сохранение развития человека во взаимодействии с окружающей его средой* не в нескольких местах и не на протяжении нескольких лет, а на всей планете и в длительной перспективе.

Итак, прозвучал смертный приговор не только человечеству, но и всей жизни на планете по имени Земля. Конечно, ученые с мировыми именами в Комиссии Брунтланна сказали человечеству правду, но кое-что они умолчали. Они не сказали, что главным виновником грядущей катастрофы является капитализм. Именно капитализм, самый чудовищный тип общественно-экономической формации, самый опасный для выживания человечества, уже к началу XX столетия исчерпал перспективы своего развития за счет овладения колониями и рынками, и средством удержания на плаву стали войны внутри самого себя. Первая мировая война продлила его существование за счет уничтожения потенциала Германии, Италии и России, а также за счет восстановления

разрушенного войной. Вторая мировая война, по своей сущности, явилась повторением первой, плюс добавилась Япония. Но СССР, Германия и Япония после войны сотворили чудо: быстро восстановились и стали опережать США и Великобританию темпами роста. *Советский Союз совершил чудо за счет интеллектуально-духовного потенциала*. Восстановила экономику и Италия вместе с другими странами, участниками войны. К тому же бывшие колонии, благодаря И. Сталину и Ф. Рузвельту, стали независимыми, и бесконтрольно пользоваться их ресурсами стало труднее, часть из них развивали плановые социалистические начала, а в Италии, Франции, других странах Запада возникла реальность прихода к власти коммунистов, в Германии – социал-демократов. В 1983 г. ЦРУ доложило президенту США Р. Рейгану, что капиталистический способ производства зашел в тупик, социализм отбирает у него будущее, и в конце XX столетия может наступить крах. В докладе также говорилось о высокой вероятности природных катастроф в начале XXI столетия. Примерно такой же доклад был подготовлен Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову, а в декабре 1983 г. ему стало известно об американском плане уничтожения мирового социализма в течение десяти лет.

Очередная война, спасающая капитализм за счет уничтожения экономических соперников, стала невозможной из-за наличия ядерного оружия, поэтому были приняты решения – уничтожение СССР и социалистического лагеря посредством спецопераций «мягкой силы». Благодаря Горбачеву и Ельцину СССР рухнул, а вслед за ним и мировая. система социализма. Для США и Запада в целом открылся огромный рынок для залежалых товаров и примитивного ширпотреба, в результате остановки на постсоветском пространстве собственных производства и изъятия Западом практически бесплатно стратегически важных ресурсов и интеллекта. Но и этот ресурс стал заканчиваться, а нещадная эксплуатация природной среды грозила экологической катастрофой. Попытки объявить «нулевой» рост в развитии к успеху не привели, и тогда в повестку дня человечества была Римским клубом поставлена проблема сокращения численности народонаселения. Но, увы, решить это естественным путем оказалось невозможным. К тому же Китай, Индия, страны исламского мира, Африка, Латинская Америка, Япония быстро растут не только в плане наращивания потребления ресурсов, но и числа потребителей. Для капитализма остро встал вопрос выживания.

Официально устами Генерального секретаря ООН и неофициально устами председателей Римского клуба и ВЭФ провозглашено, что старый мир рухнул, пора строить новый мир. Но если председатели Римского клуба и Давоса кричат о крахе капитализма и глобального рынка, то российские либерал-демократы, начиная с конца 1980-х гг. и по сей день, усердно наращивают на практике тот самый умерший рыночный капитализм. Но за основу «развития» в РФ взят принцип «интеллектуальной черной дыры». Этот термин подходит и для западного мира, но там он другой: интеллект Запада нацелен на формирование и всемерное удовлетворение бесполезных (и даже вредных) потребностей общества с целью получения огромных прибылей и глобализации мировых процессов, а в РФ интеллект уничтожается только с целью одурманивания населения для сверх обогащения избранных, и вечного закрепления природных богатств страны в личной или групповой собственности.

Первого апреля 2020 г. сопредседатель Римского клуба А. Вийкман в экстренном сообщении заявил, что старый мир рухнул, срочно нужен «*новый путь, ведущий к всеобщей справедливости и гармонии социума, экономики и природы, иначе смерть всей цивилизации*». А. Вийкман решительно осудил капитализм (капитализм изжил себя), заявил, что 98 % финансовых операций в мировой экономике есть спекулятивное мошенничество, необходимы кардинальные изменения во всех жизненно важных сферах человеческой деятельности. И следуют концептуальные предложения по новому миропорядку. Напомним, что Римский клуб создавался и финансировался фондом Рокфеллеров. Как-то слабо верится в то, что произошли такие изменения в сознании людей, сколотивших миллиардные состояния на войнах, колониализме, на той именно системе, которую Римский клуб предлагает осудить и уничтожить.

Теперь обратимся к сути экстренного заявления нынешнего сопредседателя Римского клуба.

В начале своего обращения, господин Вийкман отметил, что еще на юбилейном заседании в 2018 г., посвященном 50-летию Римского Клуба, его эксперты и участники пришли к однозначному выводу: «Старый Мир обречен. Новый Мир неизбежен». И далее: «*без коренной смены парадигмы развития нашей цивилизации – отживших норм капитализма, финансовых спекуляций, догм материализма и упрощенного понимания мира – миру грозит полная социально-культурная дезорганизация и системная катастрофа*». Вроде бы здорово: впервые мозговой центр капитализма решительно осуждает сам капитализм. Но о его

альтернативе – социализме, пока ни слова. Вместо этого, предлагается набор новых, пока не вполне раскрытых мер и принципов.

Исходя из этого понимания, А. Вийкман призвал руководителей стран и международных организаций, курирующих развитие цивилизации, срочно принять правила *единой планетарной гармоничной цивилизации, основанной не на политическом, а на природно-социальном, духовном мировоззрении*. В качестве принципиальных решений грядущих преобразований господин А. Вийкман назвал пять основных пунктов.

1. Динамичный переход от моно-структурной капиталистической системы – к универсальной природно-социальной конструкции и программе развития, учитывающей интересы и *реализующей власть всех групп общественного взаимодействия в постоянном режиме*.

2. Создание альтернативной экономики, учитывающей де-факто существующие экономические интересы всех социальных групп, плюс – новые финансовые правила их взаимодействия и развития.

3. Снятие запрета на использование генерирующих устройств, работающих на так называемой свободной энергии, а также всех других прорывных технологий – во всех сферах развития социума. (Речь идет, вероятно, о тех прорывных энергетических технологиях, которые предлагались, но были закрыты, если не уничтожены, владельцами углеводородных корпораций. – *Л. И.*)

4. *Переформатирование некоторых международных организаций, в первую очередь ООН и ЮНЕСКО, с функционально-государственных в общественные. Ибо таковые должны выражать волю и интересы самих граждан, а не чиновников и политиков*.

5. *Переход от раздельных примитивно-культовых традиций и религиозных конфессий к научно-ведическому синтезу – пониманию живых форм мироустройства, законов взаимодействия людей и духовных принципов развития всего мироздания*.

Далее А. Вийкман отметил, что эксперты Римского клуба на этот раз отступили от правила рассматривать идеи и предложения в этих сферах, сделанных на основе докладов со стороны исключительно государственных или известных частных организаций. Ибо, как показывает опыт, *именно неформальные общественные организации и отдельные исследователи внесли в развитие науки и социальных программ – основной исторический вклад*.

В заключение, господин Вийкман еще раз отметил, что время организационных форм старого мира себя полностью изжило. Пришло

время время задействовать быстро и решительно новые формы гармоничного жизнеустройства, и духовно-нравственные принципы взаимодействия всех социальных групп населения. Причем, в рамках одной, универсальной Системы – как в территориальном плане, так и ее концептуально-идеологическом формате.

Итак, что кардинально нового предлагает Римский клуб? Две фундаментальные инновации: первая – *упразднение государства*, как основного субъекта мировых политических и экономических процессов и членства в ООН, и передача функций государства так называемым общественным организациям, т. е. транснациональному сообществу, под котором подразумевается 5–6 глобальных ТНК; вторая – упразднение многообразных религиозных конфессий и *создание единой религии* (Нау-РА-Лигия)[1].

Активность и масштабность в переустройстве мирового порядка развернули представители и Давоса, во главе с Клаусом Швабом. За скромным названием «Всемирный экономический форум» (швейцарская неправительственная организация под наблюдением Федерального совета Швейцарии) стоит мощная глобальная сетевая структура, которую вполне можно именовать мировым правительством.

> ***Для справки***: ВЭФ был образован в 1971 г. швейцарским гражданином Клаусом Швабом как европейский форум менеджмента (действовал до 1987 года). Сегодня это организация, финансируемая 1000 крупнейших ТНК – лидеров в различных отраслях экономики (оборот более 5 млрд долл. США) и ежегодно собираемая на свои всемирные экономические форумы тысячи представителей бизнеса, политических деятелей, руководителей международных организаций, руководителей ведущих мировых СМИ. Так, на ежегодном форуме 2018 г. присутствовали более 3 тыс. участников из 110 стран мира, более 70 руководителей государств и правительств, 45 руководителей международных организаций, более 500 журналистов первой величины. Членские взносы, установленные в 2011 г.: отдельного члена – 52 тыс. долл. США, отраслевого партнера – 263 тыс. долл. США, стратегического партнера – 527 тыс. долл. США. Входная плата на форум – 19 тыс. долл. В 2014 г. эти суммы выросли на 20 % [Римский клуб, 1997].

Основной форум проходит в Давосе зимой, летние встречи в Даляне и Теньцзине (КНР). Кроме того, ежегодно проводятся региональные форумы в Африке, Восточной Азии, Латинской Америке, на Ближнем Востоке.

---

[1]URL: https://midgard-edem.org/wp-content/uploads/2016/10/20.-2150Кбт.-Общность-Науки-и-Религий.gif

В структуре ВЭФ действуют на постоянной основе группы стратегического анализа, сведенные в мощный единый Центр, Глобальные советы будущего (широкая сеть советов собирается ежегодно в Объединенных Арабских Эмиратах), международная группа «глобальные лидеры» – 800 человек со всех континентов, обучающихся путем участия в различных мероприятиях в течение пяти лет.

Именно ВЭФ задает повестку дня таким структурам, как «семерка», «двадцатка», АСЕАН, ООН и др. Но можно подозревать, что форум формирует и повестку дня развития всего человечества. Так, ***19 января 2017 г***. в Давосе в результате обсуждения угрозы новых пандемий была образована «*Коалиция за инновации в обеспечении готовности к эпидемиям*»[1], на разработку вакцин от которой было выделено 460 млн долл. США (государственные и частные инвестиции). Россия – участник Коалиции, фонд Билла и Мелинды Гейтс внес самую большую долю частных инвестиций. В конце 2019 г. «обнаруживается» злосчастный «Ковид-19», все члены вышеназванной Коалиции активно включаются в борьбу, проводя согласованные мероприятия, а ВОЗ объявляет его пандемией, хотя оснований (по мнению выдающихся медиков, биологов и вирусологов) для этого не было. А в июне 2020 г. Клаус Шваб в соавторстве с Тьерри Малере выпускает книгу «Covid-19 и великая перезагрузка», в которой заявляет: «*Ничто и никогда не вернется к нарушенному чувству нормальной жизни, которое преобладало до кризиса, потому что пандемия знаменует собой фундаментальный переломный момент нашей глобальной траектории… Covid-19 разрушил существующий сценарий управления странами и мировой экономикой и влечет драматические последствия*».

Но, именно Шваб в 2016 г. запустил в мир тезис о наступлении «четвертой промышленной революции в русле трансгуманизма». Сейчас же этот автор предлагает «инклюзивный капитализм» как основу инклюзивного миропорядка, как «*более справедливого, более уважительного к природе, ибо надвигающиеся вызовы могут иметь более серьезные последствия, чем мы до сих пор представляли*». 21 января 2021 г. на

[1]По инициативе Давоса были созданы и активизировали свои действия всемирные программы «Объединенные города и местные власти», «Сильные города», «Умные города». В РФ столицами этих программ являются Казань, Санкт-Петербург и Москва. Суть этих программ состоит в том, что государственная власть незаметно от обывателей уходит в тень, постепенно передавая реальную власть на места. ВОЗ – детище фонда Рокфеллеров, фактически управляющее медициной стран мира, России, в первую очередь.

очередном форуме в Давосе К. Шваб представил свои основательные выводы и предложения по поводу нового мироустройства. А в феврале 2021 г. фонд Рокфеллеров совместно с фондом Форда объявляют о запуске концепции «*Коалиция за инклюзивный капитал – новый договор между бизнесом, правительством и рабочими*» (фамилии рабочих не сообщаются).

Господин Шваб прав в одном: последствия будут очень серьезные для населения планеты, ибо в замысле устроителей нового (инклюзивного) миропорядка всё возвращается к горячо любимой на капиталистическом Западе Римской империи, где конституционно было закреплены социальное неравенство – общество делилось на патрициев, обладающих от рождения всей полнотой власти, свобод и собственностью, плебеев с сильно урезанными правами и фактически лишенных собственности и рабов, не имеющих никаких прав и являющихся товаром. И именно такое мироустройство предлагается сегодня, но уже для всего человечества: высшая каста – это полновластные хозяева современного мира, средняя каста – управляющие и менеджеры, низшая каста – бесправная масса рабов (служебных людей), стоящих в очереди на вымирание. Ибо, опять же важнейшее условие для «счастливого будущего» – кардинальное сокращение населения планеты. В этом одна из важнейших задач инклюзивного капитализма.

Постараемся разобраться с сущностью «инклюзива». Фактически «инклюзивный капитализм» как новая общественно-экономическая формация (термин К. Шваба. – *Л. И.*), предполагает по сути дела возвращение к рабовладельческой системе организации жизни, но на новом технологическом уровне. Так, если классический раб был вещью и товаром, напрямую принадлежащим хозяину, то новые (цифровые) рабы будут представлять собой институцию, принадлежащую «мировому правительству», т. е пяти-шести транснациональным или государственным корпорациям. Каждый раб в отдельности будет принадлежать одновременно нескольким корпорациям, в зависимости от его функционала – ведь аккаунтов у индивида может быть много. Живая личность граждан любой страны уже не будет иметь значения, поскольку их сущности будут вынесены за пределы человеческого тела – в виртуальное пространство. Индивидуальные идентичности будут задаваться цифровыми программами, в связи с чем каждый индивид будет рассматриваться системами управления уже не как мыслящее существо, а как функция, единица энергии, номер банковского счета и номинал.

Повсеместный, повседневный, ежечасный контроль за поведением человека становится главным и основным инструментарием нового типа рабства.

Сегодня в России наблюдается активный процесс закрепления и наращивания ранее государственной и общенародной собственности (в любых формах) за семейными кланами и транснациональными корпорациями. Формируется класс управляющих и доверенных менеджеров, а также обслуживающих эти две касты правоохранителей, спецслужб, вооруженных сил, призванных не допустить перехода собственности (в том числе революционного) и использования ее в интересах большинства граждан страны. Но и управляющий класс не должен иметь право обретать собственность, за исключением небольших объектов. Поэтому акционерный капитализм и свободный рынок уйдут в прошлое. Да, управляющие и менеджеры могут иметь высокие доходы, но не собственность. Собственность уже переходит из корпоративной формы в семейно-клановую, а предприниматели среднего и малого уровня будут лишены собственности через локдауны. Но и новые крупные собственники будут таковыми ненадолго. Их обязательно лишат собственности, и если не разорят полностью, то они будут в доле только на переходный период.

В числе этих проявлений кастовости российского общества – уничтожение памяти о социалистическом государстве и уголовном преследовании носителей социалистических идей и разоблачителей формирующейся касты господ. И, естественно, термин «социализм» категорически исключается из политического языка и учебного процесса. Большая же часть населения будет получать мизерные подачки в виде пособий, нищенских пенсий, зарплат на период ускоренного вымирания, в первую очередь путем коронавируса и вакцинирования. Создается два основных кластера населения – по сути два биологических вида: первый – это немногочисленная «элита», со здоровой пищей, уютом, комфортом, собственностью и властью, подавляющая же часть населения, второй вид – неполноценные, с трущобами, отравленной атмосферой, искусственной пищей, жесточайшим репрессивным режимом и короткой продолжительностью жизни. Почти гитлеровский концлагерь. Образование также планируется двух видов: для первой касты – очное, индивидуальное, с посещением библиотек, музеев, театров. Для второго кластера – дистанционное, по интернету, примитивное. По Грефу не выше трех классов школы.

В первую очередь подлежит решительному сокращению и лишению собственности средний класс. И, похоже, в РФ запущена и реализуется программа кардинального сокращения населения, что и демонстрируют данные по смертности и рождаемости. Та же программа отказа от рождения детей (чайлд-фри) пришедшая с Запада вместе с разрушением системы семейных ценностей, противопоставление друг другу поколений (старики мешают жить молодым) и т. д. К. Шваб в своем «историческом» труде «Ковид-19: Великая перезагрузка» утверждает однозначно: богатые станут богаче, а бедные беднее.

Но не только в этом заключаются трагические последствия инклюзивного капитализма. Из реальной жизни, политической практики и из систем управления убираются нации, народы, цивилизации, а государства обретают статус институтов, обслуживающих касту хозяев и являющихся исполнителем и охранителем инклюзивного миропорядка. Да и *человек как главная сущность жизни на Земле исчезает*. Не будем судить о состоятельности или несостоятельности инклюзивного миропорядка, но можно констатировать, что Вестфальская система суверенности государств, Венская система баланса сил и Ялтинско-Потсдамская система разграничения сфер влияния канули в Лету [Абдырахманов, 2016].

Но сам Шваб выдвигает сомнения: для реализации инклюзивного проекта необходимо единство действий трех стран – США, Китая, России. Понятно, свержение Д. Трампа открыло путь сторонникам инклюзивности. Китай реализует в полной мере контроль за поведением каждого человека. Остается Россия. В. Путин на форуме Валдайского клуба говорил о семейных ценностях[1]. Это действительно важно, но явно недостаточно.

Шваб также пишет, что успех проекта зависит от темпов его реализации, что нельзя упустить время, и действовать надо настойчиво и решительно. А значит снова блицкриг. С массовыми умерщвлениями, концлагерями, опытами над людьми и расовым рабством.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наше общее будущее : Доклад Междунар. комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. ; под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета ; предисл. Г. Х. Брундтланд. М. : Прогресс, 1989.

[1]Путин В. В. Речь на заседании Валдайского клуба. Президент России. Официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/46860 (дата обращения: 22.10.2021).

2. Абдырахманов Т. Крах Вестфальского мироустройства и «новый мировой порядок» XXI века // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 3. С. 180–184.
3. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред. Д. М. Гвишиани, А. И. Колчина, Е. В. Нетесовой, А. А. Сейтова. М. : УРСС, 1997.

КТО ЗАЩИЩАЕТ ЗАЩИТНИКОВ? УКРЕПЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГУМАНИТАРНЫХ РАБОТНИКОВ В ЗОНАХ КОНФЛИКТОВ

Д. Иррера

профессор Университета Катании
Генеральный секретарь Европейской ассоциации исследований проблем мира
proffessor@unict_it

Аннотация. Статья посвящена проблеме работающих в зоне конфликта работников гуманитарных организаций. В работе представлены аргументы, подчеркивающие важность освещаемой проблемы.

Ключевые слова: международная безопасность, НПО, конфликт, международные отношения

WHO PROTECTS THE DEFENDERS? STRENGTHENING THE SAFETY OF HUMANITARIAN WORKERS IN CONFLICT ZONES

D. Irrera

Professor at the University of Catania
Secretary General of the European Peace Research Association
proffessor@unict_it

Abstract. The article is devoted to the problem of humanitarian workers working in the conflict zone. The article presents arguments emphasising the importance of the covered problem

Keywords: international security, non-governmental organizations, conflict, international relations

Ученые, занимающиеся международными отношениями, подробно изучают акторов, а также факторы, влияющие на безопасность и управление кризисами на глобальном и региональном уровнях. Их исследования посвящены изменениям в глобальной безопасности, трансграничному измерению кризисов и их гуманитарных последствий, инструментам и методам, разработанным государствами и межправительственными организации для того, чтобы справиться с новыми вызовами. Среди огромного количества работ, посвященных этой теме, встречаются и такие, в которых рассматривается проблема безопасности

работающих в зонах конфликтов сотрудников гуманитарных организаций, однако эта проблема остается недостаточно изученной.

В связи с тем, что данная проблема заслуживает большего внимания со стороны ученых, практиков и сотрудников межправительственных организаций, целью данного исследования является активизация обсуждения трех основных аспектов, касающихся связи между академическими исследованиями и политическими практиками:

1) обновление подходов к вопросам безопасности и конфликтов в теории международных отношений с учетом изменений природы кризисов и управления ими;

2) проведение эмпирического анализа надежных данных для оценки уровня незащищенности сотрудников гуманитарных организаций и влияния этого показателя на эффективность их работы;

3) сочетание теоретического и эмпирического подходов для выявления наиболее важных проблем, с которыми сталкиваются гуманитарные работники, а также для изучения выработанных ими способов самозащиты, что в конечном итоге позволит разработать основные принципы решения этих проблем.

Теоретический обзор

Проблемы безопасности, с которыми сталкиваются сотрудники гуманитарных организаций в зонах конфликтов, всегда привлекали внимание исследователей в области международных отношений. Некоторые ученые пытались провести количественные исследования, основываясь на данных о типах и количестве инцидентов с участием гуманитарного персонала [Sheik et al., 2000]. В

других исследованиях, посвященных проблеме безопасности, случаи гибели гуманитарных работников рассматриваются как закономерное политическое и философское следствие сущности гуманитарной деятельности в текущей глобальной политической системе. В рамках этого направления многие авторы подробно изучают контекстуальные, то есть внешние причины, объясняющие насилие в отношении гуманитарных работников. Авторы таких исследований пытаются ответить на вопрос, почему сотрудники конкретных гуманитарных организаций чаще подвергаются насилию и что делает некоторые страны или районы более опасными [там же]. Для изучения этой, безусловно, очень специфической темы необходим комплексный подход, учитывающий

трансформации, происходящие в сфере безопасности на глобальном и региональном уровнях.

Ученые-международники уделяют большое внимание изучению способов, с помощью которых глобальная политическая система пыталась обеспечить безопасность, управлять чрезвычайными ситуациями и оказывать помощь людям. В результате взаимодействия между правительственными и неправительственными акторами в рамках различных компетенций и задач был разработан комплекс стратегий. Это важно для понимания, во-первых, того, как был исследован меняющийся характер кризисов и конфликтов с использованием усилий по определению наиболее оперативных понятий, и, во-вторых, для создания инновационных и более сложных инструментов и механизмов, которые требуют дополнительных компетенций, способностей и опыта. Оба аспекта гуманитарной системы важны для понимания того, каким образом влияние внешних и внутренних факторов на условия безопасности в зонах конфликтов воздействует на сотрудников гуманитарных организаций.

Современные разработки в области антикризисного управления предполагают использование определенных ресурсов, структур и / или стандартных оперативных процедур для решения ситуаций, определенных как кризис.

Современные тенденции и практические последствия

Роль, которую играют гуманитарные работники в зонах конфликтов, может быть очень сложной и проблемной, и она не всегда измеряется эмпирически из-за отсутствия надежных или общепринятых данных. Неполнота данных и, как следствие, неточное отражение проблемы также обусловлены плохими знаниями об уровне, причинах и последствиях подверженности насилию.

В то время как взрывы, похищения и убийства привлекают внимание средств массовой информации и вызывают озабоченность общественности, такие проблемы как изнасилования, сексуальные домогательства, вооруженные ограбления или случаи, когда гражданские лица попадают под перекрестный огонь, часто не упоминаются нигде, кроме отчетов, которые сотрудники неправительственных организаций (НПО) готовят для руководства. Некоторые эксперты жалуются на трудности с поиском точных и сопоставимых статистических данных, особенно касающихся деятельности международных организаций.

В нашем исследовании на основании информации, полученной из Базы данных по безопасности гуманитарных работников за период с 2006 по 2016 гг., приводятся предварительные выводы о том, каким образом работники реагируют на снижение уровня безопасности. Инциденты с сотрудниками гуманитарных организаций происходят все чаще, параллельно с увеличением числа конфликтов и кризисов. Сравнительный анализ позволяет установить, что работники НПО наиболее часто подвергаются насилию, причем больше всего инцидентов зарегистрировано в отношении сотрудников этих организаций, являющихся местными жителями. Дополнительные данные, предоставленные Управлением ООН по координации гуманитарной деятельности, свидетельствуют о том, что за последние два года число инцидентов с гуманитарными работниками не просто увеличилось, но появились новые способы осуществления насилия.

Очевидно, что данные должны быть контекстуализированы, т. е. проанализированы в конкретных контекстах конфликтов применительно в том числе к местным органам власти и акторам. Для решения этой проблемы следует рассмотреть некоторые дополнительные аспекты проблемы, касающиеся прежде всего виновных в насилии.

Сотрудники гуманитарных организаций могут стать жертвами преступников, целью которых являются мирные жители, а также отели, рынки и другие людные места. Однако, согласно исследованию 2010 г., указанные выше причины не являются основными. Гуманитарные организации с большей долей вероятности станут жертвами спланированных нападений в определенных странах, причем вероятность этого находится в прямой зависимости от того, насколько насильственным является конфликт и принимают ли в нем участие так называемые негосударственные вооруженные группировки. Если именно они проявляют насилие, то это, как правило, происходит намеренно, а сотрудники гуманитарных организаций становятся главной мишенью. Этот факт подтверждают научные работы и отчеты агентств, в которых подробно исследованы конфликты в Афганистане, Ираке, Сомали, Шри-Ланке. Такие группировки, как «Талибан», «Джабхат ан-Нусра», «Аль-Каида», ИГИЛ и «Аль-Шабаб» наиболее активно атаковали гуманитарные организации.

В качестве самого частого мотива насилия называется тайный сговор с «врагом». Идея о том что гуманитарные организации связаны с врагами имеет серьезные последствия и часто используется чтобы «оправдать» нападения и насилие, в том числе среди местного населения. Поэтому

гуманитарные организации часто воспринимаются местным населением не как нейтральные акторы, а как аутсайдеры, работающие в рамках международных организаций. ООН представляется огромной *гибридной* бюрократической системой, которая нуждается в небюрократических сторонниках. Главным последствием такого искаженного представления является неправильное понимание функций, которые выполняют гуманитарные организации. Стоит добавить, что гуманитарные работники должны осознавать смертельный риск нападений и подготовиться к ним, для начала собрав и осмыслив имеющуюся информацию. Со временем процедуры подготовки гуманитарных работников претерпели качественные изменения и теперь включают уже не просто овладение базовыми знаниями и умениями, связанными с организацией работ, но и понимание политических и стратегических аспектов предстоящей деятельности. При разработке новых подходов, применяемых НПО при подготовке сотрудников, работающих в зонах конфликтов, необходимо учитывать факторы, которые могут повлиять на безопасность гуманитарных работников.

Первый фактор касается международных норм и принципов и связан как с этикой, так и с действующими законами. Сотрудники НПО пользуются защищенным статусом, которым наделяются работники гуманитарных организаций. Это положение международного гуманитарного права закреплено в Женевской конвенции 1949 г. и дополнительных протоколах 1977 г.

Второй фактор связан с контролем безопасности сотрудников, находящихся в зоне конфликта. Важно обеспечить безопасность от угроз разных типов: вооруженных ограблений, агрессивно настроенных толп, мин, бомбардировок, артобстрелов, засад, перекрестного огня и захвата заложников. В качестве угроз безопасности необходимо также рассматривать несчастные случаи, аварии и проблемы со здоровьем – в том числе сексуального характера.

Третий фактор касается непростых отношений между гражданскими специалистами и военными, т. е. тех отношений, которые неизбежно возникают у гуманитарных организаций с международными военными подразделениями, введенными в зону конфликта, и с военными тех стран, на территории которых разворачивается конфликт. Данная проблема напрямую связана с теми изменениями, которые произошли с НПО в рамках преобразований, затрагивающих всю систему гуманитарных организаций. Меняющийся характер конфликтов привел к изменению даже традиционных инструментов поддержания

мира и миростроительства. Интегрированные миссии и военно-гражданское сотрудничество потребовали большего участия гражданских специалистов и вызвали дискуссию о практической и этической целесообразности взаимодействия с вооруженными силами, принимающими участие в конфликте.

Последний фактор – это крайние меры или максимально возможная адаптация к местным условиям без ущерба для миссии, т. е. правила, которых придерживаются в тех случаях, когда местные условия настолько трудны, что работа гуманитарных организаций невозможна. Поскольку полное приостановление деятельности является слишком радикальным решением, влияющим на текущую и уже выполненную работу организации, более распространенной стала практика сокращения присутствия. Исследователи пришли к выводу, что это не практическое решение, а скорее изменение подхода, которое может иметь политические и этические последствия [Irrera, 2020].

Практика *дистанционного управления и оперативного реагирования* на проблемы безопасности приводит к резкому сокращению количества международных, а иногда и местных сотрудников в зоне конфликта, а также к делегированию большего количества обязанностей местному персоналу или местным организациям-партнерам. Указанная выше тенденция имеет серьезные последствия. С одной стороны, это влияет на одну из важнейших функций гуманитарных работников – непосредственный мониторинг и координацию реализации проекта. С другой – для реализации практики дистанционного управления необходимо учитывать такие постоянно меняющиеся факторы, как критичность и этическую сложность реализуемых программ, технические аспекты их реализации, опыт и доступность местных партнеров.

Заключение

Тема безопасности в зонах конфликтов и связанные с ней проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники гуманитарных организаций, является чрезвычайно актуальной.

В данной работе выдвинуты аргументы в пользу идеи о том, что нынешние условия, в которых работают гуманитарные работники, представляют собой совокупность внешних и внутренних факторов, находящихся под влиянием изменений в области безопасности и характере конфликтов. Таким образом, параллельно с внешними факторами, обусловленными изменениями в глобальной безопасности, последствиями

современных конфликтов, инструментами и компетенциями для их решения, ряд внутренних факторов, связанных с гуманитарной идентичностью и подходом каждой организации к своей деятельности, влияет на вероятность того, что сотрудники НПО могут подвергнуться насилию.

Среди огромного сообщества гуманитарных организаций именно деятельность НПО по-прежнему вызывает наиболее противоречивое отношение. С одной стороны, они наделены компетенциями и опытом, без которых гуманитарная система не может обойтись. С другой – они несут очень тяжелое юридическое, этическое и политическое бремя. Именно такое противоречивое отношение к НПО сформировалось у неправительственных вооруженных формирований, ответственных за насилие. По их мнению, НПО являются полезными акторами, которые могут помочь им в достижении целей, а также облегчить бедственное положение людей. Однако иногда неоднозначная деятельность НПО и гибридность используемых методов и решаемых задач способствуют тому, что их воспринимают как участников конфликта.

Несмотря на то, что информация о нападениях на гуманитарных работников появляется в СМИ, проблемы, с которыми сталкиваются НПО в зонах конфликтов, остаются недостаточно изученными и недооцененными и заслуживают большего внимания с научной и политической точек зрения.

Данная тема, несомненно, требует дополнительных эмпирических и теоретических исследований. Несмотря на то, что ученые, занимающиеся исследованиями в области международных отношений и международной безопасности, внесли значительный вклад в изучение причин и последствий нападений с применением насилия и их связи с наиболее яркими конфликтами современности, более широкий сравнительный анализ, а также более глубокие исследования позволят поддержать и развить их достижения.

Тема укрепления безопасности деятельности НПО, а также других гуманитарных организаций должна быть внесена в политические повестки дня международных и региональных организаций и стать частью дискуссий по урегулированию конфликтов и внешнему вмешательству. Кроме того, все крупные гуманитарные организации и сами НПО должны способствовать более широкому общественному обсуждению принципов подготовки работников и выполнения ими своей миссии.

Очевидно, что эта проблема не может быть окончательно решена в рамках существующих процессов. Чем больше конфликты диверсифицируются, тем больше НПО будет востребовано. А чем больше НПО будут вовлечены в процесс, тем менее безопасными будут условия их работы. Тот факт, что на НПО влияют политические ограничения и они не могут быть полностью нейтральными, в очередной раз подчеркивает ту противоречивую и важную роль, которую играют эти организации в современной мировой политике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Irrera D. Humanitarianism and the Migration Crisis. 2020.
2. Sheik, M. et al. Deaths among humanitarian workers / M. Sheik, M. I. Gutierrez, P. Bolton, P. Spiegel, M. Thieren & G. Burnham // British Medical Journal. 2000. # 321(7254). S. 166. Doi: 10.1136/bmj.321.7254.166.
3. Slim, H. The continuing metamorphosis of the humanitarian practitioner: Some new colours for an endangered chameleon. Disasters. 1995. # 19(2). S. 110–126.

БИПОЛЯРНАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИЛЛЮЗИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

А. Я. Касюк

профессор, доктор исторических наук
профессор кафедры коммуникационных технологий
Московского государственного лингвистического университета
imoispn225@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье оценивается вероятность становления биполярной структуры международных отношений к середине – последней четверти XXI века вместо существующей на данный момент многополярной системы.

Ключевые слова: полярность, геополитический полюс, однополярная модель мира, геополитическое равновесие, международная стабильность, биполярный мир, многополярность мира

BIPOLAR SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS AND ILLUSION OF MULTIPOLARITY

A. Y. Kasyuk

Professor, Doctor of History (Dr. habil)
Professor at the Department of Technological Communications
Moscow State Linguistic University
imoispn225@mail.ru

Abstract. This article estimates the probability of the formation of a bipolar structure of international relations by the middle-last quarter of the XXI century instead of the currently existing multipolar system.

Keywords: polarity, geopolitical pole, model of the world, geopolitical equilibrium, international stability, unipolar bipolar world, multipolarity of the world

После окончания Второй мировой войны человечество жило в течение длительного, продолжающегося более 56 лет, периода отсутствия войн между великими державами в условиях биполярного мира, державшегося на оси идеологической конфронтации между коммунистическим проектом во главе с СССР и либерально-демократическим, символами которого были США и блок НАТО. С крахом коммунистического проекта, распадом СССР и уходом США в далекий отрыв от других стран

в экономической и военной областях многие политики (и аналитики тоже) заговорили о формировании однополярной модели мира с безоговорочным доминированием (если не диктатом) США. Российское политическое руководство и лидеры ряда других государств не раз заявляли о неприемлемости однополярной модели мира и американской гегемонии.

Для подтверждения многополярности мира обычно приводят стандартный набор аргументов: есть значительное число растущих центров экономической мощи – Евросоюз, Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии и т. д., которым США неспособны жестко диктовать свою волю, тем более с помощью военной силы. Все названные центры рассматриваются политиками и экспертами в качестве полюсов формирующегося многополярного мира. При этом наши отечественные руководители неоднократно заявляли: для России приемлема только модель многополярного мира, и наша страна является или неизбежно станет одним из его полюсов, и, наконец, лучшим институтом для управления кризисными ситуациями в многополярном мире нужно считать ООН и ее Совет Безопасности. Вместе с тем детальное рассмотрение такого подхода к формированию политической структуры мира, внешнеполитического курса и политики безопасности государств вызывает много вопросов:

во-первых, можно ли на фоне ускоряющейся глобализации считать полюсом – в традиционном геополитическом смысле этого слова – любое государство (или группу стран), отличающееся большим объемом и высокими темпами роста ВВП и даже значительной военной мощью?

во-вторых, насколько безопасно и уютно будет чувствовать себя нынешняя Россия в многополярном мире, если он действительно сформируется, и нужно ли к нему так усиленно стремиться?

И, наконец, необходимо еще раз проверить, насколько адекватно сегодняшняя политическая реальность отражается в популярной модели многополярности, и не пытаемся ли мы подогнать жизнь под привычную схему, сложившуюся в нашем сознании на основе представлений, сформированных в период существования старого биполярного мира?

Сам термин «полярность» подразумевает противопоставление, противостояние, причем жесткое и непримиримое. В разделенном мире с идеологизированной блоковой конфронтацией понятие биполярности было вполне уместным и адекватным. Действительно, два непримиримых полюса противостояли друг другу, с большим или

меньшим успехом поддерживая между собой динамическое равновесие. Оно описывалось как «баланс сил», «стратегическая стабильность» и т. п. Но ни одно из этих понятий неприменимо к нынешним отношениям США и Евросоюза, Китая и стран Юго-Восточной Азии, Индии и России. В отношениях между указанными странами или их группами вполне могут быть и, вне всяких сомнений, существуют противоречия самого различного характера и уровня, но это не делает их полярно противостоящими друг другу.

Таким образом наличие стран и регионов с высоким уровнем развития экономики вряд ли стоит толковать как многополярность. Если вспомнить историю, то человечество уже жило в условиях «многополярности». К концу XIX века сформировались несколько таких центров силы: Франция, Германия, Россия, Великобритания, Япония, Австро-Венгрия, США, Италия. Постоянные войны в этот период – англо-бурская, испано-американская, русско-японская и другие военные конфликтов – яркое подтверждение нестабильности многополярного мира. И, наконец, апогеем нестабильности стали две мировые войны, окончательно похоронившие мировой порядок, в основе которого лежал принцип, который сейчас бы назвали «многополярностью» [Винокуров, 2019].

Кроме того, следует иметь в виду то, что большинство потенциальных полюсов многополярного мира расположены либо на границах нашей страны, либо в непосредственной близости от них. Почти каждый из этих полюсов существенно опережает Россию или по уровню своего экономического развития, или по темпам экономического роста, или по политической пассионарности. Всякий геополитический полюс обладает своим «полем политической и экономической гравитации». Таким образом, Россия с ее экономическими проблемами, еще не сформировавшейся идентичностью и не вполне окрепшей государственностью впервые в новой и новейшей истории рискует очутиться в окружении полюсов, «гравитационное поле» которых способно превысить прочность связей, скрепляющих ее в единое государство. В этих условиях Россия может оказаться просто разорванной более динамичными и активными полюсами, расположенными по ее периметру. Также важно учитывать, что многополярную систему очень трудно, если вообще возможно, динамически стабилизировать. Таким образом, концепция многополярности совсем не так безобидна и даже небезопасна для России в ее нынешнем положении.

Теория многополярного мира – политологическая концепция, предложенная российским философом, политологом, социологом А. Г. Дугиным и в наиболее полном виде представленная в одноименной монографии, вышедшей в 2012 г. Теория многополярного мира позиционируется им как критическая теория попытки построения незападной теории международных отношений [Дугин, 2013]. Ряд видных ученых (К. Алдред, К. Уолтс, О. Арин, У. Кристофер и др.) не согласны с утверждениями о многополярной стабильности и устойчивости, считая гетерогенную структуру отношений с множеством центров силы как раз самой неустойчивой, хаотической системой «борьбы всех против всех». Это аргументируется тем, что из-за асинхронного развития государств, между ними возникает неравенство, вследствие чего работает «закон силы»: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего передел сфер мирового влияния.

Активно обсуждаемая на самом высоком уровне тема о необходимости постепенной трансформации однополярного мироустройства к многополярному в случае ее реализации может привести к гораздо большим негативным последствиям для человечества, чем те проблемы, которые создает самодурство и лицемерие однополярного американоцентричного мира. Основной недостаток концепции «многополярности» состоит в том, что она не решает главных задач, а именно не гарантирует восстановление геополитического равновесия в планетарном масштабе как основы мировой стабильности и не способствует возврату обсуждений всех критически важных для мира международных проблем на переговорную площадку ООН.

Складывается впечатление, что концепция «многополярности», исходя из того, что о ней говорят и пишут, еще даже не разработана теоретически. Все рассуждения на эту тему в основном сводятся к тому, что относительно стабильный биполярный мир под руководством США и СССР был разрушен, а установившийся на его руинах однополярный американоцентричный мир плох и, следовательно, необходимо найти новую форму мироустройства, в которой не один, а несколько «центров силы» имели бы возможность на глобальном уровне решать, что для человечества хорошо, а что – плохо. Активно обсуждаемая на международных форумах тема о необходимости создания многополярного мира и постоянные призывы к нему стремиться – это всего лишь

своеобразная скрытая форма протеста против американской гегемонии. Это форма протеста экономически и политически ослабленных стран, некогда бывших великими державами и определявших в прошлом ход мировой истории.

Реальные факты сегодняшней действительности дают определенные основания утверждать, что мы присутствуем при формировании новой биполярности со сложной структурой каждого из полюсов. С точки зрения задачи сохранения и поддержания международной стабильности, биполярная модель мирового устройства представляется наиболее приемлемой, несмотря на то, что с точки зрения интересов России эта модель не выглядит столь привлекательной.

Устойчивость биполярной системы зависит от нескольких факторов.

во-первых, высокий уровень устойчивости придает биполярному балансу большой разрыв между экономическим и военным потенциалом сверхдержав и всех остальных государств, которые не в состоянии противиться их воле;

во-вторых, любые союзы, заключаемые между государствами в условиях биполярной системы, отличаются высоким уровнем стабильности. Все государства беспрекословно соблюдают свои союзнические обязательства, поскольку для них единственным способом обезопасить себя является присоединение к одной из сверхдержав, вследствие этого они ни за что не нарушат обязательства перед ней, опасаясь потерять ее защиту. При многополярном мировом устройстве (когда на позицию лидера претендуют сразу несколько держав) состав политических блоков все время меняется, тогда как при биполярной системе все коалиции остаются чрезвычайно стабильными, потому что существует лишь две сверхдержавы, способные стать гегемонами.

В настоящее время становится всё очевиднее, что за неимением политических противников в лице западных стран вполне реальным соперником США в международной сфере может стать Китай, который до сих пор продолжает наращивать свое экономическое и геополитическое влияние. Наглядные успехи Китая не нуждаются в доказательстве. О его грандиозных планах известно в частности из принятой ими так называемой «Большой стратегии», которая главными задачами, стоящими перед страной, называет не только общее повышение уровня жизни населения и достижение более высоких показателей во всех отраслях экономики, но также модернизацию вооруженных сил страны, чтобы в случае возникновения военного конфликта с любой державой в мире

(не только региональной) суметь дать ей отпор и одержать победу. Стремительное экономическое развитие Китая и рост его влияния означает, что мир дрейфует обратно к биполярной структуре, на этот раз с двумя сверхдержавами – США и Китаем.

В ближайшее десятилетие вполне возможно, что Китай сократит разрыв с США в плане национальной мощи, причем он может добиться этого один, без России, Индии, Германии или Бразилии. Пока Китай сохраняет существующие темпы роста, будет расти и его общая национальная мощь, приближая новый биполярный миропорядок.

По мере формирования нового биполярного строя различные страны начинают делать выбор в пользу одной из его сторон. Вместе с тем биполярность вовсе не означает угрозу новой холодной войны. В XX веке биполярность основывалась на трех важнейших условиях: ядерном противостоянии, идеологической несовместимости и ведении войны чужими руками. В противовес этому соперничество между Китаем и США основано на международных нормах, а не на вопросах идеологии, оно сосредоточено в научной и технической сферах, а не в военной сфере.

Основными доводами в пользу биполярного мироустройства являются национальный потенциал и экономическая мощь государств-центров силы.

Во-первых, совокупные экономические показатели Китая близки к показателям Соединенных Штатов, а разрыв между экономиками двух стран существенно сократился, что сделало их сопоставимыми. В 1980 г. ВВП Китая составлял всего 10,7 % от ВВП США, в 2007 г. он вырос до 23,7 %, а к 2017 г. уже достиг 62 %. По данным Всемирного банка, в 2028 г. Китай по размеру ВВП обгонит США.

Во-вторых, экономика Китая и Соединенных Штатов намного больше экономики страны, идущей за ними на третьем месте. В 2019 году Америка была единственной страной в мире, чей ВВП превышал 20 трлн долл. США (22 трлн долл. США). Китай – единственная страна в мире, имеющая ВВП более 10 трлн долларов (12 трлн долл. США). За ними следуют Япония и Германия, чей ВВП составляет 4–6 трлн долл. США, а также Великобритания, Франция, Индия, Италия, Россия, Канада (ВВП 2–3 трлн долл. США).

В-третьих, лидерами в продолжающейся новой научно-технической революции также являются Китай и США. По количеству специалистов и компаний, занимающихся разработкой искусственного интеллекта США и Китай занимают первое и второе место в мире.

Что касается цифровой экономики, то доля Китая и США в блокчейне, интернете вещей, облачных вычислениях и прочих смежных областях намного выше, чем других стран.

В-четвертых, Китай и Соединенные Штаты имеют самые крупные вооруженные силы с передовой военной техникой. В военном отношении Россия сильнее Китая по ряду позиций, особенно в сфере стратегического ядерного вооружения, однако Китай и США намного опережают остальные страны по военному бюджету и обладают наибольшим оборонным потенциалом. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира, в 2019 г. военный бюджет США составил 732 млрд долл. США, а Китая – 261 млрд долл. США. За ними следуют Индия – 71,1 млрд долл., Россия – 65,1 млрд долл. США [Дегтярев, URL].

Согласно вышеперечисленным критериям, Китай действительно стал второй по значению державой в мире, и говорить о формировании биполярной модели есть веские основания. Однако «новая биполярность» не получила всеобщего признания. Есть два вопроса. Первый – достаточно ли мощности у Китая, чтобы являться одним из двух полюсов? И второй – имеет ли китайско-американская биполярная структура достаточно влияния на мир, чтобы стать доминирующей основой мирового порядка [Хуашэн, URL]

Главными аргументами в пользу биполярной теории являются экономические показатели. Не вызывает сомнения, что экономическая мощь – это основа национальной мощи государства и любой международной структуры. Что касается экономических показателей, то мощь Китая в этом плане не вызывает сомнений, однако одни лишь экономические показатели не превращают государство в центр силы. Использование ВВП в качестве единственного критерия представляется недостаточным, и гораздо целесообразнее использовать в качестве критерия всеобъемлющий и реалистичный международный потенциал страны и ее влияние.

В плане возможностей и влияния у Китая есть как сильные стороны, так и слабые. Китай не может предложить миру систему ценностей, которая находила бы в нем широкий отклик. КНР не располагает стабильной и надежной системой партнерских и союзнических связей, она не задает тон на международных дискуссионных площадках и не обладает структурной мощью в международных организациях. Исторически сложилось так, что штаб-квартиры важнейших мировых многосторонних механизмов расположены в основном в Европе

и Америке. Однако набирает силу благоприятная для Китая общая тенденция в отношении всех этих слабых мест, а именно – эти слабости постепенно преодолеваются, а недостатки устраняются.

Соединенные Штаты не признают биполярность. По сути, основной причиной конфликта между Китаем и США является именно отказ Америки воспринимать Китай как равноправную державу. На самом деле Соединенные Штаты стремятся предотвратить становление биполярности и не допустить превращения Китая в державу, сопоставимую с США. Другими словами, Соединенные Штаты не устраивает ни многополярность, ни биполярность, и они отстаивают однополярность.

В этом отношении нынешние двусторонние отношения между Китаем и США существенно отличаются от отношений между США и Советским Союзом. Соединенные Штаты считали Советский Союз равным противником, признавали за ним те же международные права и мировой статус и взаимодействовали с Советским Союзом на принципах равноправия. Таким образом биполярная структура мироустройства с центрами силы в лице Соединенных Штатов и Советского Союза подразумевала не только их соперничество, но и «сотрудничество» в форме «совместного управления». В этом ракурсе достижение приемлемой структурной стабильности в китайско-американских отношениях возможно только после признания Соединенными Штатами за Китаем равного статуса, причем неважно, в каком качестве – противника или партнера.

В некотором смысле нынешняя поляризация является поляризацией между Китаем и США, но вовсе не поляризацией мира. Конфликт между Китаем и США не расколол мир на две части. Вероятность образования «полушария» с Китаем и Россией в центре существует, поскольку Китай и Россия сами по себе почти что «полушарие», однако блоком это не будет. Пекин и Москва могут участвовать в различных формах стратегического сотрудничества, но обе страны являются крупными державами с развитым чувством личностной идентичности. Они могут образовать некую рыхлую систему, параллельную союзу США и Запада, но это не будет тесным альянсом, как в период холодной войны.

Текущая политическая обстановка показывает, что мир находится в поиске новой устойчивой системы международных отношений. Биполярность, на практике известная нам пока только в одном советско-американском варианте. Она характеризовалась постепенной стабилизацией международных отношений, достигшей своего пика в 1975 году благодаря хельсинкскому Заключительному акту. Другими

словами, логика биполярности заключалась не только в соперничестве двух глобальных центров силы, но и в их совместной деятельности по устранению угрозы большой войны.

Что касается внешнего контура Китая, то ничего похожего на социалистический лагерь под эгидой СССР также не наблюдается. Для биполярности холодной войны первостепенное значение играла политическая и идеологическая сплочённость. Экономическое влияние Китая в мире давно превысило возможности Советского Союза, но политически у Пекина союзников мало, особенно если дело дойдет до его жесткой конфронтации с США. В этом явное отличие современного состояния дел от былой биполярности – без сколоченных вокруг себя идеологически мотивированных блоков биполярность превращается в выяснение отношений двух государств, пусть и обладающих в большей или меньшей степени набором глобальных атрибутов. У Китая, возможно, есть только один верный стратегический партнер – Россия. У США союзников ещё немало, но большинство из них, включая Францию и Германию, во многом уже тяготятся вынужденной зависимостью от Америки. Новую американо-китайскую биполярность можно будет считать жизнеспособной в условиях возвращения к былой консолидированности Запада во главе с США и складывании некого антизападного блока во главе с Китаем и примкнувшей к нему России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винокуров В. И. Трансформация международной системы и мирового порядка: движение в бесполярный беспорядок // Трансформация международных отношений в XXI в.: вызовы и перспективы: сборник статей по итогам работы IV-й Международной научно-практической конференции 27 апреля 2018 года. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2019. С. 8–13.
2. Дегтярев Д. Многополярность или «новая биполярность»? // РСМД. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/6bc/РСМД%20__%20Многополярность%20 или %20 новая%20биполярность.pdf
3. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М. : Евразийское движение, 2013.
4. Хуашэн Чжао. Биполярность, однополярность и многополярность в современном мире. ЦентрАзия, 28.10.2020. URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1603975860

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ: ОПЫТ КОНТРОЛЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ

В. В. Красинский

доцент, доктор юридических наук
заместитель начальника Управления координации и взаимодействия
Росфинмониторинга
krasinskijvv@fedsfm.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема финансирования терроризма с использованием виртуальных активов и криптовалют. Раскрываются факторы, связанные с использованием террористами виртуальных активов, и выделяются особенности финансирования терроризма с использованием криптовалют. Обосновываются перспективные направления разработки вопросов противодействия финансированию терроризма с использованием криптовалют.

Ключевые слова: боевики-террористы, финансирование терроризма, террористические структуры, криптовалюты, цифровые валюты, криптотранзакции, провайдеры услуг виртуальных активов, ФАТФ

TERRORISM FINANCING WITH THE USE OF CRYPTOCURRENCIES: EXPERIENCE OF CONTROL AND COMBATTING

V. V. Krasinsky

Associate Professor, Doctor of Law (Dr. habil)
Deputy Head of the Department for Coordination and Interaction of Rosfinmonitoring,
krasinskijvv@fedsfm.ru

Abstract. The article addresses the problem of financing terrorism using virtual assets and cryptocurrencies. The author reveals factors related to the use of virtual assets by terrorists, and highlights the features of terrorist financing using cryptocurrencies. Prospective directions for developing issues of countering the financing of terrorism using cryptocurrencies are justified.

Keywords: terrorist fighters, financing of terrorism, terrorist structures, cryptocurrencies, digital currencies, cryptotransaction, bitcoin, decentralized finance, virtual asset service provider, FATF

Финансирование террористической деятельности является основой функционирования любой террористической организации, ячейки или террориста-одиночки. В последние годы в арсенале

террористических организаций появились новые финансовые инструменты, основанные на современных информационных технологиях, – криптовалюты[1].

Использование виртуальных валют (криптовалют) существенно повлияло на систему финансирования и ресурсного обеспечения терроризма, открыло новые возможности для отмывания преступных доходов и финансирования терроризма[2].

Можно выделить две группы факторов, связанных с использованием террористами виртуальных валют и активов: способствующие использованию криптовалют и препятствующие этой деятельности.

Среди основных факторов, способствующих использованию криптовалют в террористических целях, следует назвать:

– относительную анонимность операций при отсутствии централизованной системы перевода криптовалют и должной идентификации владельца виртуальных активов;

– возможности быстрого первичного выпуска криптовалют, а также проведения операций по обмену криптовалют на территории государств, в которых ни плательщик, ни получатель не находятся;

– беспрепятственный и оперативный трансграничный перевод криптовалют;

– возможности обналичивания криптовалют в системе неформальной («теневой») экономики;

– размывание ответственности лиц, осуществляющих переводы и совершение платежей[3].

В числе препятствующих использованию криптовалют факторов: недостаточное количество подготовленных технических специалистов международных террористических организаций (МТО) в данной сфере и необходимость устойчивого интернет-доступа. Таким

[1]Первая криптовалюта (биткоин) была запущена еще в 2009 г., однако устойчивые риски финансирования терроризма с использованием криптовалют стали фиксироваться правоохранительными органами, начиная с 2015–2016 гг.

[2]Криптовалюта – децентрализованная виртуальная валюта, которая не эмитируется и не обеспечивается ни одной юрисдикцией. Виртуальная валюта отличается от фиатной (национальной) валюты, представляющей собой монеты и банкноты, которые являются законным средством платежа, обращаются и принимаются в качестве средства обмена в стране-эмитенте. Здесь и далее понятие «цифровая валюта» используется в качестве синонима виртуальной валюты.

[3]Руководство по применению риск-ориентированного подхода. Виртуальные валюты. Париж, ФАТФ, 2015.

образом для террористических группировок и их сторонников, находящихся в отдаленных регионах с неустойчивым покрытием или отсутствием Интернета данный инструмент финансирования мало пригоден. Кроме того, в государствах, где криптовалюты запрещены в качестве платежных или расчетных средств, виртуальные активы приходится конвертировать в фиатные деньги, что создает для преступников дополнительные риски.

Вместе с тем по данным опроса 550 респондентов из финансовых учреждений, правоохранительных и надзорных органов, страховых и юридических компаний, проведенного в сентябре 2020 г. аналитическим центром Royal United Services Institute и Ассоциацией специалистов по борьбе с отмыванием денег (Association of Anti-Money Laundering Specialists), все респонденты признали, что криптовалюты уязвимы для преступников. Почти 90 % опрошенных заявили, что их тревожит использование криптовалют для отмывания денег. Более 80 % выразили обеспокоенность тем, что находящиеся под санкциями субъекты используют цифровые валюты для обхода формальной финансовой системы[1].

В отчете Группы финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) «Виртуальные активы. Признаки отмывания денег и финансирования террористов (2020)» отмечается: «Возможность совершать быстрые трансграничные операции позволяет преступникам не только приобретать, перемещать и хранить активы в цифровом виде, часто за пределами регулируемой финансовой системы, но и скрывать отправителя и получателя средств, и затруднять своевременное выявление подозрительной деятельности»[2].

В проекте Азиатско-Тихоокеанской группы противодействия отмыванию денег и Ближневосточной и Североафриканской ФАТФ (MENAFATF) «Социальные медиа и финансирование терроризма» использование иностранными боевиками-террористами новых платежных продуктов и сервисов, включая криптовалюты, также указывается в числе рисков финансирования терроризма[3]. Данные факторы обусловили широкое

[1]Financial firms and governments deeply skeptical of cryptocurrencies: Survey. https://www.reuters.com/article/us-crypto-currencies/financial-firms-and-governments-deeply-sceptical-of-cryptocurrencies-survey

[2]Виртуальные активы. Признаки отмывания денег и финансирования террористов (2020). https//www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Virtual-Assets-Red-Flag-Indicators.html

[3]Social Media and Terrorism Financing. Asia / Pacific Group on Money Laundering / Middle East and North Africa Financial Action Task Force. January 2019. P. 4. https//www.apgml.org.

распространение виртуальных активов в преступной и террористической деятельности.

Одним из первых джихадистских сторонников использования криптовалюты для финансирования терроризма был Бахрун Наим (Bahrun Naim), индонезийский боевик ИГИЛ (*запрещена на территории России*), воевавший в Сирии. В 2016 г. Наим назвал биткоин одним из инструментов перемещения средств для отмывания доходов и посоветовал отмывать деньги через цепочку криптовалютных счетов. Впоследствии, по данным финансовой разведки Индонезии (Indonesian Financial Transaction Reports and Analysis Centre), Наим использовал биткоины для финансирования теракта в полицейском управлении Соло (*Ява, июль 2016 г.*)[1].

Наиболее распространенной схемой финансирования терроризма с помощью виртуальных валют является использование аккаунтов подставных благотворительных организаций для размещения реквизитов криптокошельков и сбора средств. Так, анализ финансовых кампаний центральноазиатских группировок боевиков, связанных с Аль-Каидой (*запрещена на территории России*), показывает, что они регулярно собирали пожертвования в криптовалюте через благотворительные организации «Аль-Садака» и «Закят»[2]. Первые рекламные объявления о краудфандинговых кампаниях центральноазиатских террористических группировок, принимавших биткоин для джихадистских целей в Сирии, появились в Telegram-канале «Аль-Садака» в 2017 г. Лидеры МТО тогда призвали своих сторонников анонимно и безопасно делать пожертвования братьям-моджахедам через «биткоин-кошелек», пользуясь «способностью криптовалюты запутать след».

В связи с потребностью в дополнительных источниках финансирования группировки «Катиба-ат-Таухид валь-Джихад», «Катиба Имама аль-Бухари» и «Исламская партия Туркестана» (*запрещена на территории России*) в 2018 г. также включились в кампанию по сбору средств в биткоинах.

В октябре 2018 г. индонезийская благотворительная организация Фонд Абу Ахмада (Abu Ahmed Foundation) задействовала краудфайндинговые инструменты (GoFundme.com, Youcaring.com, Kickstarter.com) для сбора криптовалюты в поддержку МТО «Хайат Тахрир аш-Шам»

[1]How Terrorists use Cryptocurrency in Southeast Asia. https://thediplomat.com/2020/06/how-terrorists-use-cryptocurrency-in-southeast-asia

[2]Central Asian Jihadists use of cryptocurrencies in Bitcoin. https://moderndiplomacy.eu/2020/09/11/central-asian-jihadists-use-of-cryptocurrencies-in-bitcoin/

(*запрещена на территории РФ*). Фонд призывал «благотворителей» делать пожертвования с помощью криптовалют Bitcoin, Monero, Dash и Verge[1].

18 июня 2020 г. боевики группы «Катиба-ат-Таухид валь-Джихад» опубликовали в Telegram мнение известного салафитского идеолога современного джихадизма Абу Катады Аль-Фаластини (Abu Qatada al-Falastini), у которого спросили, противоречит ли краудфандинговая кампания сбора биткоинов в целях джихада Исламу[2]. Абу Катада обосновал приемлемость использования биткоина для защиты исламской уммы и ведения джихада, но вместе с тем предостерег от полного доверия к биткоину. По его мнению, «враги ислама» могут уничтожить эту криптовалюту; если она потеряет свою стоимость в связи с волатильностью, и тогда правоверные мусульмане, вложившие свои сбережения в биткоин, могут обанкротиться[3].

В рамках расследования в августе 2020 года схемы финансирования терроризма с использованием криптовалют Министерство юстиции США установило, что аффилированные с МТО «Аль-Каида» (*запрещена на территории РФ*) структуры, действовавшие в Сирии, содержали профессиональную сеть отмывания биткоинов, которая с помощью платформы Telegram получала пожертвования в виртуальной валюте. Сбор средств на нужды Аль-Каиды проводила Telegram-группа «Tawheed Jihad Media», начиная с апреля 2019 г. Использовались 155 криптокошельков, средства с которых направлялись на биржи подарочных карт и другие платформы[4].

В сентябре 2020 г. аналогичная группа отмывателей была арестована во Франции. По данным Национального центра по борьбе с терроризмом Франции (PHAT), задержанные входили в отмывочную сеть, которая с использованием криптовалют перевела деньги террористическим группам, связанным с МТО «Аль-Каида» и «ИГИЛ»[5].

---

[1]How Terrorists use Cryptocurrency in Southeast Asia. https://thediplomat.com/2020/06/how-terrorists-use-cryptocurrency-in-southeast-asia

[2]Среди ведущих исламских теологов до сих пор продолжается полемика, можно ли считать криптовалюты совместимыми с шариатом.

[3]Central Asian Jihadists use of cryptocurrencies in Bitcoin. https://moderndiplomacy.eu/2020/09/11/central-asian-jihadists-use-of-cryptocurrencies-in-bitcoin

[4]US Prosecutors Seize Bitcoin Allegedly Tied to Al Qaeda, ISIS, Hamas. https://www.coindesk.com/us-prosecutors-attempt-to-seize-bitcoin-allegedly-tied-to-al-qaeda;
US Prosecutors Announce Historic Takedown of Global Terrorists Crypto Networks. https://www.moneylaundering.com/news/us-prosecutors-announce-historic-takedown-of-global-terrorists-crypto-networks/type=free

[5]Eight charged in France for using cryptocurrency to finance terror. https: //amlintelligence.com/2020/10/eight-charged-in-france-for-using-cryptocurrency-tofinance-terror

В июле 2021 г. в Израиле было конфисковано 84 криптокошелька, которые были связаны с ХАМАС. По данным аналитической компании Elliptic, в них находилось 7,7 млн долл. США[1].

Следует выделить несколько особенностей финансирования терроризма с использованием криптовалют:

– массовое использование платформы Telegram (социальных сетей) для размещения реквизитов криптокошельков на аккаунтах-подставных благотворительных организаций[2];

– открытая целевая или псевдоблаготворительная ориентация краудфайндинговых кампаний (указание целевого назначения пожертвований: закупка полевой формы одежды, тактического снаряжения, средств связи, вооружения, боеприпасов, токсичных реактивов и др.);

– использование бирж виртуальных активов или сервисов перевода денег в высокорисковой стране или территории с минимальными требованиями ПОД / ФТ (противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма), а также отсутствием регулирования виртуальных активов[3];

– использование услуг незарегистрированных провайдеров / обменников виртуальных активов («внебиржевых брокеров»);

– использование «втемную» третьих лиц (присвоение средств от пожертвований, первичного размещения коинов и инвестиций в криптовалюты);

– периодичность массового сбора пожертвований, замаскированных под благотворительные сборы (наиболее активное поступление

[1]Bits.media, 08.07.2021.

[2]Использование Telegram-групп для финансирования терроризма отмечалось в сообщениях финасовых разведок США, Австралии, Малайзии, Кувейта и др. См. Social Media and Terrorism Financing. Asia / Pacific Group on Money Laundering / Middle East and North Africa Financial Action Task Force. January 2019. P. 6, 11–14. www.apgml.org. По данным ближневосточного института медиаисследований (Middle East Media Research Institute), Telegram-группы предлагали делать пожертвования в криптовалютах для террористических групп вплоть до июля 2020 г. См. US seizes $2 Million in Cryptocurrency From Terrorist Groups. https://www.bankinfosecurity.com/us-seizes-2 million-in-cryptocurrency-from-terrorist-groups-a-14823

[3]Примеры смены регистрации и переноса деятельности провайдеров виртуальных активов в государства с неадекватными нормами ПОД / ФТ см. Отчет ФАТФ. «Виртуальные активы. Признаки отмывания денег и финансирования террористов». Париж, ФАТФ. Сентябрь 2020 г. С. 18. МТО «Хайат Тахрир аш-Шам» активно использует биржу BitcoinExchange.

средств отмечается в священный месяц Рамадан, в честь окончания Рамадана (праздник Ид-аль-Фитр (Ураза-байрам)) и в преддверии праздника Курбан-байрам)[1].

В целях конспирации и противодействия правоохранительным органам техническими специалистами МТО создаются запасные / резервные группы в социальных сетях и мессенджерах (Telegram, Whatsapp, Wickr, WeChat, Snapchat, Surespot, Chat Secure и др.) для предотвращения блокировки аккаунтов сбора средств [Красинский, 2020], осуществляется дробление финансовых операций и переводов криптовалюты, используются одноразовые кошельки Electrum и динамические схемы генерации неповторяющихся биткоин-адресов для каждого пожертвования на нужды террористической организации[2].

В условиях активизации блокировки аккаунтов, связанных с терроризмом и отмыванием доходов, сокращения масштабов финансовой поддержки терроризма с использованием условно «легальных» источников доходов (пожертвования частных лиц и различных неправительственных фондов под видом благотворительности) ключевым инструментом финансирования и ресурсного обеспечения МТО становится добывание денежных средств незаконными способами.

На фоне пандемии коронавируса финансовыми институтами фиксируется резкое увеличение числа случаев кибермошенничества с использованием методов социальной инженерии и фишинговых атак. Эксперты указывают на риски получения криптовалют в результате хакерских атак и мошеннических схем. Известны факты имитации мошенниками рассылки от Всемирной организации здравоохранения, а также благотворительных кампаний Всемирного банка и МВФ [Мозгов, Першина, 2020].

13 августа 2020 г. в США были арестованы около 300 криптовалютных счетов, предназначенных для сбора средств на нужды МТО ИГИЛ, Аль-Каиды и ХАМАС (*Запрещены на территории РФ*). Часть средств была получена преступниками мошенническим способом,

[1]Во время мусульманских праздников верующие платят закят (обязательный налог) и садаку (добровольную милостыню). В 2018–2020 годах в период Рамадана фиксировалось существенное пополнение бюджетов террористических структур «Катиба-ат-Таухид валь-Джихад», «Катиба Имама аль-Бухари», «Исламская партия Туркестана» и группировки «Лива аль-Мухаджирин валь-Ансар» для помощи братьям по вере, пленным мусульманским сестрам, поддержки исламского призыва.

[2]US Prosecutors Seize Bitcoin Allegedly Tied to Al Qaeda, ISIS, Hamas. https://www.coindesk.com/us-prosecutors-attempt-to-seize-bitcoin-allegedly-tied-to-al-qaeda.

в том числе путем продажи медицинских препаратов для лечения коронавирусной инфекции[1].

Связанные с МТО группы программистов прибегают к вредоносным программным продуктам для хищения средств у граждан и организаций.

К числу регионов повышенной активности программ-вымогателей относится Восточная Европа, где аккумулируется и обращается около четверти объема незаконных средств, полученных с адресов программ-вымогателей [Eastern Europe High Grassroots Adoption … URL].

В целях продажи оружия, взрывчатых веществ и отмывания доходов от продажи наркотиков преступными сообществами и террористическими организациями используются возможности рынков даркнета. Крупнейшим теневым рынком в Восточной Европе является рынок Hydra Marketplace, который является шестым по объему транзакций сервисом в регионе. Доход Hydra в период с июня 2019 г. по июль 2020 г. составил более 1,2 млрд долл. США в криптовалюте[2]. Ни в одном другом регионе мира среди популярных площадок обслуживания криптовалютных транзакций нет ни рынков даркнета, ни других незаконных финансовых сервисов.

После появления виртуальных активов и криптовалют компетентные правоохранительные и надзорные органы предприняли ряд мер по минимизации рисков отмывания доходов и финансирования терроризма. С одной стороны, данный сегмент финансовой деятельности во многих странах был введен в правовой оборот, разработаны требования к использованию виртуальных валют, контролю деятельности провайдеров, с другой – для расшифровки и отслеживания транзакций с криптовалютами стали применяться методики анализа блокчейна.

Первые рекомендации по управлению рисками ОД / ФТ, связанными с виртуальной валютой, были разработаны и опубликованы в июне 2015 г. ФАТФ[3].

---

[1]US seizes $2 Million in Cryptocurrency From Terrorist Groups. https://www.bankinfosecurity.com/us-seizes-2million-in-cryptocurrency-from-terrorist-groups-a-14823; US Prosecutors Seize Bitcoin Allegedly Tied to Al Qaeda, ISIS, Hamas. https://www.coindesk.com/us-prosecutors-attempt-to-seize-bitcoin-allegedly-tied-to-al-qaeda; US Prosecutors Announce Historic Takedown of Global Terrorists Crypto Networks. https://www.moneylaundering.com/news/us-prosecutors-announce-historic-takedown-of-global-terrorists-crypto-networks/type=free

[2]Там же.

[3]Руководство по применению риск-ориентированного подхода. Виртуальные валюты. Париж, ФАТФ, 2015.

В октябре 2018 г. ФАТФ актуализировала свои стандарты применительно к деятельности в сфере виртуальных активов. В частности, екомендация 15 «Новые технологии» дополнена положением о том, что страны в целях управления рисками ОД / ФТ и их снижения должны обеспечить регулирование деятельности провайдеров услуг в сфере виртуальных активов, их лицензирование или регистрацию, а также контроль.

В июне 2019 г. ФАТФ утвердила обновленное Руководство по риск-ориентированному подходу в отношении виртуальных активов и провайдеров услуг в сфере виртуальных активов[1]. В соответствии с Руководством 2019 г. государства – члены ФАТФ должны проводить проверку клиентов в отношении операций с криптовалютой на сумму свыше 1 тыс. долл. США или евро, хранение записей (в течение 5 лет) и сообщение о подозрительных операциях отправителей и получателей виртуальных активов.

В декабре 2020 г. вступила в силу Шестая директива о борьбе с отмыванием денег (the sixth anti-money laundering directive – 6 AMLD). Новая директива унифицирует конструкцию составов легализации преступных доходов во всех государствах ЕС, распространяет уголовную ответственность на юридических лиц, расширяет сотрудничество в расследовании финансовых преступлений. Предусмотрен единый перечень предикатных правонарушений, введены новые составы преступлений в сфере ПОД / ФТ: содействие и пособничество, подстрекательство и покушение.

В России сегмент виртуальных активов и криптовалют длительное время оставался неурегулированным. В целях совершенствования правовой регламентации механизмов цифровой экономики, противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма 31 июля 2020 г. был принят Федеральный закон от № 259-ФЗ, в соответствии с которым в правовой оборот и легальную экономику введены цифровая валюта и виртуальные финансовые активы.

В соответствии с Указанием Банка России от 20.10.2020 г. № 5599-У внесены изменения в правила внутреннего контроля кредитных организаций. При этом перечень признаков подозрительных операций в целях противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма был дополнен кодами признаков: «операции,

[1]Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers // fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/guidance-rba-virtual-assets.html

связанные с обращением цифровых прав, которые характеризуются однонаправленностью, регулярностью, на крупные суммы» (код 1137) и «операции, связанные с оборотом цифровой валюты» (код 1190)[1].

Совершенствование в соответствии со стандартами ФАТФ правил внутреннего контроля кредитных организаций направлено на усиление мониторинга операций с виртуальными активами и криптовалютами на этапе использования банковских счетов и обмена криптовалют на фиатные валюты.

В настоящее время для мониторинга криптовалютных транзакций используются цифровые платформы:

Chainanalysis (создана в 2014 г. в США, охват – 59 стран, 89 криптовалют);

Elliptic (создана в 2013 г. в Великобритании, охват – 29 стран, 97 % криптоактивов)[2];

Cipher (создана в США, 29 стран, более 700 криптоактивов)[3];

Crystal (создана в 2018 г. в Нидерландах, 8 криптовалют, более 60 DeFi-протоколов).

В целях повышения эффективности взаимодействия в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма Росфинмониторингом совместно с Физическим институтом имени Лебедева в 2020 г. разработан цифровой сервис, который позволяет проводить кластеризацию адресов, детализацию разметки, экспресс-оценку кошельков, устанавливать участников криптовалютных транзакций и рассчитывать риски. Сервис прошел успешную апробацию в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков на площадке обслуживания криптовалютных транзакций в даркнете[4].

Представляет интерес зарубежный опыт контроля и пресечения криптовалютных транзакций на нужды террористической деятельности.

---

[1]Указание Банка России от 20 октября 2020 г. № 5599-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

[2]Сотрудничает с ФБР и ЦРУ США, используется Европолом.

[3]Создана при участии АНБ США.

[4]УНК ГУ МВД России по Челябинской области разработан программный продукт «Иолай», который позволяет вести сбор и анализ информации с маркетплейса «Гидра».

В 2021 г. финансовая разведка Канады выпустила руководство по индикаторам отмывания денег и финансирования терроризма с использованием криптовалютных транзакций[1].

К признакам отмывания и финансирования терроризма отнесены:

– преобладание в портфеле коинов повышенной анонимности;

– большие объемы обмена биткоинов на коины повышенной анонимности;

– регистрация на криптовалютной бирже нескольких человек под одним идентификатором (мобильный, IP-адрес и др.) в течение короткого периода времени;

– кошелек / адрес виртуальной валюты фигурирует в «черных списках»;

– операции в одно и то же время суток, переводы из фиата в крипту и обратно;

– сложные переводы через длинные цепочки адресов / кошельков за короткий период;

– криптовалюта поступает от внебиржевого брокера, который рекламирует свою анонимность.

Среди новых тенденций ОД / ФТ можно выделить:

– активный переход на коины повышенной анонимности (Monero, Dash, Zcash, Komodo) – вымогатели переходят на требования выплат в Monero;

– внедрение инструментов децентрализованного финансирования DeFi и взаимозаменяемых токенов NFT;

– использование криминальных сервисов блокчейн-аналитики. В 2019 г. в даркнете появился AML-бот, а в июле 2021 – сервис Antinalysis, которые дают возможность анализировать применение транзакций с точки зрения правоохранительных органов.

Пользователь получает скоринг-оценку вероятности блокировки его криптовалютных активов. Таким образом, преступники получили возможность протестировать свои методы ОД / ФТ.

Криптовалюты и инфраструктура их обслуживания постоянно развиваются, что требует гибкого реагирования регуляторов, контрольно-надзорных органов, правоохранительных структур и финансовых институтов.

---

[1]URL: https://www.fintrac-canafe.gc.ca/guidance-directives/transaction-operation/indicators-indicateurs/vc_mltf-eng)

Перспективными направлениями дальнейшей разработки вопросов противодействия финансированию терроризма с использованием виртуальных активов и криптовалют представляются:

– разработка современных типологий и схем финансирования терроризма с использованием новейших информационных технологий и децентрализованного управления финансами (DeFi);

– централизованный мониторинг благотворительных акций, реализуемых в социальных сетях и интернет-мессенджерах, где размещаются реквизиты криптокошельков;

– разработка реестра адресов / кошельков виртуальной валюты организаций и лиц, причастных к терроризму и экстремизму;

– разработка реестра адресов/кошельков виртуальных валют, размещенных на онлайн-платформах террористической и экстремистской направленности (тематические группы соцсетей, сайты даркнета, сайты сбора средств, мессенджеры);

– совершенствование методики и тактики выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере финансирования терроризма с использованием виртуальных активов и криптовалют;

– разработка профилей и реестров провайдеров услуг виртуальных активов, имеющих высокую риск-оценку;

– законодательное регулирование отнесения цифровой валюты к имуществу в целях признания ее предметом преступления, а также ареста и конфискации виртуальных активов и криптовалюты;

– обмен зарубежным опытом и совершенствование международного сотрудничества в сегменте криминальных операторов криптовалют и мониторинга транзакций виртуальных валют внутри блокчейнов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Красинский В. В. Методика работы в социальных сетях по выявлению экстремистского и иного противоправного контента // Современное право. 2020. № 2. С. 65–69. DOI 10.25799/NI.2020.83.61.008
2. Мозгов Е. А., Першина О. О. Риски отмывания доходов и финансирования терроризма, связанные с пандемией COVID-19, и меры реагирования: Российский и зарубежный опыт // Финансовая безопасность. 2020. № 27. С. 11–12.
3. Eastern Europe High Grassroots Adoption, Outsized Darknet Market and Ransomware Activity. https://blog.chainanalysis.com/reports/eastern-europe-cryptocurrency-market-2020

«ИСТОРИЧЕСКИЙ КЕЙС» КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Г. Г. Краско

доктор исторических наук, доцент
заместитель начальника
Института национальной безопасности Республики Беларусь
gena-krasko@mail.ru

Аннотация. В статье с позиций методологических подходов теории национальной безопасности рассматривается концепт «секьюритизации» прошлого, использования памяти о прошлом и исторической политики в качестве политического инструмента. На отдельных примерах рассмотрены механизмы «секьюритизации» и «войн памяти», выделены причинно-следственные связи и технологии политического использования истории и памяти о прошлом на современном этапе на международной арене в качестве инструмента «мягкой силы».

Ключевые слова: внешнее управление, «войны памяти», дестабилизация, историческая политика, мягкая сила, секьюритизация

"HISTORICAL CASE" AS "SOFT POWER" TOOL IN THE NEW WORLD PICTURE BUILD-UP

G. G. Krasko

Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor
Deputy Head of the Institute of National Security
of the Republic of Belarus
gena-krasko@mail.ru

Abstract. In the article, the concept of "securitization" of the past, the use of memory of the past and historical politics as a political tool is considered from the standpoint of the national security theory methodological approaches. The mechanisms of "securitization" and "memory wars" are shown on separate examples, cause-effect relationships and technologies of political use of history and memories of the past at the present stage in the international scene as an instrument of "soft power" are highlighted.

Keywords: external control, "memory wars", destabilization, historical politics, soft power, securitization

В условиях формирования новой картины мира обостряется борьба за власть, территории, ресурсы, рынки сбыта продукции. С учетом происходящих изменений обстановки постоянно совершенствуется и расширяется кейс политических технологий, в том числе за счет использования ресурсного потенциала исторического прошлого. Такой подход основывается на том, что социальные представления, транслируемые от поколения к поколению, базируются не только на нормах и правилах поведения, но и на верованиях и обычаях, идеях и убеждениях, традициях, ценностях и символах (они образуют ядро исторической памяти), которые влияют на культурную и этническую самоидентификацию индивидов, определяя настоящее и будущее как общества в целом, так и его социальных групп [Почебут, 2018]. С учетом изложенного историческая политика справедливо определяется как составляющая обеспечения национальной безопасности.

При этом приходится констатировать, что сегодня социальная память и историческая политика многих государств заметно «секьюритизированы», то есть осмыслены и востребованы в качестве проблемного поля, непосредственно связанного с вопросами безопасности (национальной, региональной, международной). В наиболее общем виде под секьюритизацией понимаются процессы признания факта существования угрозы (потенциальной или реальной), наделения ее дополнительной значимостью (вплоть до закрепления в сознании общества в статусе «экзистенциальной»), превращения ее в предмет внимания государственной политики (выработка, ресурсное обеспечение, реализация комплекса мер, направленных на предотвращение и противодействие угрозе) [Гайдаев, 2021].

На протяжении последних лет эксперты из числа ученых и практиков по всему миру отмечают активный и целенаправленный характер исторической политики, использующей прошлое под углом политических интересов и целей настоящего. При этом политическая актуализация прошлого обусловлена как кумулятивным эффектом глобальной тенденции «историзации» политики, так и изменением социального и политического контекста в конкретных странах и регионах. В каждом конкретном случае, как правило, складывается особая комбинация таких факторов [Малинова, 2015].

В глобальном измерении цели, которые при этом преследуются политическими элитами, направлены в том числе на формирование новой

картины мира. Однако политическое использование истории не всегда проходит в «спящем режиме». Направленный характер, реализуемых мероприятий, в том числе в рамках информационно-психологического воздействия может приводить к эскалации протестных настроений в обществе, последующей дестабилизации социально-политической обстановки, что направлено, в том числе на попадание как государств, так и целых регионов под внешнее управление.

Можно констатировать отсутствие в глобальном измерении единых подходов к памяти о прошлом и исторической политике, а также наличие различных (порой диаметрально противоположных) оценок ряда важнейших событий, явлений и процессов мировой истории. Перед нашими глазами произошло крушение прежнего глобального консенсуса по многим проблемам истории. В их интерпретации лидеры крупнейших мировых стран, обращаясь к вопросам исторической политики, памяти, как правило, руководствуются не принципами объективности и историзма, а своими национальными (региональными, корпоративными) интересами, используют выгодные в этом отношении трактовки исторических событий (вплоть до фальсификации) [Краско, 2021].

Одной из главных причин «войн памяти» являются геополитические изменения. Нарастание геополитического противоборства способствует использованию на международной арене исторической политики в качестве инструмента «мягкой силы», к ее категориям апеллируют уже не столько историки, сколько представители политических элит, которые осознанно и преднамеренно используют историю в качестве инструмента политической аргументации. При этом в интересах правящей элиты в сфере истории и политики памяти используются государственные административные и финансовые ресурсы. Такой подход позволяет рассматривать ведущиеся «войны памяти» как явление, прежде всего политической реальности.

Субъекты противоборства используют выгодные с позиций обеспечения своих национальных (региональных) интересов трактовки исторических событий, постоянно совершенствуя формы и методы их доведения до общественности, в том числе через специальные центры, созданные на территории как глобальных политических акторов, так и их сателлитов, а также используя различные технологии манипулирования общественным сознанием и информационно-коммуникационные технологии [Краско, 2019]. В ход идут политические технологии

и психологические методики: интерпретация исторических событий происходит через призму идентичности, обеспечивая аффективное усвоение собственной истории, которое происходит через эмоции и ценности, чем принципиально отличается от логического.

В качестве информационно-психологического приема для создания новой модели мироустройства через делегитимизацию исторического фундамента предыдущей системы в настоящее время используется и так называемое «историческое переформатирование» (*На Украине уравняли бандеровцев и воевавших против Третьего рейха // Lenta.ru*[1]). Примеров реализации такой стратегии немало, а ее последствия заставляют рассматривать проблему фальсификации истории как угрозу национальной и региональной безопасности.

Развитие исследований исторической памяти в контексте безопасности создало предпосылки для появления различных объяснительных моделей и инструментальных технологий секьюритизации исторической политики. Так, о тенденции трансфера проблем национально-государственной идентичности, исторических нарративов и исторической политики в плоскость рисков и угроз свидетельствуют концептуальные документы и повседневные практики, например, Украины. В их основу, например, на Украине положен тезис о том, что коллективная память является основным элементом, конституирующим смыслы безопасности, при этом, как полагают ее авторы, тройную связку «память – безопасность – идентичность» разрушить невозможно [Апрыщенко, 2016, с. 105]. В таком контексте принцип секьюритизации – это некий баланс между управлением прошлым и защитой интересов государства, между обновлением идентичности, развитием исторической памяти и обеспечением их безопасности [Николайчук, Янгляева, Якова, 2020]. Со второй половины 2000-х годов «секьюритизация» украинской исторической политики, как и «войны памяти» только нарастала. В частности, в 2009 году именно СБУ объявила ОУН и УПА независимыми субъектами международной политики и, совместно с Центром исследований освободительного движения, создала национальный музей-мемориал «Тюрьма на Лонцкого» (ранее в здании музея находилось управление СБУ по Львовской области). Усилиями СБУ был сформирован своеобразный «кластер», обеспечивавший продвижение отобранных СБУ не только архивных материалов, но и ангажированных историков-архивистов.

[1] URL: https://lenta.ru/news/2019/03/26/bandera/

Таким образом, использование «исторического кейса» как одного из инструментов «мягкой силы» в формировании новой картины мира получило широкое распространение в современной политической практике и выражается в использовании истории и памяти о прошлом отдельными государствами в качестве действенного инструмента формирования идентичностей. Поэтому в современных условиях, в том числе с учетом беспрецедентного внешнего давления на наши государства – участники СНГ, сохранение исторической памяти должно рассматриваться как фактор обеспечения и национальной, и региональной безопасности. Это обусловливает необходимость своевременного реагирования, выстраивания уже не только исторического диалога, но и построенной на взаимном уважении национальных интересов и традиций коалиционной исторической политики, в том числе в рамках государств – участников Содружества Независимых Государств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Почебут Л. Г. Теория социальных представлений // Психология социальных общностей. М. : Изд-во Юрайт, 2018. Гл. 4. С. 204–207.
2. Гайдаев О. С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. № 1. Vol. 21. С. 20–32.
3. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Политическая энциклопедия, 2015.
4. Краско Г. Г. «Войны памяти» как технология экспорта нестабильности: от исторической политики до новой политической реальности // Прикладные аспекты научной деятельности в области обороны и безопасности государства: тезисы докладов Международной военно-научной конференции, Минск, 29 апр. 2021 / редкол. В. А. Тумар. Минск, 2021. С. 23–24.
5. Краско Г. Г. Информационная безопасность в контексте истории и практики решения проблемы // Обеспечение глобальной и региональной безопасности: взаимодействие и партнерство: материалы Международной научно-практической конференции, Алматы, 29–30 марта 2019 г. / Акад. КНБ Респ. Казахстан. Алматы, 2019. С. 29–33.
6. Апрыщенко В. Ю. Память как безопасность // Новое прошлое. The new past. 2016. № 3. С. 86–108.
7. Николайчук И. А., Янгляева М. М., Якова Т. С. Управление прошлым и защита интересов государства // Проблемы национальной стратегии, 2020. № 2(59). С. 186–203.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. Лапшов

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии Института международных отношений
и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия
valeralapshov@gmail.com

Аннотация. В докладе изложены результаты отечественных и зарубежных социологических исследований терроризма в современном обществе. Проведен контент-анализ научных публикаций социологических журналов. Рассмотренно противодействие идеологии терроризма на российском региональном уровне как объект социологического познания. Уточнены операциональные определения предмета исследования.

Ключевые слова: терроризм, общество, объект социологического исследования; терроризм в обществе как объект социологического исследования

SOCIOLOGICAL STUDIES OF TERRORISM IN MODERN SOCIETY

Lapshov V. A.

Abstract. The report presents the results of domestic and foreign sociological studies of terrorism in modern society. The content analysis of scientific publications of sociological journals was carried out. The opposition to the ideology of terrorism at the Russian regional level is considered as an object of sociological knowledge. The operational definitions of the subject of research have been clarified.

Keywords: terrorism, society, the object of sociological research; terrorism in society as an object of sociological research

Введение

В современных условиях значительную угрозу мировому сообществу представляет террористическая деятельность отдельных индивидов, социальных групп и некоторых социальных сообществ. С 2000 года в мире зафиксировано более 72 тысяч терактов, унесших жизни почти

170 тыс. человек[1]. Эксперты отмечают, с каждым годом террористы становятся более жестокими. Если в XIX – начале XX вв. они преследовали в основном политические цели, то сейчас они убивают людей для массового устрашения[2].

Так, 11 сентября 2001 г. в США был совершен крупнейший по числу жертв теракт в мировой истории – захват рейсовых пассажирских самолетов для атаки на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а также здание Пентагона близ Вашингтона. Помимо 19 террористов-самоубийц, в результате атак погибли 2 977 человек, еще 24 были объявлены пропавшими без вести[3]. После этого в различных странах были приняты: Канада – закон по борьбе с терроризмом (2001); США – «Акт о национальной безопасности» и «Патриотический акт» (2002). Данные документы были направлены на выявление и предотвращение терроризма в обществе. Террористические акты в начале XXI века вынудили мировое сообщество сконцентрироваться на опасности терроризма как глобального явления.

В конце XX – начале XXI в. российское общество также столкнулось с этим глобальным вызовом, что нашло отражение в Указе Президента Российской Федерации (*далее* РФ) «О мерах по противодействию терроризму»[4] и Федеральном законе «О противодействии терроризму»[5].

В целом по России с 2000 по 2017 гг. произошло свыше 20 крупных террористических актов, в которых погибло более 800, ранено и пострадало около 2 700 человек[6].

Актуальность этой проблемы для российского общества отмечается в Стратегии национальной безопасности РФ, где указано, что

---

[1]Терроризм в XXI в. URL: https://ria.ru/20160122/1363384811.html (дата обращения: 07.07.2021).

[2]Международный терроризм в XXI в.
URL: https://radiosputnik.ria.ru/20140904/1022711206.html (дата обращения: 07.07.2021).

[3]Самый страшный теракт в истории США: как это было. URL: https://www.gazeta.ru/social/photo/terrorist-attack-in-usa-2011.shtml (дата обращения: 07.07.2021).

[4]О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116. URL: https://rg.ru/2006/02/17/antiterror-doc-dok.html (дата обращения: 07.07.2021)

[5]О противодействии терроризму: Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета, № 0(4014), 10.03.2006.

[6]Теракты XXI в. в России. URL: https://www.kommersant.ru/gallery/2249356#id904416 (дата обращения: 07.07.2021).

в современных условиях нарастают проявления терроризма[1]. Борьба с терроризмом является важнейшим направлением государственной политики по обеспечению безопасности в российском обществе. В ее основе лежит предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц.

В российском обществе наиболее активно пропаганду терроризма осуществляют такие экстремистские международные организации, как «Имарат Кавказ», «Хизб-ут-Тахрир», «Исламская партия Туркестана», «Ат Такфир валь - Хиджра». Всего в нашей стране в список террористических внесены 20 организаций, еще более 30 организаций решениями судов признаны экстремистскими, их деятельность запрещена на территории России [Ильин, 2014].

Все это представляет собой определенные социальные риски развития современного общества и требует изучения терроризма как объекта социологического исследования [Лапшов, 2010].

Эмпирическая база исследования

Основным методом исследования был выбран контент-анализ [Таршис, 2014]. На первом этапе объектом анализа выступили отечественные научные журналы, включенные в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук[2], а также международные научные журналы по терроризму[3].

В указанных источниках осуществлялся поиск документов, содержащих в своем названии смысловую единицу «терроризм», а также смысловые единицы, относящиеся к разным видам террористической деятельности. В результате первого этапа было отобрано около 160 научных журналов, публикующих материалы, связанные с проблемой терроризма как объекта исследования.

---

[1]Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (дата обращения: 07.07.2021).

[2]Распоряжение Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319501/ (дата обращения: 07.07.2021).

[3]Tinnes J. A Resources List for Terrorism Research: Journals, Websites, Bibliographies. https://www.universiteitleiden.nl/binaries/content/assets/customsites/perspectives-on-terroris (дата обращения: 07.07.2021).

На втором этапе исследования полученные данные были проанализированы количественно и качественно. Основными целями второго этапа выступили анализ и систематизация показателей и критериев терроризма как объекта социологического исследования. Для достижения поставленных целей из генеральной совокупности, сформированной на первом этапе, были отобраны научные журналы социологической направленности, а именно, один отечественный – «Социологические исследования», и три зарубежных – «Studies in Conflict and Terrorism», «Terrorism and Political Violence» и «Post-Soviet Affairs», которые и легли в основу настоящего исследования.

На третьем этапе в отобранных журналах было проанализировано около 1500 статей, содержащих в названии слово «терроризм» и его синонимы, с опорой на методологию качественного контент-анализа. Система смысловых единиц может быть представлена в виде двух блоков. *Во-первых*, был составлен полный перечень слов, относящихся к терроризму. *Во-вторых*, был произведен предварительный анализ основных синонимов к слову «терроризм как объект социологического исследования». Из всей генеральной совокупности, полученной на втором этапе исследования, были отобраны публикации, содержащие в названиях работ выделенные смысловые категории. Таким образом, после анализа всех публикаций, было отобрано около 20 научных работ, удовлетворяющих критериям поиска. Такой подход позволил отразить представление о терроризме в современной социологической науке. Результаты проведенного анализа представлены ниже.

Теоретические основы исследования

Под объектом социологического исследования мы понимаем определенную социальную реальность, не зависящую от исследователя [Социологический словарь, 2014, с. 307]. Такой социальной реальностью является социальное поведение и социальная структура общества. В отечественной науке общество рассматривается как исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся на основе постоянного изменения форм и условий их деятельности в процессе взаимодействия с органической и неорганической природой [Осипов, 2014]. Мы исходим из того, что общество представляет собой формирующуюся совокупность социальных взаимодействий между людьми, складывающуюся в процессе их

деятельности, под воздействием социальных институтов и групп конкретной территориально-политической государственной системы. Общество можно рассматривать как единый социальный организм, развитие и функционирование которого осуществляется через посредство взаимодействия экономической, социальной, политической и идеологической сторон его жизнедеятельности.

Объект социологического исследования представляет собой всю совокупность связей и отношений, которые носят название социальных. Социальное выступает характеристикой общественной жизни, как совместной, проникнутой взаимосвязью и взаимозависимостью жизнедеятельности людей. Объект социологического исследования нами рассматривается как социальная система, так как в каждом абстрактном социальном объекте существуют определенные связи и отношения. Само понятие «социальная система» включает в себя состояние и процессы социального взаимодействия между действующими субъектами. Структуру социальной системы образуют ценности, нормы и роли, имеющиеся в любой социальной общности.

Терроризм (*лат*. terror – страх, ужас) – политика устрашения и насильственных действий в достижении определенных политических целей (изменение внутренней или внешней политики государства, провоцирование международных инцидентов и вооруженных конфликтов, провокации на межэтнической и религиозной основе; навязывание определенной линии поведения, подавление политических противников и конкурентов и т. д.) при помощи террора, убийств, покушений, инсценированных «судов», диверсионных акций, направленных как против противников, так и против непричастного к противостоянию населения [Ксенофонтов, Бондаренко, 2003, С. 645–646].

В правовом поле России терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и / или иными формами противоправных насильственных действий[1].

По мировоззренческим установкам различают терроризм религиозный, фундаменталистский, сектанский и т. д. По характеру – это вид политической борьбы; специфическая форма вооруженных действий; вид уголовной преступности (криминальный). Терроризму

[1]О противодействии терроризму: Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета, № 0(4014), 10.03.2006.

свойственны: культ насилия и отказ от диалога с оппонентами; целенаправленно организованный характер террористических актов; закрытый, подпольный характер деятельности; идеологизированная мотивация совершаемых террористических актов.

Возникновение и распространение терроризма в РФ имеют определенные исторические предпосылки и связаны как с внутренними экономическими, политическими, социальными, межнациональными, конфессиональными противоречиями, так и с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества, террористическими угрозами[1].

В соответствии с вышеизложенным, в нашем исследовании мы рассматриваем *терроризм в обществе как объект социологического исследования в начале XXI в. как социальную реальность принудительного воздействия на субъекты социальных отношений с целью достижения определенных политических целей в обществе, имеющую свою систему ценностей, норм и ролей, которую разделяют определенные индивиды и социальные группы в современных условиях*.

Основной гипотезой нашего исследования является то, что в социологических исследованиях начала XXI века по-разному описывают сущность терроризма в различных социальных сообществах. Отдельные исследователи рассматривают терроризм как угрозу существующим социальным отношениям, другие – как форму национально-освободительного движения. Отечественные социологи чаще всего анализируют исторические корни терроризма, его сущность как объект социологического изучения, причины существования терроризма в России, общественное мнение по данной проблеме и т.п. Часть зарубежных исследователей данного социального явления исходят из того, что террористическая деятельность в российском обществе является формой национально-освободительной борьбы.

Практические результаты исследования

В начале XXI в. отечественные исследователи неоднократно обращались к проблеме терроризма. Они проводили анализ причин существования современного терроризма в России и предложили множество своих объяснений того, почему она сохраняется.

[1]Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: Утверждена Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 года // Российская газета. № 198(5022). 20.10.2009.

Так в 2001 г. Отделением философии, социологии, психологии и права Российской академии наук (*далее* РАН) и Центром конфликтологии Института социологии РАН был организован и проведен круглый стол «Терроризм в современной России: состояние и тенденции» [Терроризм в современной России ... 2001]. В ходе его работы были обсуждены следующие вопросы: критерии идентификации общественно опасных акций, признаваемых террористическими, среди отечественных и зарубежных исследователей; социальные условия возникновения и обострения терроризма; формы, способы и средства, к которым прибегают современные террористы; меры по предотвращению, нейтрализации и подавлению устремлений террористов.

В 2002 году заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, директор Московского исследовательского центра по проблемам организованной преступности и коррупции В. В. Лунеев изучал проблему организационной преступности и уголовного терроризма в условиях глобализации [Лунеев, 2002]. В ходе исследования автор пришел к выводу, что террористическая составляющая организованной преступности в России имеет тенденцию к определенной политизации в целях ослабления деятельности правоохранительных органов, торможения законодательных инициатив, невыгодных преступной среде.

Другой отечественный исследователь А. И. Суворов изучал феномен российского политического терроризма, наложившего отпечаток на социально-политические процессы страны последней трети XIX и начала XX столетия и повлиявшего на дальнейшие судьбы страны [Суворов, 2002]. В своем исследовании ученый анализирует негативные идеологические последствия террора и делает вывод, что глубоко безнравственная, антигуманная сущность террора тлетворно влияла как на самих преступников, так и на российское общество.

В 2005 г. Г. К. Варданянц рассмотрел диагностику и социальный контроль терроризма со стороны Правительства РФ [Варданянц, 2005]. Это позволило исследователю сделать вывод, что стратегия упреждения террористической деятельности должна сводиться к дезактивации «идеологии войны» – идеологии этнического национализма, путем растворения терроризирующего социума терроризируемым обществом.

Отечественный исследователь В. Н. Иванов справедливо отмечал, что успех борьбы с современным терроризмом во многом зависит от знания причин, условий и предпосылок его возникновения

и активизации [Иванов, 2005]. По мнению автора, современный терроризм характеризует ставка на силу. Одной из фундаментальных задач террористов является расширение возможностей рекрутирования своих сторонников. Особое внимание исследователь уделяет идеологии левого радикализма, получившую достаточно заметное развитие особенно в европейских странах.

Исследуя проблему международного терроризма в Центрально-Азиатских странах, социолог М. К. Асанбеков приходит к выводу, что в результате сведения к нулю роли политических партий и объединений в общественной жизни и полного обнищания населения люди все больше начинают обращать взоры к широко внедрившимся в данном регионе религиозным международным экстремистским организациям [Асанбеков, 2005].

Изучению основных тенденций понимания природы терроризма в зарубежной науке, публицистике и политической практике, посвящено исследование Э. Н. Ожиганова [Ожиганова, 2006]. Данный ученый считает, что в начале XXI в. доминируют две тенденции относительно понимании природы терроризма. Первая представлена представителями научного или академического сообщества, которые исходят из реального существования первопричин терроризма: неравное положение этнических меньшинств, культурное и религиозное преследование, политические репрессии, экономические лишения и т. п. Вторая тенденция представлена правительственными, полицейскими и военными должностными лицами, а также аналитиками из органов безопасности которые считает, что терроризм вызван злостными намерениями экстремистов и фанатиков, которые стремятся разрушить нормативный порядок с целью повлиять на легитимную политическую власть.

Исследованию российского общественного мнения о проблеме терроризма посвящена работа Д. В. Поликанова [Поликанова, 2006]. Автор считает, что проблема терроризма не рассматривается в качестве актуальной угрозы, непосредственно направленной на большинство населения, а скорее видится как некий абстрактный страх, постепенно переходящий в привычное состояние. В этих условиях автор считает необходимым формировать общественное мнение по преодолению социально-психологического воздействия терроризма на общество.

Контент-анализу газетных материалов о теракте в Беслане посвящена научная статья В. А. Барсамова [Барсамова, 2006]. Автор проанализировал статьи и материалы ряда отечественных изданий, проследил

эмоциональный настрой данных изданий к террористам и их интерпретацию событий в этнонациональных и религиозных категориях.

Результаты контент-анализа сообщений в связи с терактом 24 января 2011 г. в аэропорту «Домодедово» представлены в работе отечественных исследователей К. А. Гаврилова, А. Д. Толмач [Гаврилова, Толмач, 2014]. Авторы констатировали тот факт, что средства массовой информации играют значимую роль источника фактической, безоценочной информации. Было выявлено значительное число случаев, когда актор обвинялся без указания на совершенное им действие или бездействие. В то же время, индивидуальным акторам (прежде всего, террористам) значительно реже приписывалась ответственность, чем коллективным и корпоративным акторам. По мнению исследователей, в средствах массовой информации имеется значительная неопределенность в трактовке данного теракта.

Проблеме управления образами региональной власти и антитеррористическим стратегиям посвящена работа Д. Н. Замятина, Н. Ю. Замятиной [Замятина, Замятиной, 2006]. Под управлением образами авторы понимают область стратегического анализа и прогнозирования, в которой исследуются структуры и траектории развития доминирующих в общественном мнении и сознании образов (включая структуры государственного управления, бизнес-структуры, общественные, профессиональные и политические организации). В соответствии с данным подходом, образ антитеррористических стратегий должен включать в себя действия и мероприятия, не связанные прямо с предотвращением и / или борьбой с террористическими актами, например – принятие на региональном уровне законов, облегчающих социально-экономическую и культурную адаптацию мигрантов и т. п.

Социальное основание терроризма и поведение его жертв изучал отечественный ученый Ф. Н. Ильясов [Ильясов, 2007]. Автор рассматривает терроризм как действие, направленное на получение (увеличение) ресурсов быстро, незаконно и насильно. Анализирует феномен «одиночного» и «группового» терроризма, его отличие от партизанской войны или диверсионной деятельности. Исходя из мотивов террористической деятельности, выделяет типы терроризма и его специфическую мотивацию. Основой борьбы с терроризмом исследователь определяет социально-экономические и идеологические методы.

Феномен терроризма в массовом сознании исследовал А. Д. Толмач [Толмач, 2019]. Терроризм и террористические угрозы он рассматривает с позиций социологии риска, как один из его типов, с которыми сталкивается современное общество. Он проанализировал мнения респондентов о восприятии терроризма разными социальными группами и сделал вывод, что террористическая угроза в системе рисков, сложившейся в массовом сознании, относится к цивилизационным рискам (техногенные катастрофы, экологические бедствия, войны. В своих последующих трудах данный автор изучал роль индивидуального фактора при принятии решений в ситуации террористической угрозы [Толмач, 2011]. Опираясь на опыт США, он обосновал необходимость формирования системы информирования населения об угрозе террористических актов.

Особенности готовности граждан России к противодействию терроризму изучал социолог В. В. Шалупенко [Шалупенко, 2012]. Результаты проведенного исследования позволили автору описать эмпирические типы граждан по уровню их подготовленности и предрасположенности противостоять террористической угрозе.

Критический анализ исследователей, обвиняющих Россию в подавлении борьбы мусульман, проживающих на ее территории, за свое национальное освобождение представлен в работе И. Мухиной «Исламский терроризм и вопрос национального освобождения или проблемы современного чеченского терроризма» [Mukhina, 2006]. Автор делает вывод, что динамика терроризма не поддерживает точку зрения о том, что чеченские повстанцы ведут войну за независимость и заявленный «провал» российского правительства «отпустить Чечню» провоцирует будущие террористические акты.

Исследователь, П. Баев в своей статье «Инструменты противодействия терроризму для консолидации режима в путинской России» делает вывод о том, что с конца 1990-х гг. Россия оказалась в числе стран, наиболее пострадавших от терроризма [Baev, 2010]. Данная статья нацелена на изучение того, как борьба с терроризмом формирует основные черты российской внешней и внутренней политики.

П. Рич в своем научном труде «Понимание террора, терроризма и их представительства в СМИ и культуре» [Rich, 2013] провел обзор четырех книг о терроризме и повстанческой войне. В статье рассматриваются описания терроризма как в искусстве, так и в кино, а также историография терроризма.

А. Пелед в своей работе «Принуждение, согласие и уговоры: обзор усилий Конгресса США по улучшению обмена информацией в борьбе с терроризмом на федеральном уровне», на основе анализа отчетов различных структурных подразделений правительства США сделал вывод о том, что Конгресс США использовал три различных законодательных подхода к преодолению федерального контртеррористического обмена информацией: принуждение, согласие и обман [Peled, 2014]. Исследователь предлагает идею комплексного использования всех трех подходов, как наиболее подходящего для решения конкретных задач борьбы с терроризмом.

Ученый М. Стемпень в своем научном труде «Россия глазами исламского государства: анализ содержания журналов Dabiq и Rumiyah и участие России в борьбе против исламского государства» анализирует англоязычные журналы Исламского государства (*далее* ИГ), представляющие собой текстовый образец пропаганды ИГ, подготовленный для англоязычных изданий [Stempien, 2019]. В данных журналах Россию, как военного противника ИГ, характеризуют такие слова, как «крестоносцы», «неверующие». В это же время самопровозглашенный халифат изображается как последний мусульманский бастион против захватчиков.

Другая группа исследователей, в работе «Терроризм и политическое насилие в скандинавских странах» изучают вопросы терроризма и политического насилия в странах Северной Европы, которые по мнению авторов были менее разрозненными в отношении терроризма и политического насилия, чем можно было бы предположить [Malkki, Fridlund, Sallamaa, 2018].

Исследователь И. Федотенков в своей статье «Террористические атаки и общественное одобрение российского президента: свидетельство из анализа временных рядов» применяет анализ временных рядов для изучения еженедельных данных о рейтинге одобрения президента России и их зависимости от террористических атак [Fedotenkov, 2020].

Старший научный сотрудник Института международных исследований Стэнфордского университета, профессор политических наук Г. Лапидус в своей статье «Путинская война с терроризмом: уроки из Чечни» считает, что события 11 сентября ускорили драматическую реконфигурацию российско-американских отношений, а также обстановки международной безопасности [Lapidus, 2013]. Владимир Путин

был первым иностранным лидером, который связался с президентом Бушем по телефону, чтобы выразить свое сочувствие и поддержку.

Политолог Гордон Хан в своей статье «Мятеж джихада и российское противоповстанческое движение на Северном Кавказе» анализирует превратности повстанческого движения джихадистов на Кавказе и усилия России по борьбе с повстанцами с 2005 г., опираясь на прессу, веб-сайты джихадистов [Hahn, 2013]. Автор исследует в работе такие проблемы, как развитие ориентированных на джихад боевых подразделений, рост и упадок господства Масхадова, рост исламистских элементов, чеченское сепаратистское движение и расширение джихада, успехи Москвы в борьбе с джихадом, сеть джихадистов после смерти Басаева, взлет и карьера Рамзана Кадырова. Эти события анализируются им с точки зрения динамики мятежных и противоповстанческих конфликтов.

Проведенный нами анализ показывает недостаточное внимание отечественной социологии проблеме терроризма в современном обществе. Так, с 2001 по 2020 годы в российской научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU было размещено более 35 млн работ[1]. Из них тематике терроризма посвящено около 6%. Из всех работ по терроризму, каждая десятая относится к тематическому направлению социология. В ежемесячном научном и общественно-политическом журнале РАН «Социологические исследования» за это же время опубликовано около 0,3 % статей, посвященных проблематике терроризма. В них проанализированы его исторические корни, сущность как объект социологического изучения, причины существования терроризма в России, общественное мнение по данной проблеме и т. п. Другим социальным проблемам, связанным с террористической деятельностью в обществе, уделяется недостаточное внимание

Заключение

В заключение можно отметить следующее. Гипотеза исследования подтвердилась. Объективной научной реальностью является то, что отдельные исследователи терроризма преподносят террористическую деятельность некоторых представителей радикального исламского движения в российском обществе как национально-освободительную борьбу.

[1]Терроризм. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (lata обращения: 31.12.2020).

В своих научных исследованиях социологам нужно учитывать также и то, что террористические организации стремятся расширить сферу своего влияния в российском обществе, привлечь новых сторонников, особенно из числа молодежи, и в этих целях используют все возможные средства коммуникационного воздействия, прежде всего информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Поэтому необходимы дальнейшие социологические исследования в области: информационного противодействия терроризму в социальных сетях, блогах, форумах; критического восприятия информации и оценки источников ее получения и распространения с тем, чтобы развивать правильное представление о реалиях жизни, в том числе относящихся к терроризму. Также в дальнейшей научной проработке нуждаются вопросы оказания помощи со стороны государства, общества и средств массовой информации активным участникам интернет-противоборства из числа молодежи, занимающимся пропагандой антитеррористического мировоззрения и социально значимых ценностей.

Проведенный анализ современных исследований в области терроризма, позволяет нам предположить, что проблема терроризма в российском обществе как объекта социологического исследования требует своего дальнейшего изучения. Необходимо преодолеть искаженное представление мирового научного сообщества о сущности отечественных социальных институтов в противодействии терроризму. Это позволит сформировать общий замысел в борьбе с ним в завершенном и целостном виде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильин Е. П. Система противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Современные системы безопасности – Антитеррор: материалы конгрессной части X специализированного форума (28–29 мая 2014 г.) / отв. ред. А. В. Букарин. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2014. С. 19–20.
2. Лапшов В. А. Социальные риски российского общества в начале XXI века // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. Всероссийский научно-аналитический журнал. 2016. № 1. С. 11–26.
3. Таршис Е. Я. Контент-анализ: Принципы методологии. (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программа исследования). М. : ЛИБРОКОМ, 2014.
4. Социологический словарь / отв. ред Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев ; уч. секр. О. Е. Чернощек. М. : Норма : Инфра-М, 2014.

5. Осипов Г. В. Общество // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев ; уч. секр. О. Е. Чернощек. М. : Норма : Инфра-М, 2014.
6. Ксенофонтов В. Н., Бондаренко В. Ф. Терроризм // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд (Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин ; гл. ред. В. Н. Иванов). М. : Мысль, 2003. С. 645–646.
7. Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 3–11.
8. Лунеев В. В. Организационная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 60–67.
9. Суворов А. И. Политический терроризм в России XIX - начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 54–61.
10. Варданянц Г. К. Терроризм: диагностика и социальный контроль // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 78–83.
11. Иванов В. Н. Феномен терроризма // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 63–71.
12. Асанбеков М. К. Международный терроризм в центральноазиатских странах // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 126–130.
13. Ожиганов Э. Н. Профиль терроризма: природа, цели и мотивация // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 52–57.
14. Поликанов Д.В. Российское общественное мнение о проблеме терроризма // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 57–61.
15. Барсамов В. А. Контент-анализ газетных материалов (события в Беслане) // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 44–47.
16. Гаврилов К. А., Толмач А. Д. Кто виноват: контент-анализ блогов о теракте в «Домодедове» // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 81–88.
17. Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Управление образами: региональная власть и антитеррористические стратегии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 64–68.
18. Ильясов Ф. Н. Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 78–86.
19. Толмач А. Д. Феномен терроризма в массовом сознании // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 82–88.
20. Толмач А. Д. Индивидуальный и институциональный факторы террористической угрозы // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 54–61.
21. Шалупенко В. В. Готовность граждан России к противодействию терроризму // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 42–49.
22. Mukhina I. Islamic Terrorism and the Question of National Liberation, or Problems of Contemporary Chechen Terrorism // Studies in Conflict and Terrorism. 28(6) : 515–532 aug 2006. URL: https://doi.org/10.1080/10576100500236923/ (дата обращения: 07.07.2021).
23. Baev P. Instrumentalizing Counterterrorism for Regime Consolidation in Putin's Russia // Studies in Conflict and Terrorism. 27(4) : 337–352 jun 2010. URL: https://doi.org/10.1080/10576100490461114/ (дата обращения: 07.07.2021).

24. Rich P. Understanding Terror, Terrorism, and Their Representations in Media and Cultur // Studies in Conflict and Terrorism. 36(3) : 255–277 feb 2013. URL: https://doi.org/10.1080/1057610X.2013.755915/ (дата обращения: 07.07.2021).
25. Peled A. Coerce, Consent, and Coax: A Review of U.S. Congressional Efforts to Improve Federal Counterterrorism Information Sharing // Terrorism and Political Violence. 28(4) : 674–691 aug 2014. URL: https://doi.org/10.1080/09546553.2014.924410 (дата обращения: 07.07.2021).
26. Stempień M. Russia in the Eyes of Islamic State: An Analysis of the Content of Dabiq and Rumiyah Magazines and Russia's Involvement in the Fight against the Islamic State // Terrorism and Political Violence. Sep 2019. URL: https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1657097 (дата обращения: 07.07.2021).
27. Malkki L., Fridlund M., Sallamaa D. Terrorism and Political Violence in the Nordic Countries // Terrorism and Political Violence. 30(5) : 761–771 jun 2018. URL: https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1447184 (дата обращения: 07.07.2021).
28. Fedotenkov I. Terrorist attacks and public approval of the Russian president: evidence from time series analysis // Post-Soviet Affairs. 36(2) : 159–170 jan 2020. URL: https://doi.org/10.1080/1060586X.2019.1707566 (дата обращения: 07.07.2021).
29. Lapidus G. Putin's War on Terrorism: Lessons From Chechnya // Post-Soviet Affairs. 18(1) : 41–48 may 2013. URL: https://doi.org/10.1080/1060586X.2002.10641512 (дата обращения: 07.07.2021).
30. Hahn G. M. The Jihadi Insurgency and the Russian Counterinsurgency in the North Caucasus // Post-Soviet Affairs. 24(1) : 1–39 may 2013. URL: https://doi.org/10.2747/1060-586X.24.1.1 (дата обращения: 07.07.2021).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО: ПРОВЕРКА РЕАЛЬНОСТИ, ФАКТЫ И РЕШЕНИЯ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫМ СПОСОБОМ

Шарма Маниш

старший преподаватель,
заведующий кафедрой исследований Ганди и мира
почетный директор Ганди Бхаван, Университет Панджаба
генеральный секретарь Азиатско-Тихоокеанской ассоциации исследований проблем мира (АППРА)
член совета Международной ассоциации исследований проблем мира (IPRA)
manish@pu.ac.in

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме неоднозначности развития современного человеческого общества, основным негативным последствиям данного явления и способам их разрешения. Автор рассматривает такие феномены, как деструкция природной среды вследствие урбанизации, гражданские войны, терроризм. В качестве одного из путей решения проблем автор предлагает философскую концепцию Махатмы Ганди, в основе которой лежит гармоничное сосуществование человека, общества и природы, упор на «высокое мышление».

Ключевые слова: безопасность, изменение климата, инновации, Махатма Ганди, окружающая среда, технологии, устойчивое развитие, эксплуатация природных ресурсов

MODERN TECHNOLOGY AND HUMANITY: REALITY CHECK, FACTS AND SOLUTIONS IN A NON-VIOLENT WAY

Sharma Manish

Senior Lecturer, Chairperson at the Department of Gandhi and Peace Studies
Honorary Director of Gandhi Bhawan, the Punjab University
Secretary General of the Asia Pacific Peace Research Association (APPRA)
Board Member of the International Peace Research Association (IPRA)
manish@pu.ac.in

Abstract. This article is devoted to the problem of the ambiguity of modern human society's development, the main negative consequences of this phenomenon, and ways to solve them. The author considers such problems as the destruction of the environment due to urbanization, civil wars. As one of the ways to solve constantly

emerging problems, the author proposes the philosophical concept of Mahatma Gandhi, which is based on the harmonious coexistence of human, society and nature, "high thinking".

Keywords: security, climate change, innovation, Mahatma Gandhi, environment, technology, sustainable development, exploitation of natural resources

Введение

Несмотря на то, что человек с полной уверенностью считает себя архитектором своего будущего и настоящего, беспрецедентный рост численности населения, увеличение масштабов и интенсивности террористической деятельности, отвратительных преступлений против человечества показывает реальную природу человечества и тот тип развития, к которому привели его поступки. Наиболее показательны в этом отношении недавние события, связанные с боевыми действиями и конфликтами интересов между «Талибаном» и Афганистаном.

Махатма Ганди когда-то сказал, что с развитием науки и появлением всевозможных удобств, человеческая жизнь могла бы быть легкой, но человек не в состоянии победить свою собственную жадность. Развитие нанесло ущерб и ухудшило экологическую систему, привело к широкомасштабному уничтожению природных ресурсов, от которых зависят жизнь и благополучие людей. Нас должно беспокоить то, как современная цивилизация может обеспечить нам хорошее качество окружающей среды для нынешнего и будущих поколений. Мы грезим о славном будущем с современными технологиями, но не можем сбежать от противоречивых образов, звуков и страхов настоящего. Сейчас мы должны беспокоиться не только о войне и фанатичном насилии, но и о воздухе, которым мы дышим, воде, которую мы пьем, о проблемах городской жизни, и нестабильности наших самых ценных социальных институтов.

Итак, в центре внимания настоящей статьи попытка найти способ спасти наше настоящее и будущее в условиях устойчивого развития и показать, как философия Махатмы Ганди может решить проблему нашей «жадной природы», а также мы рассмотрим, как стабилизировать рост на благо человечества.

Экологическая ситуация

«Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды
любого человека, но слишком мал,
чтобы удовлетворить людскую жадность»

М. К. Ганди
[Большая книга афоризмов ... 2008]

Эта часто цитируемая фраза Ганди отражает его заботу о природе и окружающей среде. Все международные конференции, такие как Стокгольмская конференция 1972 г. или Саммит Земли в Рио-де-Жанейро 1992 г., были созваны гораздо позже, чем Ганди заговорил об окружающей среде и человеческом влиянии на нее. Даже в Индии основные движения в защиту окружающей среды, такие как движение «Чипко» под руководством Чанди Прасада Бхатта и Сандера Лала Бахугуны и «Нармада Бачао Андолан» Бабы Амте и Медхи Паткар, черпали вдохновение у Ганди. Обеспокоенность Ганди проблемами окружающей среды, урбанизации и механизации была отражена в его речах, трудах и обращениях к рабочим. Уместно отметить, что он был первым в мире защитником окружающей среды в теории и на практике. Аналогичным образом Его Святейшество XIV Далай-лама говорил следующее: «*мир становится всё меньше и меньше, всё более и более взаимозависимым, и сегодня, как никогда прежде, жизнь должна основываться на чувстве всеобщей ответственности, не только нации перед нацией и человека перед человеком, но и человека перед другими формами жизни*»[1].

Когда мы вникаем в глубокий смысл основного определения устойчивого развития, соотнося его с вышеприведенной цитатой Ганди, мы можем с уверенностью сказать, что необходимо брать от природы столько, сколько она может восполнить. Она требует добровольного сокращения потребностей, централизованного принятия решений и нахождения гармонии с природой, а не попыток завоевать ее или доминировать над ней, а также прекращения бездумной эксплуатации природных ресурсов в бесконечном стремлении к богатству и комфорту. На самом деле счастье не зависит от богатства и мирских удобств.

[1]Далай-лама о всеобщей ответственности // Его Святейшество Далай-лама XIV. https://dalailama.ru/messages/846-dalai-lama.html

Оно полностью зависит от физических и психологических склонностей человека. Современная проблема загрязнения окружающей среды не была известна во времена Будды и других великих личностей вплоть до XX века, поскольку в их время люди жили в мирной гармонии с природой, не пытаясь подчинить и эксплуатировать ее.

Всем известно, что буддизм и другие религии учат следующему: если человек хочет наслаждаться благами природы, он должен, в первую очередь, вести праведную жизнь. Сегодня ненасытная тяга человека ко всем видам желаний делает его всё более и более неправедным. В настоящее время эта ситуация привела к зловещему порочному кругу, в котором неправедность, или адхарма, еще больше усложнила человеческую жизнь. Из-за подобных трудностей человек становится более нерелигиозным и ведет грешную жизнь. Трагедия заключается в том, что порочный круг продолжает набирать обороты. По иронии судьбы, наука также нарисовала очень четкую картину, хотя и материалистическую, которая документально подтверждает нынешний кризис окружающей среды на Земле. Земля – прекрасная среда обитания для многих живых существ, включая людей, которые неразрывно связаны друг с другом целью выживания и развития. Традиционно эта взаимосвязь выражалась понятием «Великая цепь бытия», которая включает материю, тело, разум, душу, дух во всех его разнообразных проявлениях, при этом каждый уровень охватывает другой, пока, наконец, все эти составляющие не будут охвачены духом, Богиней, Богом, Дао, Брахманом, Атманом, Буддой или кем-либо другим, в зависимости от религиозной традиции (цит. по: [Уилбер, URL]). Однако рост эмпиризма в западной культуре с ее глубоко материалистическим, атомистическим и аналитическим мировоззрением привел к распаду этой Великой цепи, мировоззрения гнезда бытия, а также фрагментации и превращению земли и ее обитателей в чисто материальный, атомистический мир, который будет эксплуатироваться и управляться научными усилиями. Это в значительной степени способствовало нынешнему опустошению, которое ведет планету к экологическому коллапсу.

Как ни странно, наука также нарисовала очень четкую картину, хотя и материалистическую, которая документирует нынешний кризис в окружающей среде земли. Еще в 1962 г. Рэйчел Карсон опубликовала важную работу «Безмолвная весна», в которой она связывает использование пестицидов с уничтожением различных видов животных, особенно птиц, и загрязнением воды и земли [Carson, 1962]. В 1980 г.

ООН приступила к осуществлению Всемирной стратегии охраны природы, за которой в 1987 г. последовал «Доклад комитета Брантленда», в котором излагалась хрупкая взаимозависимость людей планеты, окружающей среды и других видов и приводились аргументы в пользу политики устойчивого развития и стратегий сохранения (природы). Каждые 20 минут вымирает один вид. Каждую минуту в окружающую среду выбрасывается 12,000 т CO_2 и уничтожается 51 акр тропических лесов. Каждый час более 1692 акров плодородной земли превращаются в пустыню, и 1800 детей умирают от недоедания (согласно статистике окружающей среды за 2012 год). Глобальная температура повышается, и, по прогнозам, этот показатель составит от 2 до 6 градусов по Цельсию. Это повышение температуры приведет к серьезным нарушениям в погоде и структуре посевов. Научные доказательства того, что мы разрушаем нашу планету, очевидны. В последнее время появилось понимание необходимости защиты жизни и окружающей среды. Однако в буддизме это был один из основных законов, который установил Будда около 25 веков назад для своих учеников[1].

Но когда мы рассматриваем современную ситуацию, мы видим, что природная катастрофа – это последствия стихийного бедствия, которое может иметь следующие формы, например, наводнение, торнадо, ураган, извержение вулкана, землетрясение или оползень. Было замечено, что эти стихийные бедствия приводят не только к финансовым и экологическим потерям, но и к большим человеческим жертвам. *Возникающие потери зависят от степени уязвимости населения перед такими угрозами, что также можно назвать жизнестойкостью*. Последствия или воздействия стихийных бедствий из-за изменения климата могут быть физическими, экологическими, социальными или экономическими. Доказательством наблюдаемого изменения климата являются данные о температуре, повышение уровня моря и уменьшение снежного покрова в северном полушарии. По данным МГЭИК (Межправительственная группа экспертов по изменению климата), с едины XX века большая часть наблюдаемого повышения средней температуры связана с увеличением концентрации парниковых газов. Прогнозируется, что будущие изменения климата будут включать дальнейшее глобальное потепление, повышение уровня моря и возможное увеличение количества экстремальных

[1]Thich Tri Quang Buddhism and Environmental Protection. http://www.budsas.org/ebud/ebdha006.htm

погодных явлений (*Пресс-релиз МГЭИК, 9 августа 2021 г.*). Стороны, подписавшие Рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций об изменении климата, согласились проводить политику, направленную на сокращение выбросов парниковых газов.

Народные волнения и Гражданские войны

На сегодняшний день существует несметное число трудностей на пути к безопасности, и чаще всего они пересекаются с проблемой разнообразия. К этим трудностям относятся, например, народные волнения и гражданские войны. В настоящее время разные народы по всему миру являются жертвами конфликтов и живут в обществах, *пострадавших от военных действий*.

Довольно большая часть таких испытаний приходится на Африку. В Судане граждане до сих пор не могут насладиться миром и стабильностью, ожидаемыми после подписания Найвашского соглашения между Хартумским правительством и Народной армией освобождения Судана. Наиболее разоренным регионом страны стал Дарфур, там простые люди, в том числе женщины и дети, продолжают страдать от кровопролитий уже много лет. Обстановка в Дарфуре выводит на первый план неразрывную связь между человеческой безопасностью и обязанностью защищать свою землю. Перед людьми других стран встают сложные вопросы. Например, как и при каких обстоятельствах должно мировое сообщество вмешиваться в дела страны, где страдает большая часть населения? Показательна в этом контексте нынешняя ситуация в Афганистане. Сопутствующий вопрос – как должна проводиться интервенция без подрыва государственного суверенитета?

Что касается суверенитета, то существует мнение, что, пока есть необходимость в признании независимости каждой страны мировым сообществом, существует такая же необходимость в том, чтобы обеспечить то, что государства осознают, что с независимостью приходит ответственность.

Это особенно актуально в случае Судана, где, кажется, правительство не пожелало полностью принять поддержку международного сообщества. На данный момент продолжается миротворческая миссия Африканского союза в Дарфуре (Объединенная африканская миссия в Судане), однако *из-за проблем, связанных с авторитетом АС*, прозвучали призывы углубить влияние Объединенной миссии при поддержке ООН. Эти требования встретили сопротивление со стороны суданского правительства.

Однозначно – это не критика позиции, занятой властями Судана, скорее это один из свежих примеров, демонстрирующих проблему связи безопасности человека и правительственной обязанности защищать.

Любая другая страна в мире борется с аналогичными разрушительными проблемами. Например, все мы стали свидетелями недавнего военного вторжения израильской армии в Ливан. Не говоря о потенциальных достоинствах и очевидных недостатках такого вмешательства, следует принять во внимание тяжелое положение народа Ливана как в ходе, так и после обрушившихся атак. Неизмеримо количество разрушенного имущества, физической инфраструктуры и средств к существованию людей в целом. Несмотря на то, что мировое сообщество отреагировало на этот вызов, вопрос о своевременности принятия решения, позволившего добиться прекращения огня, однозначно актуален. Среди прочего, конфликты приводят к волнам беженцев и переселенцев внутри страны, которые также сталкиваются с трудностями. Чаще всего в таких ситуациях наиболее уязвимы женщины и дети.

Глобальная война с терроризмом

То, как была начата глобальная война с терроризмом, очевидно, помешало, если ни полностью подорвало, план по достижению целей по обеспечению безопасности человека. Безусловно, никто не выступает против решения государства или группы стран бороться с терроризмом и освободить мир от представляемых им угроз. Однако способы, с помощью которых ведется эта война, явно противоречат всем возможным благородным целям, к достижению которых человечество стремилось с начала XXI века.

Один из наилучших методов, гарантирующих достижение целей по безопасности человека – это многосторонние действия, предпочтительно проводимые под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) или иной другой региональной правозащитной структуры, такой как АС (Африканский Союз). Впрочем, война с террором до сих пор в основном велась в одностороннем порядке, т. е. вне коллективного мандата ООН. Когда предпринимаются такие односторонние действия, создается впечатление, что государства предоставлены сами себе и могут поступать так, как им заблагорассудится.

Более того, война с терроризмом привела к нарушению части основных прав человека и человеческих стандартов, таких как право

на справедливое судебное производство и право не быть произвольно арестованным или задержанным. То, что мы видели – это осуществление так называемой политики передачи задержанных, когда подозреваемых в терроризме перевозят из одной страны в другую, внутри и вне рамок правосудия. Это одна из тех ситуаций, которую программа по безопасности личности стремилась избежать, т. е. нарушения основных свобод человека.

В современном мире безопасность человека возможна только тогда, когда выполняются основные требования свободы и развития общества. Ганди добавляет еще один аспект к концепции безопасности человека, говоря о том, что использование оружия в любых целях свидетельствует о сильном чувстве незащищенности и страха у тех, кто им обладает[1].

В противном случае, оружие может быть и не нужно для «безопасности». Немецкий комитет действий также требует аналогичного типа безопасности, заявляя, что безопасность – это не война, пытки и террор. Это то, о чем говорит Амартия Сен, – рассмотрение и измерение развития на основе ВВП национального дохода на душу населения. Широко признанные экономические критерии вводит в заблуждение и являются неправильным. По его мнению, нация, имеющая широкий доступ к образованию, обеспеченная необходимым свободным временем, пищей высокого качества, электричеством, жильем и одеждой, наряду с почти полной безопасностью человека и большим внутренним чувством безопасности, может рассматриваться как развитая страна, а не страна с высоким ВВП и т. д., без удовлетворения основных потребностей [Sen, 1999].

Как в бедных, так и в богатых странах основные потребности могут быть удовлетворены только при наличии большого чувства самоуважения и высокого почитания моральных ценностей среди лидеров правительства. Вот почему нобелевские лауреаты, такие как Амартия Сен, рассматривают развитие как свободу [там же]. Высшая форма безопасности возможна в цивилизованном и спокойном мире, где нет необходимости даже в вооруженных батальонах. До тех пор, пока не будут предприняты широкомасштабные добровольные меры по *трансформации* конфликтов как отдельными лицами, так и государствами, города мира не будут иметь покоя от вооруженных конфликтов, войн и массовых убийств. Оружие не может обеспечить безопасность. Именно

[1]Ненасилие: оружие Махатмы Ганди для универсального мира. https://newsonair.com/russian/2019/10/02/Ненасилие-оружие-Махатмы-Ганди-для-ун/

моральный дух и вера в Бога и истину приводят к реальному чувству безопасности. Современное оружие и технологии ведут к расширению сети отсутствия безопасности среди народов и современных армий.

Концепция безопасности Ганди может дать современному гражданину мира огромное чувство силы и убежденности. Однако для этого должен начаться процесс трансформации, который поможет развить общую уверенность в путях ненасилия Ганди. Широко распространенный и общепризнанный на протяжении многих веков факт, что перемены – это закон природы, остается в силе.

Перемены приводят к инновациям и вызывают интерес в жизни. Современные технологии являются самым ярким тому примером. Конечный итог этого стремительного развития современных технологий заключается в неизменности и вневременности потребности в безопасности, процветании, развитии и мире. Эфемерная природа изменений движется вперед к удовлетворению вечных потребностей планеты Земля. *То, что изменяется, подвержено циклу движения для достижения крайней необходимости и истины*. То, что не меняется, привлекает бесконечные исследования для удовлетворения вечной потребности человека в безопасности. Может ли когда-нибудь возникнуть прочное чувство безопасности как живой пример для всех людей в этом мире, изобилующем повторяющимся опытом, ведущим к инновациям, а также к массовому уничтожению через террор, несчастные случаи и хладнокровные, запланированные или спланированные нападения на человечество в целом? Поиск ответа на этот вопрос не может не привести нас к неизведанным перспективам отсутствия насилия в концепции Ганди о реалиях человеческой жизни. Сегодняшние глобальные потребности и разнообразные сценарии ОМУ (оружие массового уничтожения), истощение ресурсов, загрязнение окружающей среды, терроризм, растущий уровень распущенности в современном гражданском обществе, баланс террора и взаимной подозрительности между народами и странами, кажется, обречены на провал.

Помимо вышеперечисленных пунктов, Ганди говорил не только о технологиях, но и о науке. После публикации книги «Пределы роста» – доклад Римскому клубу о затруднительном положении общества (*A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind, New York, 1972*), в 1973 г. Э. Ф. Шумахер опубликовал свой сборник эссе «Малое прекрасно: Экономика, в которой люди имеют значение» (*Vintage Books, London, 1973*), мир стал преследовать призрак экологической

катастрофы и истощения природных ресурсов. Эти две великие работы оказали существенное влияние на подсознание всех мыслящих людей, хотя повседневное давление политики и экономического роста, возможно, придало большее значение работам таких ученых, как Герман Кан, который стал соавтором книги «Следующие двести лет», опубликованной в 1976 г.

На сегодняшний день многие полагают, что индустриализация, основанная на бездумном потреблении, стала угрозой для окружающей среды. Это в значительной степени способствует сохранению парникового эффекта, глобальному потеплению и разрушению озонового слоя. Одержимость, связанная с приобретением богатств, привела к мировой торговле оружием и наркотических веществ, а также к разрушению естественной среды обитания львов, тигров и других диких животных. Это ставит под угрозу не только мир во всём мире, но и само существование человечества и Землю.

Стоит отдать дань уважения проницательности Ганди, молодого неопытного адвоката из Парбандара в Гурджарате, работающего в Африке до Первой мировой войны. В своей работе «Хинд сварадж, или Индийское самоуправление», где критиковалась западная цивилизация в том виде, в котором она тогда развивалась, он выразил мнение, что западный образ жизни не будет устойчивым. Он пришел к такому выводу после изучения таких западных писателей как Торо, Рёскин и Толстой, которые не являются приверженцами индустриализации. Ганди переписывался с последним из них и основал Феникс Ашрам и Ферму Толстого в Южной Африке. Он был приверженцем его идей, которые впоследствии доработал [Gandhi, 2008]. В книге о Ганди «Апостол прикладной экологии человека», Первый секретарь Министерства окружающей среды Трилоки Нат Кхошу цитировал Радхакриштана, который отмечал, то, что Ганди успешно демонстрировал, что «каждый член этого общества может жить в гармонии с природой» [Triloki, 1996].

Общественная жизнь, которую развивал Ганди, состояла из ручного труда, посадки деревьев, сельского хозяйства, простой жизни и ремесел. Их нельзя было назвать утопическими идеалами. Непрерывный и повторяющийся принцип общественной жизни состоял в том, чтобы жить в соответствии с ритмом природы и в гармонии с тем, что предлагает природа. Именно благодаря своему опыту, связанным с решением проблем окружающей среды и развития, Ганди, когда его спросили, хотел бы он иметь такой же уровень жизни для миллионов жителей

Индии, как в Англии, отметил: Британии потребовалась половина ресурсов планеты, чтобы достичь этого процветания. Сколько планет потребуется Индии? В другой раз он заметил: Земля обеспечивает достаточно ресурсов, но не удовлетворяет людскую жадность [Triloki, 1996]. Эта обеспокоенность полностью совпадает с озабоченностью экологов и других людей в современном мире, которые организовали саммит Рио по окружающей среде и развитию в 1992 году и которые сегодня продолжают вести активные дебаты по этому вопросу.

Ганди построил свою политическую и социальную мысль следующим образом: мир и ненасилие, всеобщее братство и гармония от личности и семьи до страны и мира, развитие общества, которое не эксплуатирует природу и людей, рациональность и способность адаптироваться к изменениям, а также простая жизнь и глубокое осмысление. Для выполнения вышеуказанных принципов Ганди были рекомендованы следующие средства, которые все присутствующие на саммите одобрили: социальные реформы, образование женщин и расширение прав и возможностей; баланс между промышленной и сельскохозяйственной деятельностью и развитием сельских и городских районов; опека для управления природными и производственными ресурсами; внедрение таких технологий, которые благоприятны для занятости, экологичны и благоприятны для рынка; противодействие безудержной эксплуатации природных и производственных ресурсов, которые способствуют развитию общества потребления; и принятие энергетической стратегии, которая является децентрализованной, экологически жизнеспособной и не эксплуататорской.

Мышление Ганди не могло быть более актуальным, тогда как стрелка Часов Судного Дня движется вперед, и мы боимся того, что приближаемся к ядерному Армагеддону и необратимому глобальному потеплению.

Люди лицом к лицу сталкиваются с:

– потенциально разрушительными последствиями изменения климата;

– увеличивающимся уровнем конкуренции за такие дефицитные ресурсы, как ископаемые виды топлива; экономической и социальной несправедливостью;

– страхом и отсутствием безопасности, вызванной неконтролируемым насилием во многих странах;

– ядерным распространением и угрозой национального терроризма с использованием «грязных» бомб.

И насилие со стороны государства и запугивание не являются решениями данных проблем.

Большая часть этих проблем была вызвана нестабильностью экономической системы, обусловленной корпоративным миром – империализм в новой форме, поддерживаемый иностранными политическими стратегиями, которым сопутствует растущая повсюду оппозиция. Он основан на потреблении (консьюмеризме), милитаризме и военной экономике. Злоупотребление корпоративной властью включает в себя доминирование глобальных институтов и вмешательство в демократические процессы и медиа. Глобальный поиск меньших затрат разрушает благосостояние, повышает уровень бедности и создаёт несправедливые рабочие условия. Коммерциализированная западная культура приводит к проблемам из-за слишком большого использования технологий. Использование природы в качестве ресурса, который можно грабить, еды как сырья, а фермерства как индустрии приводит к деградации Земли, из-за чего происходит нехватка воды и образование пустынь, загрязнение воды и воздуха, которым мы дышим, и ухудшение качества еды, которую мы потребляем. Поскольку компании обособляются от проблем и затрат, созданных ими, государственные службы не способны справиться, что приводит к увеличению нагрузки на общественные расходы и систему налогообложения.

Вандана Шива говорила, что социальные, экологические и культурные влияния корпоративной глобализации выявляют ограничения экономических и политических моделей, основанных на жадности, неравенстве и нестабильности. Фермеры совершают суициды, растут климатический хаос растет и насилие, неравенство ставит под угрозу саму структуру общества [Shiva, 1997; Shiva, URL].

Видение и направление. Концепция Ганди

Махатма Ганди не был кабинетным академиком или провидцем, живущим в уединении. Он был глубоко обеспокоен проблемами мира вокруг него. Он не признавал титула провидца и говорил, что к лидерству приводит не только дисциплина, для этого требуется вера и идеология. Центральная идея его видения народа Индии заключалась в концепции Сварадж – первоисточника, из которого вытекает весь спектр философских представлений Ганди. Сварадж берет начало в обязательном политическом самоуправлении как средстве достижения экономической, социальной и моральной свободы, что в равной степени может

быть применимо к личности, к обществу и к государству. Его теория о свободе заключалась в принципе самоуправления, т. е. самоограничения, а не свободы от ограничений, которая часто подразумевает независимость [Gandhi, 2008]. Соответственно, это требует обращения к сформированному Ганди правилу отсутствия желаний или обладания, что предписывает человеку научиться жить в гармонии с природой, своими собратьями и даже животными. Ганди просил человечество прекратить эксплуатацию природных ресурсов в бесконечной погоне за удовлетворением собственной жадности и жажды материальных благ. Что касается подхода к целостности жизни, Ганди не одобрял западный взгляд на накопление ненужных и излишних предметов. Подход основан на массовом производстве, который приводит к культуре чрезмерного потребления и консюмеризму, так как наше неутолимое желание иметь всё больше материальных благ ускоряет процесс истощения природных богатств [там же]. Фактически, сдержанность в желаниях не только актуальна сегодня, но и непосредственно связана с природными ресурсами, биологическим разнообразием и экосистемой. Наставление Ганди заслуживает особого одобрения, он утверждал, что счастье зависит не от благосостояния и мирских удобств, а от внутреннего удовлетворения и личного страдания во имя других. Его идея о патронаже также стала символом духовности. Ганди подчеркивал целостный подход, при котором в политике имеет место быть религия, а в экономике – этика. Он объяснял: «Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность» [Большая книга афоризмов ... 2008].

Ганди уже предостерегал об увлечении махинациями и слепой индустриализацией, в которой человек стал винтиком в машине, он был потрясен, узнав, что миллионы рабочих перестали быть нужны – их заменили машины, из-за чего стала ощутима проблема безработицы, вызывающая тревогу почти во всех развивающихся странах. Следовательно, подход Ганди к технологиям с человеческим лицом имеет большое значение. По мнению Ганди, наука и духовность должны идти рука об руку, иначе наука без духовности приведет к катастрофе и будет представлять угрозу для мира. В этом смысле подход Ганди может стать подходящей альтернативой, если мы заботимся о благополучии и существовании человечества, в противном случае, у Природы есть свои способы как создавать, так и разрушать. Можно следовать посланию

Ганди о простой жизни и высоком мышлении, чтобы изменить образ жизни для защиты экологии и окружающей среды. Все зависит от нас и от серьезности нашего намерения.

Все мы знаем, что невозможно вернуть экологическую обстановку прошлого. Но с помощью практики учений Будды, Ганди и других духовных лидеров мы можем свести к минимуму или преодолеть загрязнение окружающей среды, если сможем пробудить те страны, которые производят максимальное количество токсичных газов в мире и оказывают значительное содействие в загрязнении окружающей среды, что и приводит к экологическому кризису.

Чтобы сделать всех счастливыми, Будда учил нас понятию «карма» – *что посеешь, то и пожнешь*. Если вы уничтожите природу, природа уничтожит вас. Здесь нет исключений. Согласно учению Будды, всё переплетено и взаимосвязано концепцией зависимого происхождения, теория должна дойти до ученых и технологов развитой страны, чтобы их действия не приносили вреда живым существам и окружающей среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большая книга афоризмов / состав. К. В. Душенко. М. : Эксмо, 2008.
2. Уилбер К. Великая цепь бытия. URL: https://psy.wikireading.ru/19084
3. Carson R. Silent Spring, Good Press, 1962.
4. Gandhi M. Hind Swaraj or Indian Home Rule, Navajivan Publishing House, 2008.
5. Sen A. Development as Freedom, Oxford, 1999.
6. Shiva V. Biopiracy: the plunder of nature and knowledge. Cambridge, Ma, 1997.
7. Shiva V. The Seeds of suicide: how Monsanto destroys farming // Global research. 2013. June 24 – URL: http://www globalresearch.ca/the-seeds-of suicide-how-monsanto-destsroys-forming/5329947
8. Triloki N. K. Apostle of Applied Human Ecology, New Delhi, 1996.

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

П. В. Меньшиков

кандидат исторических наук, доцент
заведующий кафедрой медийной политики и связей с общественностью
Московский государственный институт международных отношений МИД России
p.menshikov@odin.mgimo.ru

Аннотация. В статье анализируется семантика и этимология термина «цветная революция», приводятся рассуждения о правильности употребления данного термина в современных реалиях, а также раскрывается вопрос актуальности существования угрозы возникновения «цветной революции» в России.

Ключевые слова: «цветная революция», протестное движение, влияние СМИ, информационная политика, угроза безопасности, международная стабильность, общественное мнение

"COLOUR REVOLUTIONS" AND INFORMATION POLICY OF RUSSIA

P. V. Menshikov

PhD (History), Associate Professor
Head of the Department of Media Policy and Public Relations
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
p.menshikov@odin.mgimo.ru

Abstract. The article analyses the semantics and etymology of the term "colour revolution", discusses the appropriateness of the use of this term in modern realities, and also reveals the relevance of "colour revolution" threat in Russia.

Keywords: "colour revolution", protest movement, media influence, information policy, security threat, international stability, public opinion

В информационной политике России понятие «цветных революций» употребляется сравнительно часто и относится к категории внешней угрозы, которая направлена на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в отдельных государствах и регионах, подрыв национального суверенитета и, в более широком плане, региональной и глобальной стабильности. С учетом объективно имеющей место

тенденции смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу РФ, «цветные революции» отождествляются с противоправной деятельностью извне, преследующей цель насильственного изменения конституционного строя в нашей стране. Закономерно возникает вопрос, насколько оправдано в политико-идеологическом плане в принципе проводить параллели между современной Россией и теми странами мира, где в той или иной форме подобные так называемые революции, а, по существу, государственные перевороты имели место или потенциально могут быть спровоцированы со стороны США, НАТО и ряда стран Запада.

В одобренной на совещании Совета Безопасности России 19 декабря 2014 г. уточненной Военной доктрине Российской Федерации подчеркивается, что мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения.

Распад биполярной системы сопровождался со стороны США повсеместным «импортом демократии» как политико-идеологического камуфляжа политики продвижения собственных экспансионистских устремлений, в той или иной степени оказав влияние на возникновение феномена «цветных революций». Термин, так активно употребляемый в последнее десятилетие средствами массовой информации, возник и вошел в оборот после публикации в 1993 г. книги Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения», где были сформулированы некоторые подходы к определению принципов и методов борьбы с так называемыми недемократическими режимами посредством некоего ненасильственного свержения авторитарных правительств. Многие исследователи в дальнейшем связывали возникновение череды радикально настроенных оппозиционных движений в различных странах мира с резонансным успехом книги. Описанные в ней методы свержения «недемократических» структур власти были использованы при организации целого ряда протестных общественных выступлений, иногда перераставших в государственные перевороты.

«Цветными» так называемые революции стали именовать в силу того, что первые события такого характера действительно содержали в составе своего названия цвет или, как минимум, цветок. Оранжевая революция на Украине, Революция роз в Грузии, Тюльпановая революция в Киргизии, Пурпурная революция в Ираке, Шафрановая революция в Мьянме, Революция лотоса в Египте и т. д. В одних случаях «цвет» революции задавала атрибутика демонстрантов, как правило, ленточки и знамена, в других – национальные символы государств. Оранжевые ленты в 2004 г. в ряде украинских городов надевали сторонники В. Ющенко, обвинявшие официальные власти в фальсификации результатов президентских выборов. Похороны убитого филиппинского политического деятеля Бенигно Акино посетило рекордное для страны количество людей, надевших в знак памяти и протеста желтые ленты. В 2009 г. под зелеными знаменами против официальных властей выступали сторонники Мир-Хосейна Мусави в Ираке (зеленый, как известно, – цвет ислама, в частности, прямых потомков пророка Мухаммеда – сейидов).

Среди «цветочных революций» одной из самых ранних считается Революция гвоздик в Португалии. Согласно легенде, жительница Лиссабона опустила гвоздику в дуло винтовки, ее жест ознаменовал характер революции и подарил ей имя. Среди протестных движений на территории постсоветского пространства имели место Революция роз в Грузии (2003) и Тюльпановая революцию в Киргизии (2005). Немалое количество революций не имели символа-цвета, хотя их и принято относить к числу «цветных». Революция в Югославии получила название «бульдозерная» после штурма здания Радио и телевидения Сербии бульдозерами. В сентябре 2015 г. в Гонконге происходила Революция зонтиков.

К одним из наиболее массовых и географически широких революционных движений в XXI веке относится «арабская весна» – ряд протестных движений и восстаний, берущих свое начало с событий в Тунисе и, в той или иной степени, распространившихся на 19 стран арабского мира в период с 2010 по 2012 гг. Несмотря на то, что феномен «цветных революций» подразумевает бескровное и ненасильственное свержение власти, в ходе «арабской весны» методы свержения власти варьировались от мирных демонстраций и гражданского сопротивления до вооруженных мятежей и ведения боевых действий в городских районах. Суммарные человеческие потери в период с конца 2010 по начало 2016 гг. оцениваются более чем в 500 тыс. человек.

Ввиду широкого применения, в том числе, в политическом дискурсе России, термина «цветная революция» закономерно возникает вопрос об уместности использования самого понятия «революция» в данном уже вполне устоявшемся словосочетании современного российского политического лексикона.

Исторически события, в ходе которых выражался протест в отношении действующей политической власти, и результатом которых могла иметь место смена государственной власти, характеризовались терминами «восстание», «путч», «переворот», «революция». Перечисленные понятия не тождественны по своему значению и смыслу. Как абсолютно не однозначны объективные потребности того или иного общества, послужившие предпосылками возникновения данных явлений.

Восстание характеризуется отказом повиноваться и открытым противостоянием законной власти с целью ее низвержения. Это одна из самых древних форм гражданского сопротивления власти, о чем свидетельствуют, в частности, некоторые древнегреческие и древнеримские исторические источники, из которых известно об Ионийском восстании греческих городов против персов в V веке до н. э. или о восстании рабов в Сицилии против Римской республики в I веке до н. э. Наиболее известным из отечественной истории является восстание декабристов в 1825 г., выступивших за упразднение самодержавия и отмену крепостного права. И хотя попытка препятствовать вступлению на престол Николая I и провалилась, она имела широкий резонанс в обществе и во многом повлияла на эволюцию политической жизни в Российской империи.

Основным отличием путча от переворота является то, что путч совершается небольшим количеством лиц, зачастую не имеющих четкого представления о потребностях социума и является, как правило, действием, лишенным широкой поддержки в обществе. Пивной путч 1923 г. в Германии был провальной попыткой захвата власти национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Людендорфом; провалился и августовский путч ГКЧП в 1991 г., целью которого было недопущение распада СССР; путч в Турции летом 2016 г., в ходе которого группа военных пыталась совершить в стране государственный переворот, был подавлен правительственными силами.

Этимологически слова «переворот» и «революция» тождественны ввиду заимствования французского «revolution», которое в переводе на

русский язык может обозначать не только привычное значение «революция», но также «переворот», «вращение», «перемена». Семантически же в русском языке слова «переворот» и «революция» не эквивалентны. Если под революцией понимается коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой системы власти, переход к иной форме общественно-политической формации, то государственный переворот подразумевает не изменения общественно-политического строя, а скорее смену одного правительства другим, что не несет за собой последствий революционного формата в масштабах всего общества в целом.

Насколько революционными были в действительности «цветные революции» и насколько правомерно употребление данного словосочетания применительно к определению внешних угроз и опасностей для нашей страны? Революция гвоздик в Португалии положила конец диктатуре Салазара, конец португальскому колониализму на волне национально-освободительного движения в португальских колониях на африканском континенте, открыв путь формированию институтов демократической политической системы в самой метрополии.

Практически все «цветные революции» на постсоветском пространстве были инспирированы Соединенными Штатами, использовавшими в своей внешнеполитической стратегии вмешательства во внутренние дела суверенных государств действительно имевшиеся в этих странах проблемы внутриполитического, экономического, социального, этнического и религиозного плана. Популистские идеологические призывы «воссоединения грузинских земель» как основной идеологический проект оппозиции в Грузии на фоне затяжного экономического кризиса и фактического банкротства республики открыли дорогу «Революции роз», закончившейся провалом военной операции «Чистое поле» 8 августа 2008 года против Южной Осетии со всеми известными последствиями для режима Саакашвили.

«Оранжевая революция» на Украине 2004 г., последующий антиконституционный переворот и насильственный захват власти в этой стране 22 февраля 2014 г. привели к катастрофическим последствиям, ни по каким канонам не укладывающимся в понятие революции как перехода к более высокой форме общественно-политического и экономического уклада [Родькин, 2015]. «Тюльпанная», а после и «дынная»

революции в Киргизии были обусловлены вызревшей насущной необходимостью отказа от архаики кланово-регионально-родственной системы управления в стране и порожденного этим глубокого социально-политического кризиса на фоне крайне неудовлетворительного положения в экономике и обнищания населения.

Смена режимов в ряде стран Северной Африки в 2010–2011 гг. была вызвана массовым недовольством авторитарными режимами правления, высокой коррумпированностью власти, высокими темпами инфляции, ростом безработицы и общим уровнем бедности в регионе, неравномерностью распределения социально-экономических и политических благ наряду с демографическими и структурными дисбалансами, а также обострением этно-религиозных конфликтов. В Тунисе, Египте, Йемене и Ливии власть была свергнута, во всех трех указанных странах, за исключением Туниса, смена власти сопровождалась затяжными кризисами, фактически – гражданскими войнами, некоторые из которых продолжаются до сегодняшних дней. В Ливане, Марокко, Кувейте, Омане, Иордании протестующие смогли добиться изменений в государственном управлении посредством в целом мирных демонстраций. В Саудовской Аравии и Бахрейне протестные выступления были подавлены властями с использованием силовых методов. Сирия превратилась в эпицентр борьбы с международным терроризмом.

Возникает вопрос: «Возможно ли предположить реальность возникновения "цветной революции" в любой из промышленно развитых стран современного мира даже при гипотетически самом широком ее финансировании извне?» Нет. Приведшие к свержению властных структур действия в странах «цветных революций» были обусловлены во многом архаическим, в ряде случаев, авторитарным внутренним политическим, социальным и экономическим укладом, что было использовано США в интересах продвижения т.н. либеральных революций с опорой на протестные настроения внутри этих государств. На поверхность протестной активности вышли складывавшиеся на протяжении длительного времени глубинные противоречия этнического и религиозного характера. Далеко не везде и не во всем свержение власти привело к реализации подлинно национальных интересов. Достаточно привести примеры Ливии и Ирака. Феномен выхода на авансцену мировой политики такого явления, как международный терроризм, другие крайне негативные для всего мирового развития факторы, о которых

говорил, в частности, Президент России В. В. Путин, выступая с трибуны юбилейной 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН.

Безусловно, характерной чертой и особенностью современных военных конфликтов является комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций. К категории основных внутренних военных опасностей относится деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, информационному воздействию на население, провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти, либо вражды. Эти имеющие принципиальное значение положения закреплены в уточненной Военной доктрине РФ.

Но следует ли употреблять словосочетание «цветная», «оранжевая» или любая другая так называемая революция в качестве определения внешней угрозы нашей стране? Действия, о которых идет речь в уточненной Военной доктрине, имеют отношение к попыткам со стороны США, НАТО, ряда стран Запада в русле политики гибридных войн дестабилизировать общественно-политическую, экономическую, социальную ситуацию в России. Попытки вмешательства во внутренние дела, политика санкций, идеологические диверсии имеют и несомненно будут иметь место и далее. Но эти действия никак нельзя отождествлять с попытками экспорта, инициирования или подталкивания какими-либо путями к какой-либо революции в нашем государстве с целью свержения существующего конституционного строя. За всю многовековую историю России и российской государственности никто извне никогда не определял пути ее эволюции.

Представляется, что всякий раз прибегая в политической коммуникации в контексте информационной политики к журналистскому расхожему словосочетанию «цветная революция» как фактору реальной внешней угрозы конституционному строю России, происходит существенное искажение объективной оценки политико-идеологической ситуации в стране с точки зрения признания не отвечающему истинному положению дел наличия в современном российском обществе предпосылок и условий для революционного изменения существующего

конституционного строя, для чего необходим только некий импульс извне по примеру большинства указанных выше стран, переживших так называемые «цветные революции».

Большинство «цветных революций» по сути вообще не были революциями в подлинном значении данного понятия. Гораздо точнее именовать эти события «цветными переворотами». Прекращение существования Советского Союза, образование независимого демократического государства Российская Федерация с принципиально иной политической и экономической системой, отказ от коммунистической идеологии – эти действительно революционные события, связанные с коренным изменением всего уклада жизни страны, не характеризуются в российской политическом лексиконе и отечественной историографии как революция. Так неужели любая из так называемых «цветных революций» была по глубине общественно-экономических преобразований революционнее перемен в жизни нашего государства? В контексте гибридной войны «цветные революции» являются средством реализации экспансионистских устремлений США и НАТО применительно к ряду стран различных континентов мира, но являются абсолютно бесперспективной политикой в отношении России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Родькин П. Е. Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. М. : Совпадение, 2015.

ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МИРА

С. С. Мехди

профессор
директор Всемирного форума мира по идеям массового уничтожения, Пакистан
sikander.mehdi@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются «идеи массового уничтожения» и оружие массового уничтожения. Приводятся аргументы в пользу того, что что такие идеи, как территориализм, религиозность, рабство, расизм, колониализм, капитализм и национализм повлекли за собой массовые убийства людей, а также способствовали производству, приобретению, накоплению и применению оружия массового уничтожения. Автор пытается доказать, что борьба с этими губительными идеями должна быть основной задачей государств.

Ключевые слова: идеи массового уничтожения, международные организации, национальное государство, ОМУ, поддержание мира

WEAPON OF MASS DESTRUCTION AND RESEARCH ON THE FIELD OF PIECE

S. S. Mehdi

Professor
World Peace Forum's Director of the Ideas of Mass destruction, Pakistan
sikander.mehdi@gmail.com

Abstract. The article discusses «ideas of mass destruction» and weapons of mass destruction. Arguments are given in favor of the fact that ideas such as territorialism, religiosity, slavery, racism, colonialism, capitalism and nationalism led to mass killings of people, and also contributed to the production, acquisition, accumulation and use of weapons of mass destruction. The author tries to prove that the fight against these destructive ideas should be the main task of states.

Keywords: ideas of mass destruction, international organizations, nation state, peace-keeping, weapon of mass destruction

Для нас большая честь обратиться непосредственно к сообществу мира IPRA, разбросанному по всему земному шару, и поговорить об идеях массового уничтожения. Термин «идеи массового уничтожения»

был придуман в 2020 г., и краткое введение в него было опубликовано в информационном бюллетене IPRA в 2020 году. Эта тема была вновь затронута на 28-й Всеобщей двухгодичной конференции IPRA, проходившей в Найроби в 2021 г. Сегодня, на конференции, организованной профессором Ольгой Воркуновой и ее командой в Москве по случаю пятидесятой годовщины Комиссии IPRA по просвещению в области мира, представляется вариант, основное внимание которого уделяется непосредственно исследованиям оружия массового уничтожения (ОМУ) и мира. Возможно, это наиболее подходящее место и время для обсуждения идей массового уничтожения как новой области, вызывающей обеспокоенность в исследованиях мира.

Идеи массового уничтожения – это, пожалуй, самое смертоносное оружие массового уничтожения.

Стратегии борьбы с ОМУ, как правило, сосредоточены на контроле смертоносного оружия и недопущения его использования путем создания технологических препятствий и эмбарго, возведения юридических стен и введения экономических сдерживающих факторов. Однако они с меньшей долей энтузиазма противостоят, бросают вызов и деактивируют насильственные, токсичные и деструктивные идеи, которые продвигают и оправдывают производство, приобретение, накопление и использование оружий массового уничтожения. Несомненно, в ходе более чем столетней борьбы со смертельно опасным оружием были приложены значительные усилия, и были достигнуты некоторые положительные результаты. Более того, возникли надежды не только на уменьшение количества оружия массового уничтожения и его смертоносности, но и на сокращение количества производителей этого оружия, а его полная отмена сегодня является не такой уж и безумной идеей. Точно так же инициативы, направленные на критику оружия массового уничтожения, его фактического и потенциального применения, а также распространение информации о разрушительных последствиях использования такого оружия также помогли предотвратить переход ряда государств за красную черту.

Однако цель установления контроля над ОМУ и запрета на его использование была достигнута главным образом за счет разработки тщательно продуманной системы отказа от технологий по его производству и правовой блокады. Между тем к списку ОМУ добавились новые категории оружия.

Оружие массового поражения

Термин «оружие массового поражения», введенный архиепископом Кентерберийским в 1937 г., впервые был использован в лондонской газете «Таймс» в том же году для описания нападения немецких ВВС люфтваффе на город Герника в Испании. В ходе трехчасовой атаки было разрушено 70 % города и убита треть населения. Этот термин использовался для описания огромного ущерба, нанесенного обычными бомбами [Malon, 2021].

Со временем диапазон и охват этого термина были значительно расширены, и он охватывал различные категории смертоносного оружия. Этот термин был четко определен Комиссией ООН по обычному вооружению в 1948 г. как «атомное взрывное оружие, оружие из радиоактивных материалов, смертоносное химическое и биологическое оружие и любое оружие, разработанное в будущем, которое имеет характеристики, сопоставимые по разрушительному действию с характеристиками атомной бомбы или другого оружия, упомянутого выше» [Anderson, Modie, 2021]. Начиная с 11 сентября этот термин, похоже, стал «всеобъемлющим», и средства массовой информации, как правило, включают «любой и каждый тип оружия, способного убить большое количество людей» [там же]. Поэтому неудивительно, что бомба смертника часто включается СМИ в список оружия массового поражения. СМИ еще больше расширили свой список, когда доктор Фрэнсис Бойл, который разработал Закон США о биологическом оружии, в подробном сообщении заявил, что коронавирус, возникший в Ухане в 2019 г., является агрессивным биологическим оружием [Skopec, 2020].

Хотя можно просто отмахнуться от ряда сообщений, исходящих из США и обвиняющих Китай в использовании вирусов в качестве оружия в качестве пропагандистского материала, несомненно, был проложен новый путь к созданию нового оружия массового поражения. Учитывая положение дел на национальном и международном уровнях, отмечая, что вся глобальная система основана на оружии и политике власти, и учитывая силу и бессилие инициатив по борьбе с ОМП, направленных на противодействие режиму ОМП и нападение на него, потребуется чрезвычайная степень уверенности и оптимизма, чтобы сказать, что в ближайшем будущем ОМП можно будет контролировать и добиться полной его отмены в течение жизни одного или двух поколений.

Создание режима борьбы с ОМП

К такой оценке можно отнестись со скептицизмом, поскольку для укрепления режима борьбы с ОМП уже многое было достигнуто. Например, существует ряд многосторонних договоров, запрещающих несколько классов ОМП. К ним относятся Конвенция о биологическом оружии и Конвенция о химическом оружии (КХО). Кроме того, было подписано несколько многосторонних договоров, направленных на распространение, испытание и достижение прогресса в области ядерного разоружения, и они дают о себе знать. К таким договорам относятся Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) и Договор о запрете испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, также известный как Договор о частичном запрете испытаний (ДЧЗИ). Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний, подписанный 24 сентября 1996 г., в настоящее время превратился в договор, обещающий ускорить продвижение к полной отмене ОМП. Он запрещает любые испытания ядерного оружия или любой другой ядерный взрыв (т. е. истинный нулевой выход), а также вводит запрет на производство расщепляющегося материала для любых других целей, кроме проверенного использования в мирных целях. Опять же, такие события, как отказ Южной Африки, Бразилии и Аргентины от программ создания ядерного оружия, являются важными шагами по направлению к ядерному разоружению в двух важных регионах. Аналогичным образом, важным шагом является и создание зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО). Такие зоны были созданы в Латинской Америке и Карибском бассейне (14 февраля 1967 г.), Африке (11 апреля 1996 г.), Центральной Азии (8 сентября 2006 г.), южной части Тихого океана (15 декабря 1995 г.) и Юго-Восточной Азии (15 декабря 1995 г.). Было также подписано несколько договоров о предотвращении распространения ракет и других связанных с ними технологий. Здесь можно отметить, что такие технологии могут быть использованы в качестве средства доставки полезных грузов ОМП. К ним относятся Гаагский кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет (ГКП) и Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ).

Идеи массового уничтожения

Правовые, политические и научные инициативы по контролю над оружием массового уничтожения и предотвращению его применения

важны и заслуживают упоминания, тем не менее, важно отметить, что режим борьбы с ОМУ всё еще достаточно слаб и недостаточно эффективен. Основной причиной такого положения дел является сильная зависимость стратегий борьбы с ОМУ от отказа от технологии и правовой осады, а также приверженность позиции, согласно которой проблема ОМУ может быть решена путем контроля за распространением оружия и, в конечном счете, путем уничтожения всего такого оружия. По двум причинам представляется маловероятным, что мир, свободный от оружия массового уничтожения, может быть создан только с помощью юридических и технологических мер: во-первых, ни такие мощные военные державы, как США, Российская Федерация, Китай, Великобритания и Франция, ни более слабые игроки, например, Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея, не согласились бы уничтожить оружие массового уничтожения, которое они изготовили и запасли; и, во-вторых, уничтожение оружия или контроль над его распространением были бы более вероятными, если бы ужасные идеи, подталкивающие их к режиму ОМУ, рассматривались, обсуждались и оспаривались на занятиях, конференциях, в научно-исследовательских институтах, в средствах массовой информации и в политических кругах. В значительной степени оспаривание и опровержение идей массового уничтожения могут оказаться стратегией, меняющей ход игры, потому что желание овладеть оружием массового уничтожения вызывается в большей степени идеями массового уничтожения, нежели сиянием и блеском оружия.

Но что означает термин «идеи массового уничтожения» и в чем эти идеи заключаются?

Идеи массового уничтожения – это идеи, которые господствовали на протяжении веков и приводили к войнам и насилию, оправдывали массовые убийства людей, развязывали региональные и глобальные гонки вооружений и побуждали ряд стран производить, приобретать, запасать и даже применять оружие массового уничтожения. По сути, ИМУ (идеи массового уничтожения) являются фундаментом, на котором основана вся структура оружия массового поражения. Если ИМУ ослабнут, то ослабнет и структура ОМУ, а если ИМУ будут уничтожены, то вся структура ОМУ развалится. Наряду с этим, группы, которые прямо или косвенно извлекают выгоду из ИМУ и ОМУ, также потеряют свою власть и монопольное влияние. Без ИМУ будет выявлена бесполезность оружия массового уничтожения. Поэтому важно отметить, что идеи и оружие массового уничтожения являются двумя разрушительными

силами, они усиливают друг друга и нуждаются друг в друге для своего существования.

Также следует отметить тот факт, что идеи массового уничтожения уже прочно укоренились и искоренить их будет нелегко. Это действительно непростая задача, первый шаг в ее решении может быть сделан посредством развития более широкого и глубокого понимания того, что представляют собой эти идеи, как они укрепляют режим ОМУ и как ослабить их влияние на вековую практику управления на основе оружия, эксплуатации и несправедливости на национальном и международном уровнях. Даже беглый взгляд на историю войн и международного управления помогает понять, что ряд влиятельных и опасных идей побудил правительства, военных, диктаторов и насильственные экономические, политические и религиозные экстремистские силы поощрять производство, приобретение, запасание и применение смертоносного оружия, включая оружие массового уничтожения. К ним относятся идеи территориализма, колониализма, расизма, национализма, шовинизма и милитаризма, религиозного экстремизма, этнической или межплеменной вражды, а также стервятническая идея, эвфемистически называемая корпоративизмом. Можно добавить, что термин «корпоративизм» произошел от латинского корня, означающего «человеческое тело». Что ещё раз доказывает, что корпоративизм основан на идеях стервятников, поедающих человеческую плоть.

Поскольку ограниченный объем статьи не позволяет подробно обсуждать различные идеи массового уничтожения, ниже предлагается обсуждение случайно выбранной идеи – идеи национального государства как идеи массового уничтожения.

Национально-государственная идея как идея массового уничтожения

Национальное государство мародерствует в коридорах власти не два тысячелетия, оно вышло на сцену силовой политики всего около четырехсот лет назад. Другими словами, мир прожил более тысячелетия без системы национальных государств. Опять же, это правда, что провидцы, философы, педагоги, писатели и политические активисты веками боролись против тирании церкви, императоров и королей и бесстрашно работали над установлением народной представительной системы правления, в частности, в Европе. Некоторые из них были зверски убиты, заключены в тюрьмы или сосланы, но борьба

с тиранией продолжалась и, после подписания Вестфальского договора в 1648 году, идея национального государства не могла ни подавляться, ни встречать препятствия на пути к появлению и процветанию. Эпоха национального государства началась с больших надежд и ожиданий. Однако со временем национальное государство превратилось в эгоцентричное и эгоистичное государство, грубое, жестокое и безжалостное государство-монстр. Развивалась чудовищная идея национальных интересов и национальной безопасности, чтобы прикрывать собственные преступления против своих же народов и народов других стран. Оно вело войны, применяло насилие, разделяло людей, устанавливало и продвигало тоталитарные режимы и укрывалось за оружием, которое оно производило и приобретало во имя национальной безопасности и национальной чести. Идея национального государства мечом создавала произвольные географические, политические, экономические и культурные границы. Она пропагандировала рабство, расизм, фашизм, милитаризм, шовинизм, ядерное оружие, а также оправдывала и защищала войны, колониализм, геноцид, расизм, военные интервенции, тяжелые воздушные бомбардировки, применение биологического и химического оружия, например, бомбардировку людей в Хиросиме и Нагасаки, во имя национализма, национальной безопасности и национальных интересов.

Времена изменились, но мир – нет. Сегодня кажется, что весь мир находится в заложниках у идеи национального государства и международной системы, основанной на национальных государствах. Сторонники мира, несомненно, обеспокоены данным положением дел, и борьба с режимом ОМУ, похоже, еще более усилилась. Однако кампания нацелена на оружие, а не на идеи массового уничтожения, которые подталкивают государства к режиму ОМУ. Этот момент можно уточнить, указав, что оружие, в том числе оружие массового уничтожения, не порождает другое оружие, не движется само по себе, не взрывается над городами и деревнями, именно потому что так хотят они. Бомбы производятся людьми, заряжаются людьми и сбрасываются на города и деревни людьми. Все эти бесчеловечные этапы проходят под наблюдением людей, многие из которых испытывают чувство гордости за то, что они исполняют национальный долг, и гордятся своей страной. Поэтому очевидно, что сокращение и контроль над оружием массового уничтожения, полный запрет на его использование и установление режима отмены не могут быть возможны, если не будут деактивированы

идеи, которые толкают национальные государства к созданию оружия массового уничтожения. Более того, в наш век интернационализма неуместность дегуманизирующей идеи национального государства и дегуманизированного национального государства очевидна. Учитывая тот факт, что решение о преобразовании внутреннего устройства любого государства принадлежит ему самому, каждому государству рекомендуется научиться действовать в качестве ответственного партнера региона, в котором оно расположено, и стремиться к его преобразованию из национального в человеческое государство.

В какой степени исследования мира могут способствовать этой трансформации?

Ученые-миротворцы и педагоги мира – это невоспетые и неизвестные герои мира. Хотя их вклад не оценен, он впечатляет: повышение осведомленности о мире во всём мире, разработка концепций, инструментов и стратегий мира, таких, как общая безопасность, безопасность сотрудничества и человеческая безопасность, разрешение конфликтов мирными средствами, меры по укреплению доверия, подход «выигрыш-выигрыш» в построении отношений между государствами, мир через контроль над вооружениями и разоружение, сотрудничество и обмен, компрометация войн и оружия, а также обучение миру в классах от школ до университетов. Более того, именно ученые и педагоги, изучающие мир, всегда были в первых рядах движений за мир, справедливость, права человека, демократию, свободу и равенство. Таким образом, платформы и группы по изучению мира, учебные заведения, предлагающие программы по изучению мира, и исследовательские институты мира были бы наиболее подходящими местами для инициирования дискуссий и дебатов, подготовки исследований по идеям массового уничтожения и связи между ИМП и ОМУ(П), а также разработки стратегий борьбы с этими двойными разрушительными силами, которые ставят под угрозу весь мир.

Заключение

Осознавая разрушительные последствия применения оружия массового уничтожения, ряд научных учреждений и институтов по исследованию проблем мира, организаций гражданского общества, а также Организация Объединенных Наций и другие международные органы проводят исследования режима ОМУ(П) и разрабатывают пути и средства контроля над распространением оружия и запрета на его

применение. Кроме того, были подготовлены важные исследования о причинах и последствиях распространения и применения этого оружия. Однако всё еще не хватает работ, посвященных исключительно идеям массового уничтожения как основной силе, укрепляющей режим ОМУ(П). Очевидна необходимость объединения интеллектуальных ресурсов мира, создания исследовательской группы и поощрения публикации отдельных работ и совместных исследований для создания мощного международного движения против ИМП и ОМП. Возможно, организация всемирной мирной конференции по вопросам, обсуждаемым в этой статье, будет неплохой идеей. Сравнительно легко уничтожить оружие, и трудно уничтожить идею, толкающую государства на производство, приобретение, накопление и применение любого оружия, включая оружие массового поражения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Anderson J., Modie A. Weapons of Mass Destruction, Oxford Bibliographies, 2021.
2. Malon W. Where did the phrase come from? History News Network, Columbian College of Arts & Science, 2021.
3. Skopec R. Coronavirus Is a Biological Warfare Weapon, Political Science, 2020.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ФЕЙКИЗАЦИИ МЕДИАПРОСТРАНСТВА РОССИИ

С. М. Небренчин

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры 37 Военного университета МО РФ
директор Института исследования гибридных войн при МСАН
nebrenchin@tpprf.ru

Аннотация. В статье рассматривается место и роль информационного фактора в гибридной войне против России. Автор анализирует феномен инфодемизации (фейкизации) в качестве инструмента подрыва общественного сознания. Дается определение понятию «инфодемизация». В исследовании предлагается алгоритм противодействия информационно-гибридной агрессии извне.

Ключевые слова: медиапространство, инфодемия, информационный фактор гибридной войны, «умная сила», «мягкая сила», «жесткая сила», инфоток, инфодемизация, русофобия, мейнстрим, фейковая информация, цифровые платформы, идентичность, информационная безопасность, информационная стратегия

TOPICAL ISSUES OF ENSURING INFORMATION SECURITY IN THE CONTEXT OF FAKE MEDIA SPACE IN THE RUSSIAN FEDERATION

S. M. Nebrenchin

Doctor of History (Dr. habil), Professor
Professor of the 37th Department Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Director of the Institute for the Study of Hybrid Warfare at MSAS
nebrenchin@tpprf.ru

Abstract. The article examines the place and role of the information factor in the hybrid war against Russia. The author analyzes the phenomenon of infodemization (fakezation) as a tool for undermining public consciousness. The study defines the concept of "infodemization". The article presents an algorithm for countering information-hybrid aggression from the outside.

Keywords: media space, infodemic, information factor of hybrid warfare, "smart power", "soft power", "hard power", infotox, infodemization, Russophobia, mainstream, fake information, digital platforms, identity, information security, information strategy

Понятие «инфодемия» означает массированное распространение, прежде всего, по каналам глобальных и национальных СМИ и соцмедиа избыточного объема искаженной и недостоверной информации о развитии чрезвычайной заболеваемости населения – эпидемии. Инфодемия как подконтрольный инфоток фейковой (лживой) информации, панических измышлений и инсинуаций, слуховых вирусов, а также разного рода извращений, имеет целью перевести эпидемию в статус пандемии, глобальной заболеваемости населения Земли. В интересах достижения целей гибридной войны подобная информационно-психотронная трансформация произошла в ситуации с раскруткой в пандемию Covid-19.

Как показывает практика, медиавирусы хорошо размножались в тех странах, где сильное влияние имеет подрывная пропаганда, в том числе извне, среди населения накопилось недоверие не только к власти, но и официальным и другим СМИ, при этом оказались более развитыми социальные коммуникации в социальных медиа. По информации российского научно-популярного журнала «Кот Шредингера» (с 2014 г.), исследовавшего процессы нарастания инфодемии, разного рода легенды и домыслы о заболеваемости распространяются быстрее, чем сам патоген[1]. Действительно, в ходе «медийной раскрутки» вирусы, как снежный ком, обрастают разного рода слухами и сплетнями, мифами, измышлениями, инсинуациями и т. п.

Медиавирусы становятся постоянными спутниками общественной жизни, многие из которых превращаются в инфодемии, становясь фактором влияния на развитие событий. По мнению известной православной журналистки Анны Шафран, информационный тоталитаризм, когда людей круглосуточно информационно насилуют, по-прежнему базируется на тезисе «Гебельсовской пропаганды»[2] – «ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой» [Шафран, 2021, с. 112]. Сегодня фейковый тоталитаризм выступает в качестве эффективного инструмента подрыва общественного сознания населения конкретных стран, дестабилизации государственных институтов власти, подрыва национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности. Современная

[1]Инфодемия 2020: симптомы и осложнения. https://rg.ru/2020/11/20/kak-ne-stat-zhertvoj-infodemii.html

[2]Определение «Гебельсовская пропаганда» дано в честь министра пропаганды Фашистской Германии Иосифа Геббельса, который использовал ложь в качестве основного инструмента достижения целей информационной пропаганды.

агрессивная инфодемия всё больше приобретает признаки информационного терроризма, провоцирующего истерию, панику, хаос.

В данном контексте термин «инфодемия», в известной мере, тождествен современному смыслу фейкизации (целенаправленному насыщению дезинформацией) «мейнстримовских»[1] инфотоков и, как следствие, глобального и национальных медиапространств. В настоящее время медиа-коммуникативное поле представляет собой значительную часть социального пространства, которое по мере информатизации общества постоянно возрастает. Посредством медиа осуществляются социальные коммуникации и презентация деятельности государства, общественных групп и отдельных влиятельных лиц [Плахтий, 2017]. В данном контексте масс-медиа, в том числе социальные сервисы, участвуют в воспроизводстве как объективной, так и в большей мере виртуальной реальности.

В современном мире уровень государственной независимости и национальной безопасности страны в значительной мере коррелирует со степенью информационного-культурного суверенитета страны. В настоящее время заидеологизированный мейнстрим, в большей или меньшей степени, преобладает в медиапространствах большинства стран мира, за исключением таких стран, как Израиль, Китай, Иран, Белоруссия, КНДР и немногих других. Россия остается одним из наиболее открытых информационных обществ мира. Несмотря на существенное продвижение РФ по пути обретения национального суверенитета, современное российское информационно-коммуникативное поле примерно на 60 % всё еще остается подверженным сильному влиянию чужеродного мейнстрима на развитие событий в стране и вокруг нее.

В современную эпоху информатизации и цифровизации феноменом геополитического ранга становится информационное оружие, которое из разряда одного из эффективных инструментов гибридной войны, прежде всего, «мягкой» силы превратилось в фактор консолидации и координации всей совокупности гибридных действий. По мнению В. Орлова, речь идет об информационном смысловом оружии гибридных нетрадиционных войн, способного, подорвав морально-духовные

[1]Мейнстрим (*англ.* mainstream – *основное течение*) – преобладающее направление в какой-либо области (информационной, научной, культурной и др.) для определённого отрезка времени. В медиа сфере употребляется в качестве характеристики односторонней заидеологизированной направленности (контента, содержания) и технологий его продвижения.

скрепы и устои общества, создать все предпосылки для смены власти и взятия под контроль территории и инфраструктуру страны [Орлов, 2021]. В настоящее время медийно-цифровой фактор способен кардинально изменить даже саму природу человеческой цивилизации, так как новые, ранее невиданные возможности для достижения целей в области инфо-психотронного противоборства открывает интернет, кибертехнологии, искусственный интеллект, роботехника.

В настоящее время наиболее эффективной межгосударственного противоборства выступает гибридная война (*англ*. hybrid warfare) в информационном измерении [Небренчин, 2021]. Гибридная война (ГВ) – это вид враждебных подрывных действий, при котором противоборствующая сторона, не прибегая к классическим военным (вооруженным) операциям, воздействует на противника посредством сочетания не летальных форм и методов воздействия «умной силы» (“smart power”) и «мягкой силы» (“soft power”) со средствами «жесткой силы» (“hard power”)[1]. В данном контексте инфодемизация медиапространства выступает в качестве эффективного инструмента массированного подрыва общественного сознания населения конкретного государства.

Максимальный эффект от применения всего арсенала гибридных действий достигается в едином смысловом контексте с операциями инфо-психотронного воздействия. Они проводятся скоординировано по месту и времени, целям и задачам, объектам и субъектам, содержанию, формам и методам, каналам продвижения. При этом задача тотальной

[1]«Умная» (“smart”) сила нацелена на подрыв организационно-концептуальных основ государства (идеология, государственное строительство, военная сфера, демография, стратегия, конституция, институты власти, кадры). Особое место отводится заражению элит саморазрушительными идеями (гедонизм, ЛГБТ, трансгуманизм, прогрессизм, экологизм, толерантность и т. п.), поддержка агентуры влияния, организации саботажа решений, контроль информационного пространства и др. «Мягкая» (“soft”) сила предполагает разрушение языковых и лингвокультурных основ государства, подрыв сферы образования и просвещения, историко-культурные диверсии и манипуляции, провоцирование «цветных революций» и т. п., дипломатическое влияние, финансово-биржевые манипуляции, санкции, торговые войны, продвижение враждебных смыслов и ложных ценностей в медиа и интернете, кино, театре, литературе, искусстве, шоу-бизнесе и т. д., сдерживание спорта высоких достижений и др. В отличие от классических военных операций и боевых действий применение «жесткой» (“hard”) силы ограничивается военными переворотами, демонстрацией силы в ходе учений и маневров, парадов, выставок и т. п., кибер- диверсиями и шпионажем, отдельными силовыми спецоперациями, воздействием средствами РЭБ, террористическими актами, использованием ЧВК и др.

инфодемизации (ИД) национального медиапространства является непременным условием достижения долгосрочных планов гибридной войны. В конкретном плане алгоритм инфодемизации предусматривает контроль медиапространства, навязывание медийной повестки, раскручивание информационных поводов, дискредитацию альтернативных источников информации, подрыв национальной лингвокультуры, демонизацию власти, разложение целевых аудиторий общества, манипулирование протестной деятельностью. Кроме того, на регулярной основе осуществляется мониторинг и анализ эффективности инфодемизации медиапространств.

Алгоритм инфодемизации предполагает использование возможностей кибероружия, в том числе, кибер-атаки, интернет-игры и т. п. В новой национальной Киберстратегии США 2018 г. существенно расширен диапазон применения кибероружия по продвижению американских ценностей, подавлению альтернативных источников информации, подрыву официального языка и национальной лингвокультуры, манипулированию протестными действиями и т. д. [Небренчин, 2019]. В документе появились понятия «наказывать», «заставлять заплатить», «налагать последствия» и т. п., раскрывающие подрывной характер американской цифровой агрессии в мире.

В содержательном плане особая ставка делается на идейно-политическое прикрытие истинных целей и намерений, что во многом достигается инфодемизацией, фейкизацией медиапространства. Во многом благодаря тотальному контролю над чужеродным заидеологизированным «мейнстримом» формируется альтернативная виртуальная реальность, разрушается традиционный биосоциальный иммунитет общества, подрывается духовно-историческая идентичность граждан. По мнению Андрея Ильницкого, советника министра обороны РФ, в стратегии «ментальной войны» против России на первое место выходят задачи по перезагрузке информационного поля, медиапространства, а также исторического самосознания, разрушению цивилизационных основ и скреп государства, социокультурных ценностей [Ильницкий, 2021].

В целях инфодемизации медиапространства используется испытанные временем методы, приемы и технологии, в том числе: продвижение фейковой информации и дезинформации, мистификаций, домыслов, фальсификаций и разного рода измышлений и инсинуаций, слуховых вирусов, скандалов и сенсаций, «окон Овертона»,

манипуляция мнениями, мифами, стереотипами, замалчивание фактов, многократное повторение лжи и т. п. В их производстве и распространении участвуют ведущие мировые «фабрики смыслов», которые представлены как исследовательскими институтами, фондами, так и медиакорпорациями. На создание враждебных смыслов, русофобских мифов странами Запада, которые действуют по указке глобальных сил влияния, тратятся огромные средства, задействованы мощные интеллектуальные силы. В смыслополагании информационной пропаганды участвуют ведущие ученые, специалисты и эксперты в области геоистории, философии, культурологии, социологии, этно-лингвистики, этнологии, религии, психологии, архитектуры, музыки, кино, литературы, живописи, граффити, театра, хореографии, эстрады и т. п.). Один только Голливуд ежегодно производит более ста мифологизированных фильмов, рассчитанных как на американскую, так на мировую аудиторию.

В производстве подрывной информационно-аналитической и пропагандистской продукции ведущая роль принадлежит таким международным структурам, как Организация по защите прав человека, «Human Rights Watch», Институт «Открытое Общество» (Фонд Сороса), корпорация «RAND Corporation», «National Intelligence Council» (Национальный совет по разведке), Фонд Карнеги за международный мир («Carnegie Endowment for International Peace» (CEIP), Центр стратегических и международных исследований («Center for Strategic and International Studies» (CSIS), «Foreign Policy Research Institute» (FPRI), частная разведывательно-аналитическая компания «STRATFOR» в США, «The International Institute for Strategic Studies» (IISS) в Англии. Среди медиа – это глобальные газеты «The Wall Street Journal», «Financial Times», «USA Today», «International Herald Tribune», «New York Times», «The Sun», «Washington Post», «The National Interest», медиакорпорации «Time Warner», «News Corporation», «Viacom/CBS Corporation», «Comcast / NBC Universal» и др. На роль глобальных «фабрик смыслов» всё больше претендуют социальные медиа, в частности, Facebook, YouTube и др.

В реализации стратегии ИД международного и национальных медиапространств, в том числе РФ, активно участвуют глобальные медиа и цифровые платформы. В частности, мировые газеты «Forbes», «The Wall Street Journal», «Financial Times», «USA Today», «International Herald Tribune», «New York Times», «The Sun», «Washington Post», «The National Interest», агентства AP («Associated Press»), Рейтер («Reuters»), AFP («Франс Пресс»), «Blumberg» и др., медиакорпорации «Sky», «BBC», «Fox

News Channel», «Euronews», «CNN», «CNBC», радиостанции «Свобода», «Голос Америки», «Deutsche Welle», а также глобальные цифровые платформы (Viber, WhatsApp, Facebook, Twitter, Google, YouTube, Instagram, Microsoft, Apple, Rambler, Yahoo).

Особая роль в формировании и навязывании пагубных ценностей массовой культуры, ложных образов, искаженных стандартов и стереотипов мышления и поведения, введению массовых аудиторий в заблуждение принадлежит мировой рекламе и медиазвездам. Под видом продвижения товаров и услуг, демонстрации моды и стиля жизни осуществляется подрыв традиционного уклада жизни, историко-культурной идентичности, биосоциального иммунитета к враждебным ценностям. В визитную карточку медийной рекламы давно превратился циничный обман потребителей. И это касается не только политической рекламы, когда, например, во время выборов продвигают во власть далеко не самых лучших кандидатов. Но и когда ради извлечения максимальной прибыли потребителям любой ценой навязываются далеко не самые качественные товары и услуги, нередко вредные для физического и духовного здоровья.

В процессе инфодемизации российского медиапространства особое внимание уделяется таргетированию (выбору) целевой аудитории. Прежде всего, расчет делается на молодежную среду, начиная с подросткового возраста, которая наиболее восприимчива к альтернативной, нестандартной («крутой»), скандальной информации, провоцирующей рост протестных настроений в быту и в обществе. Особые подрывные надежды связываются с влиянием на женскую аудиторию, склонную доверять и обманываться в своих ожиданиях. В многонациональной и поликонфессиональной России объектом особых инфопсихотронных усилий являются представители национальных и религиозных слоев населения. Чиновники и военнослужащие силовых структур, несмотря на меньшую восприимчивость подрывной пропаганды, тем не менее остаются в приоритете как целевая аудитория. Отдельный тематический контент всякий раз готовится и продвигается в расчете на другие категории граждан в зависимости от развития информационных событий в стране. Эффективными проводниками фейкизации избраны представители творческой интеллигенции и, прежде всего, медиазвезды, информационные и другие агенты влияния, представители IT-сообщества, так называемый «офисный планктон» и др.

В содержательном плане в основе стратегии информационной войны против России положена извращенная русофобия, так как носителем

русского языка и лингвокультуры является русский государствообразующий народ, остающийся главной скрепой российской государственности[1]. На коллективном Западе русофобия глубоко укоренились в коллективном бессознательном, она накапливалась там веками[2]. Особое место в инфо-психотронной агрессии против РФ отводится демонизации главы российского государства Владимира Путина. По мнению Марии Бутиной, члена Общественной палаты России: «Мифологизация путем дегуманизации, а затем демонизации политического лидера, в последствии экстраполируются посредством созданного образа на возглавляемое им государство – наглядный пример по манипуляции общественным сознанием» (цит. по: [Пашину, URL]).

Нынешняя информационная пропаганда и IT-технологии продвижения информации мало чем отличаются от прежних времен «холодной войны» и сводятся к упрощению, многократному повторению и раздуванию измышлений, мистификаций и инсинуаций, массированному вбросу фальшивых (поддельных, «фейковых», ложных) новостей. В век интернета во многом фейковая антирусская мифология, наряду с голливудским лоском, всё больше обретает виртуальный интернет-облик. В виртуальном пространстве антирусская мифология смешивается с пагубными «ценностями» тотального потребления, трансгуманизма, гедонизма, богоборчества, сексизма и ЛГБТ, экологизма, прогрессизма и т. п. [там же].

При этом традиционные идеалы, историко-культурные и нравственные устои общества преподносятся как пережиток прошлого, неспособные успешно конкурировать с передовым прогрессом, виртуальной реальностью, сетевым космополитизмом, IT-либертарианством. Ситуация усугубляется тем, что в информационно-психотронной среде ложь распространяется быстрее и легче, чем правда, а контрафакты сами по себе никого не убеждают [Шитов, 2021]. Например, когда в медиа разжигается русофобия, факты и логика перестают играть хоть какую-то роль, так как корни русофобии восходят к далекому прошлому, социокультурным и этнорелигиозным предпочтениям и установкам различных аудиторий.

[1]В современной России их численность находится в пределах 78–79 %, в то время как необходимая метафизическая однородность большинства населения для устойчивости государства и общества равняется 66,6 %.

[2]Печат (Сербия): зло проросло на коллективном Западе.
http://bditelnost.info/2019/02/27/pechat-serbiya-zlo-proroslo-na-kollektivnom-zapade/

Наиболее разрушительные идеи и культы навязываются и проповедуются не только в медиа и интернете, но и в культуре и искусстве, в частности, литературе, кино, театре, музыке, живописи и т. п., которые в настоящее время всё больше присутствуют в информационно-цифровом пространстве. Низкопробного качества образчики культуры и искусства целенаправленно примитивизируют интеллектуальные потребности людей, сводят их к животным инстинктам [Шитов, 2021]. В интернете осуществляется целенаправленные эрозия и разрушение русско-славянского лингво-культурного наследия, извращение нормативной и литературной речи, вытеснение русских слов английскими и другими заимствованиями, поощрение матерщины. Традиционные смыслы в контексте эрозии и подрыва лингвокультуры подменяются ложными, во многом искусственными идеологемами, образами, симулякрами, трендами, символами и знаками. Как считает эксперт Владимир Петров: «Оставив людям тот же язык, но подменив смыслы, …мы получим народ, говорящий на том же языке, но имеющий совсем другие ценности» (цит. по: [Орлову, 2021, с. 102–103]). В качестве примера он приводит коренные народы Балтии и Украины русские по своему изначальному происхождению.

Серьезную конкуренцию русскому языку и лингвокультуре составляет англизация и латинизация. Несмотря на то, что в сети интернет русские запросы (более 20 %) занимают второе место, а количество русскоязычных пользователей превышает 300 млн, англоязычная интернет-сфера доминирует (более 60 %), успешно конкурирует с русским языком в российском медиапространстве. Серьезные риски несет в себе обеднение и выхолащивание культурного и языкового многообразия из цифровой среды, а также увеличение деструктивного контента и фактов использования языка ненависти в интернете [Фёдоров, 2021].

В последние годы, как считает Юрий Цветков, советник президента Сколковского института науки и технологий, к традиционным средствам информационно-психологической обработки населения страны-мишени ментальной агрессии добавились «умные» технологии на базе искусственного интеллекта [Цветков, 2021]. Уже вошло в практику, когда посредством программных цифровых алгоритмов, сетевых посевов осуществляется целевое таргетирование ложных запросов и посылов. Задача состоит в построении заданной сети перекрестного обмена трафиком и повышении цитируемости источников, которые используются для тиражирования информационно-пропагандистского контента на более широкую аудиторию. Посредством подписчиков сетей достигается

многократное рассеивание целевого контента, который содействует однообразному восприятию виртуальной реальности и как следствие объективной действительности многомиллионных аудиторий.

Информационный хаос, вызванный массированной дезинформацией, управляемый сетевыми алгоритмами ведет к тому, что население воспринимает мир искаженно, мысленно и эмоционально переносясь из реальности в мир виртуальной ирреальности. Неслучайно в век тотальной информатизации люди всё чаще реагируют не на подлинные события, а на виртуальные представления о них в медиа и интернете, воспринимая ложные инфоповоды важнее самой реальности. По мнению Б. Кригер, «…недостоверные сведения вызывают у нас неверную реакцию, мы теряем веру в свои способности понимания и собственные навыки адаптации в определенных жизненных ситуациях и в целом в обществе». Переизбыток фейковой информации ведет к нарушению мышления и понятийной интуиции, появляется смысловая размытость, вербальная и визуальная диссоциация, наступают регресс естественной функциональной сознательной памяти, а также явления глубокого диссонанса в «особых, компактных системах в полях визуальной и понятийной гнозии в коре головного мозга» [Кригер, 2018, с. 33].

Информационный вал негативной информации («чернухи») уже само по себе оказывает пагубное влияние на общественное сознание. Массированный инфоток «чернухи» вводит отдельные категории граждан в агрессивно-депрессивное состояние, приводит к обособлению и замыканию в себе, отчуждению от социально-политических общественных процессов. Негатив подчас блокирует проявление позитивных настроений и эмоций, созидательной мотивации к практическим действиям, доброжелательному общественному поведению и взаимодействию с другими людьми. Негативный инфоток чрезвычайно опасен в условиях, когда имеют место межнациональные и межрелигиозные противоречия в обществе. Он провоцирует противозаконные действия.

В целом, нельзя не признать, что массированное подрывное воздействие враждебных сил нередко достигает своих целей. В результате массированного «консциентального» давления в области общественного и индивидуального сознания происходит «утрата локализации идентичности» и ослабление гражданской идентификации, прежде всего, среди элитных влиятельных групп населения [Смолин, URL]. Таким образом, среди немалой части людей формируется «космополитичная, бинациональная или мультинациональная идентичность», зачастую личные

интересы граждан частично или полностью не связываются с родным Отечеством и государством. В современной РФ, как и в других странах, на наших глазах формируется сетевая идентичность и сетевой космополитизм, которые целенаправленно насаждаются в Рунете, где проводят немалую часть времени более 100 млн россиян. Цифровая виртуальная реальность формирует генерацию биотехноидов, которые призваны стать носителями трансгуманизма в цифре, предшественниками новой искусственной расы.

В условиях высокого уровня инфодемизации медиапространства, когда медиавирусы, мифы, фейки, домыслы, рассчитанные на эмоциональную сферу психики, распространяются быстрее и воспринимаются аудиторией в большей степени, чем контрдоводы, ведение контрпропаганды малоэффективно. В целях перехвата стратегической инициативы в инфо-гибридной конкуренции с противником, необходимо перейти от обороны в наступление, навязать альтернативную медийную повестку и собственную картину мира, вынудить оппонирующую сторону действовать в непривычном оборонительном ключе. В этом случае даже превосходство противника в глобальных медиа и цифровых возможностях, потеряет решающее значение, так информационно-пропагандистское противоборство в сфере общественного сознания предопределяется конкурентоспособностью контента, высоких идеалов, ценностей и смыслов. Как известно, в стратегическом плане целесообразно исходить из того, что «Правда» («Добро») всегда побеждает свой антипод «Кривду» («Зло»), которая сильна в тактическом планировании инфо-гибридных действий. Необходимо также учитывать в практической деятельности, что потребители воспринимают информацию, тезисы, факты и аргументы, нередко, в силу слепого доверия (по вере) к подрывным информационным источникам и медиа авторитетам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильницкий А. М. Ментальная война – новый тип глобального противоборства: материалы конференции «Психологическая оборона. Информационное противоборство в условиях ментальной войны», 25 августа 2021 года, Кубинка, КВЦ «Патриот». М., 2021. С. 24–25.
2. Кригер Б. В информационной ловушке // Славяне. 2018. № 2 (11).
3. Небренчин С. М. Русский язык безопасности. М. : Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры, 2019.
4. Небренчин С. М. Медиасмыслы гибридных войн. М. : ЦСОиП, 2021.

5. Орлов В. П. Стратегия обеспечения безопасности государства в условиях информационно-гибридного противоборства: материалы конференции «Психологическая оборона. Информационное противоборство в условиях ментальной войны», 25 августа 2021 года, Кубинка, КВЦ «Патриот». М., 2021. С. 102–103.
6. Пашин Ф. Сетевой фашизм угрожает РФ. URL: https://t.me/paschin/900
7. Плахтий И. С. Развитие медиапространства в современном обществе // Молодой ученый. 2017. № 17 (151). С. 204–207.
8. Смолин М. Страшная опасность для России: Консциентальные войны. URL: http://www.imperiyanews.ru/details/b34ed23e-00e5-e911-8107-020c5d00406e
9. Фёдоров М. В. Онтология и анпрометризм технологий искусственного интеллекта: реальность и будущее: материалы конференции «Психологическая оборона. Информационное противоборство в условиях ментальной войны», 25 августа 2021 года, Кубинка, КВЦ «Патриот». М., 2021. С. 68–69.
10. Цветков Ю. Д. Использование цифровых платформ (сервисов) для целей информационного противоборства и идеологического подавления противника: материалы конференции «Психологическая оборона. Информационное противоборство в условиях ментальной войны», 25 августа 2021 года, Кубинка, КВЦ «Патриот». М., 2021. С. 68–70.
11. Шафран А. Б. Цифровые и моральные аспекты СМИ. Журналистика между информацией и пропагандой: материалы конференции «Психологическая оборона. Информационное противоборство в условиях ментальной войны», 25 августа 2021 года, Кубинка, КВЦ «Патриот». М., 2021.
12. Шитов А. К. Баснословная привилегия США: тезисы о пропаганде: материалы конференции «Психологическая оборона. Информационное противоборство в условиях ментальной войны», 25 августа 2021 года, Кубинка, КВЦ «Патриот». М., 2021. С. 115.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В АФРИКАНСКИХ СТРАНАХ

Г. М. Сидорова

доктор политических наук, доцент
профессор кафедры теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
профессор кафедры дипломатии и консульской службы
Дипломатической академии МИД России
ведущий научный сотрудник Института Африки РАН
gal_sid@mail.ru

Аннотация. Страны африканского континента приобретают всё большую значимость в мировом политическом процессе. Стабилизация-дестабилизация обстановки в ряде государств континента отражаются соответствующим образом как на национальной, так и на региональной безопасности. Международные организации, в первую очередь ООН, выражают обеспокоенность конфликтными ситуациями, в частности, в Центральноафриканской Республике, ДР Конго, Мали и других государствах и предпринимают попытки по снижению интенсивности конфликтов в Африке.

Ключевые слова: Африка, вооруженные конфликты, социально-политическая обстановка, беженцы, ООН, безопасность

PROBLEMS OF SOCIAL AND POLITICAL STABILITY IN AFRICAN COUNTRIES

G. M. Sidorova

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor
Professor at the Theory and History of the International Relations
Department of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University
Professor at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations,
Scientific Associate of the Institute for African Studies
gal_sid@mail.ru

Abstract. The role of African countries in global international relations has been recently increasing. Two opposite processes, the stabilization and the destabilization of military and political environment in a number of countries of the continent, are influencing both the national and the regional security patterns. International organizations, first of all the UN, are concerned with

conflict situations, especially in the Central African Republic, the Democratic Republic of Congo, Mali and others, and are trying to reduce the intensity of conflicts in Africa.

Keywords: Africa, armed conflicts, social and political situation, refugees, the UN, security

В XXI веке, к сожалению, многие африканские государства южнее Сахары по-прежнему остаются за чертой бедности, испытывают недостаток продовольствия и питьевой воды. Осложняют ситуацию бесконечные вооруженные столкновения, провоцирующие массовый исход населения и гуманитарные катастрофы. В Африке 54 государства, из которых более трети охвачены конфликтами[1]. Причиной перемещений могут быть различные мотивы: политические, вызванные отсутствием диалога с оппозицией, государственные перевороты, гражданские войны, сепаратистские вызовы, конституционная нестабильность, территориальные споры и многое другое [Gonidfc, 1996].

Согласно ст. 2 Всеобщей Декларации прав человека от 1948 г., «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, несамоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете» [Всеобщая декларация прав человека, URL]. Именно этот тезис используют правоохранительные организации при анализе сложных кризисных ситуаций в африканских государствах. Однако это положение документа не выполняется, а интенсивность конфликтов лишь возрастает. По данным международной НПО Global Peace Index от 23 июня 2021 г. (также как и предыдущих оценках), большинство государств Африки охвачены локальными войнами. Среди них Мали находится на 148 месте по индексу человеческого развития (среди 178 стран), Нигерия занимает 146 место низовое место, Камерун – 145,

[1]Boongi Efonda Efolote. l'instabilité politique : cause majeur de l'afflux des refugiés en Afrique. https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/4173/3286.pdf

Эфиопия – 139, Нигер – 137. Самая тяжелая ситуация с правами человека сложилась в Буркина-Фасо. Протестные акции в стране увеличились и были связаны со всеобщей пандемией COVID-19. Страна находится в состоянии гражданской войны, пока слабой интенсивности. Однако в 2020 г. там было зафиксирован уже один млн перемещенных лиц [Conflits: les 10 pays … URL]. «В связи с пандемией увеличилось число жертв насилия и самоубийств», – утверждает директор бельгийского Института экономики и мира (Institut pour l'économie et la paix) Серж Струбант [там же]. Из-за проблем на границе ДР Конго и Замбии, куда переселяются конголезские беженцы вследствие вооруженных конфликтов на востоке страны, увеличиваются военные расходы Замбии. А это в свою очередь вызывает разнотолки о финансовых проблемах в стране. На границе Эфиопии и Эритреи в 2021 г. также наблюдался конфликт, в результате которого погиб 291 человек [там же]. За 2020 и 2021 гг. среди опрошенных подвергались насилию 63 % населения Намибии, 58 % – ЮАР, 56 % – Лесото, 55 % – Либерии, 54 % – Замбии [L'Afrique en tête dans l'expérience … URL].

Неспокойно и в зоне Сахеля. Там, как и во всем регионе бассейна озера Чад, сохраняющиеся угрозы терроризма и насильственного экстремизма со стороны террористических групп, связанных с «Аль-Каидой», ДАИШ и «Боко харам», а также рост числа военизированных формирований по-прежнему создают серьезные проблемы для коллективных усилий по достижению прочного мира и устойчивого развития. Субрегион Западной Африки продолжает страдать от террористической экспансии и нападений террористов, происходящих в Буркина-Фасо, Мали, Нигере и Нигерии. Кроме того, реальной угрозой для этого субрегиона и для Сахеля остаются такие явления, как неконституционная смена власти, насильственный экстремизм, рост наркоторговли, а также межобщинные конфликты и конфликты между земледельцами и скотоводами. Однако имели место и важные позитивные события, такие как проведение мирных и инклюзивных выборов в Буркина-Фасо, мирная передача власти после президентских выборов в Нигере и назначение гражданского премьер-министра в Мали, что сопровождалось совместными усилиями Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), Африканского союза и ООН в тесной координации с другими партнерами.

В нескольких странах региона Центральной Африки продолжаются затяжные вооруженные конфликты, характеризующиеся

в частности деятельностью негосударственных вооруженных групп, напряженностью в связи с проведением выборов, гуманитарными кризисами, зачастую выходящими далеко за пределы национальных границ, отсутствием безопасности на море и террористической активностью, в том числе в Камеруне и Чаде. Трансграничная напряженность между Чадом и Центральноафриканской Республикой создает дополнительную угрозу для региональной стабильности. Произошедшее 11 апреля 2021 г. вторжение в Чад базирующихся в Ливии чадских повстанцев Фронта за смену власти и согласие в Чаде (ФАКТ) стало красноречивым доказательством того, насколько высок риск трансграничного перемещения вооруженных групп или боевиков.

Недавние события в Чаде как в области безопасности, так и в политической и социально-экономической сферах, подчеркнули необходимость комплексного регионального подхода к борьбе с терроризмом и трансграничными перемещениями вооруженных групп, устранению коренных причин конфликтов, содействию национальному диалогу и формированию системы управления, основанной на участии всех заинтересованных сторон. В северо-западном и юго-западном районах Камеруна сохранялась обстановка насилия, в том числе было широко распространено сексуальное насилие, что приводило к совершению всё новых преступлений в отношении гражданских лиц, вынужденному перемещению населения и затруднению гуманитарного доступа и доступа к базовым услугам. Ситуация в ДР Конго оставалась нестабильной, особенно в восточной части страны, несмотря на активизацию боевых действий против вооруженных группировок. Извержение вулкана Ньирагонго вблизи Гомы еще больше усугубило и без того тяжелую гуманитарную обстановку.

В регионе Африканского Рога продолжали возникать проблемы, связанные с политическими преобразованиями. Ситуация в Сомали оставалась сложной, несмотря на достижение политическими субъектами договоренности о проведении непрямых выборов. Продолжающийся конфликт в регионах Тыграй, Амхара и Афар в Эфиопии, события, связанные с Плотиной великого возрождения Эфиопии, и разногласия между Эфиопией и Суданом по поводу их общей границы создают серьезную угрозу региональному миру и безопасности. Поиск консенсусного решения проблемы продолжается. В Судане переходное правительство продолжало содействовать продвижению переходного

процесса, в том числе путем расширения демократического управления, активизации миротворческих усилий и проведения сложных экономических реформ. Главным достижением стало подписание 3 октября 2020 г. Джубского соглашения о мире в Судане между переходным правительством и рядом повстанческих движений. Несмотря на достигнутые успехи, в переходном процессе по-прежнему наблюдаются задержки, в том числе в связи с созданием Переходного законодательного совета. В других странах региона также сохранялись проблемы, включая медленное осуществление Обновленного соглашения об урегулировании конфликта в Южном Судане и сохранение напряженности в отношениях между федеральным правительством Сомали и некоторыми штатами – членами федерации.

Известно, что COVID-19 вызвал экономический спад во всем мире. Пандемия коронавирусного заболевания еще более осложнила социально-политическую ситуацию, подорвала предоставление государственных услуг, продолжает препятствовать осуществлению мирных соглашений и оказанию добрых услуг в африканских государствах. Однако его масштабы разнятся в зависимости от того, где живет человек. В Нидерландах и Германии правительства адресно помогает малообеспеченным, компенсируя 90 % утраченного заработка, если бизнес не увольняет работников [L'Afrique en tête dans l'expérience … URL]. Индонезия обеспечивает бесплатное лечение всем людям вне зависимости от наличия у них национальной медицинской страховки. В других странах обездоленные предоставлены сами себе.

Так, по сведениям международной неправительственной организации «Хьюман Райт вотч» (Human Rights Watch), в условиях пандемии крупнейшая экономика Африки, Нигерия, получила от Международного валютного фонда (МВФ) самый большой пакет чрезвычайной помощи (3,4 млрд долл. США) на поддержание рабочих мест и бизнеса. И это без учета миллионов, поступивших по другим каналам прямой помощи. Но относительно расходования этих средств есть вопросы. Так, выяснилось, что подавляющее большинство городских бедняков в Лагосе ничего не получили ни в денежной, ни в натуральной форме. Нынешняя глобальная рецессия еще долго будет отзываться мощными афтер-шоками. Продолжая попытки спасения экономик своих стран, правительства забывают о том, что помощь должна доходить до миллионов людей, которые едва сводят концы с концами, что у каждого

должны быть еда, жилье и другие предметы первой необходимости. Круг получателей помощи ограничивался пока состоятельным меньшинством [Всемирный доклад 2021, URL].

В этой связи хотелось бы отметить стратегическое партнерство ООН и Африканского союза (АС). Несмотря на негативное влияние пандемии COVID-19, ООН и АС продолжают активно взаимодействовать друг с другом для эффективного международного реагирования на социально-политическую ситуацию в Африке. При этом для решения некоторых вопросов используются инновационные виртуальные форматы. Однако по мере необходимости эксперты совершают также и поездки на места для оказания требуемой помощи. Так, в марте 2021 г. члены Совета мира и безопасности АС совершили поездки в Южный Судан и Судан с тем, чтобы вновь заявить о своей поддержке продолжающихся в этих странах политических процессов, а в июне и июле 2021 г. – в Центральноафриканскую Республику. Соответствующая работа включала в себя поддержку в разработке стратегий и других руководящих документов; обмен информацией; знаниями и опытом и совместное предоставление отчетности. Последствия пандемии COVID-19 для мира, безопасности и стабильности еще больше усилили настоятельную необходимость принятия мер по смягчению ее воздействия на жизни людей и их средства к существованию.

На своем юбилейном тысячном заседании, состоявшемся 25 мая 2021 года, Совет мира и безопасности подчеркнул необходимость опережающих и стратегических действий для предотвращения конфликтов. Прозвучало обращение к членам АС принять и применить Континентальную рамочную программу Афросоюза по системному предотвращению конфликтов. Констатировалось, что глубинными причинами структурных проблем, препятствующих достижению прочного мира и безопасности в Африке, по-прежнему являются следующие факторы: политическая и экономическая эксклюзия и дискриминация многих групп, в частности гендерное неравенство; неэффективность органов управления, в том числе проблемы, связанные с обеспечением верховенства права, соблюдением прав человека, оказанием основных государственных услуг и справедливым управлением природными ресурсами; а также последствия изменения климата и отсутствия продовольственной безопасности. Эти слабые места в ряде контекстов усугубляются вмешательством извне и опосредованными конфликтами, насильственным экстремизмом и терроризмом, организованной преступностью,

коррупцией и отсутствием эффективной государственной власти в некоторых областях ряда стран континента. Воздействие изменения климата на мир и безопасность в Африке продолжает увеличивать нагрузку на и без того уязвимые учреждения и сообщества, в том числе в регионе бассейна озера Чад и Сахеле. Акцент был сделан на обеспечении взаимодополняемости финансовых механизмов АС и ООН, а также расширении поддержки усилий по постконфликтному восстановлению активизации своих усилий по достижению целей, изложенных в Повестке дня Африканского союза на период до 2063 года «Африка, какой мы хотим ее видеть» и в Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. [Доклад Генерального секретаря ООН, URL].

Таким образом, социально-политическая ситуация в большинстве государств африканского континента остается критической, несмотря на усилия ООН и других международных организаций. Сложность положения состоит в длительности пандемии коронавирусной инфекции, охватившей практически всю планету и тормозящей жизненно важные процессы, а также в нерешенности ряда «застарелых» конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Всемирный доклад 2021. URL: https://www.hrw.org/ru/world-report/2021/country-chapters/377556
2. Всеобщая декларация прав человека. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Доклад Генерального секретаря ООН. Укрепление партнерского взаимодействия между Организацией Объединенных Наций и Африканским союзом в вопросах мира и безопасности в Африке, в том числе в работе Отделения Организации Объединенных Наций при Африканском союзе // Документ СБ ООН S/2021/763. 30 August 2021. URL: https://undocs.org/ru/S/2021/763
4. Conflits: les 10 pays les moins pacifiés au monde https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde
5. Gonidfc P-F. Les systèmes politiques africaines, Paris: LGDJ, 1996.
6. L'Afrique en tête dans l'expérience vécue de la violence. https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ КИБЕРПРОТИВОБОРСТВО И ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ (НАТО И ЕГО ИНСТРУМЕНТЫ)

И. В. Сурма

кандидат экономических наук
заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии Министерства иностранных дел РФ
член рабочей группы по международному сотрудничеству в области противодействия экстремизму и терроризму МИД России
isurma@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены основные действующие Центры передового опыта НАТО и их ключевая функция в подготовке международно-правовых обоснований милитаризации киберпространства. Констатируется тот факт, что центры НАТО в Восточной Европе, проводят антироссийскую деятельность и осуществляют мониторинг социально-политической обстановки внутри России и занимаются планированием информационных операций для дестабилизации социально-политической обстановки внутри страны.

Ключевые слова: Агентство НАТО по связи и информации, Центр стратегических коммуникаций НАТО, социально-политическая дестабилизация, цифровой суверенитет, международная информационная безопасность

INTERSTATE CYBER WAR AND INTERVENTION IN THE INTERNAL AFFAIRS OF SOVEREIGN STATES (NATO and ITS TOOLS)

I. V. Surma

PhD (Economics)
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences
Member of the Working Group on International Cooperation in Countering Extremism and Terrorism of the Russian Foreign Ministry
Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
isurma@yandex.ru

Abstract. The article presents the main operating Centers of Excellence of NATO and their key function in the preparation of international legal justifications for the militarization of cyberspace. It is stated that the NATO centers in Eastern Europe conduct anti-Russian

activities and monitor the socio-political situation inside Russia and are engaged in planning information operations to destabilize the socio-political situation inside the country.

Keywords: NATO Communications and Information Agency, NATO Strategic Communications Center, socio-political destabilization, digital sovereignty, international information security

Классик американской политической философии Ф. Фукуяма под конец периода холодной войны утверждал, что масштабные войны и вооруженные конфликты ушли в прошлое, но на рубеже XXI столетия, в момент расцвета однополярного мира с беспрецедентным гегемонизмом США, он предложил обоснование легитимности «превентивных войн» против так называемых стран-изгоев [Фукуяма, 2007]. И это были не просто теоретические рассуждения. Уничтожение с применением военной силы НАТО таких государств, как Югославия или Ливия, служат тому примером.

Процесс глобализации породил, во-первых, неолиберальные концепции, допускающие ограничение суверенности отдельных государств, а во-вторых, формирование нового типа личности – граждан мира, – которые не испытывают необходимости в признании легитимности собственных правительств, а, напротив, демонстрируют лояльность к транснациональным внегосударственным структурам. Это порождает эскалацию напряженности в мире, вызванную экзистенциальными противоречиями в определении ценностных ориентиров между глобальными структурами и традиционными государствами [Белозёров, Харичкин, 2015].

Всё это привело к трансформации традиционных форм межгосударственного противоборства. Изменилась и специфика реальной военной агрессии с использованием оружия, стоящего на боевом дежурстве, характеризующаяся постепенным отказом от комплексных военных операций классического вида, снижением масштабов конфликтов с точки зрения численного и боевого состава участвующих в них вооруженных сил отдельных стран.

Деградация и уничтожение института государства в некоторых регионах Азии и Африки вызвали беспрецедентную активность негосударственных милитаризованных субъектов. Подобные военные формирования существовали во все времена, но в настоящее время у них

появилась возможность применять тактику маневрирования, играя на противоречиях между интересами суверенных государств и транснациональных акторов, стремящихся к их «переформатированию».

Глобальное противостояние приобрело перманентный характер и периодически обостряется до крайне опасных уровней при использовании гибридных форм противоборства между государствами и их коалициями. Последние годы значительно расширяется сфера противостояния в связи с возрастанием в международном противоборстве удельного веса политико-дипломатических, экономических, информационных, кибернетических, психологических средств и способов осуществления политических целей. Поэтому сегодня ставится вопрос о кардинальном изменении понятия самой войны и всей системы знаний, связанных с ее познанием. Такие понятия, как экономическая война, информационная война, дипломатическая война, кибервойна, прочно вошли в политическое и общественное сознание. Уже не кажется фантастикой климатическая и бактериологическая война, особенно на фоне текущих климатических катаклизмов и разразившейся пандемии коронавируса COVID-19.

В постбиполярном мире беспрецедентно ускорилось применение инновационных, в первую очередь, цифровых технологий, для насильственного воздействия на противоборствующую сторону. Информационно-коммуникационные технологии сплошь и рядом используются в целях вмешательства во внутренние дела суверенных государств. А целый ряд стран уже публично заявляет о своем праве наносить превентивные кибердудары по потенциальным противникам, в том числе по объектам их критической инфраструктуры. Причем, все атаки кибервойны (cyberwarfare) ориентированы на деструкцию вычислительных систем противника, обеспечивающих функционирование финансовых и деловых центров, государственных структур, на дезорганизацию жизни страны, поэтому в первую очередь под ударом находятся основные жизнеобеспечивающие и функциональные системы. Цель дестабилизации общественно-политической ситуации в государстве состоит в генерировании протестного потенциала в обществе и создание политической сингулярности, что приводит к инфляции власти в этой стране, ее дискредитации и т. д. После прохождения точки политической сингулярности государство должно либо качественно измениться, либо быть уничтожено. При этом используются кибератаки

с высоким уровнем социального инжиниринга и применением комбинированных систем, включающих возможности искусственного интеллекта и различные роботизированные устройства. В число задач кибервойны, помимо нанесения ущерба инфраструктуре противника, входит и защита собственных данных, вследствие этого обеспечение кибербезопасности является неотъемлемой частью таких противостояний. Кибервойна представляет собой один из видов информационной войны, направленной на достижение определенных целей в политической, экономической, социальной, военной и других областях через воздействие на власти и общество информацией, специально подготовленной для этой цели.

Отметим, что за всеми боевыми операциями НАТО в киберпространстве стоят, прежде всего, государственные организации США, такие как Агентство национальной безопасности (NSA) и стратегическое Киберкомандование минобороны (USCYBERCOM). CYBERCOM через Координационный центр НАТО по реагированию на компьютерные инциденты (NCIRC) руководит многочисленными центрами киберзащиты в Европе: в Лондоне (Великобритания, 2016), Бонне (ФРГ, 2011), Монсе (Бельгия, 2018), Таллине (Эстония, 2008) и Киеве (Украина, 2018). Деятельность этих центров регламентирована документом «Обязательство по кибернетической обороне» (The Obligation of Cyber Defense), который был принят в 2016 г. на варшавском саммите НАТО. Еще в 2014 г. на встрече НАТО в Уэльсе киберпространство приравняли к отдельному ТВД, а кибератаки подвели под действие пятой статьи Устава НАТО. В настоящее время информационно-коммуникационная инфраструктура НАТО охватывает более 60 различных объектов, начиная с военно-политической штаб-квартиры в Брюсселе и военного командования, и заканчивая объектами конкретных операций НАТО. Более 100 тыс. человек непосредственно работают в информационных сетях Североатлантического альянса, которые за последнее десятилетие всё чаще и чаще становятся объектом для кибератак.

Настроенные системы киберзащиты НАТО ежедневно регистрируют сотни тысяч подозрительных действий: от попыток проникновения невысокого уровня, до технологически сложных атак на информационные сети НАТО. Практически большая часть таких атак обнаруживается и обрабатывается автоматически. Но, тем не менее, некоторые из них требуют дополнительного анализа и ответной реакции экспертов. Сформированная команда киберспециалистов из двухсот человек

обеспечивает круглосуточную защиту информационно-коммуникационной сети НАТО. Эта команда предотвращает несанкционированный доступ, обнаруживает, анализирует и обменивается информацией о кибератаках и вредоносных программах, предотвращает потерю данных и проводит компьютерную экспертизу, анализ и оценку уязвимостей, включая постинцидентные рассмотрения. Следует отметить, что ключевую роль в подготовке международно-правовых обоснований милитаризации киберпространства играют Центры передового опыта НАТО (Centres of Excellence), которые отвечают также за проведения международных конференций и крупномасштабных киберучений [Запивахин, 2020]. Всего в настоящее время у альянса действует 19 таких полноценных центров, и три находятся еще на стадии формирования. Все специализированные центры разбросаны по миру, главным образом распределены по Европе и находятся под управлением штаб-квартиры НАТО в Брюсселе. Особенности и специфика этих центров позволяют глубже закрепляться в различных странах, включая государства, не являющиеся членами альянса, вовлекая при этом в свой процесс как военных, так и гражданских лиц этих стран.

Наиболее яркими примерами центров передового опыта могут являться центры, открытые НАТО в Эстонии, Литве и Латвии. В Таллине еще в 2008 г. был создан Объединенный Центр в области кибероборо-ны НАТО (CCD COE), имеющий полноценный статус военной организации. Уникальность этого центра состоит в том, что в нем одновременно работают военные, гражданские лица и представители правительства. Главные функции этого Центра: техническая подготовка и обучение специалистов, консультирование и проведение исследований в сфере кибербезопасности и международного информационного права, а также организация курсов по правовым аспектам действий в киберпространстве. Так как общепризнанных международных норм и правил поведения в Интернет-пространстве до настоящего времени еще не выработано, работа центра в Таллине направлена на то, чтобы в ускоренном режиме внедрить западную, прежде всего американскую, точку зрения и подходы к правовым аспектам поведения в Интернете. Начиная с 2012 г. центр передового опыта НАТО в Таллине на регулярной основе организует киберучения, привлекая к ним не только страны – члены НАТО.

В Риге с января 2014 г. начал свою работу другой центр передового опыта НАТО – Центр стратегических коммуникаций (NATO Strategic

Communications Centre of Excellence), соучредителями которого выступили Латвия, Литва, Эстония, Польша, Германия, Италия и Великобритания и который в сентябре того же года получил официальную аккредитацию. Идея стратегической коммуникации стала новой концепцией, включающей в себя целый спектр возможностей публичной дипломатии и общественных отношений, начиная с убеждений при помощи информационно-психологических операций и заканчивая непосредственно применением силы. Основными функциями центра в Риге являются работа со СМИ, информирование о деятельности НАТО с помощью инструментов публичной дипломатии, развитие гражданско-военных связей и проведение информационно-психологических операций. Рижский центр регулярно организует различные конференции, издает журналы и публикует доклады о результатах проведенных исследований. Сектор рассматриваемых проблем включает различные аспекты, такие как:

1. особенности тактики ведения информационной войны с применением «мемов»;
2. кибервойна;
3. основные нарративы экстремистских организаций;
4. безопасность в Европейском союзе;
5. биометрические технологии;
6. национализм и др.

В работе центра передового опыта в Риге уделяется достаточно пристальное внимание России. Изучаются особенности применения современных информационных технологий в российской армии. Кроме того, публикуются материалы о якобы «российском вмешательстве на Украине», а также обзоры санкций против России [NYT, URL]. Продвигая мысль об активном вмешательстве России и о ведение ею гибридной войны, Рижский центр стратегической коммуникации НАТО (STRATCOM) ранее опубликовал несколько аналитических исследований «Кремлевский Сборник Пьес. Понимание российского влияния в Центральной и Восточной Европе», «Когда гибридная война поддерживает идеологию: Россия сегодня» и «Кибервойна Путина: государственная политика России в пятой области» (2016), а также исследования о военных маневрах России (2020).

Отметим, что в работе центров передового опыта НАТО в прибалтийских странах принимают активное участие различные мозговые центры, такие как британский Королевский институт международных

отношений (Chatham House), корпорация РЭНД (RAND Corporation), Центр стратегических и международных исследований в Вашингтоне (Center for Strategic and International Studies или CSIS), а также специальные научные центры ряда стран – членов НАТО.

Еще одна проблема заключается в том, что эти же центры – центры киберразведки, действующие под контролем НАТО в Польше, Таллине и Риге, уже долгие годы ведут антироссийскую деятельность. Эти центры являются центрами стратегической пропаганды НАТО, ключевая задача которых состоит в мониторинге социально-политической обстановки внутри России, вербовка россиян, готовых заниматься подрывом российских государственных устоев, и планирование информационных операций для дестабилизации социально-политической обстановки внутри страны[1].

В действительности «кибероборону» НАТО правильней называть наступательными операциями в киберпространстве против России и ее союзников. Именно через центры НАТО шли кибератаки на гражданскую инфраструктуру нашей страны, волны звонков о «минировании» объектов, фейковые вбросы во время объявленной ВОЗ пандемии COVID-19 и активные сетевые воздействия. Последняя масштабная кибероперация проводилась против Республики Беларусь накануне и после президентских выборов в июле-сентябре 2020 г. Примечателен тот факт, что во время протестов в Белоруссии, когда правительство республики ограничило доступ в социальные сети, видео с «ужасными преступлениями силовиков» оперативно переправлялись в Интернет через ресурсы посольств Польши, Литвы и Украины.

Поэтому сегодня информационные ресурсы России комплексно включают в себя информационно-телекоммуникационные сети, информационные и автоматизированные системы управления, находящиеся как на территории государства, так и в дипломатических представительствах и консульских учреждениях Российской Федерации в мире. В России для предотвращения компьютерных инцидентов и кибератак на эту критическую государственную информационную систему Указом Президента России от 15 января 2013 г. № 31с301 было предусмотрено создание «Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» (ГосСОПКА). В дальнейшем на базе

[1]Москва знает о центрах антироссийской пропаганды в Прибалтике – мнение. URL: https://regnum.ru/news/polit/3341326.html

этого Указа Президентом России была подготовлена и утверждена Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (12 декабря 2014 г. № К 1274).

Рассматривая в целом российскую позицию по вопросам международной информационной безопасности (МИБ), следует отметить, что Генеральная Ассамблея ООН 5 декабря 2018 г. приняла российскую резолюцию по МИБ «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (A/RES/73/27), соавторами которой были 30 стран из всех регионов мира и которая была поддержана подавляющим большинством государств[1].

Данный этап открыл следующую страницу глобальной дискуссии по МИБ и Генеральной Ассамблее удалось принять ряд решений, направленных на укрепление этой дискуссии. Ключевая идея заключается в защите интересов всех стран в цифровой сфере, причем независимо от их уровня информационно-технологического развития [Абдеев, Аникин, Сурма, 2017]. С исторической точки зрения это инновационный документ, включающий тринадцать правил, норм и принципов ответственного поведения стран в информационном пространстве, основная задача которых создать основу мирного сосуществования государств в нем и обеспечить предотвращение конфронтации, войн и любых агрессивных действий. Заслуживают внимания такие нормы, как обязательства соблюдать в информационном пространстве принцип государственного суверенитета и использовать информационно-коммуникационные технологии исключительно в мирных целях, сотрудничать в борьбе с применением современных технологий в преступных и террористических целях, а также предотвращать распространение скрытых вредоносных функций в ИТ-продукции (так называемых закладок).

В заключение отметим, что в современном межгосударственном противоборстве используются все возможные средства, методы, технологии и ресурсы – шантаж, пропаганда, информационные манипуляции, экономические санкции, угрозы применения силы, военные операции, а также физическое уничтожение или дискредитация неугодных

[1]Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности Резолюция 73/27, принятая Генеральной Ассамблеей 0512.2018 г. (по докладу Первого комитета (A/73/505)). URL: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/27

политических лидеров. При этом агрессор действует комплексно, по ситуации, применяя различные комбинации вышеперечисленных ресурсов и методов, придерживаясь согласованного единого плана (так называемая гибридная война). Постулат о насильственном переформировании мирового политического ландшафта с благородной целью ведет лишь к усилению противоборства и конфронтации. Коллективный Запад не меняет свою глобальную стратегию, которая строится на гегемонии США, и не важно, кто занимает Белый Дом – демократы или республиканцы. Поэтому необходимо избавиться от иллюзий возможности «договориться». Прямая конфронтация с Западом тоже не является конструктивной. России необходимо укреплять обороноспособность, стимулировать экономический рост, консолидировать нацию вокруг национальных ценностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдеев Р. Ф., Аникин В. И., Сурма И. В. Философские аспекты информационной цивилизации и современные проблемы управления в ракурсе глобальной безопасности // Вопросы безопасности. 2017. № 2. С. 44–54.
2. Белозеров В. К., Харичкин И. К. Управляемый хаос в глобальных политических стратегиях // Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах / под ред. И. В. Бочарникова. М. : Эконом-Информ, 2015.
3. Запивахин В. О. Милитаризация киберпространства – главная угроза международной информационной безопасности // Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности: сборник докладов участников XIV Международного форума, 7–9 декабря 2020, Москва. М. : НАМИБ, 2020. С. 37–40.
4. Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М. : АСТ : Хранитель, 2007.
5. NYT: США планируют кибератаки и новые санкции в ответ на приписываемый РФ взлом. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10854849

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

В. Н. Сыли

кандидат юридических наук, доцент, ректор Национального Института информации и безопасности им. Богдана Основателя Молдовы
silivitalie@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые уголовно-правовые меры направленные на повышение эффективности борьбы с терроризмом и формами его проявления – преступлениями террористической направленности. Проведенный анализ позволил сформулировать обоснованные выводы в области усовершенствования существующих уголовно-правовых норм, способствующих развитию антитеррористического законодательства и обоснованию новых, более прогрессивных мер по предупреждению и пресечению указанной категории преступлений.

Ключевые слова: терроризм, преступления террористической направленности, понятие терроризма, террористический акт, акт терроризма, идеология терроризма, предупреждение терроризма, формы проявления терроризма, родовой объект преступлений террористической направленности

MODERN TRENDS IN INCREASING THE EFFICIENCY OF COUNTERTERRORISM

V. N. Syli

PhD (Law), Associate Prof., Rector of the National Institute of Information and Security named after Bogdan the Founder of Moldova
silivitalie@gmail.com

Abstract. The article examines some of the criminal law measures aimed at increasing the effectiveness of the fight against terrorism and the forms of its manifestation – terrorist crimes. The analysis made it possible to formulate well-grounded conclusions in the field of improving the existing criminal law norms which contribute to the development of anti-terrorism legislation and substantiation of new, more progressive measures to prevent and suppress this category of crimes.

Keywords: terrorism, terrorist crimes, the concept of terrorism, act of terrorism, terrorist's act, ideology of terrorism, prevention of terrorism, forms of manifestation of terrorism, generic object of terrorist crimes

Современный терроризм и его различные формы проявления является одним из самых серьезных преступлений в Уголовном кодексе. Предпринимаемые меры предупредительного характера в совокупности с уголовно-правовыми нормами, предусматривающими ответственность за совершение определенного преступления террористической направленности, ориентированы на повышение эффективности противодействия данной категории преступлений. Уголовное законодательство в этом смысле выполняет очень важную функцию, так как определяет перечень преступлений террористического характера, их признаки, наказание за их совершение и т. д.

Внимание, уделяемое терроризму, обусловлено тем, что он повсеместно признается одной из главных угроз человечеству. Однако несмотря на все силы и средства, которые бросаются государствами на его предотвращение, изжить его полностью пока не получилось ни у одной страны в мире. Борьба с этой угрозой осложняется еще и тем, что методы террористов постоянно меняются, а преступники со временем задействуют всё новые способы совершения террористических актов [Капитонова, URL].

Для разрешения вопросов эффективного противодействия преступности необходимо учитывать современные реалии в развитии как преступности в целом, так и правовые возможности воздействия на нее. Этот процесс значительно осложняется продолжающейся консолидацией и саморазвитием организованных форм преступности, что способствуют криминализации многих сфер жизнедеятельности общества. Особую «остроту» этому процессу придает распространение пропаганды идей терроризма, что определяет современный терроризм как серьезную проблему для всего мирового сообщества. Это обусловлено возрастающей террористической активностью в мире, увеличением количества преступлений, совершаемых на почве национальной, религиозной, политической и иной ненависти и вражды. Также настораживают неблагоприятные тенденции расширения географии и масштабов терроризма, факты организованного вовлечения в террористическую деятельность всё большего числа людей. При этом преступления террористической направленности, являющиеся крайними проявлениями экстремизма, характеризуются повышенным уровнем общественной опасности и тенденциями к росту своего числа и расширению социальных последствий, а равно к усложнению причинного комплекса и механизма их осуществления, типичным элементом

которого становится использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей [Иванцов, Бадамшин, 2019].

Одной из особенностей преступлений террористического характера является создание опасности для достаточно широкого круга общественных ценностей, охраняемых уголовным законом. Именно по этой причине в большинстве Уголовных кодексов стран СНГ преступления террористического характера расположены в разных главах национальных УК. В определенном смысле такой подход законодателя является достаточно аргументированным, так как главы УК формируются исходя из общего родового объекта, на который посягает определенная категория преступлений. Выявление общего родового объекта в случае преступлений террористического характера представляет собой достаточно сложную задачу. По нашему мнению, решением этой задачи необходимо заняться в ближайшее время, так как развитие современного уголовного права предполагает не только установление уголовной ответственности за совершение конкретного противоправного деяния, но и принятие достаточно широкого спектра мер, направленных на оказывание превентивного воздействия на лиц, вставших на путь подготовки террористических преступлений. По нашему мнению, необходимо принятие срочных мер по унификации основных принципов идентификации преступлений террористического характера или разработке единой точки зрения в отношении данной категории преступлений.

В связи с вышеизложенным отмечаем, что уголовные законодательства государств СНГ, предусматривающие ответственность за совершение преступлений террористической направленности, содержат нормы, относящиеся к одному и тому же преступному деянию, но отличающиеся по названию составов данного преступления. Например, в ст. 289 УК Белоруссии данное явление называется актом терроризма; в ст. 278 УК Республики Молдова, ст. 205 УК РФ, ст. 258 УК Украины – террористическим актом; в ст. 214 УК Республики Азербайджан, ст. 217 УК Республики Армения, ст. 233 УК Республики Казахстан, ст. 226 УК Киргизской Республики, ст. 271 УК Туркменистана, ст. 155 УК Республики Узбекистан – терроризмом.

Неоднозначность в использовании понятийного аппарата происходит в том числе из-за отсутствия единого мнения насчет восприятия сути и отличительных черт терроризма. Многократные попытки разработать общепринятое понятие терроризма до сих пор не увенчалась успехом.

По нашему мнению, наиболее точное определение терроризма, отражающее суть данного явления и соответствующее требованиям правоприменительной деятельности можно сформулировать следующим образом: «*Терроризм – идеология насилия и практика воздействия насилием на принятие решений органами публичной власти или международными организациями, сопряженные с устрашением населения и / или с иными противоправными насильственными действиями*».

Анализ указанного определения терроризма позволяет выделить основные черты обозначенного феномена:

1) идеология насилия;

2) практика воздействия насилием на принятие решений органами публичной власти или международными организациями;

3) устрашение населения;

4) иные противоправные насильственные действия[1].

Терроризм, в нашем понимании, превзошел уровень криминального явления, всё чаще представляя собой сложный и многомерный феномен, основанный на определенной идеологической базе. Несмотря на преступную составляющую терроризма, всё больше выделяется его идеологическая направленность, выраженная в идеях, представлениях, мифах – более или менее систематизированных, – разработанных и продвигаемых определенными террористическими группами и / или организациями.

В связи с этим с практической точки зрения наиболее актуальным является выявление, пресечение и противодействие конкретным формам проявления терроризма, а именно – преступлениям террористической направленности.

В современной практике присутствует два подхода к установлению в национальном законодательстве признаков терроризма. В соответствии с первым подходом террористический акт определяется как многоаспектное деяние, состоящее из типичных уголовных преступлений, совершение которых опосредуется дополнительной террористической целью. При втором подходе терроризм понимается как преступная деятельность, реализуемая через конкретно указываемые составы. По мнению Л. Т. Кокоевой, А. Э. Колиевой, Я. В. Гармышева, второй подход более эффективен [Кокоева, Колиева, Гармышев, URL].

[1]Плешка Р., Сыли В. Комментарий к Закону о борьбе с терроризмом Nr. 539-XV от 12.10.2001 (с изменениями и дополнениями до 21.01.2009), Кишинев, 2009, с. 12–13.

С точки зрения практической пользы поддерживаем вывод, к которому пришли вышеуказанные авторы.

Международно-правовые акты содержат перечень преступлений, подпадающих под определение террористического преступления.

Европейский союз использует официальное определение терроризма, которое отражено в ст. 1 Системы решений по борьбе с терроризмом. В данном нормативном документе террористические преступления понимаются как некоторые уголовные преступления, изложенные в списке, состоящем главным образом из достаточно опасных преступлений против личности и имущественных деяний, которые с учетом своей правовой природы, либо контекста могут нанести серьезный вред государству или международной организации с целью: существенно запугать население; принудить объект правовой охраны выполнить необходимое действие, либо воздержаться от его выполнения; дестабилизировать, либо подорвать какие-либо общественные структуры любого государства или международной организации [Сыли и др., 2011].

Антитеррористическое законодательство находится в постоянном процессе модернизации, исходя из специфики распространения и диверсификации террористических угроз. В связи с этим считаем, что деяния квалифицируемые как преступления террористического характера так же необходимо изучать с целью совершенствования законодательной базы и разработки наиболее эффективных мер противодействия новым угрозам.

Всё чаще в специальной литературе высказывается мнение о необходимости повышения меры уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности. Считаем данные высказывания частично обоснованными, так как, согласно основным принципам уголовной политики не суровость наказания определяет ее эффективность, а ее необратимость.

Основное внимание следует обратить на деятельность по усовершенствованию уголовно-правовых норм, по выявлению общих характеристик преступлений террористической направленности, по установлению общего родового объекта данной категории преступлений, по уточнению признаков субъективной стороны и субъекта преступления и т. д.

Выполнение указанных рекомендаций совместно с разработкой консолидированной программы по предупреждению и пресечению терроризма способно оказать необходимое влияние на формы его

проявления – преступления террористической направленности и повышение эффективности мер предупредительного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Капитонова Е. А. Уголовная ответственность за терроризм. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-terrorizm
2. Иванцов С. В., Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности: особенности международно-правовой регламентации // Вестник Московского университета МВД России, 2019. № 2. С. 131–135. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-terroristicheskoy-napravlennosti-osobennosti-mezhdunarodno-pravovoy-reglamentatsii
3. Кокоева Л. Т., Колиева А. Э., Гармышев Я. В. Совершенствование уголовной ответственности за преступления террористической направленности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-prestupleniya-terroristicheskoy-napravlennosti
4. Сыли В. [и др.]. Преступления террористического характера, преступления смежные терроризму и некоторые преступления с признаками терроризирования / В. Сыли, В. Армашу, А. Дончу, Р. Плешка, А. Мардарь, А. Сырку. Кишинёв: Garomont-Studio SRL, 2011.

«ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА

И. К. Харичкин

доктор философских наук профессор,
профессор кафедры политологии Института международных отношений
и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
harichkin@starlink.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной теоретической проблеме современности: выявлению сущности процесса «цветной революции» через определение ее внутренних для каждой страны предпосылок.

Ключевые слова: власть, властные отношения, «цветная революция», социальная политика, надежды

"COLOUR REVOLUTION": NATURE OF THE PROCESS

I. K. Kharichkin

Professor, Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor at the Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
harichkin@starlink.ru

Abstract. The article is devoted to a topical theoretical problem of our time, that is, to identify the nature of the process of "colour revolution" by determining its internal prerequisites for each country.

Keywords: power, power relations, "colour revolution", social policy, hopes

В настоящее время в нашей научной литературе довольно хорошо освещается проблема, затрагивающая мировой политический процесс: так называемые «цветные революции». И хотя устоявшееся определение данного явления пока не вошло в научный оборот, есть те сущностные признаки «цветной революции», которые не вызывают возражений: ненасильственная смена правящей элиты; длительные и многочисленные уличные акции протеста со стороны населения (как правило жителей столицы и крупных городов). При этом значительное количество исследователей, обращаясь к причинам данных «революций», отмечают, что первопричиной революционных изменений

является вмешательство извне [Васнецова, Манойло, 2021; Оранжевая революция, 2005; Почепцов, 2005].

Не вступая в дискуссии по этому вопросу, нам сразу хотелось бы высказать убеждение, что в XXI веке первопричин у революций две: бедность населения и обманутые надежды граждан на скорейшие изменения к лучшему в их жизни. Сопутствующими условиями являются «наличие устоявшегося авторитарного или псевдодемократического устройства, несправедливость избирательных процессов…» [Восканян, Бычкова, 2020, с. 245].

Чтобы снять вопрос о внешнем вмешательстве, отмечу, что оно присутствует и при подготовке, и в процессе революции. Определенные внешние силы всегда желают получить свои бонусы от смены политической элиты в определенной стране. И это понятно. Но экспортировать революцию невозможно. Приведу два примера: Куба и КНДР. Сколько сил потратили США на смещение Фиделя Кастро. Организовали свыше 30 покушений. Результат нулевой. Также не приведет ни к чему попытка организовать «цветную революцию» в Северной Корее. Можно еще в качестве примера привести и Китай. Внешние силы очень заинтересованы в смене в КНР правящей элиты, но их потуги в этом направлении не приводят, да и в обозримом будущем, не приведут к желательным для них результатам. Там, где политическая элита пользуется доверием и поддержкой населения, занимается адресованной людям социальной политикой, создает равные условия для развития граждан, своевременно находит и локализует возникающие противоречия, не доводя их до острой фазы конфликта, там невозможно организовать революцию. Да и поводов там нет (нет необходимости фальсифицировать выборы).

Таким образом, подчеркну – все социальные революции происходят только из-за ошибок властей, длительное время не отвечающих на требования граждан собственной страны, и возникают они спонтанно, процесс нарастает стремительно, и далеко не всегда власти могут его удержать. Хотелось бы развить этот тезис на примерах «цветных революций» на постсоветском пространстве: в 2003 г. – в Грузии, 2004 и 2013–2014 гг. – на Украине, в 2005 г. – в Киргизии.

Грузия

К 2003 г. стало ощутимым недовольство грузинского общества финансово-экономической ситуацией в стране: регулярный характер

приняли задержки в выплате зарплат и пенсий; в республике происходили перманентные отключения света и газа; сотни тысяч жителей Грузии в поисках работы уехали за рубеж; средства, поступавшие в помощь Грузии из западных стран, расхищались; росла бюрократизация государственного аппарата; объявленные президентом Эдуардом Шеварднадзе реформы и борьба с коррупцией носили формальный характер; зашло в тупик урегулирование грузино-абхазских и грузино-осетинских взаимоотношений. В Грузии нарастал общественно-экономический и внутриполитический кризис[1].

Только 12 % населения получали зарплату или имели другой регулярный источник дохода. Уровень безработицы составлял 11,5 %, а среди молодежи – 22,9 %. При этом уровень бедности составлял 50 % [Иррегулярные конфликты … 2015].

ВВП Грузии, 1990–2019[2]

год	ВВП, млрд. долл.	ВВП на душу населения, долларов	ВВП, млрд. долл.	рост ВВП, %	доля Грузии, %		
	текущие цены	постоянные цены 1990	в мире	в Азии	в Западной Азии		
1990	8.9	1 641.0	8.9		0.039	0.16	1.6
1991	7.2	1 344.0	7.0	-21.3	0.030	0.12	1.3
2001	3.4	788.0	3.5	4.8	0.010	0.038	0.42
2002	3.6	839.0	3.7	5.5	0.010	0.039	0.41
2003	4.2	991.0	4.1	11.1	0.011	0.042	0.42
2004	5.4	1 276.0	4.3	5.8	0.012	0.047	0.44
2005	6.7	1 602.0	4.8	9.6	0.014	0.054	0.45
2006	8.1	1 945.0	5.2	9.4	0.016	0.061	0.47
2007	10.7	2 568.0	5.9	12.6	0.018	0.070	0.52
2008	13.5	3 249.0	6.0	2.4	0.021	0.076	0.53
2009	11.3	2 749.0	5.8	-3.7	0.019	0.063	0.52
2010	12.2	2 987.0	6.2	6.2	0.018	0.058	0.48
2011	15.1	3 702.0	6.6	7.4	0.021	0.062	0.50
2019	17.7	4 439.0	9.3	5.1	0.020	0.054	0.54

[1]Революция роз в Грузии // Кавказский Узел. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/233390/

[2]ВВП Грузии, 1990–2019 // Макроэкономические исследования – URL: https://be5.biz/makroekonomika/gdp/ge.html

Таким образом, предпосылками «цветной революции» являлись две проблемы: нищета огромной части граждан страны и отсутствие перспектив улучшения социальной ситуации в государстве.

Что дала революция? Судя по росту ВВП, она сыграли положительную роль в жизни Грузии Я не беру другие аспекты деятельности политического руководства.

Украина

Украина пережила две «цветные революции». Так, к 2004 г. происходит падение популярности президенты Леонида Кучмы, идут уличные протесты. Страна разделена на северо-западные и юго-восточные области. Поводом для массовых выступлений населения послужили итоги выборов президента страны, которые оспаривались оппозиций как фальсифицированные. В результате нового тура выборов президентом был выбран В. Ющенко. В 2013 г. возникли новые массовые протесты населения. Так, спад промышленного производства составил 5 % относительно 2012 г. 10–12 % населения находилось за чертой бедности, 12–15 % населения в шаге от бедности. Уровень бедности составлял 27,3 %, нищеты – 14,2 %. Каждый седьмой являлся бедным (цит. по: [Иррегулярные конфликты … 2015, с. 142]).

Поводом к массовым выступлениям послужило решение Правительства Украины об приостановлении подписания соглашения с Евросоюзом об ассоциации. С этой ассоциацией граждане Украины (молодежь в первую очередь) связывали надежду на лучшую жизнь.

Если мы посмотрим на данные по динамике ВВП Украины в 1990–2023 гг., то мы увидим, что революция 2004 г. – это «выстрел в ногу». Социальная обстановка в стране крайне тяжелая.

Динамика ВВП Украины[1]

Год	ВВП, млрд (в нац. валюте)	ВВП, млрд долл.	ВВП ППС, млрд долл.	Уровень ВВП к предыдущему году (в %)	Уровень ВВП (в % к 1990 году)
1990	0	293,235*	505,504*	0	100,0
1991	0,001*	101,116*	458,430*	-8,700*	91,3
1992	0,052	22,193	318,309	-9,900*	82,3
1993	1,587	35,025	277,653	-14,799	70,6

[1]Динамика ВВП Украины с 1990 по 2023 гг. Сеосайт. URL: https://seosait.com/dinamika-vvp-ukrainy-s-2002-po-2016-gody/

Год	ВВП, млрд (в нац. валюте)	ВВП, млрд долл.	ВВП ППС, млрд долл.	Уровень ВВП к предыдущему году (в %)	Уровень ВВП (в % к 1990 году)
2002	234,138	43,956	231,177	+5,340	49,7
2003	277,355	52,010	258,226	+9,517	54,4
2004	357,544	67,226	296,623	+11,795	61,0
2005	457,325	89,282	315,569	+3,071	62,7
2006	565,018	111,885	349,893	+7,571	67,3
2007	751,106	148,734	388,715	+8,216	72,2
2008	990,819	188,240	405,232	+2,243	74,2*
2009	947,042	121,552	346,506	-15,136	63,3*
2010	1079,346	136,011	351,656	+0,261	65,8*
2011	1299,991	163,161	378,532	+5,466	69,2*
2012	1404,669	175,707	386,425	+0,239	69,3*
2013	1465,198	179,572	392,619	-0,027	69,4*
2014	1586,915	132,343	373,406	-6,553	64,8*
2015	1988,544	90,939	340,537	-9,773	58,5*
2016	2383,182	93,263	353,345	+2,441	59,9*
2017	2908,233	109,321	368,784	+2,525	61,4*
2018	3558,706	130,832	380,545	+3,3	63,4*
2019	3974,564	153,781	390,415	+3,2	65,5*
2020				-8,2	60,1*

Таким образом, предпосылками «цветных революции» на Украине являлись две проблемы: нищета огромной части населения страны и отсутствие позитивных перспектив изменения ситуации к лучшему.

Киргизия

В Киргизии уровень бедности составлял 45,9 %, нищеты – 13,4 %. Каждый седьмой являлся бедным (цит. по: [Иррегулярные конфликты … 2015, с. 88]).

Как заявил президент РФ Владимир Путин, развитие ситуации в Киргизии – результат слабости власти и накопленных в стране социально-экономических проблем[1]. Стремительному падению рейтинга президента Акаева во многом способствовала жесточайшая коррупция, поразившая буквально все государственные ведомства.

[1]Сработает ли киргизский запал в других республиках региона? // РИА Новости. URL: http://ria.ru/analytics/20050406/39626406.html

При таком уровне коррупции у населения возникает усталость от власти и уныние в отношении собственных перспектив.

ВВП Киргизстана, 1990–2019[1]

год	ВВП, млрд. долл.	ВВП на душу населения, долларов	ВВП, млрд. долл.	рост ВВП, %	доля Киргизии, в %		
	текущие цены		постоянные цены 1990		в мире	в Азии	в Центральной Азии
1990	2.6	596.0	2.6		0.011	0.047	4.7
1991	2.5	562.0	2.4	-7.9	0.010	0.040	4.6
1992	2.2	491.0	2.1	-13.8	0.0085	0.032	4.4
1993	1.9	422.0	1.7	-15.5	0.0072	0.025	4.0
1994	1.5	342.0	1.4	-20.1	0.0055	0.019	3.6
2002	1.6	322.0	1.8	-0.017	0.0046	0.018	3.4
2003	1.9	383.0	2.0	7.0	0.0049	0.019	3.3
2004	2.2	439.0	2.1	7.0	0.0050	0.019	3.0
2005	**2.5**	**485.0**	**2.1**	**-0.18**	**0.0052**	**0.020**	**2.6**
2006	**2.8**	**553.0**	**2.2**	**3.1**	**0.0055**	**0.021**	**2.3**
2007	**3.8**	**733.0**	**2.3**	**8.5**	**0.0065**	**0.025**	**2.4**
2008	5.1	978.0	2.5	8.4	0.0081	0.029	2.6
2009	4.7	879.0	2.6	2.9	0.0077	0.026	2.5
2016	6,8	1 122.0	3.4	4.3	0.0089	0.025	2.5
2017	7.7	1 244.0	3.6	4.7	0.0095	0.026	2.8
2018	8.3	1 312.0	3.7	3.8	0.0096	0.026	2.9
2019	8.5	1 318.0	3.9	4.5	0.0097	0.026	2.8

Судя по росту ВВП, «цветная революция» 2005 г. сыграла положительную роль.

Таким образом, и здесь предпосылками «революции» являлись две проблемы: нищета населения страны и отсутствие положительных перспектив изменения жизни к лучшему у граждан государства.

В заключение хотелось бы отметить, что анализ «цветных революций» позволяет сделать вывод о том, что смена власти с участием широких народных масс происходит только там, где в результате действий политической элиты происходит отказ социальной базы управления,

[1]ВВП Киргизстана, 1990–2019 // Макроэкономические исследования. URL: https://be5.biz/makroekonomika/gdp/kg.html

где власть теряет авторитет, поддержку и граждане в надежде на улучшение социально-экономической ситуации выступают за смену правящего режима. При этом в результате смены власти далеко не всегда новая элита успешно проводит социальную политику, сохраняя возможность новых революций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васнецова Е. С., Манойло А. В. Борьба с международным терроризмом цифровую эпоху. М. : Горячая линия-Телеком, 2021.
2. Оранжевая революция // Украинская версия: сборник. М. : Европа, 2005.
3. Почепцов Г. Революция.com: Основы протестной инженерии. М. : Европа, 2005.
4. Восканян Э. С., Бычкова Н. С. «Цветные революции» в современном мире: мнения исследователей (рус.) // Россия и современный мир. 2020. № 1(106). С. 242–248.
5. Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах. М. : АНО ЦСО и П, 2015.

СОВРЕМЕННЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИРОТВОРЧЕСТВА ПОЛЬШИ, ЛИТВЫ И СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

П. В. Шамаров

кандидат военных наук, доцент
профессор Академии военных наук
доцент кафедры Военной академии Министерства обороны РФ
pvs291189@gmail.com

Аннотация. В статье в ретроспективном аспекте исследуется парадигма эволюционной трансформации национальных взглядов Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании, Польши, Литвы и Исландии к участию в миротворческой деятельности под эгидой ООН, ОБСЕ, ЕС и НАТО. Аргументируется видоизменение политико-правовых подходов указанных европейских акторов к международному миротворчеству ООН и интенсификация их «умиротворительной» практики именно в силовых операциях кризисного урегулирования США и НАТО.

Ключевые слова: миротворчество, миротворческая операция, вооруженные силы, национальные интересы

MODERN GEOPOLITICAL DISCOURSE OF PEACEMAKING IN POLAND, LITHUANIA AND NORTHERN EUROPE

P. V. Shamarov

PhD (Military Sciences), Associate Professor
Associate Professor at the Academy of Military Sciences
The Military Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation
pvs291189@gmail.com

Abstract. The article examines the paradigm of the evolutionary transformation of the national views of Sweden, Finland, Norway, Denmark, Poland, Lithuania and Greenland to participate in peacekeeping activities under the auspices of the UN, OSCE, EU and NATO in a retrospective aspect. The author argues for the modification of the political and legal approaches of these European actors to international UN peacekeeping and the intensification of their "pacifying" practice in the US and NATO crisis settlement power operations.

Keywords: peacemaking, peacekeeping operation, armed forces, national interests

В этом году наша страна отметила знаменательную дату – 75-летие образования Калининградской области и ее вхождения в состав Российской Федерации. Сегодня этот самый западный российский балтийский эксклав граничит с бывшими странами социалистического лагеря, а теперь новыми членами НАТО Литвой и Польшей. Последние активно развивают свое сотрудничество в сфере миротворчества со скандинавскими странами – нейтральной Финляндией и Швецией, а также такими старейшими учредителями альянса, как Дания, Норвегия и Исландия.

Миротворческая практика всех этих акторов (в том числе в рамках ОБСЕ и ЕС) часто реализуется в странах и регионах, значимых и чувствительных для российских национальных интересов. Последнее и объективирует научный интерес к исследованию специфики сложившегося миротворчества Польши, Литвы и скандинавских стран в целях идентификации геополитического вектора его современного развития.

В соответствии с Уставом ООН (Преамбула, Ст. 1)[1], поддержание международной безопасности и мира является ключевой задачей ООН, важным геополитическим ресурсом которой вот уже более семидесяти лет является институт международного миротворчества.

Вместе с тем отсутствие в Уставе ООН дефиниции слов «миротворческая деятельность» позволило свободно интерпретировать различным акторам ее сущностное содержание. Это обусловило возникновение на международной сцене эффекта политико-правой аберрации миротворческой семантики, заключающейся в неумышленном, случайном или преднамеренном искажении, диверсификации и изменении принципиальной сути миротворчества ООН [Шамаров, 2020].

В этой связи многие акторы с начала третьего тысячелетия взяли себе за образец геополитического подражания именно миротворческие операции (*далее* МТО) США и НАТО [Шамаров, 2019а; Шамаров, 2019б]. Не остались в стороне и исследуемые нами страны, задействование которых в операциях ООН на середину текущего года составляли величины, приведенные в таблице 1.

Как видно из таблицы, наибольшее миротворческое задействование в системе ООН среди указанных акторов имеет нейтральная Швеция, а наименьшее – трансатлантические Исландия и Дания.

[1]Устав Организации Объединенных Наций, Преамбула, Ст.1. Официальный Сайт ООН URL: http://www.un.org/ru/charter-united-nations/

Таблица 1

Национальное участие в операциях ООН на 1.04.2021 г. (численность международных сил ООН – 80,184 чел.)[1]

Номер по порядку	Рейтинг в ООН	Миротворческие акторы – члены ООН	Численность миротворцев, чел.	Пину[2], проценты
1.	50	Швеция	234	0,29
2.	53	Финляндия	200	0,24
3.	54	Польша	199	0,24
4.	63	Норвегия	120	0,14
5.	75	Литва	46	0,05
6.	94	Дания	13	0,01
7.	-	Исландия	0	0

Швеция обладает признанным авторитетом «беспристрастного международного арбитра и посредника», что обусловлено ее нейтральным статусом, отсутствием колониального прошлого, значительными объемами миротворческой, гуманитарной и донорской помощи.

Стокгольм считает миротворчество ключевым направлением своей внешней политики, поскольку участие в операциях ООН, НАТО и ЕС способствует укреплению международного влияния страны; повышению уровня подготовки подразделений вооруженных сил (*далее* ВС), продвижению на мировом рынке продукции военного назначения.

После военного конфликта между Россией и Грузией в Закавказье в августе 2008 г. парламент Швеции принял *Декларацию о взаимной солидарности* (2009), в которой отражено намерение Стокгольма участвовать с НАТО и ЕС в разрешении конфликтов, затрагивающих безопасность Европы [Воронов, 2011а; Воронов, 2011б].

Полагаем, что данный факт говорит о видоизменении традиционного шведского миротворчества в системе ООН в силовые операции Запада. Об этом также свидетельствует задействование миротворцев

[1]Uniformed Personnel Contributing Countries by Ranking Experts on Mission, Formed Police Units, Individual Police, Staff Officer, and Troops As of: 31.03.2021. Официальный сайт ООН. https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/02-country_ranking_36_mar2021.pdf

[2]Пину – прямой индикатор национального участия стран-контрибьютеров в МТО ООН – выраженное в процентах отношение числа миротворцев от отдельного государства к общей численности такого персонала ООН от всех стран-поставщиков.

Швеции по планам НАТО и значительное превышение ее расходов на силовые операции по сравнению с затратами на гуманитарные проекты.

Главным приоритетом Стокгольма остается обеспечение национальной безопасности, которая достигается в том числе:

– участием в различных МТО, в первую очередь под руководством НАТО и ЕС;

– стремлением унифицировать национальную миротворческую практику в соответствии с военно-политическими стандартами Запада;

– интенсификацией проатлантического курса внешней политики.

Финляндия – активная участница МТО ООН с 1956 г. Спустя два года финское миротворчество уже стало национальной традицией. Так, с середины 1960-х гг. Хельсинки регулярно направлял батальонные контингенты в МТО ООН, а с середины 1990-х гг. подключился к операциям ОБСЕ и НАТО [Шашков, 2000]. Всего с 1956 г. в различных МТО были задействованы, по нашей оценке, около 70 тыс. финских миротворцев.

Финляндия, как и Швеция, ограничивает порог ежегодной численности своих миротворцев до 2 тыс. человек.

Прижизненная миротворческая легенда Суоми – Мартти Ахтисаари, бывший президент страны, глава миссии ООН в Намибии, специальный посланник Генерального секретаря ООН по статусу Косово, лауреат Нобелевской премии мира; руководитель НПО «Crisis Management Initiative» (Хельсинки). Под его руководством были разработаны так называемые «Стандарты для Косово» по отделению автономии из состава Сербии, которые так и не получили одобрения Совета Безопасности ООН.

Идентифицированный процесс трансформации миротворчества Финляндии под эгидой ООН в операции кризисного урегулирования НАТО свидетельствует об изменении традиционной нейтральной парадигмы страны. Последнее обусловлено в том числе тесным миротворческим сотрудничеством с Польшей, Данией, Швецией и Норвегией, которые продвигают в ходе миротворческой практики свои национальные интересы и укрепляют двухсторонние связи с США.

Первый миротворческий опыт **Польша** получила в 1953 г. в Корее. Впоследствии задействование польских наблюдателей и подразделений в МТО ООН приобрело системный характер.

Основная миротворческая задача постсоциалистической Варшавы –тыловое обеспечение сил ООН, участие в операциях под «зонтиком» США, совместных МТО ООН, ОБСЕ и ЕС. Наработанный опыт

миротворчества повысил влияние Польши в Секретариате ООН, что обусловило назначение ряда ее представителей на должности глав миссий ООН и ОБСЕ. При этом миротворческое сближение страны с Западом содействовало ее вступлению в НАТО (1999) и в ЕС (2004).

С начала 2000-х гг. основной приоритет Варшавы – «умиротворительные» операции Запада и одновременное сокращение своего представительства в МТО ООН, перераспределение ресурсов в пользу США и НАТО, выстраивание партнерства с Великобританией, ФРГ, Францией, балтийскими и рядом других европейских стран.

Концептуальное обобщение миротворческого опыта официально интегрировало в 2009–2013 гг., по нашей оценке, национальные приоритеты Польши со стратегическими задачами Запада [Довжик, 2014], сохранив ее ограниченное участие в ряде миссий ООН и ОБСЕ.

В целом, модель польского миротворчества увязывается нами с:

– удовлетворением геополитических запросов США;
– обеспечением коллективной безопасности НАТО;
– поддержанием по остаточному принципу международной стабильности на механизмах ООН.

Одновременно вычленяется польский национальный эгоцентризм, ранжирующий кризисное урегулирование США и НАТО выше миротворчества ООН; признающий необязательность мандата ее СБ для участия страны в силовых операциях Запада.

Всего, по нашей оценке, к настоящему времени до 100 тыс. польских военнослужащих были задействованы почти в 90 операциях и миссиях ООН, ОБСЕ, ЕС и НАТО.

С начала 2000-х гг. **Дания** рассматривается США и Великобританией в качестве своего «привилегированного союзника», что предопределило, по нашей оценке, специфику современного датского миротворчества, которое особенно интенсифицировалось после вступления в НАТО Польши и постсоветских прибалтийских республик.

Копенгаген ориентирован в миротворчестве на всестороннюю поддержку США в ходе «активного интернационализма» – воздействия на систему международных отношений посредством продвижения в мире либерально-демократических ценностей. Участие в миротворчестве считается средством повышения международного влияния страны, что обусловило откомандирование датских военнослужащих в МТО на Балканах, Ближнем Востоке, Грузии и Таджикистане.

Дания отряжает в распоряжение США и НАТО мощные (не менее 1 тыс. человек) военные контингенты, участвует в силовых операциях без каких-либо ограничений (в том числе связанных с риском для жизни), демонстрирует одну из самых высоких среди западных стран общественную поддержку американским операциям.

Копенгаген накопил значительный опыт подготовки миротворческих формирований. В частности, в 1994 г. в датских ВС была сформирована бригада быстрого реагирования. В 1994–1997 гг. совместно с Великобританией, Норвегией, Швецией и Финляндией датчане участвовали в подготовке балтийского батальона «BALTBAT». В 1997 г. Дания совместно с Польшей, Норвегией, Швецией, Канадой, Нидерландами и Австрией сформировала бригаду высокой готовности сил ООН «SHIRBRIG», задействованную в Африке и расформированную в 2009 г.

В целом Дания – активный участник большинства коалиционных МТО под патронажем США и НАТО с ориентацией на силовое миротворчество, реализующее национальные интересы и «экспорт стабильности» в кризисные регионы, в том числе за пределами Европы.

Норвегия – старейший миротворец, принявший участие в операциях ООН в 40 странах[1], изначально считавший применение силы в качестве крайне нежелательной меры, оказывающий значительную донорскую поддержку проектам в сфере гуманитарной деятельности, укрепления демократии и прав человека.

Именно норвежец Фритьоф Нансен в 1920-х гг. стал уполномоченным Лиги Наций, отвечая на призыв которой Осло подготовил пехотную роту для задействования в международных силах в целях обеспечения внутренней безопасности в ходе референдума о международном статусе Литвы. Более того, в 1945 г. первым Генеральным секретарем ООН был избран глава МИД Норвегии в годы Второй мировой войны Трюгве Ли.

С начала 2000-х гг. Осло позиционирует миротворчество ООН в качестве не единственного, но одного из «краеугольных камней» своей внешней политики, что предопределило норвежское задействование по планам Запада в Сомали, Югославии и Афганистане. Норвегия участвовала в операциях США в Сирии и Ираке, миссии НАТО

[1]Структура, кадровая политика и приоритетные направления работы современной дипломатической службы Норвегии. URL: https://ozlib.com/893778/sotsium/struktura_kadrovaya_politika_prioritetnye_napravleniya_raboty_sovremennoy_diplomaticheskoy_sluzhby_norve

в Афганистане, МТО в Косово и Боснии, миссиях ООН в Мали, Южном Судане и на Ближнем Востоке, международной миссии в Египте.

В отличие от Дании, Норвегия участвовала практически во всех (кроме постсоветского пространства) операциях Евросоюза, но с 2010 г. она сокращает свои контингенты в ЕС и НАТО вследствие роста критики в Осло по поводу политики интернационализма и неэффективности использования норвежских гуманитарных и донорских ресурсов.

Сегодня МТО ООН насчитывают всего 120 норвежцев, что является самым низким показателем за всё время (в 1990-х гг. за рубежом служили 2000 тыс. миротворцев, а в 2000-х – около одной).

Литва считает приоритетными интеграционные проекты под патронажем НАТО и национальное участие в операциях под руководством США [Воротников, 2014]. Первым миротворческим проектом под контролем США в 1994–2020 гг. стал объединенный балтийский батальон «BALTBAT», принявший ограниченное участие (вследствие слабого оснащения и выучки личного состава) в МТО НАТО в Югославии. В декабре 2020 г. подразделение было расформировано.

Особо подчеркнем, что из всех направленных за рубеж за последние двадцать лет военных контингентов Литвы абсолютное большинство ее миротворцев (97 %) участвовало в операциях НАТО, около 2 % – ООН и менее 1 % – ЕС. Отсюда говорить о миротворчестве Вильнюса под эгидой ООН можно лишь с большой оговоркой. При этом страна накопила под контролем Запада ограниченный опыт военно-политического консалтинга, посткризисного восстановления, гуманитарной помощи, подготовки иностранных специалистов в области национальной безопасности.

Гипертрофированное ориентирование литовского миротворчества на операции НАТО объясняется, по нашему мнению, русофобской и антироссийской политикой Вильнюса, его надуманными опасениями в отношении международного влияния России, что голословно увязывается литовцами с угрозой для своей национальной безопасности. Ориентирование миротворчества на США и НАТО позволяет этой малой во всех отношениях стране претендовать, по мнению Вильнюса, на более высокий международный статус и участие в решении глобальных проблем.

Исландия присоединилась к МТО ООН в 1950 г., направив двух своих полицейских в Палестину.

Регулярная миротворческая практика страны началось в 2001 г. – после создания в рамках национального МИД подразделения кризисного

реагирования (англ. *Iceland Crisis Response Unit*) численностью до двухсот человек (полицейские, врачи, инженеры и спасатели), принявшего символическое участие в различных МТО ООН, НАТО и ОБСЕ.

Таким образом, можно сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, налицо сущностное видоизменение геополитических подходов Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании, Польши, Литвы и Исландии к миротворчеству ООН и интенсификация «умиротворительной» практики последних именно в силовых операциях Запада под патронажем США.

Во-вторых, современная миротворческая деятельность нейтральных и северных трансатлантических акторов объективирует неизбежное геополитическое сближение вследствие переформатирования миротворческой нагрузки с операций ООН и ОБСЕ на операции кризисного урегулирования США и НАТО.

В-третьих, с учетом традиционной гуманитарной направленности внешнеполитической практики нейтральных стран, миротворчество последних, с рационально-прагматической точки зрения, более приемлемо для России по сравнению с агрессивным миротворчеством США и НАТО, продвигающим на планете жестко-силовым образом «общедемократические нормы и ценности» монополярного мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шамаров П. В. Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества: причины, сущность и значение // Представительная власть – XXI век. 2020. № 4(179). С. 38–43.
2. Шамаров П. В. Геополитика США в сфере миротворчества // Социально-политические науки, 2019а. № 3. С. 35–38.
3. Шамаров П. В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обозреватель – Observer. 2019б. № 11(358). С. 27–38.
4. Воронов К. В. Страны Северной Европы // Европейский Союз и региональные конфликты / отв. ред. Н. К. Арбатова, А. М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2011а.
5. Воронов К. В. Миротворчество стран Северной Европы: ответы на вызовы // Мировая экономика и международные отношения. 2011б. № 12. С. 57–68.
6. Шашков С. Финляндия и миротворческие операции // Зарубежное военное обозрение. 2000. № 12. С 11–13.
7. Довжик Н. Р. Бинарность стратегий национальной безопасности современной Польши // Известия Уральского федерального университета, 2014. № 2(128). С. 91–98.
8. Воротников В. В. Страны Балтии в НАТО: итоги десятилетия // Вестник МГИМО(У). 2014. № 6. С. 13–17.

СЕКЦИЯ I
ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И ТАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССОВ МИГРАЦИИ НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ОДНА ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Э. Абрамов

аспирант кафедры государственного и муниципального управления и менеджмента факультета государственного и муниципального управления Волгоградского института управления филиала РАНХиГС при Президенте РФ
aabramov1602@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен терроризма в контексте тенденции развития террористической практики в Российской Федерации, связанной с активно развивающимися процессами миграции на фоне действующих процессов глобализации.

Ключевые слова: феномен терроризма, миграционный контроль, национальная безопасность

MIGRATION PROCESSES DEVELOPMENT ON THE BACKGROUND OF GLOBALIZATION AS ONE OF THE TERRORIST PRACTICE DEVELOPMENT TRENDS IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. E. Abramov

PhD Student of the Department of State and Municipal Administration and Management of the Faculty of State and Municipal Administration Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA under the President of the Russian Federation
aabramov1602@gmail.com

Abstract. The article examines the phenomenon of terrorism in the context of the development trend of terrorist practice in the Russian Federation, associated with actively developing migration processes against the background of the current processes of globalization.

Keywords: the phenomenon of terrorism, migration control, national security

В настоящее время феномен терроризма – это не какое-то случайное или разовое явление, что подразумевает под собой просто взрывы и захват заложников или формирование таких угроз, которые касаются ограничения прав и свобод граждан определенного государства. Терроризм на сегодняшний день является широкомасштабным феноменом современности, который создает определенные угрозы безопасности не только для субъектов политической власти, но и отдельно взятой личности и общества. Это обусловлено рядом факторов, а именно – во-первых, террористическая деятельность подрывает общую систему государственного управления, уменьшая тем самым эффективность регулирования социально-политических процессов; во-вторых, усиление роли терроризма способствует проявлению различных антиконституционных организаций различного толка, которые способствуют ослаблению государственных институтов власти; в-третьих, субъекты террористической деятельности формируют среди мирного населения атмосферу страха и ужаса, вызывая тем самым хаос и беспорядки, создание конфликтных ситуаций, которые используются исключительно для достижения определенных политических целей; в-четвертых, группировки террористической направленности обладают достаточно большой денежной базой, а также развитым экономическим потенциалом; в-пятых, современная террористическая практика всё чаще используется за государственными пределами различных стран, что способствует развитию такого феномена, как международный терроризм, формирующий глобальную угрозу для всего мирового сообщества.

Окончание «холодной войны» в конце 1980-х гг., по мнению различных экспертов, способствовало формированию так называемого «нового мирового порядка», что означало начало нового этапа в развитии человечества, формированию международной стабильности и гармонии, которая должна была обеспечить значительное сокращение затрат на вооружение, а также и другие потребности для национальной безопасности стран. На ряду с этим допускались мнения, что произойдет снижение и влияние террористических угроз различного направления, но уже в 1990-х гг. различные политики и ученые приходят к выводу, что формирование демократических ценностей для ряда государств мира являются весьма болезненными, что способствует проявлению протестных настроений, которые выражаются в формировании террористических группировок различного толка, которые создают угрозу национальной безопасности для ряда государств.

Сложившиеся современные реалии и поставленные цели, которые используют различные террористические организации в политическом противостоянии на национальном и международном уровне, способствуют изменению стратегии терроризма, его организации и содержания. Под воздействием данных условий в развитии современной террористической практики сформировался ряд тенденций, которые способствуют развитию терроризма как глобальной угрозы для всего человечества.

Одна из важнейших тенденций развития террористической практики связана с активно развивающимися процессами миграции на фоне действующих процессов глобализации. Миграция, как правило, мусульманского населения из отсталых стран третьего мира формирует реальную социальную базу для развития террористических организаций и увеличения незаконного оборота наркотиков и роста организованной преступности. Вопросы, которые рассматриваются в контексте исследования миграционных процессов и проблем глобальной безопасности, по своему назначению являются многомерными, но исследование феномена терроризма, учитывая его трансграничные аспекты, может рассматриваться именно в соотношении с процессами миграции.

Одним из самых опасных явлений, которые могут сопровождать миграционные процессы, является формирование идеологии экстремизма и терроризма в Российской Федерации. Выступая на одном из совещаний, Директор ФСБ России А. В. Бортников, отметил: «Пройдя в лагерях психологическую обработку и террористическую подготовку и получив боевой опыт в "горячих точках", бандиты, используя незаконную миграцию, расползаются по намеченным регионам, и их целью является создание законспирированных ячеек, вербовка боевиков, подрыв внутренней безопасности и территориальной целостности стран оседания» (*Путин: побороть угрозу терроризма можно лишь совместно на базе международного права // ТАСС*[1]).

По данным Министерства внутренних дел в сводке основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – сентябрь 2021 г. количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства составило 9 млн 209 тыс. человек по сравнению с промежутком

[1]URL: https://tass.ru/politika/2150567

январь – сентябрь 2020 г. 7 млн 574 тыс. человек. За этот же период выдано более 1 млн 606 тыс. и за январь – сентябрь 2020 г. 898 тыс. патентов на работу в России[1].

Ранее ФСБ России впервые за 20 лет раскрыла число приехавших работать иностранцев. Анализ данных за 2019 г. показывает, что большая часть трудовых мигрантов прибыло на территорию РФ из стран СНГ. Лидерство за первую половину 2019 г. принадлежит Узбекистану, из этой страны в Россию прибыли в целях работы 918 тыс. человек. На втором месте Таджикистан – 523,9 тыс. человек, затем следуют Киргизия – 265 тыс., Украина – 164,6 тыс., а также Казахстан – 105,3 тыс. человек (*ФСБ впервые за 20 лет раскрыла число приехавших работать // РБК*)[2].

Всё чаще оказываются вовлечены в террористические группировки различные части населения, в том числе и неконтролируемые миграционные группы, что создает определенные трудности для противодействия террористическим угрозам. Данная тенденция сопровождается рядом факторов, возникающих в современном мире, а именно:

1) обострение сепаратистских настроений способствует возникновению между различными группами и индивидами вооруженной борьбы;

2) увеличивается уровень участия различных категорий населения в политической борьбе, в том числе и тех, кто не обладает высокой политической культурой;

3) развитие противоречий, которые основаны на конфессиональной основе, способные вовлекать значительные массы населения в политический конфликт.

На взгляд одного из экспертов по противодействию международному терроризму Г. Уордло, который в начале 1990-х гг. высказался о том, что «по Восточной Европе прокатилась небывалая по своим масштабам волна политического насилия, а именно на территориях бывших республик СССР и Югославии были осуществлены многочисленные акты терроризма местных националистических организаций в ходе этнических противостояний, которые в итоге переходили в гражданскую войну» [Грачёв, 2007].

---

[1]Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–сентябрь 2021 г. / Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/26510183/

[2]URL: https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d5560979a7947af4fa8a883

1. К настоящему времени актуальность проблемы процессов миграции и международной безопасности связана прежде всего с развязыванием войн на Ближнем Востоке и проводимой политикой гегемонии Запада по установлению правительственных режимов в Афганистане, Сирии, Ираке, Ливии, Египте, Тунисе и т. д. В том числе важно подчеркнуть недавние события в Афганистане, где государственную территорию захватила запрещенная в Российской Федерации террористическая организация исламистского толка «Талибан». 15 августа 2021 г. террористы зашли в город Кабул и объявили о том, что светское правительство во главе с президентом Ашрафом Гани бежало из страны, и теперь вся власть принадлежит им. Из истории можно охарактеризовать «Талибан», как исламистское движение, которое было организовано в 1994 г. Его основную часть составляют пуштуны, народ, проживающий в Афганистане и Пакистане, который исповедует крайне радикальную трактовку суннитского ислама, по разным данным их численность составляет более 40 млн человек, они считают представителей других религий идолопоклонниками, а вторую по величине ветвь ислама шиитов – еретиками, в том числе они отказывают женщинам в различных правах и свободах, а также практикуют рассмотрение различных споров по законам шариата (*Экстремизм на экспорт: чем грозят Волгограду события в Афганистане? // Новости Волгограда*[1]).

Такая политика Запада по установлению политических режимов привела к неконтролируемым процессам миграции, как легальной, так и нелегальной, которые формируют дестабилизационные процессы, способствующие развитию экстремистских идеологий и терроризма. В связи с этим, большинство стран мира разработали определенные меры, которые касаются эффективности миграционного контроля. Стоит подчеркнуть, то обстоятельство, что процессы нелегальной миграции, также активизируют процессы становления и развития организованной преступности, а в следствии этого развивается и теневая экономика, что способствует ухудшению криминогенной ситуации внутри государства.

2. Каким образом события в Афганистане могут повлиять на Российскую Федерацию, в том числе и на юг России оценить пока сложно, но, по мнению различных экспертных кругов, если власть в Афганистане возьмет наиболее радикальная группировка «Талибана», то в этой

[1]URL: https://novostivolgograda.ru/article/general/20-08-2021/ekstremizm-na-eksport-chem-grozyat-volgogradu-sobytiya-v-afganistane

связи произойдет крупномасштабный гуманитарный кризис, в том числе возможен большой приток беженцев и формирование очевидной террористической опасности в соседних с Афганистаном государствах. Важно подчеркнуть, что в Панджшерской долине на севере Афганистана пытаются объединиться силы против «Талибана», если по итогу они начнут крупномасштабные военные действия, то страну ожидает затяжная гражданская война и как следствие массовая миграция населения (*Экстремизм на экспорт: чем грозят Волгограду события в Афганистане? // Новости Волгограда*[1]).

Так, например, различные сторонники и члены террористических организаций, таких как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Ливийская исламская боевая группа» и др., под видом лиц, которые искали политического убежища проникали на ряд территорий стран Запада для того, чтобы осуществлять определенные насильственные действия по отношению к коренным жителям страны, важно выделить, что многие из иммигрантов уже заранее планировали совершение террористических акций.

Следует также выделить, что те лица, которые планируют осуществлять террористическую деятельность, зачастую попадают на выбранную территорию под вымышленными именами. Так, например, можно привести пример с террористическими акциями, которые были совершены во Франции в 2015 г., где террористы использовали поддельные сирийские паспорта для того, чтобы зарегистрироваться в качестве политических беженцев, при этом важно подчеркнуть, что они являлись гражданами Франции и Бельгии. Это обстоятельство свидетельствует о том, что государственная политика управления большинства государств не совсем эффективно интегрирует в жизнь общества беженцев и иммигрантов, что способствует развитию террористических угроз.

Политические процессы в жизни общества, которые проявляются после миграционных процессов имеет достаточно длительный период системных проявлений, что формирует проблемы для оптимального прогнозирования и построения комплексного анализа. В последнее время всё чаще внедряются новые стратегии и меры противодействия, которые связаны с предотвращением угрозам терроризма, посредством комплексной политики миграционного контроля.

[1]URL: https://novostivolgograda.ru/article/general/20-08-2021/ekstremizm-na-eksport-chem-grozyat-volgogradu-sobytiya-v-afganistane

Так, например, В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в разделе 47. Достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач: противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов[1].

Однако следует выделить тот факт, что террористические акции, которые были совершены в последнее время, всё чаще исполняются лицами, которые имели гражданство страны и постоянное место жительства там, где они совершают теракты. Это свидетельствует о том, что они осуществляют террористические действия, обходя классический миграционный контроль, но, несмотря на это обстоятельство, стоит выделить, что проверки, а также ведение контроля на границе, способствует снижению возможной террористической активности. Поэтому использование каким-либо государством, в том числе и Российской Федерацией, комплексной политики в отношении миграционного потока, а также постоянного контроля государственных границ, может способствовать снижению внешних террористических угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грачёв С. И. Терроризм. Вопросы теории: монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007.

[1]Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // ГАРАНТ URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ (на примере сервиса TIKTOK)

О. В. Богомаз

кандидат психологических наук
главный советник Управления внутренней политики
Белорусского института стратегических исследований
bogomazik@list.ru, bogomaz@bisr.by

Аннотация. В статье рассмотрены информационно-психологические аспекты влияния современных социальных сетей на формирование общественно-политических настроений. Раскрыты средства информационно-психологического влияния, используемые деструктивными ресурсами в целях изменения структуры общественно-политических отношений (на примере сервиса TikTok). Описан феномен «двойной исключительности» социально-психологических особенностей молодежи, влияющий на восприимчивость к манипуляциям в информационном пространстве. Уделено внимание особенностям выработки мер противодействия влиянию деструктивной информации.

Ключевые слова: TikTok, деструктивное воздействие, двойная исключительность, поколение Z

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE INFLUENCE OF MODERN SOCIAL NETWORKS ON THE FORMATION OF SOCIAL AND POLITICAL MOODS (using the example of TIKTOK)

O. V. Bogomaz

PhD (Psychology), Chief Adviser of the Internal Policy Department,
Belarusian Institute for Strategic Studies
bogomazik@list.ru, bogomaz@bisr.by

Abstract. The article presents informational and psychological aspects of the influence of modern social networks on the formation of sociopolitical moods. The paper also presents means of information and psychological influence used by destructive resources in order to change the structure of social and political relations (for example, the TikTok service). The article describes the phenomenon of "double exclusivity" of social and psychological characteristics of

young people, affecting susceptibility to destructive information impact. Attention is paid to the peculiarities of developing measures to counter the influence of destructive information.

Keywords: TikTok, destructive influence, double exclusiveness, generation Z

Современное развитие общества характеризуется повсеместным использованием информационно-коммуникационных технологий в различных направлениях – деловое общение, образовательные технологии, межличностная коммуникация и др. Постоянно обновляющиеся сервисы, приложения и медийные продукты выполняют сегодня качественно новую роль – становятся средством формирования индивидуального опыта человека. Анализ значимых политических событий по всему миру демонстрирует активное использование различных информационных площадок и приложений в качестве своеобразных «генераторов» общественно-политических настроений. Социальные последствия цифровизации и влияние «новых медиа» на политическую коммуникацию является популярной научной проблемой, при этом многочисленные труды посвящены особенностям политической активности в цифровом обществе, деструктивному информационному воздействию в политических интересах [Шапошников, 2020; Резаев, Трегубова, 2019; Gibson, Cantijoch, 2013].

И, если деструктивное информационное воздействие понимается как процесс осуществления информационного влияния на политические и социально-экономические процессы в различных целях, в том числе связанных с разрушением традиционных духовных и нравственных ценностей и причинения ущерба национальной безопасности, то определение понятия «деструктивная политическая активность» в современной научной литературе не сформулировано[1]. К настоящему времени в исследованиях указанное понятие рассматривается в контексте деструктивного поведения при проявлении гражданской активности, а также через призму деструктивного влияния политической активности на национальные интересы [Логинова, Щебланова, 2019; Пунченко, 2020]. С учетом изложенного, по мнению автора, под деструктивной политической активностью в общем плане можно понимать форму гражданской активности граждан в жизни общества и го-

[1]О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019, С. 4.

сударства, направленной на дестабилизацию общественно-политической обстановки в стане и причинение вреда национальным интересам в политической сфере.

Очевидно, что потенциальным пространством для провоцирования и поддержания деструктивной политической активности становится интернет-пространство и современные средства массовой коммуникации.

В последнее время широкую популярность по всему миру среди различных слоев населения набирает сервис TikTok, технические возможности которого позволяют пользователям формировать и просматривать короткие видео по разным тематикам. Данная площадка достаточно активно используется радикально настроенными оппозиционными силами для формирования социальной напряженности среди населения, а также провоцирования деструктивной политической активности. Возможности указанного сервиса использовались в качестве инструмента пропаганды движения BLM и в целях дискредитации Дональда Трампа в ходе предвыборной кампании в 2020 г. в США, в провоцировании массовых беспорядков в Российской Федерации в январе 2021 г., а также в процессе освещения выборов в Государственную думу.

Обращают на себя внимание функциональные особенности работы сервиса TikTok, которые позволяют формировать так называемые рекомендации по различным тематикам (образовательный, развлекательный, новостной контент и др.). На вкладку «рекомендации» попадают темы, пользующиеся популярностью у конкретных возрастных групп. Однако экспертным сообществом сегодня отмечается высокая вероятность намеренного создания трендовых рекомендаций, для чего необходимо знать принципы работы сервиса, анализировать иноязычный сегмент платформы, а также иметь соответствующие знания о психологических особенностях различных социальных и возрастных групп [Плотникова, 2021]. При этом «информационные коконы» создаются рекомендациями не в хронологическом порядке, а по тематическим направлениям, что способствует формированию общего представления по проблемным вопросам без привязки к актуальным тенденциям развития общества на современном этапе. Так, данный сервис позволяет ресурсам формировать субъективное представление о развитии текущей общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране посредством распространения деструктивной информации о росте социальной напряженности, активизации протестных

настроений, а также о негативных последствиях политических решений, принимаемых на уровне государства.

Рост популярности данного сервиса обеспечивается также значительным присутствием в TikTok развлекательного и юмористического контента. На этом фоне экстремистские ресурсы тиражируют комичные ролики о политических лидерах и сатирические зарисовки об общественно-политических событиях в различных формах деструктивного характера. В частности, распространённым приемом такого радикального юмора выступает размещение материалов с образами политиков, подготовленных при помощи сервиса для замены лиц (Reface), где они «исполняют» узнаваемые композиции с политическим подтекстом и «играют» уничижительные роли в известных фильмах, наделенных особым смыслом. Общественно-политические события зачастую освещаются в форме комбинации репортажей госСМИ и элементов юмористических передач, вырванных из контекста. Так, формируемые социальной сетью «тематические коконы» способствуют постепенному переходу пользователей с развлекательной повестки в политическую, где юмористический контент последовательно замещается политизированной повесткой.

Представляется необходимым более детально рассмотреть средства информационно-психологического влияния [Душкина, 2020], используемые деструктивными политическими силами при помощи сервиса TikTok.

Визуальные стимуляторы

Возможности сервиса позволяют использовать в фоне основного видеоматериала различные подвижные и неподвижные объекты, что облегчает концентрацию внимания пользователя, а это в свою очередь увеличивает манипулятивный потенциал текстовой информации, сопровождающей видео. Данная техника активно используется для формирования представления пользователя о несостоятельности государственных институтов, где на фоне безобидного визуального материала подаются отдельные фразы, воздействующие на подсознательную часть психики (техника «якоря»). В период значимых политических событий смысловое содержание таких фраз содержит, в том числе призывы, которые могут выступить стимулом к провоцированию протестной активности.

В целях тиражирования протестной символики, а также формирования привыкания к определенной протестной цветовой гамме в качестве визуального стимулятора используется прием изменения

физических характеристик цвета. Как правило, данный прием применяется деструктивными политическими силами при необходимости формирования узнаваемости символов протестных настроений, что на подсознательном уровне также вызывает соответствующую эмоциональную реакцию «привыкания» потенциальных участников массовых мероприятий к определенной символике. Кроме того, часто определенная цветовая гамма используется для оформления поведенческих установок путем закрашивания соответствующими цветами текстовых сообщений, лозунгов, слоганов и девизов, несущих особый смысл, что усиливает манипулятивный потенциал таких сообщений.

Видео, описывающее сложные жизненные ситуации, обеспечивающие эмоциональную нагрузку, также выступает визуальным стимулятором. Например, слезы женщин и детей, сопровождающиеся рассказами о непростых условиях жизни, «созданных государством», обеспечивают аффективное восприятие материала, способствует возникновению у пользователей эмоционального реагирования, а также формирует представление о тяжелом положении населения. Как правило, подобные ролики сопровождаются узнаваемыми лирическими композициями, усиливающими эмоциональный фон видеоконтента.

Аудиальные стимуляторы

Специфика аудиосигналов, оказывающих деструктивное влияние, обусловлена главным образом изменением концентрации внимания посредством регулирования тональности (высота, тембр и сила звука) на определенных словах, наделенных особым смыслом. Это заставляет пользователя переключать свое внимание на аудиосигнал другой тональности, тогда как содержание услышанных слов оказывает влияние на подсознательную часть психики. Данный подход активно используется деструктивными ресурсами для формирования поведенческих установок и распространения протестных лозунгов.

Распространенным приемом, обладающим высоким манипулятивным потенциалом, также выступает сопоставление узнаваемого аудиостимула (популярной композиции) с конкретной ситуацией, несущей определенный деструктивный посыл. Высокая популярность данного приема обеспечивается широким набором различных композиций, способных оказывать воздействие на различные социальные группы, в том числе посредством создания позитивного эмоционального фона

за счет провоцирования ностальгических воспоминаний и эстетических переживаний, в то время как визуальные образы, транслируемые на фоне мелодии, могут нести деструктивные призывы и радикальные поведенческие установки.

Под влиянием аудиосигналов также могут возникать локальные переживания, в то время как их последующее переосмысление и рефлексия могут наступать значительно позже. Достаточно популярным приемом, используемым деструктивными оппозиционными ресурсами в TikTok, выступают многочисленные истории различных граждан, столкнувшихся, например, с бытовыми вопросами, разрешение которых связано с необходимостью прохождения различных бюрократических процедур, что преподносится как управленческая дисфункция органов власти. Как правило, подобные видеоролики содержат скрытые призывы «положить конец несправедливости», формирующие негативные поведенческие установки на уровне подсознания. Отложенный эффект такого воздействия наступает, как только пользователь сам сталкивается с подобной ситуацией. В итоге формируется постепенная неудовлетворенность действиями органов власти и текущей общественно-политической обстановкой, а также готовность предпринимать активные действия для «устранения несправедливости».

Целесообразно отметить широкую популярность указанного сервиса среди молодежи. По данным социологических опросов, проведенных Центром социально-гуманитарных исследований БГЭУ по заказу Белорусского института стратегических исследований, сервис TikTok имеет наибольшую популярность среди детей и молодежи: свыше 63 % опрошенных указали, что пользуются им несколько раз в день.

Востребованность данного сервиса в молодежной среде обусловлена в том числе *поколенческими психологическими особенностями* поколения Z (дети, рожденные с 2000 по 2020 гг.) – высокая переключаемость внимания и многозадачность, «клиповое мышление», мотивация на получение практико-ориентированных знаний, «интерактивное» усвоение социальных ролей и норм. В свою очередь недостаточно сформированное проектное мышление и индифферентное отношение поколения Z к проблемной коммуникации не способствуют развитию критичности мышления и делают молодежь более подверженными манипулятивным технологиям.

Уязвимость молодежи перед деструктивным информационным воздействием усиливается и *возрастными психологическими особенностями* [Немов, 2018, с. 245], среди которых:

– становление мировоззрения, обусловленное отсутствием единственного и однозначного ценностного ориентира. Различная информация, поступающая из социальных сетей, становится для молодежи ключевым носителем мировоззренческих установок и ценностных ориентаций, в том числе деструктивных;

– частая смена интересов, кумиров, увлечений и предпочтений, возникновение нравственно-личностного и профессионального выбора, требующего ответов на вопросы «каким быть?» и «кем быть?». При этом технические возможности TikTok позволяют обеспечить рост популярности лидеров общественного мнения, а также в интерактивной форме повлиять на формирование личностного самоопределения молодежи, в том числе за счет тиражирования деструктивных политических настроений;

– недостаточное понимание необходимости усиленного труда как средства достижения успеха. При этом возможности «быстрой популярности» и получения заработка в TikTok только усугубляют сложившуюся ситуацию и обеспечивают рост популярности данного приложения.

Так, современное молодое поколение характеризуется «двойной исключительностью» психологических особенностей (поколенческих и возрастных), что делает его более подверженным воздействию деструктивной информации, в том числе содержащей экстремистские идеи, направленные на политическую радикализацию населения. При этом возможности сервиса TikTok позволяют деструктивным политическим силам обеспечить современное представление и высокую интерактивность такой информации.

С учетом указанных социально-психологических особенностей в дальнейшем прогнозируется увеличение популярности данного сервиса. Поэтому видится целесообразным усиление присутствия в данной социальной сети конструктивного контента, предназначенного для различных социальных групп и нацеленного на развитие гармоничной личности, распространение духовно-нравственных и базовых национальных ценностей, уважение к истории, возрождение духовных традиций и сохранение памяти о прошлом, формирование патриотического сознания граждан, сохранение и развитие чувства гордости за свою страну. Кроме того, в качестве мер контрпропаганды деструктивному информационно-психологическому воздействию видится необходимым наращивание информационного сопровождения деятельности государственных органов в современных медиапространстве.

Таким образом, стремительное развитие современных информационных сервисов, востребованных обществом, не только изменяет структуру социальной коммуникации, но и оказывает существенное влияние на формирование ценностных ориентаций и поведенческих установок граждан. Поэтому современные социальные сети активно используется экстремистскими информационными ресурсами в целях изменения структуры общественно-политических отношений, формирования социальной напряженности и провоцировании политической радикализации общества. Технические возможности и интерактивность современных сервисов усиливает потенциал методов манипулирования массовым сознанием граждан. Транслируемые скрытые посылы позволяют оппонентам власти завуалированно напомнить о себе в публичном пространстве, формировать у деструктивно настроенной части населения, особенно молодежи, представление о наличии в обществе значительного количества единомышленников, дезориентировать идеалы, принципы и символы конструктивного общественного движения аполитично и патриотично настроенной части населения.

Данные приемы могут быть использованы радикальными ресурсами для поиска триггеров социального недовольства, а также в целях постепенного возобновления деструктивной политической активности, особенно в период подготовки и проведения значимых политических событий. В целях предотвращения манипулятивного воздействия целесообразно использовать информационный потенциал современных сервисов для тиражирования позитивной повестки, продвижения национальных идей, а также формирования и поддержания патриотических установок граждан. Как представляется, предложенные автором меры позволят минимизировать негативные последствия воздействия деструктивной информации на граждан, а также позволит минимизировать степень информационнопсихологического воздействия на личность и общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шапошников А. А. Социальная сеть TikTok как инструмент распространения идеологии терроризма и экстремизма // ОБЗОР. НЦПТИ. 2020. № 4(23). С. 35–40.
2. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Новые медиа и «умные вещи»: как новые технологии актуализируют различие между общением и коммуникацией? // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 1. С. 25–42.

3. Gibson R., Cantijoch R. Conceptualizing and Measuring Participation in the Age of the Internet: Is Online Political Engagement Really Different to Offline? // The Journal of Politics. 2013. # 75(3). P. 701–716.
4. Логинова, Л. В., Щебланова В. В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Социология и социальные технологии. 2019. Т. 18. С. 98–108.
5. Пунченко В. Н. Политическая активность молодежи в Республике Беларусь // Проблемы управления. Научно-практический журнал. 2020. № 2(76). С. 145–152.
6. Плотникова М. В. Воздействующий потенциал дискурса «новых медиа» в молодежной среде (на примере социальной сети TikTok) // MANAGEMENT ISSUES. 2021. № 2 (69). С. 16–30.
7. Душкина М. Р. Психология влияния в социальных коммуникациях: психологическое воздействие – методы и технологии: монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020.
8. Немов Р. С. Психология: в 3 кн. Кн. 2.: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений. 4-е изд. М. : ВЛАДОС, 2018.

СТИМУЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ПОСРЕДСТВОМ МЕМОРИАЛОВ МИРА

Л. Бэйли

доцент Оклахомского Государственного Университета, США
@okstate.edu

Аннотация. В статье рассматривается роль мемориалов мира в изменении культурной памяти. Автор рассматривает мемориалы мира как способ борьбы с нарративом насилия и жестокости, приходя к выводу о том, что они являются одной из основ поддержания мира.

Ключевые слова: мемориалы мира, культурная память, нарратив

PROMOTING CULTURAL MEMORY USING PEACE MEMORIALS

L. Bailey

Associate Professor Oklahoma State University, USA
@okstate.edu

Abstract. The article is devoted to the study of the role of peace memorials in changing cultural memory. The author considers peace memorials as a way to combat the narrative of violence and cruelty, coming to the conclusion that they are one of the foundations for maintaining peace.

Keywords: peace memorials, cultural memory, narrative

В данной статье рассматривается значение мемориалов мира как места для раздумья, урегулирования разногласий и стремления к миру в контексте жизненно важной культурной памяти, которую они воспитывают в людях [Bailey, 2021]. Под культурной памятью понимается сконструированный, коллективный нарратив касательно прошлого, находящийся в определенном культурном контексте. Культурная память воспроизводима через священные объекты, устную традицию, ритуалы, монументы, а также музеи, равно как и другие объекты и практики. В отличие от истории, культурная память представляет собой коллективный, созданный людьми и широкодоступный набор представлений о культуре, который важен для существования и поддержания идентичности и общественной осведомленности о ключевых событиях истории данного общества.

Стимулирование культурной памяти имеет материальное, пространственное и политическое измерения. Например, доминирующие воспоминания могут оттенять второстепенные истории, заслуживающие сохранения и распространения. Кроме того, определенные места, стимулирующие культурную память (такие как музеи), могут использовать финансовые ресурсы и публичные пространства чтобы воспроизводить одни моменты памяти в ущерб другим. Работа с культурной памятью также требует для своей долговечности нарративной целостности, повторения и культурной доступности [Brockmeier, 2002].

Музеи, мемориалы и памятные места являются важными площадками для слома и перестройки доминирующих культурно-обусловленных воспоминаний о насилии, конфликтах и войне в направлении мира и исцеления. Мы опираемся на исследования Брокмейера о нарративе как культурной памяти, чтобы выяснить как лингвистический, семиотический и дискурсивный порядки, предложенные им, могут возникнуть благодаря культурным мемориалам и музеям мира [там же]. Мы концентрируемся на двух местах в США, одно из которых представляет собой популярный культурный центр, а другое – менее известный Музей Мира, чтобы выяснить порядок изложения и выражения в их основной работе культурной памяти.

Речь пойдет о Национальном мемориале и Музее в городе Оклахома, посвященном жертвам теракта в 1995 году, когда погибли 168 человек [Bailey, Kingston, 2020], а также о Гринвудском Историческом центре и Парке Примирения в Талсе, в штате Оклахома, который был возведен для увековечения памяти сотен черных граждан, погибших в ходе самого крупного массового убийства на расовой почве в истории США, произошедшего в 1921 году.

Через размышление и нарративный анализ, выражаясь терминами Брокмейера [Brockmeier, 2002], мы обращаемся к этим общественным мемориалам памяти, мира и исцеления с целью выявить их способность прерывать культурные нарративы насилия и способность создавать новые культурные воспоминания, важные для поддержания мира.

Примечание. Хотя эти места не отмечены как «музеи мира» в каталоге Museums for Peace Worldwide [Yamane, Anzai, 2020], их направленность на сохранение памяти, на мир, примирение и исцеление социальных ран лежат в одной плоскости с развивающимся понятийным определением «музеев мира».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bailey L. Forgetting and remembering: Cultural and family memory work toward racial justice // Annual Drake Lecture. Society of Philosophy and History of Education. St. Louis, MO. 2021.
2. Brockmeier J. Remembering and forgetting: Narrative as cultural memory. Culture & Psychology. 2002. # 8(1). C. 15-43.
3. Bailey L., Kingston A. Pilgrimage as a mode of inquiry: The Oklahoma City bombing memorial as entangled place of education // Journal of Peace Education. 2020. P. 283-307.
4. Yamane K., Anzai I. Museums for Peace Worldwide, English edition. Ritsumeikan University, 2020

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА РАДИКАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Д. С. Глухарев

кандидат исторических наук
доцент кафедры международных отношений, регионоведения
и политологии
Южно-Уральского государственного университета
gds1974@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы радикализации личности. Анализ этапов, а также действий, совершаемых индивидом на каждом из них, позволяет выявлять подготовку к террористическому акту на ранней стадии. Также отмечается важность разработки программы дерадикализации.

Ключевые слова: терроризм, поведенческий анализ, этапы радикализации, дерадикализация

IDENTIFYING THE PROCESS OF PERSONALITY RADICALIZATION AS AN ELEMENT OF COUNTERACTION TERRORISM

D. S. Glukharev

PhD (History), Associate Professor at the Department of International Relations,
Regional Studies and Political Science South Ural State University
gds1974@mail.ru

Abstract. The article reveals the main stages of personality radicalization. An analysis of the stages, as well as the actions performed by the individual at each of them, makes it possible to identify the preparation for a terrorist act at an early stage. The importance of design a deradicalization program is also noted.

Keywords: terrorism, behavioral analysis, stages of radicalization, deradicalization

В средствах массовой информации террорист часто изображается как сумасшедший маньяк, чрезвычайно жестокий и аморальный человек. С этой точки зрения, противодействие терроризму заключается в выявлении и ликвидации или аресте. Однако изучение этого феномена и, в первую очередь, изучение личности самих террористов

приводит к совершенно парадоксальным выводам. В подавляющем числе случаев мы имеем дело с рациональными людьми, действующими в своей нравственно-моральной среде и борющимися за справедливость и построение идеального общества. В этом плане члены террористических организаций мало отличаются от обычных людей, и выявить их с помощью психологических методов, идентифицируя отклонения в их поведении, очень сложно. Так почему же терроризм существует несколько веков и до сих пор не искоренен?

Одним из важных моментов в анализе борьбы с терроризмом является использование понятийного аппарата. Чаще всего используется подход, который тиражирует не научная общественность, а средства массовой информации, которые склонны всё упрощать. Например, следует понимать, что противодействия терроризму как такого быть не может, поскольку это не идеология, а лишь метод борьбы. Как оружие можно использовать для защиты, а можно – для нападения, так и терроризм есть метод борьбы «слабых» против «сильных». Террористические методы используют не только «плохие парни», но и вооруженные силы государства. Меняется лишь название, неизменна суть. Методы, которые используют силы специального назначения: убийства политических лидеров вражеского государства, командиров воинских подразделений, совершение диверсий на экономических объектах, проведение психологических операций против населения и т. п., для противоположной стороны будут трактоваться как террористические. Поэтому в условиях боевых действий борются не с диверсиями, а с диверсантами, основная политика противодействия направлена на их раннее выявление и предотвращение диверсий. Аналогично следует выстраивать борьбу с группами или лицами, использующими террористические методы.

Важнейшим элементом такой борьбы является изучение процесса радикализации личности. Террористами не рождаются, выделяется этап их становления, изменения личности. Мировоззрение такого лица значительно отличается от взглядов обычного человека или даже уголовного преступника. Понимание процесса мимикрирования личности, основных этапов развития террористической персоны дает нам шанс на раннее выявление террористов и, как следствие, предотвращение преступлений. При этом эта тактика борьбы будет пригодна, с одной стороны, для изучения процесса становления участника террористической группы, когда на формирование его мировоззрения оказывают влияние его социальное окружение, друзья, соратники по

борьбе. С другой – она будет пригодна и для выявления так называемых «волков-одиночек», тех, кто в своем процессе радикализации не прибегал к социальным контактам или ограничился общением в Интернете.

В данной статье не затрагиваются основные теории и концепции, делающие попытки объяснить причины терроризма. Не важно, будем ли мы использовать теорию относительной депривации, теорию системного оправдания или теорию ресурсной мобилизации для объяснения причин. Важно, что любой человек должен прийти к идее террористического акта в процессе осознания себя и своей роли в обществе. Его идеологическое обоснование может быть совершенно разным и зависеть от ситуационного развития личности, от тех условий, в которых проходил его процесс радикализации. Он может прийти к националистическим идеям, к идее революции, стать верующим борцом за чистоту религии или предвестником Бога на земле. В конце концов, он может просто испытывать ненависть к обществу, его ценностям и принципам и, не найдя устраивающую его концепцию, просто прийти к нигилистическому мировоззрению разрушения всего во имя будущего блага. Но он всё равно пройдет путь от человека, похожего на остальных членов общества, до смертника или участника террористического движения.

Для организации системы раннего выявления подготовки террористических актов следует изучить основные стадии развития террористической личности и свойственные этим стадиям триггеры. Важно понять не только, что происходит с личностью на каком-либо из этапов, но и признаки, которые свидетельствуют о том, что личность находится на пути радикализации. Анализ последних нападений в школах показывает, что правоохранительные органы реагируют только в момент опубликования в социальных сетях коммюнике или заявления, но часто это происходит за несколько часов до самого теракта.

Можно выделить несколько ключевых этапов радикализации личности, каждый из которых обладает собственными триггерами. На первом этапе личность осознает неудовлетворенность сложившимся общественным порядком. Это может быть неудовлетворенность обществом, политикой, своим будущим, отношениями с родственниками и т. п. Такую неудовлетворенность в разные периоды жизни испытывают практически все люди, особенно в обществе, в котором нет мобилизующей идеи, в рамках которой могли бы объединиться социально-активные люди. Например, в советское время такой идеей была концепция построения коммунизма, в которую многое укладывалось. Можно было поехать

помогать делать революцию в Латинскую Америку, можно строить БАМ. Во времена христианства существовали крестовые походы, миссионерская деятельность, в период протестантизма идея труда ради труда. В современном обществе массового потребления очень сложно найти социальную концепцию, ради которой можно пожертвовать жизнью.

Реклама предлагает в качестве таковой условное богатство, новый айфон, миллион лайков и т. п., но часть населения это не устраивает. Отсюда распространение в современном обществе депрессий и немотивированной агрессии. Смысл жизни как философское понятие отсутствует, у большинства людей нет понимания о своем предназначении в мире, поэтому так многочисленны духовные искания. Большинство людей остаются в этом состоянии, что дает работу многочисленным психологам и психотерапевтам. Это период, когда человек ищет что-то, что придаст его жизни осмысленность.

Кто-то начинает видеть смысл в детях и семье, кто-то погружается в работу, кто-то уходит в запой или начинает употреблять наркотики, кто-то погружается в Интернет, создавая там параллельную реальность и живя второй жизнью, где он герой, спасающий мир. Все эти люди как-то решили и заполнили свою духовную пустоту. Практически все подростки в период становления личности находятся на этой стадии, поэтому они наиболее подвержены радикальным идеям. Они не хотят повторять путь своих родителей, для них это застой, отсутствие нового, отсутствие развития их личности. Если семья неполная, это еще и психологические проблемы, желание заслужить внимание, изначальная неудовлетворенность социальной адаптацией. Но их жизненный опыт и уровень духовного мировоззренческого развития пока на начальной стадии. Поэтому все простые идеи, которые показывают мир черно-белым, особо привлекательны.

На втором этапе происходит разделение на тех, кто смиряется со сложившейся системой, пробует адаптироваться, и тех, кто решает бороться с несправедливостью. Ключевое чувство, свойственное всем радикалам, это чувство обиды, чувство несправедливого отношения. Душевная пустота рано или поздно приводит к агрессии и ненависти. Ненависть будет расти и потребует выхода. На втором этапе человек ищет ответ на вопрос, кто виноват. Такие люди делятся на тех, кто виноватыми считает себя (чаще всего это потенциальные самоубийцы), окружающих (потенциальные женоненавистники, гомофобы, садисты и т. д.) или общество и государство. Последние как раз и являются теми, кто идет по пути радикализации, поскольку следующим вопросом,

которые они себе зададут: «Что необходимо сделать, чтобы ситуация изменилась?» На этой стадии начинается поиск ответов. Именно эта стадия наиболее важна для выявления лиц, идущих по потенциально опасному для общества пути. Существует целый ряд триггеров, характерных для людей данного типа. Они оставляют информационный след в виде поисковых запросов, в виде участия в дискуссиях на тематических сайтах, в виде посещения мероприятий или поездок в места, где их идеи осуществились. Подробный анализ этапов становления личности выходит за рамки данной статьи и требует отдельного исследования.

На третьем этапе происходит осознание методов достижения цели. Следует понимать, что второй этап проходят практически все политически активные личности. Но нас будут интересовать только те, чьи методы выходят за рамки общественно приемлемых. На этой стадии мы получаем уже радикально настроенную личность, которая потенциально готова как минимум обосновать применение оружия для достижения собственных целей.

Данный этап можно разделить на несколько подэтапов, каждый из которых имеет свои признаки, однако для упрощения ситуации мы сгруппировали его в один. Следует отметить, что он одновременно и самый важный в целях предотвращения террористических актов, и самый сложный. Сложность вызвана тем, что на этой стадии, понимая противоправность своих действий, индивид начинает использовать конспирацию. Когда человек покупает компоненты для изготовления бомбы, покупает оружие, поражающие элементы, пишет видеообращение, он может стать субъектом уголовного права, что дает возможность правоохранительным органам к превентивным мерам.

Выявление потенциально опасных лиц на более ранних стадиях не имеет уголовно-процессуальных последствий и не может закончиться, например, их задержанием. Возникает вопрос, что делать в этих случаях. И здесь возникает четкая необходимость в еще одной программе по дерадикализации личности. Она должна быть адаптивна, чтобы ее можно было использовать для лиц, которые находятся на пути социализации, например, осужденные за терроризм, и для лиц, которые имеют немотивированную агрессию, например, для потенциальных колумбайнеров. И, если вопросами выявления потенциально опасных для общества лиц занимаются многие, то вопросы социальной адаптации и дерадикализации плохо изучены.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯМ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И. Н. Дехконбоев

кандидат политических наук, доцент
Республика Узбекистан
info@cisatc.org

Аннотация. В современном мире распространение террористической идеологии осуществляется посредством влияния на молодежную аудиторию в медиапространстве. Политическое руководство Республики Узбекистан выработало меры противодействия террористической деятельности, однако в статье предлагается авторские рекомендации по совершенствованию методов противодействия терроризму и экстремизму.

Ключевые слова: Интернет, информационное пространство, медиа-джихад, Российская Федерация, Республика Узбекистан, терроризм, террористическая деятельность, экстремизм

COUNTERING MANIFESTATIONS OF TERRORISM AND EXTREMISM IN THE INFORMATION SPACE

I. N. Dekhkonboev

PhD (Political Science), Associate Professor
Republic of Uzbekistan
info@cisatc.org

Abstract. In the modern world, the spread of terrorist ideology is carried out by influencing the youth audience via the media space. The political leadership of the Republic of Uzbekistan has developed measures to counter terrorist activities, but the article contains the author's recommendations for improving methods of countering terrorism and extremism.

Keywords: extremism, Internet, information space, media jihad, Russian Federation, Republic of Uzbekistan, terrorism, terrorist activity

После распада биполярной системы в начале 90-х годов прошлого века, в переходный период от «холодной войны» и блокового противостояния, мир столкнулся с новыми видами вызовов и угроз безопасности, например, с проявлениями терроризма и экстремизма, которые приобрели глобальный характер.

Террористические акты, произошедшие в течение первого десятилетия XXI века на территории Российской Федерации, стран Европейского Союза и других государств, свидетельствовали о нарастании количества политически мотивированных террористических преступлений, увеличении числа жертв терроризма, распространении пропаганды насилия как якобы допустимого способа ведения политической борьбы.

Экстремизм и терроризм, наиболее активно проявляя себя в переходные периоды развития общества, после распада Советского Союза, приобрели масштабный характер во многих странах СНГ, где кризисные явления в области политики, экономики, идеологии создали исключительно благоприятные условия для возникновения и распространения их идеологии в самых жестких формах.

В этих условиях Узбекистан, практически с первых дней после приобретения независимости, стал объектом пристального внимания различного рода международных террористических и экстремистских организаций, признающих только политику и практику массового терроризма. Террористические акты, осуществленные ими на территории Узбекистана приобрели вполне очевидные подтверждения.

В этой связи Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев в своем выступлении на 72-й сессии генеральной Ассамблеи ООН отметил: «Усиление террористических угроз в мире, особенно в последние годы, свидетельствует о том, что применение в основном силовых методов противодействия им себя не оправдывает. Нередко, усилия сводятся к борьбе с последствиями вызовов, а не их первопричинами. Считаю, что в основе международного терроризма и экстремизма лежат, наряду с другими факторами, невежество и нетерпимость. В этой связи важнейшей задачей является борьба за умы людей, в первую очередь молодёжи» [Мирзиёев, 2018].

В современном мире Интернет является основным инструментом развлечения молодежи, а также источником получения информации. С другой стороны, основная масса пользователей глобального киберпространства – это молодежная аудитория, которая активно питается и практически не очищенными потоками информаций.

В свою очередь международные террористические организации (*далее* МТО) планомерно создают свои сети практически во всех регионах мира, активно вербуют в свои ряды молодежь, борьба за которую стала ключевым фактором в противодействии распространению экстремистской идеологии.

Основные мотивы лидеров террористической деятельности носят идейный или псевдоидейный характер, они направлены на радикальное изменение системы власти, политики, экономики во имя собственных узкоэгоистических политических и идеологических целей, прикрытых лозунгами о борьбе за интересы соответствующих слоев населения и разрешение накопившихся в их среде социальных, национальных, религиозных и иных противоречий. Этот прием широко используется политиками, но особенно он распространен среди лидеров, занятых организацией террористической деятельности [Терроризм в современном мире … 2011].

На сегодняшний день сторонники международных террористических организаций вербуют новобранцев через Интернет, и в большинстве случаев это происходит через социальные сети и мессенджеров. При этом, популярные цифровые платформы выступают в качестве удобных площадок для деструктивных элементов, пытающихся подорвать общественно-политическую стабильность и негативно повлиять на сознание населения в выгодном для них ключе.

В этой связи сторонники экстремистских и террористических организаций стремятся максимально эффективно использовать глобальную среду информационного пространства для пропаганды и расширения информационного манипулирования сознанием населения, прежде всего молодежи.

Общественная опасность противоправных действий в глобальной сети выражается в предоставлении преступным элементам широкого спектра воз-можностей: свободного легендированного доступа к необходимым ресурсам, широкой аудитории; анонимности; быстрого обмена информацией; легкости создания так называемых «виртуальных джамаатов» и управления ими; богатой мультимедийной среды; а также применения разнообразных пропагандистских методов и способов.

Подрывная деятельности в Интернете осуществляется с помощью инс-трументов социальных сетей. Террористы превратили дешевые и легкодо-ступные ресурсы в стратегическое средство для коммуникации, поддержания связей, призывов и идеологической обработки сочувствующих лиц. Сами по себе сетевые технологии потенциально могут действовать как фактор повы-шения боевой эффективности, увеличивающий организационные способ-ности террористической группы, ее возможности по формированию обще-ственных идей, а также как средство привлечения внимания потенциальных сторонников.

Как показывает практика, в условиях увеличения в соцсетях негативных материалов и усиления в них присутствия всевозможных вербовщиков, в террористическую деятельность в Интернет вовлекается большое количество посетителей, часть из которых изъявляет желание выехать в зарубежные террористические лагеря для прохождения спецподготовки и участия в «джихаде» в «горячих точках», а другая – обращается к медиа-джихаду.

В настоящее время для организации эффективной борьбы с преступлениями в информационном пространстве Республики Узбекистан осуществляется многоаспектная работа в двух основных направлениях, т. е. создание и внедрение целостной нормативно-правовой базы в сфере информационных технологий, обеспечивающей безопасность на канале обработки и передачи информационных данных, а также выявление и пресечение противоправной деятельности в Интернете с использованием имеющихся в республике сил и средств правоохранительных и иных соответствующих ведомств.

Указом Президента Республики Узбекистан № УП-6255 от 1 июля 2021 года утверждена Национальная стратегия Узбекистана по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы (*далее* Стратегия) и «дорожная карта» по ее реализации.

В качестве приоритетных направлений стратегии, наряду с другими определены: противодействие использованию Интернета в экстремистских и террористических целях, совершенствование нормативно-правовой базы в сфере противодействия экстремизму и терроризму и развитие международного и регионального сотрудничества в этой сфере.

Наблюдаемая активизация вербовочной деятельности экстремистских и террористических организаций во всемирной информационной сети Интернет требует принятия следующих дополнительных мер по их нейтрализации:

а) своевременного выявления во всемирной информационной сети Интернет-распространителей идей экстремизма и терроризма, а также лиц и групп, намеревающихся дестабилизировать общественно-политическую обстановку в республике;

б) организации во всемирной информационной сети Интернет информационно-пропагандистской работы по противодействию идеям экстремизма и терроризма, опирающейся на научно обоснованную идеологию, воплощающую толерантность и религиозные традиции, свойственные населению республики;

в) проведения анализа всемирной информационной сети Интернет с целью выявления и устранения деструктивного контента;

г) подготовки квалифицированных кадров по информационному противодействию экстремизму и терроризму во всемирной информационной сети Интернет;

д) обеспечения необходимыми передовыми программными продуктами и техникой специальных подразделений правоохранительных органов;

е) совершенствование на постоянной основе нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы противодействия использованию всемирной информационной сети Интернет в экстремистских и террористических целях[1].

Практика показывает, что для эффективного противостояния проявлениям терроризма и экстремизма разрозненные действия отдельных стран недостаточны. Борьба с ними требует участия всех стран мирового сообщества, тем более в условиях глобализации мировых политических процессов, и приводит к необходимости разработки комплексных международных подходов и единых методик противостояния различным экстремистским проявлениям, крайняя форма которых и есть терроризм.

В этих условиях уязвимость информационного пространства перестает быть проблемой каждого государства по отдельности. Это глобальная угроза, решить которую можно только совместными усилиями, выстраивая систему международной информационной безопасности с учетом современных угроз в киберпространстве. Поэтому необходимо на регулярной основе совершенствовать формы взаимодействия и реализовывать новые модели реагирования, вырабатывать консолидированный и системный подход к организации противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в виртуальном пространстве.

В целях совершенствования работы по противодействию проявлениям экстремизма и терроризма в информационно-коммуникационной сфере предлагается:

– создать интернет-ресурсы так называемых «бот-страниц» для ведения разъяснительно-профилактических мероприятий на

[1]Указ Президента Республики Узбекистан № 6255 от 1 июля 2021 года «Об утверждении национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021-2026 годы».https://lex.uz/ru/docs/5491628

популярных сайтах, социальных сетях «Одноклассники.ру», «ВКонтакте», а также мессенджерах «Телеграм», «Инстаграм», «Тик-Ток», «Фейсбук» и т. п.;

– в целях установления активных пользователей социальных сетей экстремистских и террористических организаций разработать эффективные методы оперативного мониторинга и выявления анонимных «виртуальных джамаатов»;

– разработка и осуществление комплекса мер государственного контроля ресурсов социальных сетей, а также технологий отслеживания и совместного блокирования виртуальных сообществ с позиции компетентных органов СНГ, имеющих экстремистскую и террористическую направленность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мирзиёев Ш. М. Одобрение народа – высшая оценка нашей деятельности. Т. : Узбекистан, 2018.
2. Терроризм в современном мире : [монография] / В. Л. Шульц и др. ; науч. ред. Ю. М. Антонян, В. Л. Шульц ; Российская акад. наук, Центр исслед. проблем безопасности, Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом. М. : Наука, 2008.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «РЕВОЛЮЦИЯ» И «ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Л. З. Елубаева, М. Ж. Мухаметнуркызы

Елубаева Л. З., доктор философии, доцент
Академии Комитета Национальной Безопасности, Республики Казахстан
kazakhfilm@inbox.ru

Мухаметнуркызы М. Ж., доктор философии, доцент
Академии Комитета Национальной Безопасности, Республики Казахстан
kazakhfilm@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «революция» и «цветная революция», определяются их характерные черты. Проведен сравнительный анализ данных явлений и выделены отличия. При изучении «цветной революции» выделяется такой элемент, как внешние факторы, интересы иностранных государств или деловых кругов, что отличает это явление от социальной и политической революции. Объектом революции и «цветной революции» обозначено суверенное государство, имеющее политическую систему, публичную власть, независимую территорию и т. д.

Ключевые слова: революция, цветная революция, элементы, политическая система, интересы иностранных государств

RELATIONSHIP OF CONCEPTS "REVOLUTION" AND "COLOUR REVOLUTION"

L. Zh. Yelubaeva, M. Zh. Mukhametnurkyzy

Yelubaeva L. Zh., Doctor of Philosophy (Dr. habil)
Associate Professor of the Academy of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, kazakhfilm@inbox.ru

Mukhametnurkyzy M. Zh., Associate Professor of the Academy of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, kazakhfilm@inbox.ru

Abstract. The article discusses the concepts of "revolution" and "colour revolution", their characteristic features are determined. A comparative analysis of these phenomena is carried out and differences are highlighted. When studying the "colour revolution", such an element as external factors, the interests of foreign states or organizations, business elite, which distinguishes it from the

social and political revolution. The object of revolution and "colour revolution" is a sovereign state with a political system, public authority, independent territory, etc.

Keywords: revolution, colour revolution, elements, political system, interests of foreign states

Термин «цветная революция» считается относительно новым, и поэтому его разная интерпретация препятствует определению его сущности как явления. Его трактуют как смену правящих режимов, осуществляемую с преимущественным использованием методов ненасильственной политической борьбы, как обостренные отношения оппозиции с государством, как комплекс внутренних проблем, как результат хорошо спланированного подрыва иностранных государств или организаций.

Под этим термином исследователи рассматривали массовые протесты (США, Югославия, Грузия, Украина, Армения, Киргизия) и события («Арабская война» и т. д.). К ним же относят протесты в странах бывшего Советского союза (Армения, Белоруссия, Россия).

Суть «цветной революции» как явления, которое представляет угрозу целостности государства и суверенитету, требует более глубокого изучения.

Термин «цветная революция» имеет две составляющих. Во-первых, у нее должна быть окраска (цвет) и, во-вторых, она должна иметь революционный характер. В отношении цвета многие ученые солидарны в том, что это больше символика, цвет принадлежности к определенной организации или же идеи. Как правило, это формируется уже в ходе осуществления переворота. А вторую составляющую нам предстоит изучить в рамках данного исследования.

В связи с этим рассмотрим понятия «революция» и «цветная революция» и попытаемся определить его характерные черты. Так, в Философском энциклопедическом словаре дается следующее определение слова «революция»: 1) переворот в области мировоззрения, науки, искусства, моды; 2) внезапное, насильственное изменение существующего общественно-политического строя – в противоположность эволюции, постепенному изменению [Философский энциклопедический словарь, 2002].

Согласно толковому словарю, под революцией понимается коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти. Коренной переворот, резкий скачкообразный

переход от одного качественного состояния к другому [Толковый словарь С. И. Ожегова, URL].

В политической науке революция (*лат*. Revolutio – поворот) – это фундаментальное и относительно внезапное изменение политической власти и политической организации, которое происходит, когда население восстает против правительства, как правило, из-за предполагаемого угнетения (политического, социального, экономического) или политической некомпетентности.

Исследователи революционных движений выделяют четыре общих элемента.

1. Проблемы в экономической и фискальной сфере. Снижение потока денежных средств в государственную казну и в руки элит обычно приводят к повышению в кредит, часто несправедливым образом. Отчего способность выплачивать зарплату чиновникам и военным уменьшается, что приводит к росту недовольств и волнений [Goldstone, 1991].

2. Отчуждение и сопротивление элит. В элитарных слоях каждый борется за власть и управление. В этой борьбе некоторые элиты могут прийти к мнению, что существует узкий круг из членов этнической или региональных групп, в которую входит правитель и которая имеет несправедливо больше полномочий нежели другие.

3. Неравенство классов, привилегированное положение отдельных групп. Подобные группы, в значительной мере проложившие путь всему революционному политическому процессу, следует рассматривать как его ключевой элемент. Невозможно понять специфику современных революций, не учитывая значение идеологического, пропагандистского и организаторского опыта таких интеллектуальных или культурных элит.

4. Идейная основа. Она может принимать разные формы: религиозное движение, национальное освобождение и другие.

Такую же классификацию можно увидеть в исследованиях, посвященных революции и этапам ее развития. Все указанные элементы революций редко встречаются вместе. Так, отличительной чертой революции является неправовой характер изменений – несоответствие правовой системе предшествующего строя или режима. Иными словами, революции стремятся преобразовать политическую и социальную систему.

В политической науке революции делятся на социальные и политические. Первые направлены на смену одного социального-экономического строя другим, а вторые – на смену одного политического режима другим. Незавершенную революцию, т. е. события в правовом поле, называют

реформами. Таким образом, революция характеризуется сменой политического или социального режима, которая носит насильственный характер, но ее последствия не изменяют государственный строй.

В связи с этим необходимо определить сущность «цветной революции» и ее составные элементы. Для начала рассмотрим, что такое «цветная революция», так как специалисты дают разные определения этому феномену. Так, с точкой зрения А. Д. Арямовой, происходящие в настоящее время цветные революции представляют собой инструмент принудительной трансформации политических режимов государств. Основная цель применения инструментов «цветных революций» состоит в инициировании государственного переворота и обеспечении его осуществления в выгодном государству-заказчику русле. Объектом «цветной революции» является политический режим государства, форма его смены – принудительная [Арямова, 2016]. А. В. Манойло под «цветными революциями» понимает набор «революционных» политтехнологий, манипуляции общественным сознанием для быстрой смены правящего класса и внедрения внешнего управления политической ситуацией в стране. Особую роль, по мнению исследователя, в процессе играет молодежное протестное движение. Он сравнивает «цветные революции» с организационной формой осуществления государственного шантажа (т. е. шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции [Манойло, 2014].

В. С. Овчинский и И. Ю. Сундиев данный феномен рассматривают как одно из основных направлений использования организационного оружия в странах, находящихся в орбите интересов ведущих мировых игроков. В этом определений можно выделить две составляющих «цветных революций»: первая – революция как инструмент достижения цели мировых игроков, вторая – интересы, противоречащие или несовпадающие с интересами определенных элит [Овчинский, Сундиев, URL].

По мнению П. А. Цыганкова, «цветные революции» относятся к современным конфликтам, которые отличаются многомерностью с сочетанием уникальных по характеру своих противоречий и кризисов. При этом «цветные революции» имеют черты и признаки как международных, так и внутриполитических конфликтов [Теория международных отношений ... 2015]. Надо отметить, что противоречия и кризисы могут быть как между государствами, так и внутри государства.

Также следует отметить, что И. Панарин говорит, что «цветные революции» – это специальные операции гибридной войны, совершаемые с применением политических, информационных, коммуникационных,

диверсионно-террористических и морально-психологических методов воздействия [Панарин, 2017]. Данное определение, по нашему мнению, раскрывает технологию гибридной войны.

Анализируя определения «цветной революции», можно выделить следующие особенности: целью «цветной революции», так же, как и обычной революции, является изменение политического и социального строя, но без применения насилия, и она планируется извне, т. е. источником «цветных революций» являются интересы других стран, международных организаций и движений. Также «цветные революции» не имеют столь глубокой идейной основы – они призваны сменить власть или вынудить ее предпринять действия, которые требуют митингующие.

В свою очередь «цветные революции» не носят стихийный характер, их процесс смоделирован, и они имеют поддержку «снизу». Соответственно при его осуществлении используются определенные проверенные технологии.

Таблица 1

Сравнительный анализ элементов революции и «цветной революции»

	Революция	«Цветная революция»
цель	смена одного политического режима, социально-экономического строя, с применением насилия	смена одного политического режима, социально-экономического строя без применения насилия
субъект	партии, организации, движения, оппозиция, которая имеет «свою идею»	«чужая идея», которая поддерживается партиями, организациями, движениями страны, где происходит «цветная революция»
объект	политический режим, избирательная система	конституционные основы
элементы	проблемы в экономической и фискальной сфере; отчуждение и сопротивление элит; неравенство классов, привилегированное положение отдельных групп; идейная основа	масштабные социально-политические проблемы; обостренные отношение государства с оппозицией, «глухое правительство»; экономические кризисы, митинги, информационный «вакуум»; идея, воздействие на сознание; интересы иностранных государств, деловых кругов
методы	стихийные события, митинги, забастовки	заранее спланированные технологии

Резюмируя вышеперечисленные взгляды на исследуемое явление, можно обозначить несколько толкований «цветных революций», это –

ненасильственное свержение действующей политической власти в стране;

естественным процессом демократизации общества и повышения уровня политической культуры населения;

результат иностранного вмешательства во внутреннюю политику государства с целью дестабилизации политического пространства и совершения государственного переворота;.

метод и способ реализации серий акций протеста, носящих ненасильственный характер.

Данный анализ показывает, что инициатором «цветных революций» является внешний фактор (интересы иностранных государств, интересы деловых и инвестиционных кругов) и, как правило, для достижения своих целей они используют внутренние факторы (коррупция, экономический кризис, политические события и т. д.). Классическая форма революции носит внутригосударственный характер, а цветная революция всегда имеет международный характер.

Авторы заключают, что революции порождают такие положительные явления, как всплеск массовой активности, надежды на светлое будущее, энтузиазм граждан в участии в политической жизни страны, приобретение чувства силы и обретение смысла жизни.

Таким образом, «цветные революции» вовсе не являются революциями в классическом понимании, они осуществляется ненасильственными методами смены действующей политической власти в стране, то есть они не приводят к радикальному изменению существующего политического порядка в той или иной стране и часто ориентированы на смену политических лидеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002.
2. Толковый словарь С.И. Ожегова : материал из википедии – свободный энциклопедии: Версия 10326782, 4 августа 2008. http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782
3. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, 1991.
4. Арямова А. Д. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов: автореф. дис. … д-ра полит. наук. М., 2016.
5. Манойло А. В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 2. С. 3–14.

6. Овчинский В. С., Сундиев И. Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. URL: http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/
7. Теория международных отношений: учебник для академического бакалавриата / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Юрайт, 2015.
8. Панарин И. Н. Гибридная война против России. М. : Горячая линия – Телеком, 2017.

ОЦЕНКА РИСКОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ УГРОЗ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Р. С. Жадиков, Л. Н. Махмеджанова

Жадиков Р. С., полковник, начальник Факультета антитеррористической подготовки Академии Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан
kazakhfilm@inbox.ru

Махмеджанова Л. Н. кандидат экономических наук
старший преподаватель Специальной кафедры 1
факультета антитеррористической подготовки Академии
КНБ РК Академии Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан
kazakhfilm@inbox.ru

Аннотация. В современных условиях системе противодействия терроризму необходим риск-ориентированный подход. Предметом исследования являются экономика террора, риск-ориентированное противодействие финансированию терроризма, его инструменты, реализуемые на уровне государства. Авторами предложено расширенное понятие управление рисками, адаптированное для противодействия терроризму. Использование предложенных рекомендаций позволит усовершенствовать систему противодействия финансированию терроризма.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, финансирование терроризма, радикализация, противодействие, экономика террора

RISK ASSESSMENT OF TERRORIST AND EXTREMIST THREATS IN UNCERTAINTY CONDITIONS

R. S. Zhadikov, L. N. Makhmedzhanova

Zhadikov R. S., Colonel, Head of the Faculty of Anti-Terrorist Training of the Academy of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan
kazakhfilm@inbox.ru

Makhmedzhanova L. N., PhD (Economics), Senior Lecturer
of the First Special Department
of the Faculty of Anti-Terrorist Training of the Academy
of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan
kazakhfilm@inbox.ru

Abstract. Modern life requires an effective system of countering the terrorism including risk-oriented approach. The subject of the research is the risk-oriented management related to countering

the financing of terrorism and risk-oriented tools and economy of terror implemented at the national level. The authors propose an expanded concept of risk management for countering the terrorist. The proposed recommendations will help improve the system for countering the terrorist financing.

Keywords: risk-oriented approach, terrorist financing, radicalization, countering the terrorism, economy of terror

Сегодня, в условиях поляризации мироустройства, проблема финансирования терроризма является одной из глобальных проблем. Терроризм как суровая реальность угрожает не только отдельным странам и регионам, а всему миро ому сообществу, распространяясь на всё новые пространства. В экономическом плане мы можем рассматривать терроризм как составную часть четвертичного сектора экономики (экономика сервиса), как экономику террора с присущим ей кругооборотом благ. Соответственно, замораживание активов террористических организаций и перекрытие каналов финансирования выступают важнейшими инструментами противодействия международному терроризму, которое выражается в определении уязвимых сторон финансовой деятельности, анализе данных о лицах, отмывающих деньги и связанных с террористами; выработки эффективных мер противодействия и мониторинга результатов для своевременной корректировки и совершенствования системы противодействия финансированию терроризма [Кашурников, Прасолов, Романченко, URL].

В целях противостояния современным вызовам и угрозам религиозного экстремизма и терроризма в большинстве стран создана система противодействия финансированию терроризма в виде финансового мониторинга. Появление в 2000 г. в Уголовном кодексе РК ст. 193 «Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем» заложило фундамент для построения правовой системы ПОД / ФТ в Казахстане. В 2004 г. Казахстан стал одним из государств – основателей Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Вследствие глобальной трансформации экономической системы значительно изменилась структура спроса на духовные, моральные и образовательные услуги, что привело к резкому увеличению числа приверженцев деструктивных религиозных течений, производительных сил экономики террора. Созданная сферой террора, при либеральной эмиграционной политике, расширении свободной

торговли, новейших средствах и технологиях отмывания денег и т. д., она привнесла мультипликативный эффект[1].

По данным МВФ, в мире насчитывается более 500 террористических организаций и движений с разветвленными связями и финансовой поддержкой, ежегодно отмывается более 5 % мирового валового продукта, т. е. от 500 млр до 1,5 трлн долл. США. Согласно исследованиям, совокупный бюджет в сфере террора составляет ежегодно от 5 до 20 млрд долл. США. «Количество» терроризма породило его новое качество, а технический прогресс, придав ему современные возможности, военный потенциал уравнял с некоторыми государствами[2], что в свою очередь актуализирует стратегические направления противодействия финансированию терроризму в целом. Противодействие экономике террора как системной социально-экономической структуре требует привлечения всех институтов обеспечения экономической безопасности, широкого круга государственных и общественных организаций. Применение современных риск-ориентированных технологий даст возможность эффективному противодействию финансированию терроризма. В то же время такие технологии требуют пересмотра существующих подходов управления рисками, адаптированных для противодействия терроризму, в связи с этим изучение вопросов управления рисками в условиях цифровизации экономики и ее социальных последствий представляется весьма актуальным направлением исследований.

Риск и восприятие риска являются важными понятиями для стратегического подхода в противодействии терроризму, которым свойственны черты неопределенности, случайности и вероятности. Современная система противодействия терроризму столкнулась с потребностью поиска резервов своего дальнейшего развития, связанной с ростом количества террористических актов, изменениями в геополитике.

Перед мировым сообществом стоит задача по принятию управленческих решений, которые раньше считались уместными только в «коммерческом секторе» экономики. Внедрение системы управления рисками следует рассматривать как оптимизацию операционной деятельности государственных органов. Налаженная система

[1]Главный способ финансирования террористической деятельности. Финансирование террористической деятельности. URL: https://lllit.ru/salads/glavnyi-sposob-finansirovaniya-terroristicheskoi- deyatelnosti.html

[2]Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Report 2019: Measuring and understanding the impact of terrorism, Sydney, November 2019. URL: http://visionofhumanity.org/reports

государственного обеспечения стабильности и безопасности позволит более успешно предотвращать и преодолевать ситуации, связанные с различными рисками.

В настоящее время в оценке системы противодействия терроризму риски занимают одно из основных аспектов. Под риском в широком смысле слова следует понимать возможность возникновения неблагоприятных последствий в форме экономических потерь дохода, капитала и человеческих ресурсов в ситуации неопределенности в ходе идеологической, политической и социально-экономической деятельности.

В функционировании любой системы риск представляет собой объективное явление, сопровождающее почти все виды операций и все направления деятельности. Показатели рисков находятся в зависимости от субъективных управленческих решений в условиях неустойчивой внешней среды. Управление рисками в противодействии терроризму представляет собой комплекс методов анализа, минимизации и нейтрализации факторов риска; совокупность таких действий, как планирование, мониторинг и корректирующие действия в адаптации к этим условиям через четкое и своевременное управление внутренней средой.

Если для определенного количества вариантов решений установить функцию потерь, то риск – это обыкновенные затраты на приобретение опыта, увеличение стоимости из-за непредвиденных дополнительных убытков. Эта функция зависит от выбора решений, конкретной ситуации, объема собранной информации, ее реальной оценки. Однако в любом случае риск необратим, и поэтому необходимо его учитывать, пытаться не допустить больших потерь, принять предупредительные меры для снижения уровня риска. Для сведения этих рисков к минимуму необходимо непрерывное взаимодействие всех органов государственной власти. Процесс управления рисками можно разделить на восемь последовательных этапов: 1) формирование информационной базы управления рисками; 2) идентификация рисков внешних и внутренних; 3) оценка уровня рисков (вероятность возможного наступления рискового события по каждому виду идентифицированных рисков, размер возможного ущерба при наступлении рискового события); 4) оценка возможностей снижения исходного уровня рисков; 5) установление системы критериев принятия рисковых решений; 6) принятие рисковых решений; 7) выбор и реализация методов нейтрализации возможных негативных последствий рисков; 8) мониторинг и контроль рисков.

Соответственно, минимизация рисков – это мера, направленная на предотвращение потерь и ущерба (человеческих и экономических).

Лишь комплексный подход к управлению рисками в системе противодействия терроризму позволит свести вероятность их проявления к инимуму. При мониторинге угроз национальной безопасности страны используется система аналитических экономических и социальных индикаторов, характеризующая практически все стороны политического, идеологического, нравственного, физического и социально-экономического развития страны, также для выявления возможных потерь и ущерба рассчитываются их пороговые значения, т. е. критические точки, предельно допустимые с позиции национальных интересов государства.

Рассмотрим пример статистических данных о количестве осужденных за экстремистские и террористические преступления (898 чел.), находящихся в 2013–2018 годах в учреждениях УИС в Казахстане. Анализ показывает (некоторые из них были осуждены за общеуголовные преступления), что имеет место тенденция роста, так, по сравнению с базовым, рост составил почти 2 раза (данная тенденция сохраняется в СНГ с отклонениями ±2,5). Однако несмотря на тенденцию роста финансирования (количество осужденных увеличилось) по статье УК РК «Финансирование террористической или экстремистской деятельности и иное пособничество терроризму либо экстремизму» были осуждены только 3 % (14 чел.).

Наряду с этим, наблюдается тенденция финансирования и иной поддержки экстремизма и терроризма со стороны организованных групп, сформированных по этническому, конфессиональному, идеологическому и социальному признакам [Джуманбеков, Махмеджанова, URL].

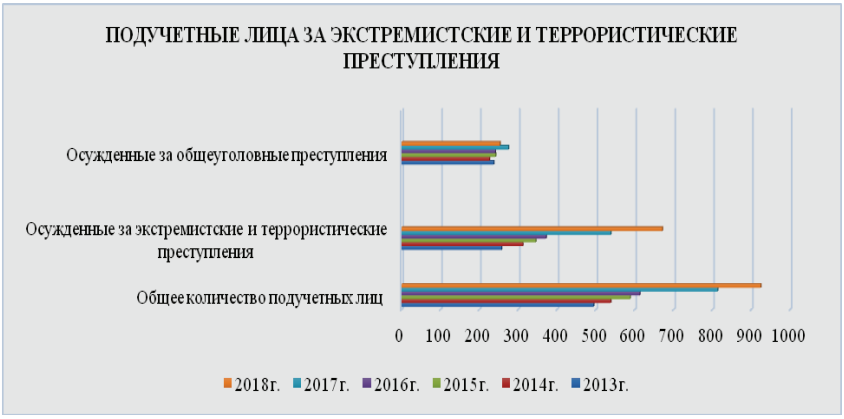

Диаграмма 1

Диаграмма 2

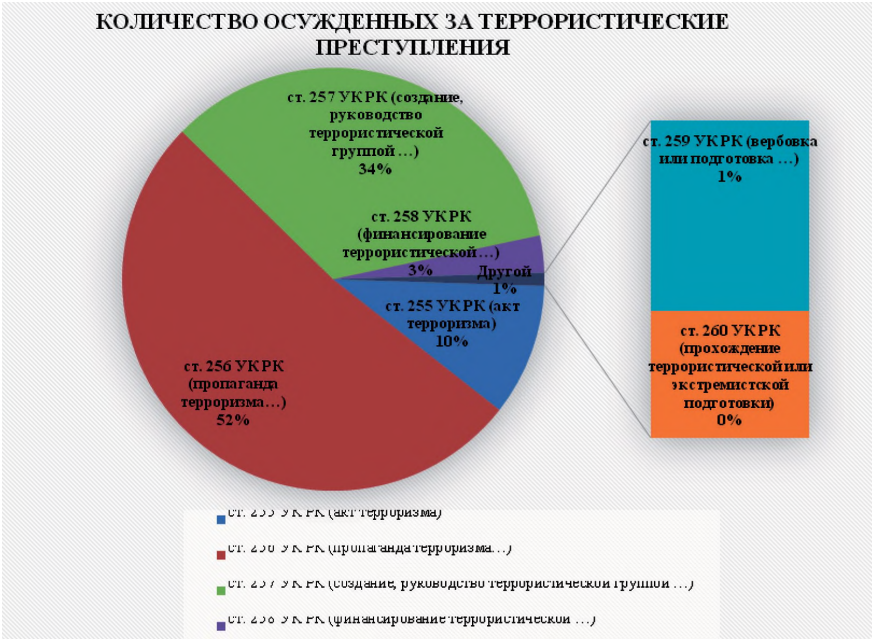

Диаграмма 3

Чаще с экономической деятельностью увязываются данные о деятельности, чем коэффициенты радикализации общества и имеют обычно более низкую неопределенность и более низкую корреляцию между годами, чем данные по коэффициентам радикализации общества.

Существует несколько подходов, которые могут быть полезны в оценке неопределенности данных о деятельности:

1. *Данные о деятельности, основанные на полных выборках*

Перепись обычно включает как систематические, так случайные ошибки. Систематические ошибки возникают из-за систематического неполного учета или двойного учета. Случайные ошибки – это обычно сумма диапазона всех банальных ошибок. От случайных ошибок следует ожидать нормального распределения и отсутствия серийной корреляции. Так, дифференциальные колебания хорошо коррелируются с индикатором радикализации, и размер случайных ошибок стремится к нулю. Например, данные о радикализации различной частоты (например, ежемесячные, ежегодные) с использованием различных подходов ниже рассчитанного порогового значения на 32,8 %, что свидетельствует (≈ 85,3 % вероятности) о не возникновении каких-либо критических ситуаций на религиозной почве, угрожающих национальной безопасности страны, так как пороговое значение – 16 % от общего числа населения [Джуманбеков, Махмеджанова, URL].

2. *Данные о деятельности, основанные на случайных выборках*

Некоторые виды данных о деятельности получены из обследований выборки, например, опросы населения или статистические обзоры. В этих случаях данные подвержены ошибкам выборки, которые нормально распределены и некоррелированы в ходе времени, практическим решением, позволяющим справиться с отсутствием адекватных данных, будет получение заключения экспертов, касающиеся наилучших оценок информации о неопределенностях на основании экспертных оценок. Данный подход, на наш взгляд, оптимален при проведении сравнительного анализа динамики уровня радикализации, критических ситуаций.

Наряду с этим, одной из главных задач противодействия религиозному экстремизму и терроризму остается выявление спонсоров и источников финансирования террористов. Чтобы противостоять угрозам для своевременного реагирования и принятия управленческих

решений, при прогнозировании рисков развития должна учитываться многоуровневая, системная, иерархически выстроенная социальная структура, т. е. экономическая база терроризма.

Обеспечение государственной и общественной безопасности при противодействии религиозному экстремизму и терроризму в значительной степени должно учитывать существующий уровень террористической угрозы с оценкой террористических рисков. Реальность современного мира состоит в неделимости его безопасности. В настоящее время уже невозможно обеспечение процветания и стабильности в одном государстве, в то время, когда соседние с ним государства остаются источниками нестабильности. Следовательно, противодействие терроризму и его финансовой составляющей становятся общемировой проблемой, возникает потребность в принятии системных необходимых и достаточных правовых и управленческих решений со стороны мирового сообщества, зависящих от способности государств не только оперативно разрабатывать и принимать соответствующее законодательство, но и создавать надлежащие гибкие механизмы правоприменения.

Террористические угрозы носят целенаправленный, а не случайный характер, быстро адаптируются к изменяющимся обстоятельствам и влекут значительные социально-экономические потери. Оценка риска, то есть относительных вероятностей (проблема разумного противника), является важным направлением исследований и требует адаптации статистических и экспертных методов оценки рисков, что позволит повысить эффективность противодействия терроризму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашурников С. Н., Прасолов В. И., Романченко Л. Н. Риск-менеджмент в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/risk-menedzhment-finansirovaniya-terrorizma
2. Джуманбеков Д. М., Махмеджанова Л. Н. Политэкономический анализ экономики террора. URL: http://cvsi.kz/index.php/.analitika-i-publikatsii/item/197-politekonomicheskij-analiz-ekonomiki-terrora

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ И РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. Н. Тыныбаев, Р. С. Иржанов

Тыныбаев А. Н., начальник специальной кафедры
факультета антитеррористической подготовки
Академии Комитета национальной безопасности Республики Казахстан
kazakhfilm@inbox.ru

Иржанов Р. С., старший преподаватель
факультета антитеррористической подготовки Академии Комитета национальной безопасности Республики Казахстан
kazakhfilm@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрен ряд форм и методов информационных агрессий противника, способных повлечь за собой кризисные явления в обществе. Целью настоящей статьи является выявление характерных особенностей специальных информационных операций противника в контексте применения технологий «управляемого хаоса».

Ключевые слова: кризисные явления, информационная война, информационное оружие, специальные информационные операции

COUNTERING TERRORISM AND RELIGIOUS EXTREMISM IN THE INFORMATION SPACE

A. N. Tynybayev, R. S. Irzhanov

Tynybayev A. N., Head of the special faculty, Faculty of anti-terror preparation,
National Security Committee Academy of the Republic of Kazakhstan
kazakhfilm@inbox.ru

Irzhanov R. S., Senior lecturer, Faculty of anti-terror preparation, National Security Committee Academy of the Republic of Kazakhstan
kazakhfilm@inbox.ru

Abstract. The authors have considered a number of forms and methods of information aggressions of the opponent that can attract crisis phenomena in society. The purpose of this article is to identify the typical features of special information operations of the opponent in the context of the use of "controlled chaos" technologies.

Keywords: crisis phenomena, information war, information weapon, special information operations

Особенностью современного терроризма становится факт его использования в качестве одного из инструментов гибридной войны. При этом, террористы важное значение придают противоборству в информационной сфере.

В условиях пандемии коронавируса COVID-19 население многих стран в условиях социальной изоляции и психологического прессинга оказалось особенно уязвимым к воздействию информационных агрессий. На этом фоне активизировалась пропаганда идеологии терроризма, усилилась террористическая активность и иная противоправная деятельность, основанная на радикальной идеологии. Эти угрозы продолжают оставаться одним из серьезных вызовов безопасности государств СНГ.

Радикальные структуры умело провоцируют межрелигиозные и межэтнические конфликты, рост недоверия населения к способности властей обеспечить в стране стабильность. Так, реализуя концепцию «управляемого хаоса», лидеры псевдоисламских радикальных организаций и стоящие за ними структуры согласования и управления крупных геополитических игроков, стремятся создать в Центрально-Азиатском регионе «пояс нестабильности» по линии Афганистан – Таджикистан – Киргизия – Казахстан – Россия.

Террористы эффективно осваивают последние достижения теории и практики информационной войны. Они успешно применяют наиболее действенные образы, средства, приемы и методы информационного воздействия на индивидуальное и общественное сознание [Бельский и др., 2015]. При этом темпы развития самого терроризма обусловливают ситуацию, когда противодействие терроризму в информационной сфере не обеспечивает оперативного и симметричного реагирования на идеологические агрессии радикалов.

Данные противоречия выявляют научную проблему, которая заключается в недостатке имеющихся знаний о новых гибридных технологиях террористов в информационной среде, что препятствует выработке действенных контрмер. В этой связи, актуальность настоящего исследования заключается в постановке вопроса о необходимости пересмотра существующих подходов к изучению особенностей информационного противоборства с радикалами.

Краткий обзор библиографических источников позволяет резюмировать, что в Казахстане указанный аспект проблемы в специальной литературе мало изучен. Имеющиеся работы носят больше публицистический или научно-популярный характер.

Имеющаяся база казахстанских прикладных исследований представлена преимущественно в формате методических рекомендаций уполномоченных органов по линии Антитеррористического центра Республики Казахстан, включая Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития [Единый организационный замысел … 2018].

Однако, по нашему мнению, казахстанские методические сборники также, как аналогичные пособия в Российской Федерации [Смирнов, 2020; Григорьев, Игнатов, Магеров, 2017], ориентированы преимущественно на профилактическую деятельность по предупреждению распространения нетрадиционных религиозных течений. При этом, в указанных пособиях, на наш взгляд, не в полной мере отражен аспект информационно-пропагандистского противодействия терроризму, включая формирование в обществе антитеррористического сознания.

В имеющихся же монографических исследованиях последнего периода, как нам представляется, не уделено достаточно внимания новым формам и методам информационной деятельности МТО, характерным для последнего десятилетия [Григорьев, Игнатов, Магеров, 2017; Подцероб, 2010; Арифханова, 2019; Кафтан, 2018; Бельский и др., 2015].

Так, в своем исследовании И. В. Пащенко отмечает, что активность МТО «ДАИШ» («ИГИЛ») начиная с 2014 г. в медиапространстве практически не стихала вплоть до 2018 г.: «…несмотря на почти полную потерю территории, в период с 1 августа 2017 г. по 28 февраля 2018 г. вышло более 1300 медиа-продуктов ДАИШ, что говорит о продолжении активной деятельности этой группы в интернет-пространстве [Пащенко, 2018]. Приведенные российским специалистом факты, наглядно демонстрируют, какое большое значение идеологи МТО придают технологиям воздействия на общественное сознание. В свою очередь, такая напористая пропагандистская стратегия радикалов, ставит на повестку дня вопрос о необходимости симметричного реагирования на угрозы противника. Например, идеологи «информационного джихада» учатся манипулировать общественным сознанием через массовую рассылку сфальсифицированных видеоизображений. Такого рода «fake news» способны при умелом использовании спровоцировать не только массовые беспорядки и погромы, но и вооруженные столкновения на религиозной и этнической почве.

В изданном в 2017 году в Российской Федерации научно-практическом пособии «Противодействие террористической пропаганде» авторами подчеркнут сетевой характер медиаструктур современных

МТО и широкий охват аудитории [Григорьев, Игнатов, Магеров, 2017]. Авторы исследования отмечают, что выпуском террористических материалов, направленных на жителей Европы, России, США и Ближнего Востока, занимаются медиаагентства, медиацентры, издательские дома террористов «Амак», «Аль-Фуркан», «Аль-Хайят», «Фурат», «Фуркан», «Аль-Итисам», «Аджнад», «Химма» и другие, радио «Аль-Баян» и «пресс-службы вилаятов». Эти структуры выпускают материалы на арабском, английском, русском, немецком, французском, турецком и других языках. На захваченной террористами части Сирии и Ирака в десятках городов на различных FM-частотах работают станции радио «Аль-Баян», выпускаются десятки книг и брошюр, плакаты, газеты и щиты с призывами. Приведенные российскими коллегами факты, безусловно свидетельствуют о новых организационных формах пропагандистской деятельности террористов [Григорьев, Игнатов, Магеров, 2017].

Если же рассматривать новые подходы, с точки зрения содержательной стороны пропагандистских материалов МТО, то можно, например, отметить изменение в трактовке понятия «джихад», а также субъектов его исполнения. Например, если «Аль-Каида» делала доступ к джихаду элитарным, то пропагандистский образ джихада МТО «ДАИШ» – это джихад, доступный для всех. Здесь мы наблюдаем совершенно другой способ рекрутирования, по сравнению с методами привлечения сторонников в системе «Аль-Каиды». Это не избирательный отбор адептов, а вовлечение всех, кто проявляет к этому активному движению какой-либо интерес [Арифханова, 2019].

Еще одним проявлением новизны в методах пропаганды МТО «ДАИШ» можно считать тактику противопоставления материалов официальных СМИ идеологическим материалам террористической организации.

Это достаточно действенный ход, поскольку официальные новостные каналы, показывая отрывки из видео-пропаганды МТО «ДАИШ», стимулировали интерес и привлекали внимание целевых аудиторий. Последние затем искали полные версии этих видео в сети Интернет. В свою очередь, социальные сети стали идеальным инструментом для общения со всеми заинтересованными аудиториями. Соревновательный момент с официальными СМИ еще более усиливал азарт и создавал эмоциональные моменты, подстегивающие успех пропаганды терроризма [Пащенко, 2018].

В качестве характерного признака применения новых подходов можно отметить также использование транснациональными

террористическими организациями тактики одиночных атак, имеющих массовый характер и инициированных посредством современных информационных технологий. Усвоение террористической идеологии и формирование психологической готовности к совершению теракта происходят в ходе «саморадикализации» – самостоятельного поиска и потребления контента террористической направленности. Эти материалы становятся идеологической почвой для возможного совершения действий экстремистского или террористического характера [Григорьев, Игнатов, Магеров, 2017].

В одном из аналитических обзоров российских исследователей, на наш взгляд, сделан верный вывод о том, что эффективное противодействие террористической пропаганде в Интернете в современных условиях возможно только с использованием новых подходов, которые предполагают:

– развенчание базовых идей и террористических доктрин доступным языком;

– формирование негативного отношения к террористическим структурам;

– поддержку населением антитеррористической политики государства.

В этих целях целесообразно активнее использовать лидеров общин, формирующих общественное мнение, вести не пассивную контраргументацию, а наступательную работу по противодействию конкретным угрозам и акциям [Аналитический обзор … 2021]. В этой связи, необходимо также обратить внимание на активизацию работы в блогосфере и социальных сетях по организации превентивных информационных акций в рамках контрпропаганды.

Принимая во внимание информационную сущность терроризма как идеологии и практики насилия, становится очевидным, что на повестку дня остро встает вопрос о необходимости своевременного отслеживания и изучения новых технологий информационного подрыва, применяемых МТО. Системный анализ стратегии и тактики противника позволит эффективнее внедрять в практику антитеррора приемы и методы, адекватные изменившимся условиям информационного противоборства. Выявление, анализ и классификация новых способов информационного противодействия терроризму является предметом самостоятельного полномасштабного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бельский В. Ю. [и др.]. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях: коллективная монография / Московский университет МВД им. В. Я. Кикотя, Центр исследований безопасности РАН. М. : Юнити-Дана, 2015.
2. Аналитический обзор «О фактах терроризма и иных проявлений экстремизма в государствах – участниках СНГ, их причинах и источниках финансирования за 2020 год» / под общ. ред. А. П. Новикова. М. : Антитеррористический центр государств – участников СНГ, 2021.
3. Арифханова С. Романтический образ муджахида в пропаганде ИГИЛ как основной принцип героизации боевиков деструктивных групп. Контент-анализ деструктивной пропаганды // Web of Scholar. 2019. № 9(39). Т. 2. С. 33–40.
4. Григорьев М. С., Игнатов В. С., Магеров В. М. Противодействие террористической пропаганде. М. : Фонд исследований проблем демократии, 2017.
5. Единый организационный замысел по контрпропаганде идеологии религиозного экстремизма и терроризма в информационном пространстве РК. Астана : АТЦ РК, 2018.
6. Кафтан В. В. Террор и антитеррор в условиях глобализации: учебное пособие. М. : КноРус, 2018.
7. Пащенко И. В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1(2). С. 12–24.
8. Подцероб А. Б. Исламистские организации: основные принципы, направления и методы пропагандистско-идеологической работы // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 2. С. 155–171.
9. Смирнов А. А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: научно-практическое пособие. М. : АТЦ СНГ, 2020.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ КАК ФАКТОР РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

А. В. Кондратенко

кандидат психологических наук, профессор
Академии Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан
kazakhfilm@inbox.ru

Аннотация. В данном докладе рассматриваются отдельные формы и приемы социально-психологического воздействия в информационной сфере в целях распространения идей политического экстремизма. Указанное негативное воздействие связано с особенностями современных геополитических вызовов и показано как технология гибридной войны, осуществляемая благодаря усилиям деструктивных политических сил Казахстана.

Ключевые слова: геополитическая ситуация, политическая коммуникация, социально-психологическое воздействие

SOCIAL IMPACT AND PSYCHOLOGICAL EFFECT IN THE INFORMATION ENVIRONMENT IN ORDER TO DISSEMINATE THE IDEAS OF POLITICAL EXTREMISM

A. V. Kondratenko

PhD (Psychology), Professor
National Security Committee Academy of the Republic of Kazakhstan, Almaty
kazakhfilm@inbox.ru

Abstract. This article deals with particular forms and techniques of social impact and psychological effect used in information sphere so that to spread political extremism ideas. This negative impact is related to the feature modern geopolitical challenges and is presented as a hybrid war technology that is conducted by means of the Kazakhstan destructive political forces.

Keywords: geopolitical environment, political communication, social impact and psychological effect

Современные вызовы национальной безопасности Республики Казахстан (*далее* РК) в части угроз конституционному строю определяются целым рядом факторов, значительная часть которых напрямую

связана с распространением идей политического экстремизма, что, как правило, вызвано деятельностью экстремистских политических объединений. Активность подобных объединений стимулируется поддержкой зарубежных структур, что, в свою очередь, обусловлено особенностями международной обстановки.

Складывающаяся в настоящее время геополитическая ситуация свидетельствует об обострении противоречий между такими державами, как Соединенные Штаты Америки (США), Китайская Народная Республика (КНР) и Российская Федерация (РФ).

Представленная президентом США Д. Байденом в марте 2021 г. промежуточная (*окончательную версию данного документа планируется подготовить до конца 2021 года*) Стратегия национальной безопасности США (*содержит описание приоритетных направлений защиты безопасности страны на 5 лет*) определяет необходимость масштабного и разностороннего противодействия КНР и РФ, так как «Китай становится всё более агрессивным», а «Россия по-прежнему полна решимости усилить свое глобальное влияние и играть деструктивную роль на мировой арене»[1].

В обстановке глобального противостояния перечисленных стран Казахстан, в силу стратегического географического расположения и ресурсной базы, приобретает значимую геополитическую ценность.

Приоритетный характер межгосударственных отношений РК с РФ, а также КНР, которые предусматривают тесное сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза, Содружества независимых государств, Организации договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества, а также международного экономического проекта «Один пояс – один путь» не может удовлетворять США, которые заинтересованы в ослаблении своих геополитических противников.

Принимая во внимание динамику указанных оперативных процессов, следует ожидать всестороннего давления на Казахстан, с целью изменения его внешней и внутренней политики. При этом высока вероятность применения технологий, так называемых гибридных войн.

В указанной обстановке проблема изучения технологий гибридных войн представляет, как теоретический, так и прикладной интерес для организации защиты конституционного строя.

[1]«Белый дом» представил промежуточную Стратегию США по национальной безопасности. 2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10829651

Одной из таких технологий определяется поддержка деструктивных политических сил внутри страны, являющейся объектом гибридного воздействия. В настоящее время наиболее заметными подобными политическими объединениями в РК являются:

– общественно-политическое движение «Демократический выбор Казахстана» (*далее* ДВК), по своим партийным ценностям это либерально-демократическая структура, которая была создана в 2001 году и поддерживается по настоящее время известным казахстанским олигархом М. Аблязовым (*указанное лицо находится в международном розыске за совершение ряда экономических преступлений на территории РК, РФ и Украины*). Решением Есильского районного суда города Нур-Султан ДВК за призывы к насильственному изменению конституционного строя страны признана экстремистской (2018);

– движение «Көше партиясы», данная структура аффилирована с ДВК, поддерживается и руководится М. Аблязовым. Решением Есильского районного суда города Нур-Султан за призывы к насильственному изменению конституционного строя страны признана экстремистской (2020)[1].

Названные политические объединения признаются США и Европейским Союзом в качестве демократических оппозиционных сил, а М. Аблязов решением Национального суда Франции (октябрь 2020 г.) получил официальное политическое убежище[2].

Пользуясь поддержкой со стороны зарубежных субъектов, сторонники ДВК и «Көше партиясы» ведут активную пропагандистскую деятельность, используя социально-психологическое воздействие на общественно-политическое сознание граждан Казахстана. Этот социально-психологический фактор распространения идей политического экстремизма в казахстанском обществе нуждается в изучении, так как представляет значимость и ценность для организации практической работы государственных структур, направленных на защиту конституционного строя РК.

На что нацелена подобная деструктивная деятельность? В чем особенности современного социально-психологического воздействия, и в каких формах / приемах оно выражается?

---

[1]«ДВК» трансформировалась в «Көше партиясы». 2021. URL: https://zakon.kz/5023271-dvk-transformirovalos-v-k-she-partiyasy.html

[2]Сообщается о предоставлении М. Аблязову, экс-банкиру и оппозиционеру, политического убежища во Франции. 2020 . URL: https://rus.azattyq.org/a/30876139.html

Целью указанной деятельности является формирование негативного отношения общества к существующей системе власти, мобилизация широкого круга сторонников среди различных слоев населения, а также возбуждение масштабной протестной активности и, в конечном итоге, дестабилизация внутриполитической обстановки и антиконституционная смена существующей власти, т. е. результатом будет хорошо известный на постсоветском пространстве феномен успешной «цветной революции».

Исходя из правоохранительной практики, направленной на обеспечение защиты конституционного строя РК, очевидно, что определяющей успешного распространения в современном социуме идей политического экстремизма является информационная составляющая.

Исходя из анализа практики защиты конституционного строя, мы попытаемся выявить и описать особенности политических коммуникаций, отражающих формы и приемы социально-психологического воздействия на информационную сферу жизни казахстанского общества.

В политической психологии в процессе организации трансляции ценностей социально активной группы значимую роль играет феномен политических коммуникаций. При этом политическая коммуникация возможна только как информационное взаимодействие субъектов политического процесса, целью которого является укрепление и расширение влияния на личность новых социально значимых ценностей.

Следует учитывать, что политическая коммуникация может носить как векторный, т. е. от источника информации к получателю, так и кольцевой, то есть взаимно обогащающий, характер.

В этом процессе большое значение приобретают средства политической коммуникации, которые являются личными (*непосредственными: дебаты, митинги, встречи с людьми, лекции* и т. д.) и опосредованными (*через технические возможности: печатные издания, радио, телевидение, интернет, социальные сети* и т. д.).

В современном мире доминируют опосредованные средства общения.

Необходимо отметить, что до последнего времени основным средством коммуникативного политического воздействия являлось телевидение, которое обеспечивало массовость охвата аудитории и уникальную возможность манипулирования сознанием, используя так называемый фактор парасоциальности, т. е. «живой» картинки, формирующей эффект присутствия и соучастия в событиях.

В данный период складывается новая реальность, когда ведущую роль в процессе политического воздействия начинает играть Интернет и, в целом, сетевые средства массовой коммуникации, реализующиеся в киберпространстве. Уникальность киберпространства и выгодное отличие от телевидения заключается в том, что здесь возможно обеспечение не только массовой трансляции и парасоциальности, но прямой межличностной и групповой коммуникации. Современное кибернетическое информационное пространство впервые реально предоставило интернациональные, подлинно глобальные возможности для связи, общения и воздействия на личность и общество, что создает дополнительные преимущества для трансляции идей политического экстремизма при наличии поддержки со стороны влиятельных зарубежных субъектов, которые обладают значительными возможностями по обеспечению средств контроля над интернетом и социальными сетями.

В процессе деструктивного информационного влияния на социум возможен самый широкий формат воздействия от использования дискредитирующих текстовых публикаций до создания видеоклипов, «документальных» видеофильмов. В подобной продукции должна содержаться или тенденциозно подобранная объективная информация, возможно подготовленная в виде аналитических материалов или откровенно лживые сведения, так называемые «фейковые» новости и провокационные сообщения, а также сатирические материалы.

Трансляция этой продукции может принимать различные формы:

- открытую – коммуникатор явно демонстрирует свою принадлежность к политической группе, отмечает важность и значимость ее социальных ценностей;
- отстраненную – коммуникатор подчеркивает нейтральность своих суждений и оценок, сопоставляя и критически разбирая противоречивые точки зрения, при этом не исключает свою ориентацию на одну из них;
- закрытую – коммуникатор намеренно умалчивает о своих взглядах и ценностях, стремясь скрыть свои социально-политические симпатии.

Далее важно отметить, что вышеуказанные формы находят отражение в конкретных психологических приемах.

1. Ссылка на авторитет – предусматривает апелляцию к высказываниям и оценкам общепризнанного и наиболее уважаемого эксперта (*лидера*), мнение которого по обсуждаемому вопросу признается всем обществом или участниками дискуссии.

2. Формирование позитивного имиджа – направлено на создание положительного образа модели построения общества (*пример для подражания, подчеркивание, что другая страна более высокоразвита в сфере социально-политических и экономических отношений, гражданской активности* и т. д.) и / или политически активной личности (*лидера*).

3. Гиперболизация и высмеивание – прием основан на подмене предмета обсуждения с целью искажения смысла и дискредитации (*плохие дороги, мусор на улице – грязная и дикая, отсталая страна* и т. д.).

4. Подмена тезиса, переход на личности – переключение внимания аудитории с предмета обсуждения на индивидуальные недостатки оппонента (например, *как может управлять страной человек, который полный, т. е. он даже за собой следить не может*).

5. Наклеивание ярлыков – преднамеренно выбранный эпитет, отражающий в искаженном виде эмоционально негативную оценку оппонента и его ценностей (например, *оппонент выступает за традиционные семейные ценности, а значит сторонник гомофобии, как следствие – отсталый, ретроград*).

6. Игра деталями, цифрами – апелляция к статистическим сведениям, подобранным для формирования взглядов выгодных манипулятору (*при этом подчеркнуто критическое отношение к оппоненту, не обладающему точными данными при обосновании своих тезисов*).

7. Эмоциональная настройка – подбор соответствующих аудио- и визуальных материалов, формирующих необходимую позитивную или негативную реакцию.

8. Мнимый выбор – используемые в ходе воздействия на аудиторию тенденциозные фактические данные и критические замечания (*сравнительные материалы собраны таким образом, чтобы необходимое манипулятору заключение было достаточно очевидным*).

Обобщая изложенное, следует подчеркнуть, что результатом подобного последовательного социально-психологического воздействия является формирование деструктивного политического сознания у определенной части казахстанского общества, которое часто враждебно самым основным, фундаментальным государственно-правовым ценностям страны. Рассчитываем, что представленный материал поможет систематизировать и расширить объем необходимых знаний о социально-психологических особенностях воздействия в информационной сфере в целях распространения идей политического экстремизма, что позволит повысить качество профилактической работы, направленной на защиту конституционного строя.

ПОДГОТОВКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ЛИНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ

В. Вяч. Красинский

доктор юридических наук, доцент
заместитель начальника Управления координации и взаимодействия
Росфинмониторинга
krasinskijvv@fedsfm.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема организации контрпропагандистской работы в области противодействия терроризму и экстремизму. Раскрыты основные принципы создания антитеррористического / антиэкстремистского контента и наиболее востребованные форматы распространения контента. Автор делится положительным опытом контрпропагандистской работы по линии Антитеррористической комиссии Московской области.

Ключевые слова: информационное противодействие терроризму и экстремизму, антитеррористический / антиэкстремистский контент, контрпропаганда, антиэкстремистское сознание

PREPARATION AND DISTRIBUTION OF INFORMATION MATERIALS ON THE LINE OF COUNTERTERRORISM AND EXTREMISM

V. V. Krasinsky

Doctor of Law (Dr. habil), Associate Professor
Advisor to the Director of Rosfinmonitoring
krasinskijvv@fedsfm.ru

Abstract. In the article the characteristic of the problem of organizing counter-propaganda work in the field of countering terrorism and extremism is given. The basic principles of creating anti-terrorist/anti-extremist content and the most popular formats for distributing content are revealed. The author shares his positive experience of counter-propaganda work of the Anti-Terrorist Commission of the Moscow Region.

Keywords: information counteraction to extremism, anti-terrorist / anti-extremist content, counterpropaganda, anti-extremist consciousness

Противодействие терроризму и иным экстремистским проявлениям, в котором преобладает только «силовая» составляющая, имеет мало шансов на успех. Нейтрализация одних террористических ячеек приводит к возникновению других, вчерашние пособники сами становятся активными участниками бандподполья, не прекращаются вербовочная деятельность и вовлечение в ряды террористических структур. Для вытеснения террористических и экстремистских идей необходимы привлекательные и актуальные альтернативные идеи. Востребованной формой выражения положительных правовых и информационных установок служит уникальный и качественный антитеррористический / антиэкстремистский контент.

При создании антитеррористического / антиэкстремистского контента следует придерживаться следующих основных принципов [Смирнов, 2020]:

Создание контента для конкретной целевой аудитории (контент должен быть ей понятен) [Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы … 2013; Ермаков, Абакумова, Штейнбух, 2018].

Нужно работать не только с информацией, но и с эмоциями. Взаимодействовать с аудиторией (отвечать на комментарии).

Использование востребованных форматов информации (картинки, фото, инфографика, видео. В информационно-пропагандистской работе АТК акцент был сделан на короткие видеоролики (стандартные видео в Инстаграме – до 60 секунд, в ТикТоке – от 15 до 60 секунд).

Важнейшим принципом является соблюдение законодательства и авторских прав (при наличии нарушений видеохостинги не позволят разместить видеоматериалы, а пользователи соцсетей могут пожаловаться на контент)[1].

Специфика пабликов. Для Твиттера посты – короткие тексты с картинками. Важным показателем является частота постинга.

Для ВКонтакте, ТикТока и Инстаграма ключевым является выбор визуальных компонентов: цепляющие оригинальные картинки и видео, короткие ролики с полезными советами. В отличие от Ютуба, в Инстаграм ТВ все видео вертикальные, ориентированные на просмотр со

[1]В Инстаграме, Фейсбуке и во ВКонтакте за нарушение авторских прав удаляется контент, либо сам аккаунт. В Ютубе отключается монетизация, удаляется видео или блокируется канал.

смартфона. Для ТикТока характерны дуэты – совместные ролики с другими пользователями.

В ТикТоке ценится интересная подача и креатив видеоматериала, для продвижения необходимо инициирование или участие в популярных челленджах, регулярный постинг.

Следует также учитывать фактор внешнего деструктивного воздействия в виде террористических информационно-психологических акций ряда иностранных государств. В 2021 г. получила распространение практика «фейковых» сообщений о готовящихся терактах в региональных сегментах социальных сетей, мессенджерах и родительских чатах[1]. Массовое распространение таких угроз начинается сразу после совершения экстремистских акций или актов «колумбайна». Большинство подобных недостоверных информационных вбросов осуществляется с территории Украины. В 2017–2020 гг. для веерного распространения заведомо ложных сообщений об угрозах террористических актов («ложные минирования» социально значимых объектов) активно использовались возможности 74 Центра информационно-психологических операций Сил спецопераций Украины.

Данные информационные материалы имеют большой медийный потенциал и провоцируют рост социальной напряженности, дестабилизируют обстановку, подрывают доверие к органам власти и правоохранительным структурам. В связи с этим необходимо действовать на упреждение, предупреждать и разоблачать подобные дезинформационные вбросы, организовывать своевременную информационную отработку совместно с лидерами общественного мнения и популярными блогерами[2].

С учетом возможности привлечения к уголовной ответственности попытки оправдания терроризма и экстремизма осуществляются идеологами и заинтересованными активистами в косвенной, завуалированной форме: с помощью музыки, мемов, видеоигр. Это обстоятельство

[1]Недостоверная информация о подготовке актов «колумбайна» распространялась в октябре 2021 года в региональных соцсетях и мессенджерах на территории Кемеровской, Липецкой и Новосибирской областей, а также Санкт-Петербурга

[2]Данная работа проводится в соответствии с Временным Регламентом взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, АНО «Диалог Регионы» и АНО «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» по выявлению и предотвращению распространения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» недостоверной информации и информационных угроз, имеющих социально значимые последствия (утвержден 4 октября 2021 г.).

актуализирует необходимость отработки адекватных информационных форматов.

Несколько слов о способах распространения антитеррористического / антиэкстремистского контента.

В современных условиях работают далеко не все способы коммуникации. В качестве примера можно привести уличные баннеры (бессмысленно делать растяжку с надписью «Терроризм – это зло», «Терроризм – это яд», «Нет терроризму», «Стоп терроризм», «Вместе против терроризма» и т. п.), плакаты и листовки.

С учетом введенных коронавирусных ограничений снижается роль массовых мероприятий (проведение школьных линеек, концертов и других мероприятий на усмотрение руководства образовательной организации).

Неплохо зарекомендовала себя демонстрация на широкоформатных экранах (места массового пребывания: площади, торговые центры). К сожалению, зачастую видеоролики транслируются без звука, что обесценивает всю работу.

Наиболее сложной и трудозатратной является демонстрация антитеррористического контента в ходе профилактических бесед. С одной стороны, при правильном выборе контента и целевой аудитории достигается эффект адресности, с другой стороны – широта охвата подобных мероприятий значительно уже сети Интернет.

Распространение информации через печатные СМИ тоже работает не так, как хотелось бы. При обеспечении безопасности ЧМ-2018 по футболу приходилось сталкиваться с тем, что печатную информацию по линии антитеррора СМИ дают самым мелким шрифтом, где-то в самом нечитаемом месте, на предпоследней странице [Красинский, 2019].

У молодежи наиболее востребованным источником информации являются интернет-сайты и паблики соцсетнй.

С учетом перспектив цифровизации и информатизации главной средой распространения антиэкстремистского контента должна выступать сеть Интернет [Смирнов, 2020].

Распространение антитеррористического контента в сети Интернет основано на существующих стратегиях раскрутки и продвижения брендов и продуктов. Общие подходы интернет-маркетинга применимы и к информационно-пропагандистской работе по линии противодействия терроризму и экстремизму.

Положительную практику организации контрпропагандистской работы по линии противодействия терроризму и экстремизму можно рассмотреть на примере информационного противодействия реабилитации нацизма и фальсификации истории Великой Отечественной войны.

В связи с подготовкой к проведению в 2020 году Года памяти и славы в честь 75-летия победы в Великой Отечественной войне аппаратом Антитеррористической комиссии Московской области совместно с АО «Телеканал 360» был создан сайт «БерегиПобеду.рф» и подготовлена серия видеороликов, посвященных Дню Победы. Решение о съемках роликов, информационной отработке тематики противодействия идеологии фашизма и недопустимости оправдания нацистских преступлений в социальных сетях принято на заседании Экспертного совета по выработке информационной политики в сфере профилактики терроризма и экстремизма [Красинский, 2021].

Руководство аппарата АТК Московской области подготовило сценарии видеороликов, которые были адресованы различным группам: молодежи и широкой целевой аудитории. Кроме того, для распространения в зарубежных сегментах Интернета и социальных сетей был написан идентичный текст субтитров на английском языке.

Дальнейшая работа проводилась в рамках нескольких этапов.

1. Разработка теоретических программных установок для доведения до целевой аудитории. Подготовка сценариев на их основе.
2. Формирование фокус-групп для оценки сценариев и адаптации к целевой аудитории.
3. Кастинг актеров и сопровождение съемочного процесса.
4. Монтаж видеороликов и апробация видеопродукции на участниках фокус-групп.
5. Доработка видеороликов и размещение в сети Интернет и социальных сетях [Дамаскин, Красинский, 2021].

Видеопродукция была размещена волонтерами в социальных сетях и аккаунтах социальных учреждений (учреждения образования, культуры, спорта, молодежные пресс-центры), на сайте Правительства Московской области, школьном портале Московской области и в родительских чатах (широта охвата по количеству просмотров и репостов составила более 150 тыс. человек). Видеоролики транслировались в эфире телеканала 360 (охват аудитории более 35 млн человек), на сайте РИАМО (охват 1,6 млн человек), Национального антитеррористического комитета, Антитеррористической комиссии Московской области,

на сайте агрегаторов новостей Rambler (аудитория более 1 млн человек), Mosday (аудитория 200 тыс. человек) и Sm.news (аудитория более 1 млн человек). Ряд видеороликов был использован в работе тематических секций Антитеррористической комиссии Московской области, развернутых на крупнейшем в России молодежном форуме «Я гражданин Подмосковья».

Аналогичная работа проводилась в рамках развенчания псевдогеройского образа «школьных стрелков» и ориентации на ненасильственные способы разрешения конфликтных ситуаций (проект «Анти-Колумбайн»)[1].

В ходе информационного обеспечения профилактики экстремизма в молодежной среде разработчики контента исходили из того, что информационный продукт будет просматриваться «по диагонали», в условиях ограниченного времени просмотра. Поэтому акцентировалось внимание на захватывающей «завязке» и неожиданной развязке. Нецелесообразно использование длинных многосерийных антологий и документальных фильмов. Эти жанры, как правило, не «работают» в молодежной аудитории.

С учетом ограниченности ресурсов продвижение информационных материалов осуществлялось в рамках двух основных стратегий:

– контентной стратегии (акцент на разработке и распространении актуального, качественного, уникального и полезного контента, отвечающего запросам целевой аудитории ресурсов);

– ссылочной стратегии (размещение ссылок на других аккаунтах, продвижение в социальных сетях).

Заключение

Вопросы подготовки и распространения информационных материалов по линии противодействия терроризму и экстремизму имеют ключевое значение для пропагандистской и вербовочной деятельности террористических и экстремистских структур. Контрпропагандистская работа в информационном пространстве позволяет противодействовать формированию пособнических сетей и социальной базы поддержки террористов, вносит раскол в ряды действующих террористических и экстремистских организаций.

[1]Волонтерский проект «Антиколумбайн». URL: http://viperson.ru/articles/volontyorskiy-proekt-antikolumbayn

В современных условиях главной средой распространения антитеррористического / антиэкстремистского контента должна выступать сеть Интернет. Создание и распространение контента основано на существующих стратегиях интернет-маркетинга (SMO и SMM-продвижение на популярных медийных платформах).

Обязательными компонентами полноценной информационной работы в области противодействия терроризму и экстремизму являются:

– подготовка типовых перечней инфоповодов и медиапланирование;

– формирование пула лояльных СМИ и адресная работа с ассоциированными журналистами, блогерами и пресс-службами;

– аналитика и оценка медиаактивности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А. А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. М. : АТЦ СНГ, 2020.
2. Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы в сфере противодействия распространению идеологии терроризма в субъектах Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Попова. М., 2013.
3. Ермаков П. Н., Абакумова И. В., Штейнбух А. Г. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы: методическое пособие. М. : Кредо, 2018.
4. Красинский В. В. Обеспечение безопасности Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года на территории Московской области // Современное право. 2019. № 1. С. 44–47.
5. Красинский В. В. Противодействие фальсификации истории и реабилитации нацизма как способ формирования антиэкстремистского сознания // Современное право. 2021. № 1. С. 23–28. DOI 10.25799/NI.2021.85.20.004.
6. Дамаскин О. В., Красинский В. В. Информационное противодействие фальсификации истории и реабилитации нацизма // Государство и право. 2021. № 6. С. 147–157.

КИБЕРТЕРРОРИЗМ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В. В. Машко

кандидат исторических наук
доцент кафедры международной безопасности
Российского государственного гуманитарного университета
istrosvlad@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен кибертерроризма в современном мире. Кибератаки - одна из самых опасных форм современного терроризма. В то же время в российском законодательстве, как и в юриспруденции, отсутствует четкое понимание понятий, связанных с регулированием данной проблемы. Целью статьи является уточнение понятийного аппарата в указанной сфере. Автор также рассматривает некоторые проблемы противодействия кибертерроризму.

Ключевые слова: терроризм, кибертерроризм, информационное пространство, противодействие кибертерроризму

CYBERTERRORISM: CONCEPT AND COUNTERACTION PROBLEMS

V. V. Mashko

PhD (History), Associate Professor
of the Department of International Security
of the Russian State University for the Humanities
istrosvlad@yandex.ru

Abstract. The article deals with the phenomenon of cyber-terrorism in the modern world. Cyber-attacks are one of the most dangerous forms of modern terrorism. At the same time in the Russian law, as well as in jurisprudence, there is no clear understanding of the concepts related to this problem. The objective of the work is to clarify the conceptual apparatus. The author also considers some problems of counteraction of cyber-terrorism.

Keywords: terrorism, cyber-terrorism, information space, counteraction of cyber-terrorism

В последние годы значительно актуализировались угрозы, связанные с попытками террористических структур использовать современные технологии для несанкционированного доступа к информации и воздействия на информационные ресурсы и информационную

инфраструктуру различных государств мира, в том числе Российской Федерации. Такое положение привело к формированию нового вида преступной деятельности – «кибертерроризма».

Рост геополитической напряженности в мире, а также практика инспирирования иностранными государствами экстремизма и терроризма в неугодных государствах с целью последующего извлечения геополитических дивидендов увеличивают угрозы кибертерроризма для Российской Федерации, в том числе совершения террористическими организациями кибератак на объекты критической информационной инфраструктуры. Несмотря на то, что самому термину «кибертерроризм» уже более сорока лет , выработать единое мнение о сущности данного явления и сформулировать универсальное его определение до сих пор не удалось. Данное обстоятельство связано как со сложностью и неоднозначностью самого феномена терроризма, разновидностью которого является «кибертерроризм», так и с тем, что данный термин намного чаще упоминается в публицистической, а не научной литературе, причем в самом широком его толковании.

При этом многие авторы не делают различий между кибертерроризмом и схожими с ним явлениями, такими как «телефонный терроризм», «информационный терроризм», «киберэкстремизм», «киберпреступность» и другие.

Следует отметить, что разработка универсальной дефиниции понятия «кибертерроризм», а также дальнейшее научное изучение данного явления будут способствовать более глубокому осмыслению теоретико-методологических, организационных и политических основ противодействия данному явлению.

При разработке понятия «кибертерроризм» следует стремиться к тому, чтобы его формулировка не давала повода для политических спекуляций, а также чтобы она содержала в себе конкретные признаки, не позволяющие манипулировать и произвольно использовать данный термин, что очень важно не только для научного изучения кибертерроризма, но и для законотворческой деятельности и правоприменительной практики, поскольку терминологический разнобой ведет к негативным последствиям, прежде всего в ходе противодействия данному негативному явлению

В настоящее время понятие «кибертерроризм» нормативно не закреплено ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии

терроризму», ни в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», ни в иных нормативных правовых документах. При этом рассматриваемый термин упоминается в п. 45, пп. «г» «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 05.10.2009), в котором говорится, что кадровое обеспечение противодействия терроризму осуществляется по следующим основным направлениям: «…подготовка специалистов в специфических областях противодействия терроризму (противодействие идеологии терроризма, ядерному, химическому, биологическому терроризму, кибертерроризму и другим его видам)». Таким образом, анализ указанной нормы позволяет утверждать, что под кибертерроризмом в указанной концепции понимается разновидность терроризма.

Учитывая, что термин «терроризм» закреплен в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» на первый взгляд логично было бы определить кибертерроризм как разновидность идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий в киберпространстве. Однако подобное механическое соединение положений указанного закона с действиями в киберпространстве имеет ряд существенных недостатков.

Во-первых, оно не позволяет провести четкую грань между террористами и хактивистами, осуществляющими анонимные (как правило) противоправные действия с использованием информационных технологий, исходя из своих политических (левых, правых или иных) убеждений, чья деятельность направлена в том числе и на оказание воздействия на принятие решения органами государственной власти. В этом случае хактивистов международной анонимной интернет-организации «Anonymous» придется рассматривать как кибертеррористов, и это при том, что активисты указанного движения после серии терактов в Париже 14 ноября 2015 г. сами объявили войну международной террористической организации «Исламское государство». В частности, в рамках операции «Париж» ими был осуществлен взлом и публикация более 5 тыс. аккаунтов членов указанной террористической организации в сети Интернет.

Во-вторых, следует отметить отсутствие единства у отечественных исследователей в отношении определения самого понятия «терроризм» и критическое восприятие значительной их частью его формулировки, приведенной в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». При этом наряду с определением «терроризма» в указанном Федеральном законе имеются отличные от него определения в Договоре о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Минск, 4 июня 1999 г.).

Следует также отметить, что на глобальном уровне разработкой определения терроризма занимается Организация объединенных наций, страны-члены которой уже более сорока лет безуспешно пытаются договориться об общепризнанном определении понятия «терроризм».

При разработке формулировки понятия «кибертерроризм» следует также принимать во внимание соотношение данной дефиниции с понятием «информационный терроризм», которое содержится в Соглашении между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, заключенном в 2009 г. В частности, в указанном соглашении под информационным терроризмом понимается использование информационных ресурсов и (или) воздействие на них в информационном пространстве в террористических целях [Соглашение между Правительствами … 2012].

Достаточно широкое определение понятия информационные ресурсы (информационная инфраструктура, а также собственно информация и ее потоки), приведенное в данном соглашении, под которое попадают и ресурсы в телекоммуникационных сетях, позволяет утверждать, что кибертерроризм должен соотноситься с информационным терроризмом как частное с общим. При этом непрекращающаяся научная дискуссия в части установления терминологического тождества или различия понятий «кибертерроризм» и «информационный терроризм» существенно осложняет процесс разработки единых подходов к феномену «кибертерроризма». В этой связи, на наш взгляд, определять сущность кибертерроризма и разрабатывать его формулировку следует, прежде всего, исходя из выделения его признаков. К их числу следует отнести:

– использование информационно-телекоммуникационных технологий;

– наличие действий, создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, или угроза совершения таких действий;

– нацеленность на нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решений органами власти.

Исходя из указанных выше признаков кибертерроризм можно определить как совершение с использованием информационно телекоммуникационных технологий действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Помимо отсутствия общепринятого определения понятия «кибертерроризм» можно выделить еще ряд проблем, затрудняющих организацию противодействия указанному явлению. К их числу следует отнести отсутствие соответствующих законодательных актов, адекватных современному положению дел в сфере защиты компьютерной информации и регулирующих отношения в сети Интернет.

Нуждается в решении проблема уголовной ответственности за кибертерроризм, которая не нашла должного отражения в действующем российском законодательстве. В настоящее время кибертерроризм как самостоятельное юридическое понятие в национальном законодательстве отсутствует. При этом юридическая конструкция правовых норм, регламентирующих ответственность за террористический акт, в контексте расширенного толкования допускает регулятивную экстраполяцию этих норм в отношении других общественно опасных деяний, не указанных в диспозиции самой нормы.

Принятие отдельных норм, устанавливающих ответственность за совершение деяний, подпадающих под признаки кибертерроризма, будет способствовать укреплению общественной безопасности в данной сфере и оказывать профилактическое воздействие.

К числу объективно существующих проблем, существенно затрудняющих противодействие кибертерроризму, относится его трансграничный характер. В результате чего противоправные действия производятся лицом не непосредственно на месте совершения теракта (путем взрыва, поджога и т. д.), а удаленно и через киберпространство. Расположение компьютера, с помощью которого совершается преступление, крайне редко совпадает с местом расположения объекта

посягательства и последствиями деяния. Кроме этого, проблему составляет сохранение следов совершения преступления, а также процесс розыска кибертеррористов, что существенно снижает шансы привлечения преступника к уголовной ответственности.

Следует отметить, что в настоящее время принять международные документы универсального характера, которые обязали бы государства оказывать помощь при расследовании преступлений в сфере кибертерроризма по запросу другого государства не представляется возможным, прежде всего в силу ведущихся между крупнейшими странами мира информационных войн, а также использования террористических группировок в геополитическом противоборстве.

Принимая во внимание данное обстоятельство, Российской Федерации представляется целесообразным сосредоточить усилия прежде всего на двухстороннем сотрудничестве с рядом государств в сфере противодействия кибертерроризму, а также на сотрудничестве в рамках международных организаций, таких как ОДКБ, ШОС, СНГ.

К числу проблем в сфере противодействия кибертерроризму следует также отнести недостаточную обеспеченность правоохранительных органов техническими и программными средствами, что не способствует своевременной фиксации фактов совершения актов кибертерроризма, а также выявлению причастных к ним лиц.

Система защиты интернет-серверов и информационно-коммуникационных систем не успевает совершенствоваться вслед за все более совершенными способами и методами совершения актов кибертерроризма. Характер новых угроз информационной безопасности – в том числе кибертерроризм – вызывает необходимость ужесточить политику обеспечения безопасности информационных систем и сетей государства. Данная политика должна ориентироваться на обеспечение безопасного функционирования информационной инфраструктуры государства, в том числе систем управления критических инфраструктур.

В этой связи в большей степени следует использовать такие эффективные методы противодействия кибертерроризму, как технология распределенных реестров – «блокчейн» .

Анализируя проблемы в сфере противодействия кибертерроризму можно также отметить и недостаточное количество специально подготовленных кадров, специализирующихся на выявлении и раскрытии преступлений с использованием телекоммуникационных технологий.

Следует отметить, что противодействие кибертерроризму должно быть направлено и на предупреждение подобных преступлений путем реализации профилактических мер, в том числе путем взаимодействия с институтами гражданского общества в сфере противодействия терроризму. К мерам предупреждения кибертерроризма можно отнести повышение уровня образования молодежи в области понимания безопасности в киберпространстве, а также привлечение общественного внимания к проблемам информационного терроризма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соглашение между Правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 1. С. 13–21.

ПРОКУРАТУРА РОССИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИНФОРМАЦИОННЫМ ВОЙНАМ И «ЦВЕТНЫМ РЕВОЛЮЦИЯМ»

В. В. Меркурьев, И. С. Глибовец

Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор
заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора
и укрепления законности в сфере федеральной безопасности,
межнациональных отношений и противодействия экстремизму
НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации
merkuriev-vui@mail.ru

Глибовец И. С., аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации
glibovets94@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления деятельности законодательных органов и федеральных органов исполнительной власти по своевременному выявлению, пресечению и предупреждению правонарушений, совершаемых иностранными неправительственными организациями и НКО-иноагентами в целях нарушения основ конституционного строя государства, единства и территориальной целостности России, общественной безопасности и общественного порядка.

Ключевые слова: прокуратура, иноагент, иностранное вмешательство, выборы, признанные нежелательными организации

THE PROSECUTOR'S OFFICE OF RUSSIA IN COUNTERACTING INFORMATION WARS AND "COLOUR REVOLUTIONS"

V. V. Merkuriev, I. S. Glibovets

Merkuriev V. V., Doctor of Law (Dr. habil), Professor
Head of the Department of Scientific Support for Prosecutorial Supervision
and Strengthening the Rule of Law in the Sphere of Federal Security,
Interethnic Relations and Countering Extremism, Research Institute
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
merkuriev-vui@mail.ru

Glibovets I. S., PhD Student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, glibovets94@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the main directions of activity of legislative bodies and federal executive authorities on timely detection, suppression and prevention of offenses committed by foreign non-governmental organizations and NPO-foreign agents in order to

violate the foundations of the constitutional order of the state, the unity and territorial integrity of Russia, public security and public order.

Keywords: prosecutor's office, foreign agent, foreign interference, elections, undesirable organizations

В 2015–2016 гг. на страницах популярных юридических изданий нами был сформулирован вывод-прогноз о том, что законотворческая практика последних лет характеризуется введением новых правовых институтов, значительно корректирующих статус и задачи прокуратуры. Они направлены на усиление роли российской прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, которое будет сопровождаться расширением круга прокурорских полномочий и правовых средств (инструментов), в том числе по объединению и координации антикриминогенных усилий различных государственных органов и органов местного самоуправления, призванных бороться с посягательствами на основы конституционного строя и безопасности государства [Противодействие технологиям «цветных революций» … 2015; Деятельность прокуратуры Российской Федерации … 2016; Задачи прокуратуры Российской Федерации … 2016].

Продиктовано это тем, что во втором десятилетии XXI столетия Российская Федерация столкнулась с проблемой защиты конституционного строя и суверенитета государства от различного рода внутренних и внешних угроз, связанных с деятельностью Запада по организации, финансированию и подготовке сил, оппозиционно настроенных к действующей власти и стремящихся к ее насильственному захвату.

Характерно, что Во время «переломных» политических трансформаций, один из периодов которых приходится на 2017–2021 гг.[1], накал борьбы с экстремизмом и наиболее опасной его разновидностью – терроризмом, – многократно возрос в связи с активизацией экстремистской деятельности националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленной на нарушение единства и территориальной целостности России, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране.

[1]Эта точка перелома, как говорится в Стратегическом прогнозе Академии ГП РФ (январь 2017 г.), будет характеризоваться не только обострением отношений между Западом и Россией, которое способно принять весьма опасные, конфликтные формы, но и общей дестабилизацией как внутренней ситуации во многих странах, так и международных отношений.

В новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 (*далее* Стратегия национальной безопасности), особое внимание акцентируется на деструктивной деятельности недружественных стран, которые активно пытаются использовать имеющиеся в стране социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества (п. 20).

Отмечается данная тенденция небезосновательно, поскольку количество попыток вмешательства со стороны иностранных государств во внутренние дела России увеличивается с каждым годом.

В особенности повышение активности подобной деструктивной деятельности наблюдается в период подготовки и проведения выборов и референдумов. В частности, во время выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (*далее* Государственная Дума) в сентябре 2021 г. иностранное вмешательство приобрело черты спланированной кампании с участием международных неправительственных организаций по дискредитации выборов в России и формированию у общественности негативного отношения к их результатам.

Так, установлено, что с целью информационного воздействия на российское общество иностранные или международные неправительственные организации (*далее* ИНОиМО), признанные в последующем нежелательными, реализуют проекты на базе «школ идеологических диверсантов», расположенных на территории восточной Европы и скандинавских стран. Суть проектов заключается в проведении семинаров по подготовке «агентов влияния» в Финляндии, обучении российских граждан на вебинарах американских фондов, привлечении инструкторов «цветных революций» из Украины, Эстонии, Норвегии и Сербии. В рамках реализации данных проектов в Праге проводятся тренинги по сбору закрытой и секретной информации на постсоветском пространстве.

В июле 2021 г. Комиссией Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России (*далее* Комиссия) были обнародованы результаты выявления и документирования фактов зарубежного влияния на выборы в Российской Федерации, в том числе – осуществляемой «Национальным Демократическим Институтом Международных Отношений» (НДИ, США) – деятельность ее признана в России нежелательной. К основному виду

деятельности НДИ относятся отработка навыков использования социальных сетей, проведение информационных акций и избирательных кампаний, а также организация незаконных протестных акций, информационных провокаций, обучение технологиям мобилизации людских ресурсов.

По итогам заседания Комиссии собранные материалы были направлены в Роскомнадзор и Генеральную прокуратуру Российской Федерации для принятия решений в соответствии с их компетенцией.

Следует отметить, что деятельность органов прокуратуры по противодействию информационным войнам и «цветным революциям» осуществляется посредством реализации возложенных на нее законом функций в целях выявления, предупреждения и устранения угроз национальной безопасности Российской Федерации, локализации и нейтрализации последствий их проявления, предупреждения применения непрямых методов, направленных на провоцирование долговременной нестабильности внутри Российской Федерации.

Напомним, что с июня 2015 г. Федеральным законом от 23.05.2015 № 129-ФЗ прокуроры наделены специальными полномочиями, не предусмотренными федеральными законами от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Так, в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители вправе принять решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации по согласованию с МИД России[1].

Основанием для реализации данных полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», является установление факта деятельности ИНОиМО, представляющей угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства.

Например, в 2021 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации по результатам изучения поступивших материалов было принято

[1]Ч. 4 ст. 31 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».

решение о признании нежелательной на территории страны деятельности трех немецких иностранных неправительственных организаций, которые представляют угрозу основам конституционного строя и безопасности России: они оправдывали террористическую деятельность, противодействовали топливно-энергетическим проектам России, культивировали националистические и сепаратистские настроения, дискредитировали действий России в борьбе с коронавирусом и др.

Стоит отметить, что 2021 год стал беспрецедентным по количеству ИНОиМО, в отношении которых принято решение о нежелательности деятельности на территории Российской Федерации.

Всего с начала 2021 г. в рамках реализации полномочий, предусмотренных ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», заместителем Генерального прокурора Российской Федерации приняты решения о признании нежелательной на территории страны деятельности 18 ИНО, в то время как за весь 2020 год – только 10 (см. рис.1).

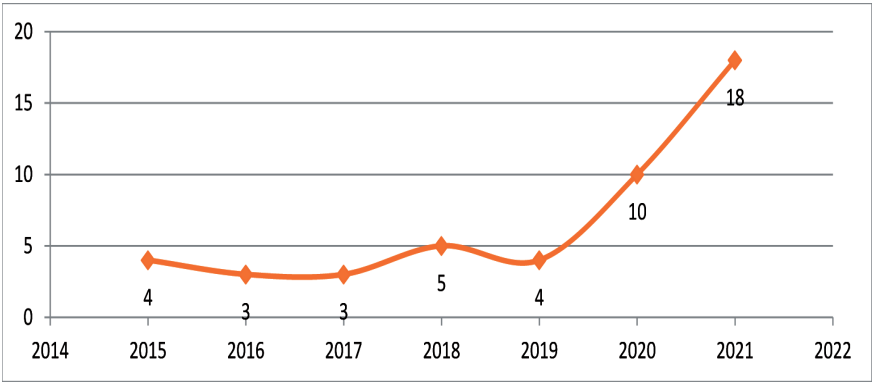

Рис. 1. Количество иностранных и международных неправительственных организаций признанных нежелательными на территории Российской Федерации с 2015 года по 01.10.2021

По нашему мнению, подрывная антигосударственная деятельность ИНОиМО приняла две характерные черты: организационную и финансовую, соответственно по руководству и материальному обеспечению НКО-иноагентов на территории России. Очевидно, именно они являются в настоящее время ключевыми.

По данным на 31.12.2020 в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, Минюстом России было включено 75 некоммерческих организаций.

Основными получателями денежных средств из-за рубежа в 2020 году стали: «Правовой центр Мемориал», «Гуманитарное действие», «Гражданское содействие», «Международный Мемориал», «Общественная комиссия по сохранению наследия академика Сахарова», «Сфера», Фонд «Общественный вердикт» и «Трансперенси интернешнл-Р».

Согласно отчетам, иностранные поступления составляют 654,4 млн руб. На протяжении пяти последних лет (2015–2020) эти организации являются лидерами по получению иностранного финансирования. На долю указанных организаций приходится от 50 до 70 % от общего объема декларируемого иностранного финансирования НКО-иноагентов. При этом самые большие суммы поступают из Великобритании, Бельгии, Германии, США и Швейцарии[1].

Важно указать, что в рамках представленных законом полномочий прокуроры осуществляют надзор за исполнением федерального законодательства НКО-иноагентами и принимают исчерпывающие меры в случае выявления нарушений с их стороны. Например, в ноябре 2021 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации обратилась в Верховный суд Российской Федерации с иском о ликвидации международной организации «Мемориал», ранее признанной НКО-иноагентом, в связи с установлением систематических нарушений законодательства об иностранных агентах.

Другой закономерностью является наблюдаемая устойчивая взаимосвязь между периодом поступления в распоряжение различных прозападных политических сил значительных финансовых средств из-за рубежа и началом осуществления ими провокационных действий против конституционных основ и безопасности России.

В связи с чем от органов прокуратуры в рамках предусмотренной законом компетенции следует ожидать принятие исчерпывающих мер, направленных на повышение уровня системности, целенаправленности и результативности работы правоохранительных органов и иных уполномоченных федеральных органов государственной власти по выявлению и пресечению каналов финансового обеспечения отдельных

[1]URL: http: //komitet2-16.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/26976484/ (дата обращения: 10.09.2021).

лиц, НКО-иноагентов, а также ИНОиМО, особенно тех, чья деятельность признана нежелательной на территории России.

Оценивая степень иностранного вмешательства во внутренние дела нашего государства, невозможно обойти стороной деятельность российской ассоциации «Голос». В частности, в 2011 г. данная организация получила финансовую поддержку от Агентства США по международному развитию (USAID) на сумму 40 млн рублей. Впоследствии ассоциация «Голос» стала одной из первых организаций, попавших под действие закона об НКО-иноагентах, а в 2016 г. и вовсе была ликвидирована по решению Пресненского суда города Москвы. С 2018 г. «Голос» существует в формате незарегистрированного движения.

Вместе с тем с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности» от 30.12.2020 года № 481-ФЗ и установлением факта иностранного финансирования, 18.08.2021 г. Общероссийское общественное движение в защиту прав избирателей «Голос» было внесено Минюстом России в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иноагента[1].

Помимо этого, 29.09.2021 г. Минюст России дополнил реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, 22 физическими лицами по основаниям, указанным в ч. 5 ст. 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации». По состоянию на 05.10.2021 год общее количество иностранных СМИ, выполняющих функции иностранного агента, составило 73.

Анализ прокурорской практики показывает, что, помимо осуществления специальных полномочий, восполняющих деятельность органов контроля и надзора, необходимо особое внимание уделять надзору за исполнением законов Минюстом России и его территориальными органами, в частности, понуждать их в установленных законом случаях к своевременному включению ИНОиМПО, некоммерческих организаций, СМИ, физических лиц в соответствующие реестры. К примеру, в 2020 году прокуратурой Свердловской области организовано проведение проверки в отношении зарегистрированной на территории Орджоникидзевского района Екатеринбурга некоммерческой организации – АНО «Акцент».

[1]URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nezaregistrirovannyh-obshestvennyh-obedinenij-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/ (дата обращения: 06.10.2021).

В ходе проверки было установлено, что данная организация, получая иностранное финансирование, формирует мнение общественности в области нетрадиционной сексуальной ориентации путем проведения мониторинга о нарушениях прав представителей ЛГБТ-сообщества и размещения результатов мониторинга в открытых источниках для неопределенного круга лиц, предпринимает попытки воздействовать на органы государственной власти путем направления в их адрес результатов проводимого мониторинга. Несмотря на свою деятельность, в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (*далее* реестр НКО-иноагентов) АНО «Акцент» не включена. Прокуратурой области в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области были направлены материалы проверки, в том числе заверенные копии документов в отношении АНО «Акцент» для решения вопроса о включении АНО «Акцент» в реестр НКО-иноагентов. Однако Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области меры по включению АНО «Акцент» в реестр НКО-иноагентов, а также привлечению организации к установленной законом ответственности, не приняты. В связи с чем в адрес руководителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области прокуратурой области внесено представление об устранении нарушений закона. На настоящий момент АНО «Акцент» включена в реестр НКО-иноагентов.

Выводы и предложения

1. С учетом анализа современных угроз национальной безопасности России, связанных с деструктивной деятельностью по изменению конституционного строя, повышению уровня радикализации протестной активности и разрушению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, законодательная база, регулирующая правовой статус иноагентов и ИНОиМО, постоянно совершенствуется.

В частности, в 2021 г. установлен запрет на избрание депутатом Государственной Думы:

– граждан, причастных к деятельности объединений, признанных судом экстремистскими или террористическими[1];

[1]Федеральный закон от 04.06.2021 № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона

– установлены дополнительные условия, позволяющие признать деятельность ИНОиМО нежелательной на территории Российской Федерации[1];

– введена уголовная ответственность за организацию деятельности ИНОиМО, признанной нежелательной на территории Российской Федерации, а также за предоставление, сбор средств или оказание иных финансовых услуг, предназначенных для обеспечения ее деятельности на территории Российской Федерации без предварительного привлечения совершающего указанные действия лица к административной ответственности[2].

2. Динамика изменений законодательства в данной сфере правоотношений, несомненно, отражается на функционировании органов прокуратуры, а именно, происходит конкретизация целей в области обеспечения национальной безопасности России и постановка новых задач перед органами прокуратуры. Кроме того, правоприменительная практика позволяет нам констатировать факт усиления роли российской прокуратуры по противодействию иностранному вмешательству во внутренние дела Российской Федерации. Направленность такой деятельности формируется с учетом определенных целей и задач, стоящих перед прокуратурой, и сопровождается расширением круга прокурорских полномочий и правовых средств.

3. Прошедшие парламентские выборы в России продемонстрировали эффективность принятых превентивных мер как со стороны органов законодательной власти, так и со стороны федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, непосредственно участвующих в применении законодательных новелл. Помимо этого, консолидация и координация антикриминогенных усилий публичных органов власти в борьбе за государственный суверенитет и территориальную целостность страны позволили успешно противостоять дискредитации процедуры проведения российских парламентских выборов и их результатов, предупредить совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасность государства, грубых нарушений общественной безопасности и общественного порядка.

«О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

[1]Там же.

[2]Федеральный закон от 01.07.2021 № 292-ФЗ «О внесении изменения в статью 2841 Уголовного кодекса Российской Федерации».

4. В целях повышения уровня системности и эффективности работы по профилактике экстремистской деятельности и терроризма, прокурорам в ходе надзорной деятельности следует активно взаимодействовать не только с субъектами профилактики правонарушений, предусмотренными ст. 5 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», но и активно привлекать к ней социально ориентированные некоммерческие организации, деятельность которых направлена на профилактику экстремистских проявлений. Использование их потенциала способствует патриотическому воспитанию граждан, обеспечению единства многонационального народа страны, формированию в обществе атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности, неприятию экстремистской идеологии и применения насилия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Противодействие технологиям «цветных революций» // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы научно-практической конференции. М. : Российская криминологическая ассоциация: Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 20–25.
2. Деятельность прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму: состояние и тенденции к расширению полномочий. Прокуратура России: 1991–2016 гг.: сб. ст. / под общ. ред. А. Ю. Винокурова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. С. 73–79.
3. Задачи прокуратуры Российской Федерации по противодействию экстремизму и терроризму в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3 (53). С. 37–46.

«ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК ПРЕДТЕЧА ТЕРРОРИЗМА

А. Б. Опокин

старший преподаватель кафедры публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления
alopokin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические вопросы опасности «цветных революций» в крупных городах. Также рассмотрены проблемы организации и деятельности правоохранительных органов, обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность во время «цветной революции».

Ключевые слова: преступление, террористический акт, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, правопорядок

"COLOUR REVOLUTION" AS A FORERUNNER OF TERRORISM

A. B. Opokin

Senior Lecturer at the Department of Public Law and Legal Support of Management, Institute of Public Administration and Law, State University of Management
alopokin@yandex.ru

Abstract. The article discusses the theoretical and practical issues of the danger of "colour revolutions" in large cities. The problems of organization and activity of law enforcement agencies ensuring law and order and public safety during the "colour revolution" are also considered.

Keywords: crime, terrorist act, law enforcement agencies, law enforcement activities, law enforcement agencies, law and order

В общем смысле под революцией в правовом поле принято понимать незаконный, как правило, насильственный захват власти у законно избранной, совершенный с применением насилия. Существует и множество революционных ситуаций, например, низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут, либо не хотят управлять по-новому.

Существует много разновидностей революций, допустим насильственные и ненасильственные, которые стали появляться в наши дни.

В связи с этим связано и появление такого нового термина, как «цветная революция». В существующее время нет точного определения понятия «цветная революция». Первым на ум приходит цвет кожи протестующих, национальность, принадлежность к расе и т. д.

По сложившиеся уже традиции под «цветной революцией» понимают смену правящего в настоящее время режима без применения актов насилия к нему протестующими. Как правило, такие протесты могут проявляться на массовых гуляниях в заранее оговоренных местах, кормлении голубей на центральных площадях городов в заранее оговоренное время и так далее.

Данный термин появился в результате исследований, проведенных учеными из различных областей знаний, в том числе и юристами. Разновидностью «цветной революции» является «тюльпановая революция», которая произошла в Киргизии.

В настоящее время можно встретить мнение, что «цветные революции» – это естественный результат развития общества той или иной страны на индустриальном этапе. Такая ситуация может возникать, когда действующий режим ограничивает гражданские права и свободы, а политические условия препятствуют устранению этих ограничений.

Можно утверждать, что цветная революция и ее виды – это новая форма войны одного государства против другого или новая форма экстремизма.

Информационная атака одного государства на другое о необходимости проведения «цветной революции» может осуществляться через международные социальные сити, как правило, в такие революции втягивают неокрепшие умы подрастающего поколения – несовершеннолетних, школьников, студентов. Подстрекателями или пособниками «цветной революции» могут быть и другие граждане государства, как правило, их признают иностранными агентами. «Цветные революции» чаще всего происходят в крупных городах, поэтому правоохранительная деятельность в таких городах должна быть усилена.

Зарождающийся процесс «цветных революций» очень опасен для государств с федеративным устройством. Можно выделить следующие виды «цветных революций»: параллельная – протекающая в нескольких близко расположенных субъектах и движущаяся к центру столицы, чтобы свергнуть федеральное руководство, и встречная – протекающая в центре и одновременно нескольких субъектах, когда революционные массы движутся навстречу друг другу.

Правоохранительная деятельность в соответствующих городах (и не только в них) должна быть направлена на: борьбу с преступностью, обеспечение законности и общественной безопасности, защиту прав и свобод граждан, обеспечение неотвратимости реакции государства в лице правоохранительных органов (и не только их) на любые нарушения закона, быстрое и полное раскрытие преступлений (административных правонарушений), изобличение и привлечение в первую очередь к уголовной ответственности лиц, их совершивших, профилактику правонарушений, взаимодействие с физическими лицами и различными общественными образованиями в борьбе с преступностью.

Подчеркнем, что обязанность обеспечения правопорядка в Российской Федерации в целом и в ее субъектах, включая крупные города, целиком и полностью возложена исключительно на государственные органы, среди которых ключевое место занимают правоохранительные. К данному выводу можно прийти, изучив некоторые статьи основного закона государства Конституции, например, ст. ст. 2, 7, ч.1 ст. 45, 71, 72, 114 и др.

Среди главных правоохранительных органов, в деятельность которых входит охрана государственных интересов Российского государства является Федеральная служба безопасности – ФСБ России. Ниже приведем список ее полномочий:

1) контрразведывательная деятельность;
2) борьба с терроризмом;
3) борьба с преступностью;
4) разведывательная деятельность;
5) пограничная деятельность;
6) обеспечение информационной безопасности.

Борьба с терроризмом – это деятельность, осуществляемая ФСБ и ее подразделениями, а также должностными лицами указанных органов и подразделений, по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов посредством проведения оперативно-боевых и иных мероприятий.

Основаниями для проведения органами мероприятий по борьбе с терроризмом являются:

1) необходимость пресечения террористического акта;
2) необходимость выявления лиц, причастных к подготовке и совершению террористического акта;
3) необходимость добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу терроризма.

Следующим правоохранительным органом можно назвать МВД – Министерство внутренних дел и его подразделения, среди которых можно назвать полицию.

Основными задачами МВД России являются:

1. выработка и реализация государственной политики в сфере внутренних дел;
2. нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел;
3. обеспечение федерального государственного контроля (надзора) в сфере внутренних дел;
4. обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности, предоставление государственных услуг в сфере внутренних дел органами внутренних дел Российской Федерации (*далее* органы внутренних дел).

Деятельность полиции в России осуществляется по следующим основным направлениям:

1. защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;
2. предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;
3. выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам;
4. розыск лиц;
5. производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний;
6. обеспечение правопорядка в общественных местах;
7. обеспечение безопасности дорожного движения;
8. государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц;
9. осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

ПЕРСПЕКТИВА СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА И МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»

Т. А. Сакоян

соискатель Института востоковедения
Национальной академии наук Республики Армения
ассистент-преподаватель кафедры № 1 Научно-учебного центра
Службы национальной безопасности Республики Армения
taron-saqoyan@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные международные отношения, их перспективы, а также те международные реалии, которые влияют и могут влиять на трансформацию действующего миропорядка. Однако данная трансформация, с учетом создавшейся в международных отношениях общей картины, подразумевает многополярную систему, что наверняка обеспечит мирное сосуществование и развитие государств и человечества в целом. Такой подход позволит качественно противостоять вызовам, которые стоят перед мировым сообществом.

Ключевые слова: миропорядок, международные отношения, силовые центры, трансформация, многополярная система, международный терроризм, информационные войны

PERSPECTIVE OF THE WORLD ORDER AND THE WORLD POLITICAL PROCESS: INFORMATIVE WARS AND "COLOUR REVOLUTIONS"

T. A. Sakoyan

Competitor of the Institute of Oriental Studies
of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Assistant Teacher of Department No. 1 of the Scientific and Educational Center
of the National Security Service of the Republic of Armenia
taron-saqoyan@rambler.ru

Abstract. The article discusses modern international relations, their perspectives, and international perspectives that influence and can influence the transformation of the current world order. However, this transformation, taking into account the general picture created in international relations, should imply a multipolar system, which will ensure the peaceful coexistence and development of states and humanity as a whole. This approach

will also make it possible to very effectively exist the challenges that the world community is facing.

Keywords: world order, international relationships, power centers, transformation, multipolar system, international terrorism, informative wars

Термин «миропорядок» есть достаточно устойчивое состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и силовых центров. Примерами таких временно устойчивых миропорядков обычно называют *Вестфальскую систему* сложившихся европейских государственных образований в XVII в. (1648) [История зарубежных стран … 2007], *Венскую систему* [Понасенков, Сакоян, 2015], представлявшую из себя систему правил взаимодействия европейских держав, версальско-вашингтонскую систему, которая образовалась по результатам Первой мировой войны, *ялтинско-потсдамскую систему* создания мирового взаимодействия на базе ООН после Второй мировой войны [Сакоян Т., Сакоян А., 2015], *биполярную систему* взаимоотношений противостоящих общественно-политических систем и соответствующих «лагерей» государств в период «холодной войны» [Басистов, Ежова, 2005]. А затем – *однополярная система* под эгидой США после окончания «холодной войны». Однако победившая в ней сторона (Запад) не оформила ее результаты в виде международного документа.

Периоды относительной устойчивости и баланса, обычно длившиеся десятилетия, всегда перемежались периодами слома прежнего миропорядка. В XX столетии эти этапы дважды принимали форму мировых войн, а на исходе века – форму распада одной из великих держав и связанного с ней альянса стран. С начала 1990-х гг. в международных отношениях происходит очередная перегруппировка сил и интересов, форм политического взаимодействия, и она еще не завершена. Новые устойчивые правила международного взаимодействия с 1991 г. по настоящее время пока не сложились. В силу этого проблемно применение риторики «кризиса миропорядка» к международным тенденциям, наметившимся после 2014 г., когда началось новое обострение отношений между Россией и Западом. Слом миропорядка произошел ранее, в результате распада СССР, мировой системы социализма и системы союзнических отношений в рамках «восточного» (Варшавский договор) полюса биполярной системы. Можем считать, что сложились

неписаные правила поведения на международной арене, которые более-менее соблюдались как Россией, так и западными державами. Хотя это не закрепилось в виде договора, но стороны де-факто исходили из принципа баланса сил. С одной стороны, вначале новая Россия отказывалась от попыток удержать в орбите влияния бывшие союзные республики и обернувшихся к Западу (НАТО и ЕС) бывших восточно-европейских союзников по Варшавскому договору. С другой стороны, западные державы и организации (включая Евросоюз и НАТО, а также ОБСЕ, Совет Европы и др.) в течение 1990-х гг. признавали постсоветское пространство (за исключением Балтии) регионом преимущественного влияния Москвы. Этот «полупорядок» прекратил свое существование в 1999 г., когда Россия начала противиться действиям НАТО в Югославии. Она показала, что без Москвы нельзя решать судьбу Югославии и менять архитектуру безопасности в центре Европы. Период относительного российского изоляционизма закончился, сменившись с 2000 г. периодом внешнеполитического активизма и возвращения Россией статуса мировой державы. Началось постепенное вовлечение западных стран и организаций в конфликтное урегулирование на постсоветском пространстве, заметно расширились масштабы экономического и политического внедрения Запада. В своей мюнхенской речи (февраль 2007 г.) президент РФ В. В. Путин осудил однополярную систему мировой политики и объявил о значительной растущей роли России в мировой политике и международных отношениях [Мухаев, 2010]. В дальнейшем, в виде статей В. В. Путин изложил свои видения касающихся внешней политики России[1]. Из первоочередных задач В. В. Путина стала идея создания Евразийского союза. Одним из ее идеологов был Л. Гумилев [Гумилев, 2009]. Российский политолог А. Дугин идею евразийства поднял на новую ступень – как четвертую политическую теорию (после либерализма, социализма и фашизма). Эту идею он именует национальной, а русских – имперским народом. Политическая деятельность Дугина направлена на создание евразийской державы во главе с Россией [Дугин, 1997]. Однако некоторые влиятельные представители научной и политической элиты Запада осудили идеи и планы Москвы на этот счет [Бжезинский, 1998].

[1]Путин В. В., Россия: национальный вопрос, 23.01.2012. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national¬.h-tml и Об историческом единстве русских и украинцев, 12.07.2021. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66181 (ссылки даны: 13.09.2021).

Постсоветский «полупорядок» можно трактовать как становление в первое постсоветское десятилетие поколения интеграционных четырех международных структур незападного типа – Содружества Независимых Государств, Союзного государства России и Беларуси, ЕврАзЭС и параллельное формирование из Европы международных институтов и механизмов, «охватывающих» и вовлекающих бывшие советские республики: приглашение всех выпавших из состава СССР республик-государств (включая азиатские и южнокавказские) в состав ОБСЕ, создание Североатлантического совета сотрудничества (впоследствии переименованного в Совет евроатлантического партнерства), а также развертывание натовской программы «Партнерство во имя мира», которые также охватили все страны, «выпавшие» из Варшавского Договора, и все бывшие республики СССР. Механизмами этого «полупорядка» позже стали Программа «Восточного партнерства» Евросоюза, Совет Россия–НАТО и Совет Украина–НАТО. Своеобразный «кризис» этой системы связующих международных институтов, причем кризис, растянутый по времени на всё десятилетие 2000-х гг., произошел в формах раскола СНГ и постепенного ослабления его механизмов, возникновения конкурирующих группировок ГУАМ и ОДКБ, разделения стран на склонившихся в сторону НАТО и ЕС с одной стороны и вошедших в незападные интегративные объединения ОДКБ, ШОС, Евразийский союз – с другой.

В среде постсоветских государств сложился принцип многовекторности внешней политики, означающий, что их большинство должно постоянно поддерживать сбалансированные отношения одновременно с Москвой, Вашингтоном, Брюсселем, Пекином, Тегераном, Анкарой. Москва и сама ведет многовекторную политику с США, ЕС, Китаем, время от времени меняет позицию в отношении Турции[1]. Кстати, турецкий эксперт Бюлент Арас, характеризуя российско-турецкие отношения, назвал их соревновательным сотрудничеством[2]. Москва пытается выстроить свою политику в отношениях с мировыми державами и силовыми центрами. Это проявляется в провозглашенном после 2014 г. «повороте России на Восток».

[1]Как Россия ответит Турции за сбитый над Сирией Су-24, 25.11.2015. URL: https://ria.ru/20151125/1328042771.html?fbclid=IwAR1xoFl8wjX7EYomccKdn4dnCBi5yDuY8UXKv94-6pvyEzRysKjSmQUh_V4 ; а также Владимиром Путиным получено послание Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, 27.06.2016. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/copy/52282 (ссылки даны: 13.09.2021).

[2]Буря на Кавказе, под редакцией Пухова Р. Н. М., 2021. С. 34.

Проявления современного кризиса миропорядка многочисленны и разнообразны: обострение общеполитической международной напряженности, включая ухудшение отношений между мировыми державами; подрыв геополитической стабильности; кризис системы контроля над вооружениями и разоружением; угроза подрыва стратегической стабильности в отношениях крупнейших ядерных держав, неурегулированность старых и возникновение новых международных или интернационализированных внутренних конфликтов; кризис взаимодействия держав в рамках системы международных институтов; кризисные проявления в глобальной экономической сфере; кризис взаимодействия в гуманитарной, культурной и информационной сферах с элементами информационной войны.

Прежде всего отметим те явления и факторы, которые ведут к дестабилизации и подрыву относительной геополитической стабильности:

– значительное повышение роли негосударственных акторов международных отношений, в том числе появление деструктивных негосударственных акторов;

– расширение применения террористических методов в мировой политике; нарушение режима нераспространения и появление новых ядерных государств;

– распространение ракетных технологий, обретение новыми странами носителей средней и большой дальности для доставки ядерных и неядерных боеприпасов;

– возникновение связи между терроризмом и киберпреступностью, перенос конфронтации в киберсферу;

– неудачи при попытках достичь международных всеобъемлющих соглашений по запрещению милитаризации космоса, создающей возможность развертывания гонки космических вооружений;

– разработка сверхточных и мощных систем неядерных вооружений, способных обеспечить нанесение стратегического поражения противнику;

– развитие робототехники и дистанционно управляемой техники в военном деле.

Расшатывание геополитической стабильности сопровождается кризисом системы контроля над вооружениями и разоружения.

Целый ряд кризисных проявлений во взаимодействии через международные организации имеет иной характер, напрямую не связанный с политическим давлением Запада. К примеру, кризис СНГ как интегративного

механизма, некоторые проблемы развития Союзного государства России и Беларуси. Российской позиции противостоит комплекс обвинений со стороны Запада в отношении России в «подрыве» ею миропорядка:

Первая группа включает обвинения в подрыве Россией принципов поведения держав на международной арене посредством «силового» изменения существующих границ (имеются в виду события 2014 г., связанные с Крымом).

Ко второй группе можно отнести обвинения в поддержке со стороны России Южной Осетии и Абхазии против Грузии [Цыганок, 2010], поддержка Приднестровья, Луганска (ЛНР) и Донецка (ДНР).

Третье направлении критики – обвинения России в наращивании военной мощи, развязывании новой гонки вооружений, усилении военного присутствия в мире, в том числе на территории других государств, нарушении со стороны России ряда договоров в области контроля над вооружениями, массированном проведении разнотипных военных учений «провоцирующего характера».

Четвертая группа охватывает обвинения России в информационной «агрессивности», инициировании информационной войны, распространении «ложной новостной пропаганды», т. е. фактически в формировании и спланированном распространении новой антизападной идеологии, а также поддержке политических сил антигосударственной направленности в западном мире.

Для преобразования миропорядка в многополярную систему нужна последовательная работа. Главное – сугубо мирным путем. Существенным шагом в этом направлении было бы проведение давно назревшего реформирования ООН и некоторого реструктурирования Совета Безопасности ООН.

В современных условиях особую актуальность проблемам обеспечения безопасности придает тот факт, что мировое сообщество столкнулось с новой угрозой – целенаправленной информационной войной, которую ведут террористические организации при поддержке ряда государств. Война нацелена на изменение политической системы общества путем оказания негативного воздействия на морально-психологическое состояние населения страны. Возможности достижения указанной цели путем задействования компонентов информационной сферы показались потенциальным агрессорам более привлекательными: нет разрушения материальных ценностей, не нужны большие затраты на подготовку войн и их ведение, нет потерь своей живой силы, и боевые действия можно

вести с любой территории. Члены экстремистских организаций активно используют новые технологии, в том числе Интернет, для распространения экстремистских материалов, привлечения в свои ряды новых членов и координации противоправной деятельности.

Актуальность политологического анализа информационного противодействия терроризму определяется следующими обстоятельствами.

Во-первых, информационно-психологический терроризм трансформировался в новый вид деятельности, ориентированный на использование различных форм и методов негативного воздействия на общественное сознание населения страны, социальные представления целевых аудиторий, индивидуальную психику физических лиц. Общественные отношения, складывающиеся в процессе сбора, обработки, хранения, передачи и распространения информации, превратились во влиятельные факторы политического, экономического, социального и духовного характера. При этом информация и информационные ресурсы приобрели стратегический статус и зачастую выступают в роли важного инструмента для достижения политически значимых целей. А задействование указанного инструмента деструктивными силами ведет к возникновению принципиально новых угроз реализации политической власти в стране.

Во-вторых, одной из основных тенденций террористической деятельности в современных условиях стало стремительное развитие террористическими организациями собственной информационно-пропагандистской инфраструктуры и использование современных информационно-коммуникационных технологий в целях дезорганизации нормального функционирования органов государственной власти, дестабилизации обстановки, демонстрации сил и возможностей террористов, пропаганды террористической идеологии и т. п. В отношении этого человечество убедилось в ходе последних лет и событий, когда Аль-Каида, ИГИЛ (ДАИШ) (запрещенные в РФ организации) и другие террористические организации с помощью интернет-сети активно вели вербовочную работу, значительно пополняя свои ряды во многих странах мира[1].

В-третьих, сегодня информационное противодействие терроризму является предметом особого интереса каждого государства, о чем свидетельствует выделение необходимости совершенствования системы

[1]ИГИЛ совершенствует методы внутренней связи и вербовки, используя каналы «темной паутины», 07.02.2017. URL: https://news.un.org/ru/story/2017/02/1299651 (дата обращения: 14.09.2021).

информационного противодействия терроризму в одну из основных задач профилактики (предупреждения) терроризма, а также необходимости выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им, повышение защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских организаций, иностранных спецслужб и пропагандистских структур.

Традиционные СМИ без преувеличения можно назвать важнейшими инструментами в технологии смены политических режимов, особенно в странах постсоветского пространства. В Грузии, на Украине и в Киргизии к началу «цветных революций» существовала определенная свобода СМИ, созданная во многом в угоду требованиям Запада в рамках программ по демократизации обществ. Подобная ситуация позволила оппозиционным силам усилить свое информационно-пропагандистское воздействие накануне и во время «революций». Журналисты располагали возможностью критиковать власть и непосредственно высшее руководство страны, чем и пользовались оппозиционеры. Начиная с конца 2000-х гг., не без активного участия Запада и ее информационного влияния, произошли смены авторитарных режимов также и во многих арабских странах, которые, однако, сопровождались свойственной Востоку жестокостью [Васильев, 2018].

Обобщая и констатируя причинно-следственные связи вышеупомянутых процессов, отметим следующее: перспективы современного миропорядка и мировых процессов во многом зависят также от межличностных отношений мировых лидеров, от сути и степени их амбиций и выборов путей для их реализаций. В то же время важное значение имеют факторы (геополитические, экономические, идеологические и т. д.), которыми обусловлены отношения между державами. Важная роль должна отводится СМИ, которые должны представлять объективную картину событий. Им нужно отказаться от агитации революционных идей. Поскольку, эволюционное развитие (демократизация какого-либо общества) наиболее продуктивно. Но для этого общества должны иметь высокое культурное и гражданское самосознание, что достигается в результате долгого и тяжелого процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История зарубежных стран: Энциклопедия. М. : Росмэн-Пресс, 2007.
2. Понасенков Е. Н., Сакоян Т. А. Характер и цели антифранцузских коалиций // Мхитар Гош. 2015. Вып. 2 (43). С. 186–193.

3. Сакоян Т. А., Сакоян А. К. Взгляд на истоки и результаты Второй мировой войны // Инновации в современном мире: сб. ст. Международной научно-практической конференции, 10 сентября 2015 года. М. : РИО ЕФИР, 2015. С. 11–14.
4. Басистов Ю. В., Ежова Г. В. Под знаком красной звезды: Группа советских войск в Германии 1945–1994. СПб., 2005.
5. Мухаев Р. Т. Политология: учебник. М. : Проспект, 2010.
6. Гумилев Л. Н. История Евразии. М. : Алгоритм, 2009.
7. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М. : Арктогея, 1997.
8. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.
9. Цыганок А. Д. Россия на Южном Кавказе: грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 г. М. : АИРО– XXI, 2010.
10. Васильев А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М. : Центрполиграф, 2018.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРОРИЗМА КАК ФЕНОМЕНА БЕЗОПАСНОСТИ

М. Т. Томич

магистр академических исследований, ассистент Факультета безопасности Белградского университета, Белград, Республика Сербия, milosttomic@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматривается то, каким образом общество воспринимает терроризм. Автор показывает, что в основном это восприятие обусловлено применением СМИ определенных шаблонов передачи информации о терактах с неизбежным использованием различных метафор с целью привлечь внимание зрителя с помощью сенсации. Автором делается вывод о том, что развитие телекоммуникационных технологий и их легкая доступность для широких социальных слоев позволяют быстро распространять различные типы информации, особенно с тревожным содержанием. Цель данной статьи – описать симбиотическую связь, которая реализуется между средствами массовой информации и терроризмом с негативными последствиями для безопасности личности и за ее пределами.

Ключевые слова: средства массовой информации, симбиотические связи, восприятие граждан, террористические организации

COMMUNICATION ASPECTS OF TERRORISM AS A SECURITY PHENOMENON

M. T. Tomic

Master of Academic Studies, Assistant of the Faculty of Security, Belgrade University Belgrade, Republic of Serbia, milosttomic@yahoo.com

Abstract. The article examines how society perceives terrorism. The author shows that, basically, this perception is due to the use of certain media patterns of transmitting information about terrorist attacks with the inevitable use of various metaphors in order to attract the viewer's attention with a sensation. The author concludes that the development of telecommunication technologies and their easy accessibility for broad social strata allow for the rapid dissemination of various types of information, especially with disturbing content. The purpose of this article is to describe the symbiotic relationship that is realized between the media and terrorism with negative consequences for the security of the individual and beyond.

Keywords: mass media, symbiotic bonds, citizens' perception, terrorist organizations

Введение

Важность средств массовой информации в повседневной жизни граждан особенно проявляются в возникновении кризисных ситуаций, когда условия для нормального функционирования общества и государства довольно сложны. В этом случае установленный политический, экономический или социальный порядок претерпевает значительные искажения, и сообщество оправданно ожидает максимальной доступности любого типа информации, которую могут предоставить только средства массовой информации. Соответственно, Грабер утверждает, что средства массовой информации представляют собой источник информации, объяснения и различных типов интерпретаций [Graber, 1980]. Широкое медиапространство, наряду с постоянным совершенствованием технологий, на которых основаны современные медиаресурсы, в том числе более, чем легкая доступность, позволили террористическим организациям без труда достигать своих политических целей. С другой стороны, широкая огласка террористических актов в средствах массовой информации находится в прямом противоречии с антитеррористической деятельностью служб безопасности[1].

В условиях социальной дистрофии средства массовой информации могут стать мощным средством манипуляции, которые люди используют, чтобы выиграть или сохранить позиции власти, т. е. для выполнения своих политических целей. Таким образом, террористические организации, предпринимая насильственные действия для достижения политических целей, также посылают сигнал общественности и, таким образом, вступают в особые коммуникационные отношения с окружающей средой. Таким образом, террористическую деятельность можно рассматривать как особую форму передачи сообщения целевой группе населения. Само сообщение, по сути, содержит символические элементы, которые в свободном понимании предназначены для потенциальных жертв, с одной стороны, и заинтересованных новобранцев, с другой.

Одна из пропагандистских целей террористических организаций состоит в том, чтобы проинформировать большее количество людей о своем нападении, что позволит в дальнейшем процессе коммуникации: 1) заручиться поддержкой единомышленников для этого типа агрессивного политического поведения; 2) запугать оппонентов. Славуевич заявляет, что «терроризм – это комбинация тайного политического общения

[1]Например, теракт в Вашингтоне в 1997 г.

(внутри групп и между ними) и форм публичного общения (через рекламу и собственные средства массовой информации), которое происходит вне институциональных конституционных и юридических процедур и в основном в форме невербального общения, а именно пропаганда действием или пропаганда оружием» [Славујевић, 1999].

Склонность СМИ сообщать о террористических актах может быть частично оправдана экзистенциальной потребностью человека в безопасных условиях жизни. Общество, которое подвергается террористическому насилию, затем пытается обеспечить себя необходимой информацией, постоянно отслеживая все виды средств массовой информации (радио, телевидение, социальные сети, газеты). Кроме того, ряд исследователей [Paletz, Schmid, 1992; Zelizer, Allan, 2011] сосредоточили свое внимание на негативных последствиях, которые террористические атаки неизбежно оказывают на население, в то время как причина этих событий часто остается в тени качественных и количественных показателей, восприятия терроризма гражданами. В этом контексте цель данной статьи – описать негативную связь, которая реализуется между средствами массовой информации и террористическими организациями в среде современных демократических обществ.

Концептуализация терроризма как невоенной угрозы безопасности

В научной литературе нет единого определения терроризма, что частично указывает на сложность этого явления. В большом количестве научных работ, изучающих терроризм как невоенную угрозу безопасности, исследователи в основном пытаются предложить собственное определение терроризма. А именно – под термином «терроризм» обычно подразумевают разные понятия, или одни и те же авторы используют этот термин для разных объяснений с частым применением схожих методов исследования [Стајић, 2011]. Кроме того, терроризм как феномен угрозы безопасности адаптировался к конкретным социально-историческим этапам развития всей человеческой цивилизации, и именно поэтому необходимо применять комплексный подход к анализу всех теоретических и методологических форм терроризма. Такой способ исследования способствует более эффективному различению обывательской и академической терминологической интерпретации.

Терроризм означает разные вещи для разных групп людей – политиков, ученых и юристов (которые давно пытаются определить, какой вид насилия характеризует терроризм) – в разных ситуациях [Gaines, Miller, 2008]. Само значение этого термина постепенно менялось, особенно за последние двести лет [Barnett, Reynolds, 2009]. Лакуер заявляет, что «ни одно существующее определение терроризма не может включать все разновидности (типы) терроризма, которые появлялись на протяжении всей истории [Laqueur, 2001]. В период с 1936 по 1986 год в литературе было около ста определений терроризма [Schmid, 1984]. Некоторые из них похожи, а другие кардинально отличаются и зависят от предлагаемой проекции собственной программы автора [Abdullah, 2014]. Из большого количества существующих определений терроризма мы выделяем следующие.

Оксфордский словарь английского языка определяет терроризм как использование насилия и запугивания для достижения политических целей; неофициальное и несанкционированное применение насилия и запугивания для достижения политических целей [Oxford Dictionary of English, 2005][1]. В обоих случаях упор делается на использование различных видов насильственных средств для достижения чисто политических целей.

Обычно используется определение, предложенное Федеральным бюро расследований США (*The Federal Bureau of Investigation* – FBI), которое определяет терроризм как незаконное применение силы (или насилия) против человека или собственности с последующим запугиванием политических властей, всего населения или его части для социальных, политических или иных целей [Biernatzki, 2002]. Также эта организация предлагает классификацию терроризма на международный и внутренний. Международные террористические акты совершаются отдельными лицами или группами, вдохновленными и связанными с определенными иностранными террористическими организациями или группами, склонными к этому виду незаконной деятельности при государственной поддержке. Террористические акты внутри государства совершаются отдельными лицами или группами, вдохновленными и связанными с определенными внутренними движениями / силами, которые отстаивают крайние идеологии политического, религиозного, социального, расового или экологического характера[2].

[1]Подробнее см. URL: https://blog.oup.com/2015/11/meaning-of-terrorism/

[2]Подробнее читайте на: https://www.fbi.gov/investigate/terrorism

Терроризм определяется как акт физического насилия, предмет которого выбирается таким образом, чтобы вызвать сильные психологические реакции, в первую очередь страх, в широком кругу людей в надежде, что они помогут сохранить или изменить поведение, которое важно для достижения политической цели, если такой акт не оправдан общими интересами, определяемыми независимо от него, и, если он не осуществляется в соответствии с правилами, обычно применяемыми к социальным формам осуществления власти [Димитријевић, 1982].

Хоффман утверждает, что «терроризм призван оставлять психологические эффекты, которые существенно влияют на целевой объект нападения [Hoffman, 2006]. Основная цель террористов – посеять страх в определенной аудитории, которая может включать соперничающие этнические группы, политические партии, национальное правительство или даже всю страну [там же]. Таким образом, терроризм как явление безопасности характеризуется целенаправленным созданием и распространением страха с помощью широкого спектра средств общественной коммуникации (СМИ), которые в этом случае выполняют функцию передачи сообщения. Как заметил Брайан Дженкинс, «терроризм – это продукт свободы, особенно свободы СМИ» (цит. по: [Biernatzki, 2002]).

Влияние средств массовой информации на общественное восприятие терроризма

В конце XX века информационная революция оказывает существенное влияние на большое количество социальных процессов, то есть трансформация общества во всех сферах становится ярко выраженной. В сегодняшних условиях информирование общественности на актуальные темы в стране и за рубежом имеет значительную функцию формирования сознания граждан. В ситуациях, когда происходят теракты, интерес общественности резко возрастает, т. е. решающей становится информация о том, кто совершил нападение, сколько ущерба, есть ли жертвы, был ли арестован преступник, есть ли у него помощники и политическая подоплека нападения.

Передача сообщений о насильственных террористических атаках осуществляется через устоявшиеся шаблоны СМИ с использованием различных метафор, чтобы привлечь внимание общественности сенсацией. Спенсер утверждает, что, используя метафоры, СМИ оказывают

огромное влияние на общественное восприятие, общественное отношение и понимание терроризма [Spencer, 2012]. Анализируя заголовки СМИ в газете The Sun, автор заявляет, что после 9 сентября 2001 г. СМИ использовали общие концептуальные платформы для рассмотрения терроризма и террористических атак, наиболее распространенными из которых являются:

1) терроризм – это война,
2) терроризм – преступление,
3) терроризм – это «нецивилизованное зло»,
4) терроризм – это болезнь [там же].

Метафорическое использование термина «война» в репортажах о террористических атаках направлено на «эффектное» описание всех неудобств, которые неизбежно возникают в результате такого нападения. Объединения граждан, связанные с войной и состоянием войны, можно свести к нескольким наиболее важным из них: беспорядки, насилие, неуверенность и страх перед военной силой врага. В качестве примера применения этой метафоры к конкретному случаю Спенсер приводит британский военный ответ терроризму через участие в операции «Свобода» в 2001 г. [там же]. Военный ответ заключался в отправке тысяч членов вооруженных формирований со сложной техникой для борьбы с террористами, так что Афганистан подходит для объяснения терроризма, который представляет собой войну [Donohue, 2007]. Следовательно, только объявление войны террористам означает запуск всех субъектов и сил государства с целью обеспечения наиболее эффективного военного ответа.

Следующая используемая метафора: «терроризм – это преступление» [Hülsse, Spencer, 2008]. В этом заявлении подчеркивается незаконная деятельность, направленная против общего благополучия общества. Использование этого типа метафоры обращается уже не к вооруженным силам, а к судебной системе, и обычно включает поддержку реализации существующих и новых правовых решений в качестве способа противодействия терроризму [Spencer, 2012]. Более того, судебные органы эффективно криминализируют деятельность террористических организаций и тем самым способствуют улучшению состояния национальной безопасности. Кроме того, силы системы национальной безопасности (армия, полиция, разведка и службы безопасности) принимают конкретные упреждающие и ретроактивные

меры, чтобы снизить уязвимость общества. Следует подчеркнуть, что указанные типы метафор («терроризм – это война» и «терроризм – преступление») не противоречат друг другу, а тесно связаны между собой. А именно – судебные органы своими решениями могут ускорить и обеспечить военное реагирование на террористическую угрозу, т. е. выполнение нормативно-правовых положений обеспечивает (материально-техническую) поддержку всех видов «борьбы» с террористами. В качестве идеального примера утверждения о том, что судебная власть (как ветвь власти) ускоряет реакцию государства (включая военную) на любую форму террористического насилия, мы можем привести документы, принятые после 2001 г. в Великобритании, а именно – Закон 2001 г. о борьбе с терроризмом, преступностью и безопасностью (*Anti-terrorism, Crime and Security Act 2001* – ATCSA); Закон 2005 г. о предупреждении терроризма (*Prevention of Terrorism Act 2005*); Закон о терроризме 2006 г. (*Terrorism Act of 2006*) [Beckman, 2007].

Третья метафора, используемая средствами массовой информации для воздействия на общественное восприятие терроризма, – «терроризм как "нецивилизованное зло"». Объявление терроризма нецивилизованным злом ведет к конкретной и четкой поляризации действующих лиц, ответственных за нападение, от объекта нападения, жертвы [Lazar, Michelle, 2004]. Стигматизация терроризма как зла напрямую связана с тем, что тех, кто поддерживает или, возможно, помогает террористам, также можно считать злом [Spencer, 2012]. Таким образом, метафора «терроризм – это зло», требует, чтобы граждане и государство решали, на чьей они стороне [Rediehs, 2002]. Используя эту метафору, СМИ влияют на восприятие терроризма гражданами, исключая необходимость выяснения причин теракта.

Последняя метафора, которую СМИ используют, сообщая обществу, при формировании их взглядов, – это «терроризм как болезнь». Данная метафора включает в себя такие ключевые понятия, как «отвращение», «психопатия» и «сумасшествие» [Spencer, 2012]. Эти термины составляют представление о том, что терроризм – неизлечимая болезнь, и больных ей необходимо изолировать и устранить как угрозу [там же].

Влияние терроризма на отношение, мнения и убеждения общественности может быть частично подтверждено определенным потенциалом террористических организаций вызывать различные психологические реакции. Рубин и другие подтвердили этот тезис, проведя опрос граждан США и Великобритании о терроризме и его последствиях

[Rubin et al., 2005]. А именно – психологический стресс жителей Лондона после взрыва в 2005 г. намного меньше, чем стресс у граждан США сразу после теракта в 2001 г. Этот результат может указывать на различия в самом характере атаки или во времени проведения опроса (период времени для проведения опроса после нападения в США значительно больше) и может указывать на относительно больший опыт лондонских граждан в отношении терроризма (террористические акты Ирландской революционной армии) или повышенная готовность граждан (постоянное информирование британских семей о терроризме осуществляется через средства массовой информации) [там же].

Тематическое исследование, проведенное в Университете Мэриленда, является еще одним идеальным примером, подтверждающим сильную роль СМИ в общественном восприятии терроризма. Респондентам в США было задано несколько вопросов о терроризме, который, среди прочего, явился причиной войны в Ираке. Их ответы коррелировали с ежедневным мониторингом сообщений СМИ. Из общего числа респондентов 68 % считают, что иракское правительство принимало непосредственное участие в терактах 11 сентября 2001 г. Тогда как 13 % респондентов считают, что это подтверждают конкретные доказательства, 53 % утверждают, что террористическая организация Аль-Каида и правительство Ирака напрямую связаны, 48 % считают, что исламский народ поддерживает агрессию Ирака, а 35 % полагают, что это нападение сделает исламский мир стабильнее и безопаснее [Kull et al., 2003].

Симбиотическая связь СМИ и терроризма

Изучение взаимосвязи СМИ и терроризма не является полностью теоретически обоснованным, что может быть истолковано как следствие дифференцированной научной практики большого числа исследователей. Конкретная операционализация концепции терроризма зависит от самих исследователей, которые базируют свои знания в различных областях науки. Обнадеживает то, что в последние несколько лет, а точнее после террористических атак в сентябре 2001 г. в США, исследовательский центр ряда авторов был сосредоточен на изучении симбиотической связи, установленной между террористическими организациями и средствами массовой информации. Бирнацки утверждает, что после теракта 2001 г. в очень короткие сроки было издано несколько книг, связанных с терроризмом [Biernatzki, 2002]. Из них чаще всего в научной литературе цитируется

следующие: книга «How Did this Happen?: Terrorism and the New War» [Rose, Hoge, 2001]; «The War on Terrorism and the Terror of God» [Griffith, 2002]; «The age of terror: America and the world after September 11» [Talbott, Chanda, 2009].

Разнообразие (с постоянным увеличением) средств массовой информации и их свободный доступ дают возможность многим людям быть в курсе всех актуальных тем, которые привлекают внимание большого числа читателей. В нынешних условиях жизни мы можем свободно говорить о «медиа-обществе», которое в кризисных ситуациях имеет версию теоремы Томаса: если CNN определит ситуацию как кризис, это действительно будет кризис со всеми его последствиями. СМИ стали одной из ключевых движущих сил кризисного мира [Кековић, Кешетовић, 2006]. Таким образом, СМИ стремятся интенсивно освещать две категории событий:

1. СМИ интересуются зловещей перспективой и нынешней игрой в мега-катастрофы с большим количеством потенциальных или нынешних жертв и масштабами физического ущерба.

2. СМИ проявляют особый интерес к типично субъективным категориям кризисов, характеризующихся безумием, паникой и коллективным стрессом, которые могут ослабить нормативную структуру общества [Кековић, Кешетовић, 2006; McLuhan, 1994].

Освещение в СМИ участившихся террористических атак и их разрушительных последствий становится частью повседневной общественной жизни. Икбал объясняет, что в последние годы СМИ стали основным источником информации для большинства населения, и при этом они убеждают людей в своей беспристрастности и объективности [Iqbal, 2015] (см. рис. 1). Напротив, Кунчик и Зипфель [Кунцзик, Зипфел, 1998] подчеркивают, что под давлением – ведь актуальные новости должны выпускаться постоянно, – пределы ответственности в отношении освещения терроризма часто превышаются.

В нынешних социальных, политических и экономических условиях большой объем информации в основном доступен через Интернет, телевидение и большое количество социальных платформ[1] [Enache, 2012]. Некоторые авторы даже заявляют, что большинство населения информируется о текущих событиях преимущественно через социальные сети, а не через традиционные СМИ (телевидение, радио и газеты) [Galily et al., 2016].

[1]Социальные сети, такие как Facebook, Instagram, Viber, Twitter, WhatsApp.

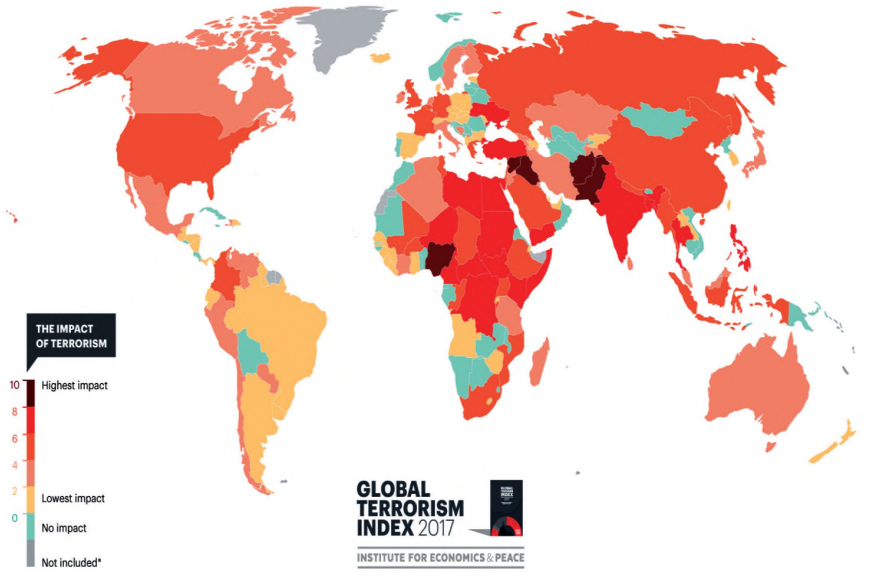

Рис. 1. Глобальный индекс терроризма [Institute for economics and peace, URL] https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Global%20Terrorism%20Index%202017%20%284%29.pdf

Конкретную взаимосвязь между СМИ и терроризмом можно увидеть при всестороннем анализе отдельных террористических атак, которые были переданы через различные средства связи. Взрыв в 2013 г. во время марафона в американском городе Бостон лучше всего иллюстрирует ситуацию, в которой различные платформы социальных сетей стали источником информации на месте, и как новости могут распространяться за очень короткое время в глобальном масштабе [Galily et al., 2016]. За первые 10 мин взрыв заметили около 750 тыс. человек, а через 24 часа после атаки было опубликовано около 3,5 млн твитов. Через несколько дней после инцидента полиция объявила в своем официальном Twitter-аккаунте, что преступник лишен свободы [там же]. Таким образом, эта террористическая атака служит идеальным примером того, как социальные сети могут играть двойную роль: как передатчики тревожных новостей и как передатчики информации успокаивающего содержания для общественного мнения.

Теракт, произошедший в Финляндии 18 августа 2017 г., – еще один пример, подтверждающий конкретную связь между СМИ (в данном

случае газетами) и терроризмом. Подробный репортаж об этом событии был передан через финскую газету Helsinki Times. Тейвайнен заявляет, что Helsinki Times в своих репортажах скорее избегала называть этот тип насильственных событий террористическим актом. Скорее, использовались фразы: «преступление, совершенное с террористическим намерением», «что считается первым терактом», «нападение с ножом», «жестокость, в результате которой два человека погибли и восемь получили ранения» [Teivainen, 2017]. Более того, автор отмечает, что Helsinki Times никогда не сообщала имена всех подозреваемых, задержанных полицией, при этом особое внимание было уделено освобождению этих лиц из-под стражи. Также интересно, что Helsinki Times внесла значительный вклад в дискуссию об ужесточении миграционной политики Финляндии, опубликовав определенные статьи о мигрантах. После этого нападения и ознакомления общественности через средства массовой информации (газеты) с большей частью информации о самом террористическом акте, автор заявляет, что финская общественность отмечает рост антиэмиграционной напряженности при поддержке властей. Именно этот факт можно считать ключевым для объяснения того, что СМИ уделяют внимание дискуссии об эмиграционных законах [там же]. Таким образом, в этом случае СМИ становятся эффективным инструментом, когда государственная эмиграционная 13 мерам могут быть вызваны недостаточным освещением в СМИ. В качестве типичного примера «помощи» средств массовой информации террористическим группам Уайт приводит случай, когда группа журналистов входит в зону безопасности (пожарную зону) на свой страх и риск, несмотря на предупреждения, где находятся заложники и команды спасателей, принятие необходимых мер в прямом телетрансляции [White, 2003]. В этой ситуации террористические группы, просматривая радио или телевизионную программу, получают преимущество [Ross, 2007]. При захвате здания Бней-Брит в Вашингтоне 1977 года мусульманами-ханафитами произошло то же, что мы описали выше [там же].

Утверждение, что между СМИ и терроризмом существует определенная связь, оспаривается французским социологом Мишелем Вивьоркой (Michel Wieviorka)[1]. В своей книге «Общество и терроризм» (Sociétés et terrorisme)[2] автор представил и теоретически описал четы-

[1]URL: https://erc.europa.eu/erc_member/michel-wieviorka

[2]Оригинальное издание книги на французском языке, но часто используется (цитируется) на английском языке, переведено и отредактировано Дэвидом Гордоном.

ре модели, необходимые для анализа взаимоотношений СМИ и терроризма. Первая модель называется «чистое безразличие» – террористические организации не собираются запугивать целевую группу без террористической пропаганды; вторая модель – «относительное безразличие» – преступники безразличны к информации, новостям о террористическом насилии; третья модель – это стратегия, ориентированная на СМИ: террористические организации используют СМИ как инструмент для распространения сообщений с угрозами. Четвертая модель – это «тотальный разрыв» – при ней террористы рассматривают СМИ, редакторов и журналистов как своих величайших врагов [Wieviorka, 1993].

Из-за волнений граждан и возможного подрыва доверия к институтам, ответственным за противодействие терроризму, политические деятели пытаются повлиять на дозированное размещение определенных видов информации [Томич, 2019]. Однако этот вид деятельности не может полностью повлиять на террористическую пропаганду и ее конечный результат. Накос называет этот тип коммуникации политическим (рис. 2) из-за того, что в процесс вовлечены следующие субъекты: СМИ, общественность и политические деятели (лица, принимающие решения) [Nacos, 2006]. Если террористы привлекают внимание средств массовой информации, общественности и правительственных чиновников, то их победа гарантирована [Zulaika, William, 1996].

Рис. 2. Политическая коммуникация [Nacos, 2006]

Растущую доступность информации через СМИ об увеличивающемся количестве террористических атак можно рассматривать как следствие всё более широкого использования современных

телекоммуникационных технологий. В своей статье Норрис и другие описывают текущее состояние освещения в СМИ международного терроризма в 1970–1980-х гг. [Norris, Montague, Marion, 2003]. А именно, авторы подчеркивают, что американские СМИ уделяли большое внимание террористическим атакам, которые имели место по всему миру, при том, что только 20 % всех терактов, совершенных до сих пор, были задокументированы на трех крупнейших телеканалах в США.

После 11 сентября 2001 г. освещение террористических событий в СМИ резко изменилось. В то время теракты транслировались с места событий (в прямом эфире), и более миллиона человек имели возможность наблюдать непосредственный ход всей ситуации [Galily et al., 2016]. Освещение террористических актов в СМИ в основном базируется на рассмотрении аспекта виктимизации ни в чем не повинных граждан; негативных образов террористических организаций с Ближнего Востока; а также дегуманизации непосредственных исполнителей нападения, при этом сообщению и, возможно, расследованию причин нападения особого внимания не уделяется [Altheide, 2007].

Гареева и другие провели исследование базы данных медиаконтента с особым упором на аналитические сообщения и комментарии, опубликованные в телевизионных новостях на CNN (Cable News Network) в течение 2015 и 2016 гг. [Gareeva et al., 2016]. За этот период во всем мире произошло 30 крупных террористических атак, в результате которых на CNN было опубликовано около 8685 сообщений, связанных с терроризмом. Анализируя содержание дальше, авторы заметили, что термин «терроризм» упоминается в 3839 сообщениях, термин «террор» – в 2910 сообщениях, а «террористический акт» – в 1936 сообщениях [там же]. Более детальный анализ показал, что 30 % информации относится к расследованию террористического акта, 20 % – к информации о превентивной деятельности спецслужб, изоляции террористов и их наказании, а 20 % информации – к террористам. самих себя, своих биографий и совершенных преступлений [там же]. Последние три типа сообщений охватили 10 % от общего количества: отчеты об успехах борьбы с терроризмом, информация о жертвах атак и информация о развитии новых технологий для мониторинга и преследования террористов [там же]. Исследователь Чо и его коллеги приходят к выводу, что драматические изображения террористических атак, транслируемые по телевидению, вызывают значительно более сильную эмоциональную реакцию у публики, чем классические газетные репортажи [Cho et al., 2003].

Заключение

Как асимметричная угроза безопасности терроризм становится проблемой, с которой сталкивается большое количество стран по всему миру. Ускоренное развитие современных технологий, информационная революция и их массовое использование предоставили возможность каждому человеку получить подробную информацию обо всех текущих темах и проблемах, которые могут нарушить нормальное функционирование повседневной деятельности. Такой способ коммуникации позволил средствам массовой информации быстрее и проще передавать текущую информацию общественности. После теракта в США 11 сентября 2001 г. терроризм превратился в событие для СМИ, прежде всего потому, что он привлек больше внимания общественности, чем любой другой тип насилия.

С помощью средств массовой информации большинство терактов осталось бы незамеченными, то есть публичность этого вида политического насилия становится незначительной. Соответственно, симбиотическая связь между средствами массовой информации и терроризмом представляет собой специфическое явление безопасности, которое имеет негативные последствия для безопасности ряда различных справочных объектов (отдельных лиц, сообществ, государства или международного сообщества).

Решающий вопрос, который привел к исследованию потенциальной связи (взаимоотношений) между СМИ и терроризмом, заключается в том, есть ли влияние СМИ на общественное восприятие терроризма? Хоффман говорит, что установившаяся связь между СМИ и терроризмом оказывает негативное влияние на общественность и лиц, принимающих политические решения, в двух случаях [Hoffman, 2003]. В первом случае личный страх перед терроризмом проявляется в отмене туристических поездок и других поездок. Во-вторых, давление, оказываемое на лиц, принимающих решения, особенно сильно проявляется в кризисных ситуациях, среди которых террористические атаки в силу их частоты занимают высокое место [Hoffman, 2003; Kešetović, 2011]. СМИ и терроризм, руководствуясь своими ближайшими целями, в совокупности способствуют созданию состояния общей неопределенности, с помощью которого возможны различные манипуляции общественностью. Таким образом, восприятие гражданами терроризма как явления безопасности, которое может поставить под угрозу их жизнь, зависит от средств массовой информации и их сообщений.

Средства массовой информации, осуществляя свою регулярную деятельность по передаче информации о терроризме, становятся инструментом, с помощью которого террористические организации достигают своих целей. Страх и чувство незащищенности, вызываемые обществом в этом случае, оказывают сильное влияние на все ведущие учреждения, отвечающие за принятие мер по эффективному противодействию террористическим атакам. Условно говоря, современные формы террористической деятельности в нынешнюю информационную и телекоммуникационную эпоху мы можем рассматривать как особую форму политической коммуникации. Знание новых способов пропаганды (при содействии средств массовой информации) террористических организаций должно позволить разработать контртеррористическую стратегию, которая, в соответствии с принципом сплоченности, обеспечивает возможность сотрудничества всех государственных организаций в стратегическом, оперативном и тактический уровень.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Graber, D. (1980). Crime News and the Public. New York: Praeger.
2. Славујевић, З. (1999). Политичко комуницирање, политичка пропаганда, политички маркетинг. Београд: Графокард.
3. Paletz, D., Schmid, P. (1992). Terrorism and the Media. New York: Sage Publications, Inc., Newbury Park.
4. Zelizer, B., & Allan, S. (Eds.). (2011). Journalism after september 11. London: Taylor & Francis.
5. Стајић, Љ. (2011). Основи система безбедности. Нови Сад: Правни факултет.
6. Gaines, L. & Miller, R. (2008). Criminal Justice in Action. Wadsworth: Thomson.
7. Barnett, B. & Reynolds, A. (2009). Terrorism and the Press: An Uneasy Relationship. New York: Peter Lang Publishing, Inc.
8. Laqueur, W. (2001). A History of Terrorism. New Jersey: Transaction.
9. Schmid, A. (1984). Political Terrorism: A Research Guide to Concept, Theories, Databasis and Literature. Amsterdam: North Holland Pub.
10. Abdullah, S. A. N. (2014). A study of reporting about terrorism on two pan-Arab television news channels. (Doctoral Dissertation). University of Leicester. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hdl.handle.net/2381/37235
11. Oxford Dictionary of English (2005). Oxford Dictionary of English 2nd edn., revised. Oxford: Oxford University Press
12. Biernatzki, W. E. (2002). Terrorism and mass media. Communication Research Trends, 21(1), 1–3.
13. Димитријевић, В. (1982). Тероризам. Београд: Радничка штампа.
14. Hoffman, B. (2006). Inside Terrorism (Revised and Expanded Edition). New York: Columbia University Press.

15. Spencer, A. (2012). The Social Construction of Terrorism: Media, metaphors and policy implications. Journal of International Relations and Development, 15, 393–419.
16. Donohue, Laura K. (2007). 'Britain's Counterterrorism Policy', in Doron Zimmermann and Andreas Wenger, eds, How States Fight Terrorism: Policy Dynamics in the West. London: Lynne Rienner.
17. Hülsse, R., & Spencer, A. (2008). The metaphor of terror: Terrorism studies and the constructivist turn. Security Dialogue, 39(6), 571–592.
18. Beckman, J. (2007). Comparative Legal Approaches to Homeland Security and Anti-Terrorism, Aldershot: Ashgate.
19. Lazar, A. and Michelle, L. (2004). 'The Discourse of the New World Order: "Out-casting" the Double Face of Threat', Discourse & Society 15(2–3), 223–42.
20. Rediehs, L. J. (2002). 'Evil', in John Collins and Ross Glover, eds, Collateral Language: A User's Guide to America's New War. New York, NY: New York University Press.
21. Rubin, G. J. et al. (2005) / G. J.,Rubin, C. R., Brewin, N., Greenberg, J., Simpson, & S. Wessely. Psychological and behavioural reactions to the bombings in London on 7 July 2005: cross sectional survey of a representative sample of Londoners. Bmj, 331(7517), 606.
22. Kull, S. et al. (2003) / S., Kull, C., Ramsay, S., Subias, E. Lewis, & P. Warf. Misperceptions, the Media and the Iraq War, Program on International Policy Attitudes. Maryland: University of Maryland.
23. Rose, G., & Hoge, J. F. (Eds.). (2001). How Did this Happen?: Terrorism and the New War. New York: Public Affairs.
24. Griffith, L. (2002). The War on Terrorism and the Terror of God. Grand Rapids, MI/ Cambridge, UK: William B. Eerdmans Publishing Company.
25. Talbott, S., & Chanda, N. (2009). The age of terror: America and the world after September 11. New York: Basic Books.
26. Кековић, З., Кешетовић, Ж. (2006). Кризни менаџмент и превенција кризе. Београд: Факултет безбедности.
27. McLuhan, M. (1994). Understanding media: The extensions of man. MIT press.
28. Iqbal, M. Z. (2015). The Media-Terrorism Symbiosis: A case study of Mumbai attacks, 2008.Asian Journal of Communication, 25(2), 197–212.
29. Кунцзик, М., Зипфел, А. (1998).Увод у публицистичку знаност и комуникологију, Загреб : Заклада Фриедрих Еберт.
30. Enache, A. M. (2012). Terrorism as Media Event. Acta Universitatis Danubius: Communicatio, 6(1), 61–76.
31. Galily, Y. et al. (2016). The Boston Game and the ISIS Match: Terrorism, media and sport / Y., Galily, M.,Yarchi, I., Tamir, & T. Samuel-Azran. American Behavioral Scientist, 60(9), 1057–1076.
32. Institute for economics and peace (2017). Global terrorism index. https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2017
33. Teivainen, A. (2017). KRP: Turku terror suspect's identity has been confirmed. Helsinki: Helsinki Times.
34. White, J. (2003) Terrorism: An Introduction. Belmont, CA: Wadsworth.

35. Ross, J. (2007). Deconstructing the terrorism–news media relationship. Crime, media, culture, 3(2), 215–225.
36. Wieviorka, M. (1993). The Making of Terrorism. Chicago: University of Chicago Press.
37. Томич, М. (2019). Политическая коррупция и кризис легитимности. Москва: Московский государственный областной университет.
38. Nacos, B. L. (2006). Terrorism / Counterterrorism and Media in the Age of Global Communication. In United Nations University Global Seminar Second Shimame-Yamaguchi Session, Terrorism–A Global Challenge. New York: United Nations University.
39. Zulaika, J. and William A. D. (1996). Terror and Taboo: The Follies, Fables, and Faces of Terrorism. New York: Routledge.
40. Norris, P., Montague K., and Marion J. (2003). Framing Terrorism: The News Media, The Governments and The Public. New York, NY: Routledge.
41. Altheide, D. L. (2007). The Mass Media and Terrorism. Discourse and Communication, 1(3), 287–308.
42. Gareeva, K. A. et al. (2016). Threatening Symbiosis of Mass Media and Terrorism / K. A., Gareeva, A. G., Bolashkov, A. Ivanov & E. A. Teryoshina. Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict, 20(2), 19–24.
43. Cho, J., et al. (2003). Media, Terrorism and Emotionality: Emotional differences in media content and public reactions to September 11th terrorist attacks / J., Cho, M. P., Boyle, H., Keum, M. D., Shevy, D. M., McLeod, D. V. Shah, & Z. Pan. Journal of Broadcasting and Electronic Media, 47(3), 309–327.
44. Hoffman, B. (2003). Unutrašnji terorizam. Beograd: Alfa.
45. Kešetović, Ž. (2011). Terrorism and tourist industry–Media influences in sharing risk perceptions. Journal of criminalistic and law, 1(1), 19–34.

СЕКЦИЯ II
ПРОБЛЕМЫ МИРА И КОНФЛИКТОВ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

«ХАЛЯЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ» МУСУЛЬМАН В ШОТЛАНДИИ: К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ВЫЗОВАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

А. Р. Агабабов, Е. Н. Савинова

Агабабов А. Р., аспирант кафедры политологии и государственной политики факультет государственного, муниципального управления и экономики народного хозяйства
Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС,
aagababov@mail.ru

Савинова Е. Н., кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и государственной политики факультет государственного, муниципального управления и экономики народного хозяйства
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
SavinovaE.N@yandex.ru

Аннотация. Авторы рассматривают проблему интеграции мусульманского этно-конфессионального меньшинства в Шотландии. По мнению авторов, пример Шотландии показывает, что в конкретной региональной державе разные силы общества способны совместно находить ответы на социокультурные вызовы современного мира. Об этом свидетельствует «халяльная интеграция» шотландских мусульман, позволяющая им менее болезненно интегрироваться во многие сферы жизни шотландского общества, сохранив свою этно-конфессиональную самобытность и идентичность.

Ключевые слова: Шотландия, мусульмане, интеграция, идентичность, политический процесс, Великобритания

"HALAL INTEGRATION" OF MUSLIMS IN SCOTLAND: TO THE QUESTION OF SOCIO-CULTURAL CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR REGIONAL POWERS IN A CHANGING WORLD

A. R. Agababov, E. N. Savinova

Agababov A. R., PhD Student at the Department
of Political Science and Public Policy
Faculty of State, Municipal Management and National Economy Economics Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA
aagababov@mail.ru

Savinova E. N., PhD (Political Science), Associate Prof. at the Department
of Political Science and Public Policy Faculty of State,
Municipal Management and National Economy Economics Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA
SavinovaE.N@yandex.ru

Abstract. The authors consider the problem of integration of the Muslim ethno-confessional minority in Scotland. According to the authors, the example of Scotland shows that in a particular regional power, different forces of society are able to jointly find answers to the socio-cultural challenges of the modern world. This is evidenced by the "halal integration" of Scottish Muslims, which allows them to integrate less painfully into many spheres of life of Scottish society, while preserving their ethno-confessional identity.

Keywords: Scotland, Muslims, integration, identity, political process, Great Britain

События, произошедшие летом 2021 года в Афганистане, стали очередным геополитическим социокультурным вызовом, который уже начали на себе ощущать многие страны мира, в том числе, в Западной Европе. Новая волна беженцев-мусульман грозит захлестнуть, среди прочих, и Соединенное Королевство. В этой связи вполне уместным будет взглянуть на уже сложившиеся формы интеграции мусульманского этно-конфессионального меньшинства в названной стране. Тем более, что опыт Шотландии в рассматриваемом вопросе может быть охарактеризован как весьма небезуспешный. В конце концов, для благополучного и стабильного развития полиэтнического общества вопросы гармоничного сосуществования государствообразующего этноса и меньшинств имеют основополагающее значение.

Повышение интереса к проблеме интеграции мусульман как наиболее заметной этно-конфессиональной группе Британии наблюдается с 1970-х гг. Отметим, что термин «интеграция», используемый нами, касается, прежде всего, социокультурного аспекта процесса, в котором мусульмане оказались обязанными (и / или сами захотели) участвовать. На наш взгляд, социокультурные аспекты интеграции мусульман главным образом вращаются вокруг сохранения их самобытной идентичности и обычаев. Поэтому далее нами будут рассмотрены стратегии, основанные на поколенческих и религиозных характеристиках, которые в совокупности обозначаются как «халяльная интеграция». Это относится к жизни шотландских адептов ислама, которых иногда называют «халяльными шотландцами» – теми, кто интегрировался во многие аспекты шотландского общества, сохранив религиозную самобытность и обычаи. Некоторыми примерами такой интеграции являются альтернативные способы общения, такие как встречи в кафе, проведение семейных и общественных мероприятий в безалкогольной среде, а также участие в волонтерской и благотворительной работе.

Следует сказать, что мусульмане в Англии вели (и большинство продолжают вести до сих пор) отдельную, неинтегрированную жизнь (хотя различные исследования показали, что в 2000-х гг. процесс смешения мусульман с местным коренным населением немного активизировался) [Simpson, URL]. Впрочем, этно-конфессиональная самобытность мусульман и раньше, и теперь привычно трактуется британским истеблишментом как благоприятная социокультурная среда для появления потенциальных экстремистов внутри общества.

Напротив, мусульмане в шотландском контексте довольно быстро стали демонстрировать интегрированный образ жизни, что, отчасти, было связано с малочисленностью адептов ислама в Шотландии [Hussain, Miller, 2006; Penrose, Howard, 2008]. Например, исследования показывают, что и мусульмане, и представители немусульманских групп населения считают, что интеграция в Шотландии проходит легче, чем в Англии (более того, около 60 % шотландцев считают, что мусульмане в Шотландии хорошо интегрированы в повседневную шотландскую жизнь) [British Council Scotland Survey, URL]. Как утверждают А. Хуссейн и В. Миллер, такому положению дел способствовал тот факт, что шотландская идентичность была принята мусульманами как инструмент собственной интеграции, а не разделения [Hussain, Miller, 2006].

Отметим, что важность интеграции заключается в том, что некоторые группы меньшинств, в том числе мусульмане, часто стремятся сохранить свой собственный образ жизни, а также научить такому образу жизни своих детей, в то время как принимающая страна пытается сохранять чувство общей национальной идентичности и культурно-исторической преемственности. В данном контексте проблема всегда рассматривалась, как вопрос поиска способов включить меньшинства в общую социокультурную парадигму, чтобы общество могло обеспечить свою целостность, удовлетворив стремления меньшинств к сохранению заветного для них образа жизни. Поэтому в динамично меняющемся мире для многих стран включение новых членов в общество становится всё более важным вопросом. Ответы разных ученых на этот вопрос в основном касаются концепций ассимиляции и интеграции.

Ассимиляция относится к процессу, в котором вновь прибывшие становятся похожими на принимающее их общество, тогда как термин «интеграция», в основном предложенный мультикультуралистами, относится к состоянию признания и уважения. Термин «интеграция» является дискуссионным, так как отсутствует единое определение или теория интеграции иммигрантов [Phillimore, Goodson, 2008].

Один из распространенных теоретических подходов к интеграции гласит, что интеграцию следует отличать от ассимиляции. Например, такой признанный исследователь, как Д. Пфеффер предлагает три основных различия [Pfeffer, 2014].

Во-первых, на основе интеграции принимающее общество должно ориентироваться на законы, предусматривающие такое включение в социокультурное пространство иммигрантов, чтобы их разнообразные обычаи уважали и принимали; основываясь же на ассимиляции, принимающая сторона должна смягчить различия между меньшинствами и большинством населения.

Во-вторых, ассимиляция часто является однонаправленным процессом, поскольку она возлагает большую часть ожиданий на иммигрантов. И, наоборот, интеграцию следует рассматривать как диалогический процесс, означающий, что она должна быть достигнута посредством сотрудничества и обсуждений обеих сторон [там же].

Наконец, интеграция может быть определена степенью участия принимающего общества, а не степенью сходства с ним меньшинства. Иными словами, интеграция требует сближения с либерально-демократическими ценностями, что не означает отказа тех или иных этно-конфессиональных групп от традиционных обрядов [там же].

Интеграция иммигрантов также часто обсуждается и теоретизируется с более практической точки зрения, что подчеркивает связь между социально-функциональными аспектами и влиянием государства. Помимо социальных и структурно-институциональных проблем, барьеры в отношениях и культуре также имеют значение для понимания механизмов интеграции меньшинств. Это связано с такими вопросами, как отношения с принимающим сообществом, важность сохранения собственных культурных связей, общих ценностей и необходимость обеспечения безопасности. С этой точки зрения более наглядно подчеркивается важность социокультурных аспектов, таких как религиозные границы и поведенческие различия.

Религия и религиозная идентичность для многих мусульман имеют ключевое значение для понимания того, кем они являются и каким должно быть их поведение во всех сферах жизни. Неудивительно, что отдельные исследователи видят в религиозной идентичности адептов ислама границы для успешной интеграции последних [Joppke, 2012].

Действительно, религиозные рамки существенно влияют на социокультурную интеграцию мусульман, поскольку воздействуют на их более широкие отношения с немусульманским большинством в повседневной жизни. Так, Д. Якобсон подчеркивает различия в моделях общения между мусульманами и немусульманами, предполагая, что факт активного употребления алкоголя большинством молодых британцев может привести к изоляции (и самоизоляции) мусульман [Jacobson, 1997].

Следовательно, религиозная идентичность и обычаи мусульман могут функционировать в качестве культурной границы, барьера, или же, напротив, выступать инструментом усиления интеграции. Тем не менее отношение мусульман к означенному вопросу может варьироваться в зависимости от степени их приверженности религии [Maliepaard, Phalet, 2012]. Поэтому разговор о религиозной идентичности мусульман (применительно к проблеме их интеграции) уместно вести, исходя из того, насколько активно они практикуют ислам.

Практикующие мусульмане – это те, кто полностью привержен религии и соблюдает исламские законы, особенно «пять столпов ислама».

Напротив, не практикующими являются люди, идентифицирующие себя как мусульмане с точки зрения культуры, этнической принадлежности или рождения, но не выполняющие никаких религиозных обрядов, таких как «пять столпов ислама» или не соблюдающих предписаний о том, что можно принимать в качестве пищи, а что – нет.

Менее практикующие мусульмане – это те, кто не вписывается в первые две категории. Это относится к тем людям, которые называют себя мусульманами, но практикуют не все исламские правила – например, они не читают ежедневную молитву или не соблюдают пост во время Рамадана, но они все еще следуют некоторым другим правилам: отказываются от алкоголя и употребляют только халяльное мясо.

Интеграция мусульман может видоизменяться в зависимости от принадлежности адептов ислама к тому или иному поколению. Так, ценностные различия, связанные с повседневной жизнью, могут потребовать от мусульман второго поколения изменений культурных кодов и разработки различных стратегий сохранения своей идентичности. В данной связи Т. Модуд и Д. Пфеффер, подчеркивая долгосрочный и межпоколенческий характер интеграции, утверждают, что в некоторых сферах общественной жизни интеграция второго поколения мусульман всё еще остается проблематичной [Modood, 2007; Pfeffer, 2014]. Так, например, К. Куреши и С. Мурс отмечают, что молодые британские мусульмане живут между двумя наборами культурных ценностей: с одной стороны – социальным миром семьи, мусульманской общины и религии, а с другой – миром западной культуры, постигаемой через образование и СМИ [Qureshi, Moores, 1999]. В этом контексте исламская традиция делает любой переход между этими системами ценностей особенно трудным для второго поколения [там же].

Так или иначе, можно выделить несколько основных направлений интеграции адептов ислама в Шотландии, первым из которых следовало бы назвать заведение друзей и общение с представителями коренного большинства (шотландских немусульман). Образовательные учреждения, такие как школа и университет, становятся основными местами, в которых этно-конфессиональные меньшинства устанавливают дружеские отношения с членами группы большинства. Это может означать важность учебных заведений в развитии социальных связей юных представителей этно-конфессиональных меньшинств с большинством. Еще одним важным аспектом, связанным со школой, является тот факт, что, когда появляется больше шансов для личного знакомства с мусульманами, это способствует формированию доброжелательного отношения к ним со стороны коренных шотландцев. Если в рамках учебного заведения немусульмане находятся в тесном контакте с мусульманами, то первые могут ближе познакомиться со вторыми, что позволяет уменьшить предрассудки и развить дружеские отношения. Такие

контакты снижают исламофобию и искореняют предвзятое отношение к адептам ислама, что значительно облегчает процесс социокультурного сближения и делает процесс интеграции мусульман более эффективным. Однако данные различных исследований свидетельствуют о том, что, когда эти дружеские контакты развиваются на более позднем этапе жизни, для них появляются дополнительные социокультурные барьеры. Так, если дружеские отношения развиваются вне учебного заведения, мусульмане сталкиваются с определенными ограничениями. Например, традиция предписывает им для общения дневное время и безалкогольную среду. В результате, когда, например, распитие алкоголя становится центральным событием в шотландских пабах, мусульмане вынуждены ограничивать свои социальные контакты с коренными шотландцами, предпочитая общаться с единоверцами, что выливается в социокультурную самоизоляцию.

В плане интеграции происходит следующее. Менее религиозные мусульмане начинают проявлять гибкость в отношении своих шотландских друзей в вопросе употребления алкоголя, а те, кто вообще не религиозен, еще больше повышает свои шансы для более глубокой интеграции, не имея названных социокультурных барьеров в развитии дружбы с коренными шотландцами.

Другой формой социальной интеграции, предпочитаемой шотландскими мусульманами, является организация и/или участие в совместных социальных мероприятиях, таких как волонтерская работа, а также межконфессиональные и благотворительные мероприятия. Важность этой формы обусловлена активной ролью мусульман в организации и осуществлении названной деятельности, что также указывает на заинтересованность адептов ислама в собственной гражданской интеграции. Популярность социальных мероприятий и волонтерства среди мусульман (особенно второго поколения) может быть обусловлена отсутствием необходимости употреблять алкоголь в рамках общения с местным населением, а также с удовлетворением религиозных потребностей мусульман в части благотворительной помощи нуждающимся.

Участие в спортивных мероприятиях является еще одним механизмом социокультурной интеграции мусульман в Шотландии. Для приверженцев ислама спорт является приемлемой социальной сферой, в которой они могут достаточно активно развивать свое взаимодействие с коренным шотландским населением (поскольку спорт дистанцируется

от этно-конфессиональных противоречий, провозглашает мирное сосуществование и не связан с алкоголем).

Таким образом, можно констатировать, что, хотя мусульмане в Шотландии сталкиваются с различными социальными и культурными барьерами, они пытаются вписаться в различные аспекты жизни шотландского общества, и эти попытки в совокупности можно назвать стратегией «халяльной интеграции», что означает включение приверженцев ислама в социокультурное пространство шотландского общество при сохранении исламской религиозной идентичности.

Несмотря на то, что принятие данной стратегии подразумевает важность религиозной идентичности мусульман, на практике «халяльная интеграция» варьируется в зависимости от динамики поколений и религиозной практики. Учитывая важность динамики поколений, интеграция мусульман второго поколения зачастую проявляется сильнее, чем первого. Более тесная интеграция мусульман второго поколения происходит благодаря шотландскому образованию, знанию английского языка и большей уверенности в социализации (благодаря активному общению со своими сверстниками, представляющими коренных шотландцев). Активная интеграция проявляется в заинтересованности более молодых мусульман в собственном участии в общественной и гражданской жизни Шотландии. Поэтому наши выводы бросают вызов упрощенному представлению о мусульманах как о людях, живущих параллельной жизнью, характеризующейся социокультурной сегрегацией.

Другой важной проблемой, которая может повлиять на интеграцию мусульман, являются религиозные обряды и моральные принципы (например, отказ от потребления алкоголя и недопущение присутствия там, где он подается). Мусульмане, которые более лояльно относятся к проблеме потребления алкоголя, имеют и более тесные отношения с коренными шотландцами. Интеграция же мусульман, сильнее приверженных правилам соблюдения религиозных предписаний, наоборот, существенно ограничена безалкогольным окружением и дневным временем общения. Наконец, социокультурная интеграция нерелигиозных выходцев из Азии более развита, чем у религиозных или менее религиозных мусульман. Однако здесь важен пол: некоторые менее религиозные мусульманки не употребляют алкоголь и избегают мест, где его подают, а также не принимают участие в спортивных мероприятиях с представителями разных полов. Такая приверженность к воздержанию некоторых менее религиозных мусульман обусловлена давлением

семьи и / или своего этно-конфессионального сообщества, а не сугубо религиозной практикой.

Со своей стороны, шотландское общество пытается делать встречные шаги для более глубокой интеграции этно-конфессиональных меньшинств. Поскольку для мусульман важна проблема употребления алкоголя на общественных мероприятиях, там, где ожидается участие мусульман, стали предусматривать возможность проведения этих мероприятий там, где алкоголь не подается (наряду с приготовлением халяльной пищи). Если выбрать такое место не представляется возможным, то в качестве альтернативы для мусульман резервируют столики с халяльной едой и безалкогольными напитками. Такие простые шаги могут стать сильным символическим сигналом о том, что большинство шотландцев стремятся взаимодействовать с мусульманами, и что интеграция не является однонаправленным процессом. Это может помочь укрепить чувство принадлежности к Шотландии, которым уже обладают многие шотландские мусульмане.

Шотландское социокультурное и политическое пространство характеризуется как более комфортное (в сравнении с Англией) для гармоничной интеграции мусульман [Amy, McLean, Murray, 2010]. Кроме того, отношения между мусульманским и немусульманским населением в Шотландии имеют свои плюсы. В середине 1920-х годов представители мусульманских южноазиатских общин не боролись за рабочие места с большинством шотландцев, занимавшихся мелким бизнесом, а позже они поступали в образовательные учреждения и переходили к самостоятельной занятости. Даже сегодня пакистанцам принадлежит самая высокая доля среди занятых из всех этно-конфессиональных меньшинств: половина из них работает в сфере дистрибуции, отельного и ресторанного бизнеса. Они также являются наиболее представленной группой меньшинств в категории руководителей, директоров и старших должностных лиц (20 %), а также работают по специальности в сфере продажи и обслуживания клиентов (22 %). Кроме того, они покупали или арендовали жилье и, следовательно, не участвовали в конкуренции по занятию должностей государственной службы в 1950-е и 1960-е гг. Тем самым они не создали крупных проблем, а их эффективное участие в бизнесе помогло сформировать положительное общественное мнение о них [Maan, 1992].

Более того, в Шотландии англофобия может вытеснить исламофобию, что обусловлено социокультурными и ценностными барьерами, создаваемыми англичанами по линии этно-национальной принадлежности.

Эти барьеры, естественно, подпитывают тревогу и неуверенность среди шотландцев при взаимодействии со своими южными британскими соседями. Наконец, политические сигналы, исходящие от Холируда (и, особенно, от SNP) в поддержку иммиграции как способа решения демографической проблемы и достижения устойчивого экономического роста в Шотландии, заметно резонируют с мерами Вестминстера по ограничению миграционного потока.

Таким образом, пример Шотландии показывает, что в конкретной региональной державе разные силы общества (начиная от рядовых граждан и заканчивая властями) способны совместно находить ответы на социокультурные вызовы современного меняющегося мира (такие, как массовая миграция мусульман из стран Большого Ближнего Востока). Об этом свидетельствует «халяльная интеграция», позволяющая адептам ислама менее болезненно интегрироваться во многие сферы жизни шотландского общества, сохранив свою этно-конфессиональную самобытность и идентичность. Хотя, безусловно, мы не можем не отметить и тот факт, что повседневные реалии, в которых живут шотландские мусульмане, разнообразны, размыты и сложны. Это также дополняется предрассудками и приобретает оттенок ненадежности, который пока еще подпитывает социокультурные барьеры между мусульманами и немусульманами: первые могут воспринимать последних как людей с более негативным к ним отношением, чем есть на самом деле [Amy, McLean, Murray, 2010].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Simpson L. 'More Segregation or More Mixing?' Dynamics of Diversity: Evidence from the 2011 Census. Centre on Dynamics of Ethnicity (CoDE), University of Manchester. URL: www.ethnicity.ac.uk/census/869_CCSR_Bulletin_More_segregation_or_more_mixing_v7NW.pdf
2. Hussain A., Miller W. L. Multicultural Nationalism: Islamophobia, Anglophobia, and Devolution. Oxford: Oxford University Press, 2006.
3. Penrose J., Howard D. 'One Scotland, many cultures: The mutual constitution of anti-racism and place'. In C. Dwyer and C. Bressey (eds). New Geographies of Race and Racism. 2008. P. 95–112.
4. British Council Scotland Survey. Muslim Integration in Scotland. Ipsos MORI Scotland. URL: www.britishcouncil.org/scotland-society-mus lims-integration-in-scotland-report.pdf
5. Phillimore J., Goodson L. 'Making a place in the global city: The relevance of indicators of integration'. Journal of Refugee Studies. 2008. # 21(3). P. 305–325.

6. Pfeffer D. 'The integration of groups'. Ethnicities. 2014. # 14(3). P. 351–370.
7. Joppke C. The Role of the State in Cultural Integration: Trends, Challenges and Ways Ahead. Washington, DC: Migration Policy Institute, 2012.
8. Jacobson J. 'Religion and ethnicity: Dual and alternative sources of identity among young British Pakistanis'. Ethnic and Racial Studies. 1997. # 20(2). P. 238–256.
9. Maliepaard M., Phalet K. 'Social integration and religious identity expression among Dutch Muslims: The role of minority and majority group contact'. American Sociological Quarterly. 2012. # 75(2), P. 131–148.
10. Modood T. Multiculturalism: A Civic Idea. Cambridge: Polity, 2007.
11. Qureshi K. Moores S. Identity remix: Tradition and translation in the lives of young Pakistani Scots'. European Journal of Cultural Studies. 1999. # 2(3). P. 311–330.
12. Amy H., McLean C., Murray L. Muslim Integration in Scotland, Edinburgh: Ipsos MORI Scotland, 2010.
13. Maan B. The New Scots: The Story of Asians in Scotland, Edinburgh: John Donald Publishers, 1992.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И ЗАДАЧИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

С. А. Агуреев

кандидат исторических наук
доцент кафедры международных отношений
Дипломатической академии Министерства иностранных дел России
stas.agureev@mail.ru

Аннотация. В последние годы в системе международных отношений произошел ряд серьезных изменений, связанных с нарастанием противоречий между ведущими мировыми игроками – расширение военного блока НАТО на Восток к нашим границам; нарастание конкуренции между США и Китаем, обострение проблемы кибербезопасности; равно как и стремление со стороны политической элиты США и их союзников к пересмотру сложившихся принципов международной политики. Возникающие новые вызовы поставили ряд новых задач во внешней политике Российской Федерации.

Ключевые слова: безопасность, миропорядок, приоритеты внешней политики, конкуренция, мировые игроки

THE TRANSFORMATION OF THE NEW WORLD ORDER AND THE TASKS OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY: RESPONDING TO CHALLENGES AND THREATS

S. A. Agureev

PhD (History)
Associate Prof. of the Department of International relations
of the Diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry
stas.agureev@mail.ru

Abstract. In recent years, a number of serious changes have taken place in the system of international relations related to the growing contradictions between the world's leading players – the expansion of the NATO military bloc to the East to our borders; the increasing competition between the United States and China, the aggravation of the problem of cybersecurity; as well as the desire on the part of the political elite of the United States and its allies to revise the established principles of international policy. Emerging new challenges have set a number of new tasks in the foreign policy of the Russian Federation.

Keywords: security, world order, foreign policy priorities, competition, global players

Трансформация всей системы международных отношений в условиях нарастания соперничества между США и его союзниками, с одной стороны, и Китаем – с другой, что в период президентства в США Д. Трампа привело к торговой войне между Вашингтоном и Пекином, а также спешный уход американских войск из Афганистана и фактический провал санкционной политики в отношении Ирана и «Северного потока–2» поставили перед Российской Федерацией ряд новых задач внешнеполитического характера. Об этом говорил в своем выступлении на общеполитической дискуссии 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 25 сентября 2021 г. министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров. Он также отметил, что продолжают расти региональные риски, а «…право сильного всё чаще пытаются применять против силы права»[1]. Акцент в речи министра был сделан на продолжающиеся попытки снизить значение ООН, что находит применение и обоснование в политике целого ряда западных стран. США выступают с идеей созыва «саммита демократий» что, по сути, означает: «…новый идеологический "крестовый поход" против всех несогласных»[2]. Говорилось и об использовании двойных стандартов при создании Косово, вмешательстве в дела других стран и государственном перевороте на Украине. В качестве угроз министр выделил выход Вашингтона из ДРСМД, милитаризацию интернета и космического пространства, особая роль уделялась проблеме мирного урегулирования ситуации в Афганистане с учетом специфики этой страны и происходящих в ней процессов. В качестве отдельной угрозы была выделена пандемия COVID-19.

В свете сказанного министром иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавровым на Генеральной Ассамблее ООН следует отметить непрекращающиеся попытки США и их союзников оказывать санкционное давление на Россию, проведение ряда провокаций в Черном море, инициировать обвинения российской стороны в якобы «вмешательстве» в американские выборы. В этом смысле сознание значительной

[1]Выступление Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на общеполитической дискуссии 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 25 сентября 2021 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4867111 (дата обращения 27.09.2021).

[2]Там же.

части американской политической элиты живет стереотипами времен «холодной войны», а ее сознание отличается идеологизацией. Однако, как правильно отметил в своем исследовании К. Гаджиев, существенное отличие нынешней ситуации в данной сфере состоит в том, что, если в период двухполюсного миропорядка системность состояла во фронтальном противостоянии идеологий социализма и капитализма, то в современных условиях речь идет об информационно-идеолого-культурной войне, которая пронизывает не только отношения между условными Западом и Востоком, но и во всевозрастающей степени ощущается на самом Западе [Гаджиев, 2021]. При этом главными объектами этой идеолого-информационной войны выступают Китай и Россия, так как они в большей мере способны противостоять созданию однополярного мира с гегемонией США.

В этом смысле навязывание противостояния по линии США – НАТО в отношении Российской Федерации в области наращивания ракетно-ядерных вооружений [Воробьев, Каширина, Матвеев, 2018; Каширина, 2012], расширения Северо-Атлантического альянса на восток к нашим границам, а также навязывание противоборства в информационном и киберпространстве требуют от внешнеполитического и военного руководства страны дать адекватный ответ на возникшие в последние годы угрозы и вызовы. Серьезным вызовом для России и других мировых игроков является ситуация в Косово [Воробьев, Каширина, Курбацкий, 2016], где Запад в нарушение всех норм международного права опробовал крайне опасный сценарий разрушения государств с целью дестабилизации обстановки на Балканах – ослабления государств субрегиона в целях управления геополитическими процессами в нем в своих собственных интересах.

Очевидно, что сегодня Российская Федерация способна дать достойный ответ на возникающие вызовы как путем интеграционной политики в различных регионах – в рамках ШОС, ОДКБ, так и по линии ООН, где основной задачей является противодействие попыткам США уменьшить роль и значение Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, подвергнуть ревизии Устав и принципы Организации, прикрываясь необходимостью проведения комплексной реформы ООН.

Защита принципов Устава ООН невозможна без активного участия развивающихся стран, образующих «группу 77», позиции которой по различным политическим вопросам всё чаще совпадают с позиций Российской Федерации. Другой важнейшей внешнеполитической задачей

Российской Федерации является планомерное и комплексное развитие двухстороннего сотрудничества с нашими основными партнерами, как в рамках СНГ, так и за пределами постсоветского пространства, что является необходимой предпосылкой сохранения влияния страны в мире и реализации ей целого ряда экономических проектов.

Отдельной задачей является проведение сбалансированной политики в области энергобезопасности, где главным направлением для России остается осуществление энергетических проектов «Турецкий поток» и «Северный поток–2», в котором заинтересованы наши международные партнеры. Наибольшую угрозу осуществлению данных проектов представляют собой попытки со стороны США, а также политического руководства Польши, Украины и стран Балтии противодействовать их осуществлению.

Для этого США активно использует санкционные механизмы против тех стран и компаний, которые осуществляют строительство «Северного потока–2», сопровождая данные недружественные шаги фактически развернутой против России необъявленной информационной войной. Эффективным средством противодействия методам информационной войны может стать борьба с фейковыми новостями, их своевременное опровержение с указанием источников фейков, превентивные меры против их возникновения с целью донесения правдивой информации о политике России в области энергетических проектов до наших партнеров. В этом смысле приоритетным направлением должны оставаться вопросы кибербезопасности, необходимо добиваться в рамках мирового сообщества создания соответствующей правовой базы с целью не допустить военизации киберпространства.

Как отмечает Директор Департамента международной информационной безопасности А. Крутских, сегодня Интернет превращается в главную платформу для распространения не только информации, но и различного рода политических манипуляций. Основным инструментом в этом процессе являются уже не классические СМИ, а различные цифровые платформы, социальные сети и мессенджеры, которые при определенных условиях могут выступить источником дестабилизации любого общества и ресурсом давления на государственную власть [Крутских, 2021].

Еще одной проблемой современных международных отношений является ситуация в Афганистане, созданная неспособностью американцев осуществлять поставленные ими задачи по контролю за этим регионом. Следует констатировать, что их уход, больше похожий на бегство из

страны, способствовал дестабилизации в регионе, когда на фоне падения правительства страны, к власти пришил Талибан (организация, запрещенная в Российской Федерации). Изменение положения в Афганистане несет потенциальную угрозу безопасности стран Центральной Азии, равно как и возобновления наркотрафика из Афганистана через сопредельные страны в Россию и государства Евросоюза. Еще одной серьезной проблемой является неконтролируемый поток беженцев в Европу.

Для решения этих задач необходимо самое тесное сотрудничество Российской Федерации со всеми сопредельными странами, как в части обеспечения национальной безопасности, эффективного противодействия экстремизму, так и защиты границ стран ОДКБ и всего данного региона. Однако решение данной задачи требует коллективных усилий всех заинтересованных сторон в стабилизации ситуации в регионе. Весьма показательна ситуация в Афганистане и то, как Вашингтон оставляет своих союзников одних в крайне тяжелой политической ситуации, что уже обернулось катастрофой для афганского населения. Поэтому именно Россия должна играть в регионе большую роль как в обеспечении безопасности, так и в части контроля границ с Афганистаном через сотрудничество с центральноазиатскими странами.

Однако проблема Центральноазиатского региона в связи с развитием ситуации в Афганистане является многослойной. Об этом говорил в своем интервью журналу «Международная жизнь» заместитель министра иностранных дел Российской Федерации С. А. Рябков: «…хотелось бы выделить неприемлемость для нас перемещения американского военного присутствия в сопредельные с Афганистаном страны» [Рябков, 2021, с. 8]. В этом смысле любые попытки американской стороны военизировать регион Центральной Азии и увеличить в нем свое присутствие признается российской стороной в качестве угрозы. Еще большую опасность таят в себе попытки США и Великобритании к нарушению российских границ на Черном море, на что также указал С. А. Рябков в своем интервью , что также препятствует налаживанию диалога с Вашингтоном и Лондоном.

Следует констатировать, что решение целого спектра международных проблем, преодоление напряженности в современном мире, ставшее следствием кризиса и дезинтеграции американоцентричной концепции мира в последние годы требует от России всё больших усилий как в обеспечении региональной, так и глобальной безопасности, активизации сотрудничества со странами Центральной Азии и КНР,

Сербией, Бразилий, ЮАР и другими игроками на мировой арене. Главной же внешнеполитической задачей на ближайшую перспективу является строительство полицентричного мира с учетом долговременных интересов всего мирового сообщества, который приходит на смену модели Pax Americana.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаджиев К. Об идеологизации внешнеполитической стратегии США // Международная жизнь. 2021. № 7. С. 42–53.
2. Воробьев С. В., Каширина Т. В., Матвеев О. В. Подходы в РФ и США к стратегической стабильности в XX–XXI вв.: монография. М., 2018.
3. Каширина Т. В. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях в 2008–2011 гг. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2012. № 4. С. 31–39.
4. Воробьев С. В., Каширина Т. В., Курбацкий В. А. Сербские параллельные структуры власти как элемент процесса урегулирования Косовского конфликта // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 2(8). С. 87–96.
5. Крутских А. Глобальная киберповестка: дипломатическая победа // Международная жизнь. 2021. С. 4–12.
6. Рябков С. А. Само наше существование становится в их восприятии источником тревоги по поводу безусловного характера американского доминирования в мире // Международная жизнь. 2021. № 8. С. 4–13.

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ (на примере отношений КНР и АСЕАН)

К. Е. Кожухова

аспирант кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние китайской стратегической культуры на специфику взаимоотношений КНР и стран АСЕАН. Стратегико-культурная китаецентричность восприятия на международной арене и ориентация на соседние государства как на «вассалов» экстраполируется на то, что Китай всегда придавал важное значение роли АСЕАН в продвижении регионального диалога по безопасности и постоянном поиске сотрудничества в таких сферах как нетрадиционные области безопасности.

Ключевые слова: стратегическая культура, КНР, АСЕАН, международные отношения, мировая политика

CHINESE STRATEGIC CULTURE IN MODERN INTERSTATE INTERACTION (on the example of China and Asean countries relations)

K. E. Kozhukhova

PhD Student at the Department of Political Science
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University
kira.kozhuhova@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of the Chinese strategic culture on the specifics of relations between the PRC and the ASEAN countries. The strategic cultural Chinese-centric perception in the international arena and the focus on neighboring states as "vassals" is extrapolated to the fact that China has always attached great importance to the role of ASEAN in promoting regional security dialogue and constantly seeking cooperation in such areas as non-traditional security areas.

Keywords: strategic culture, China, ASEAN, international relations, world politics

В современных международных отношениях страны во внешней политике выражают национальный подход к реализации своих интересов, целей и задач. Часто внешнеполитический курс основан на поддержании мира и безопасности государства, необходимых для его существования и дальнейшего развития политической, социальной и экономической сферы. Стратегическая культура любой страны выражает традиционный подход, набор ценностей, общественных ориентаций на применение силы, ведение военных действий, организации миропорядка. В настоящее время на международной арене мы можем наблюдать своеобразный поединок стратегических культур, и часто доминация на мировой арене достигается не путем ведения прокси-войн, а с помощью реализации стратегико-культурного потенциала, гораздо более устоявшегося и имеющего долгую историю, чем новые способы ведения борьбы за место в международном взаимодействии.

Наиболее «живучей» стратегической культурой ныне обладают великие державы, в том числе и Китайская Народная Республика. Как страны, представляющие собой древние цивилизации, а не просто нации, лидеры международных отношений используют всевозможные национальные хитрости и подходы для достижения наиболее выгодных условий существования для своего государства.

Поскольку Китай является одним из древнейших государств в мире, его опыт межстранового взаимодействия и паттерны международных сношений сложились очень давно, ведь китайская стратегическая культура берет начало в глубокой древности, что отражается в традиционных китайских текстах, систематизированных Конфуцием.

В настоящее время в китайской внешней политике мы можем наблюдать конфуцианский и реалполитичный подходы, описанные А. Скобелем, которые выражаются в подчеркнуто мирном отношении к другим государствам (первый подход), но в то же время не исключается применения военной силы для нейтрализации угрозы и возвращения КНР в первоначальный статус-кво (второй подход) [Johnston, 1999]. Немаловажно и то, что традиционно Китай считает себя центром мира («Поднебесной») и стремится вернуть себе лидирующее положение, утерянное после Опиумных войн и оккупаций западными странами и Японией. Данные подходы уходят вглубь истории и имеют свои корни в философии конфуцианства, легизма и военных канонах Китая.

В XXI веке Китай придерживается ряда концепций внешней политики, которые являются выражением его стратегической культуры, как,

например, «пять принципов мирного сосуществования», «мирное возвышение / развитие», «мягкая сила», «китайская мечта», «возрождение китайской нации» и «сообщество единой судьбы человечества», а также положений разнообразных древних китайских канонов, следы которых можно увидеть в современном взаимодействии КНР с другими странами. Поскольку данные концепции являются базой китайской внешнеполитической деятельности и отражают суть стратегической культуры Китая, следует рассмотреть проявления данных черт во внешней политике Китайской Народной Республики в частных случаях международного взаимодействия.

В настоящее время можно выделить четыре основных внешнеполитических направления КНР:

– отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР);
– Американское направление;
– взаимодействие со странами Евразии и Африки посредством проекта «Один пояс – один путь»;
– Российское направление.

В отношении АТР можно выделить два вектора китайской внешней политики, наиболее ярко отражающих сущность реализации стратегической культуры КНР на практике, и пацифистскую, и реалполитическую ее стороны. Во-первых, это отношения со странами АСЕАН, во-вторых, территориальные споры в Южно-Китайском и Жёлтом морях. В данном исследовании целесообразно обратиться к рассмотрению проявления китайской стратегической культуры в отношениях КНР – АСЕАН.

Китайская Народная Республика серьезно относится к вопросу укрепления регионального партнерства в области безопасности со странами Юго-Восточной Азии, так как, руководствуясь конфуцианской стратегико-культурной парадигмой, Китай считает, что развитие мирных отношений не только приносит пользу всем участвующим сторонам, но и защищает их долгосрочные интересы, а самое главное – помогает сохранять Китаю искомый статус-кво. Дружба с соседями является одной из отличительных черт стратегической культуры КНР, китайская нация нацелена на поддержание мира и активное сотрудничество с приграничными странами для получения возможности гарантированно взаимодействовать и не оказаться в экономической и политической изоляции. Сунь-цзы говорил: «Кто искусен в военном деле, занимает такую позицию, которая делает невозможным его поражение, а потом не упускает случая нанести поражение неприятелю» [Стратагемы военного искусства, 2019, с. 225].

Китай активно участвует в механизмах «АСЕАН+3», «АСЕАН+6», кроме того, активизируется и продвигается торговля в рамках Зоны свободной торговли АСЕАН–Китай. В то же время Китай стремится к тотальному контролю своих «вассалов» и достижению полной доминации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, восстановлению своего влияния и борьбе за данную сферу международных отношений с Соединенными Штатами Америки, которые заняли место регионального гегемона с 1950-х гг.

Стратегико-культурная китаецентричность восприятия на международной арене и ориентация на соседние государства как на «вассалов» экстраполируется на то, что Китай всегда придавал важное значение роли АСЕАН в продвижении регионального диалога по безопасности и постоянном поиске сотрудничества в таких сферах, как нетрадиционные области безопасности, к примеру, усиление боеспособности для борьбы с терроризмом, постепенное увеличение числа сотрудников оборонной службы для участия в региональном форуме АСЕАН [Дунсяо, URL]. Пути к отступлению и «задел» в любой обстановке всегда имели для китайских лидеров приоритетное значение, ведь «кто искусен в военных действиях, осуществляет свои планы с великим тщанием, стремясь обезопасить себя от всяких неожиданностей и оставляя за собой возможность поправить свой план по ходу действий» [Тайный канон Китая, 2018, с. 144].

Основным внешнеполитическим рычагом китайского правительства на страны АСЕАН является торгово-экономические отношения [China, ASEAN to further strengthen trade … URL]. Обширная диаспора китайских мигрантов хуацяо [Stromseth, URL] позволяет использовать экономическое сотрудничество в качестве отправной точки и расширить сотрудничество в других сферах [Top Listed Indonesian Conglomerates … URL]. Капитал, созданный хуацяо, последние направляют на служение родины, подчеркивая традицию единения и центризма китайской нации. Китайские эмигранты хуацяо является одним из явлений легистской «мягкой силы», которая «ворует» у «варваров» на благо Тянься, а также распространяет китайскую культуру и язык по всему миру, превращаясь в «разносчиков» ценностных ориентаций Китайской Народной Республики.

Китай, опираясь на «новый взгляд на безопасность», основанный на принципах равенства, диалога, доверия и согласия, начал предпринимать ряд активных действий, выступающих за создание нового порядка безопасности, обеспечивающего подлинное взаимное уважение, взаимное сотрудничество, достижение консенсуса путем консультаций

и мирное урегулирование споров, а не запугивание, конфронтацию и навязывание своих желаний [Working for a Community … 2019]. Однако «слова действенны более, чем острие меча, и способы их применения чрезвычайно разнообразны» [Тайный канон Китая, 2018, с. 134] по словам великого полководца Цзэ Сюаня. Страгико-культурный прием «обмана» позволяет Китаю искусно маскировать свою собственную выгоду благими намерениями в пользу своих соседей и всего человечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дунсяо Ю. Китайско-Юго-восточноазиатские отношения: безопасность и развитие. URL: http://www.cdsndu.org/userfiles/file/00001/00001-20141231084839/3%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E4%B8%8E%E4%B8%9C%E5%8D%97%E4%BA%9A%E5%85%B3%E7%B3%BB%EF%BC%9A%E5%AE%89%E5%85%A8%E4%B8%8E%E5%B1%95%E6%9C%9B.pdf
2. Стратагемы военного искусства. Сунь-Цзы / сост. В. Малявин. М. : Рипол Классик, 2019.
3. Тайный канон Китая / сост. В. Малявин. М. : РИПОЛ классик, 2018.
4. China, ASEAN to further strengthen trade, economic relations // Xinhuanet, 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/10/c_138378979.htm
5. Johnston A. I. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton Studies in International History and Politics. 1999.
6. Stromseth J. The testing ground: China's rising influence in southeast Asia and regional responses. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/11/FP_20191118_china_se_asia_stromseth-2.pdf
7. Top Listed Indonesian Conglomerates with Largest Market Capitalization // Indonesia Investment, 2014. URL: https://www.indonesia-investments.com/news/todays-headlines/top-listed-indonesian-conglomerates-with-largest-market-capitalization/item2226?searchstring=Lippo%20Group
8. Working for a Community with a Shared Future for Mankind by Promoting International Cooperation and Multilateralism // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1638512.shtml

ПРОТИВОБОРСТВО МЕЖДУ США И КИТАЕМ В РАМКАХ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Р. В. Китаев

аспирант кафедры теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
romankita43@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросу противоборства между США и Китаем в рамках Индо-Тихоокеанского региона. Идея регионального пространства, охватывающего акваторию двух океанов, активно используется США для обоснования политики сдерживания Китая. Под ее эгидой США подготавливают базис для дальнейшей эскалации стратегического противостояния с КНР.

Ключевые слова: США, Китай, Индо-Тихоокеанский регион, противоборство

MODERN RIVALRY OF THE USA AND CHINA IN THE FRAMEWORK OF INDO-PACIFIC REGION

R. V. Kitaev

PhD Student at the Department of Theory and History of International Relations
Institute of International Relations and Social and Political Sciences,
Moscow State Linguistic University
romankita43@gmail.com

Abstract. The article is about the framework of Indo-Pacific region. The idea of a regional system, encompassing the water areas of two oceans, is actively used to justify the American policy of deterring China. It also serves as a foundation for further escalation of strategic rivalry with PRC.

Keywords: USA, China, Indo-Pacific region, rivalry

В последнее время взаимоотношения США и Китайской Народной Республики принимают всё более конфронтационный характер, несмотря на всё еще сохраняющиеся тесные экономические связи[1].

[1]Согласно данным Министерства Торговли США, опубликованным в марте 2021 г., Китай сохранил лидирующие позиции в американском импорте (435.4 млрд долл. США в 2020 г.). В свою очередь, экспорт США в Поднебесную также находился на высоком уровне (3-е место: 124.6 млрд долл. США в 2020 г. при росте в 17.1 % на фоне пандемии

Одной из основных линий нарастающего противоборства, констатированного администрацией Джозефа Байдена, является так называемый Индо-Тихоокеанский регион. В рамках этой геополитической концепции регионального строительства, активно вводимой в общемировой политический оборот администрацией Дональда Трампа, сосредотачиваются значительные усилия Соединенных Штатов по сдерживанию Китая в рамках внешней политики президента Байдена.

Отметим, что концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) имеет скорее японское, чем американское происхождение. Данная идея изначально была предложена правительством Синдзо Абе 22 августа 2007 г. в парламенте Республики Индия с речью, в которой отмечался тренд на «формирование новой "более обширной" Азии в слиянии Тихого и Индийского океанов» [Confluence of the Two Seas, URL]. Активная фаза оформления нового концепта регионального строительства была начата в 2016 году, как на уровне теоретического обоснования, так и на практике. Продвигая внешнеполитические инициативы сотрудничества в рамках «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»? Министерство иностранных дел Японии позиционировало его, как единое пространство, основывающееся на трех столпах [Diplomatic Bluebook 2017 … URL]:

1) распространение и укрепление верховенства закона, свободы судоходства, свободной торговли;

2) стремление к экономическому процветанию (усиление связей и т. д.);

3) обеспечение мира и стабильности.

При этом отметим, что в своих теоретических построениях японские геополитики избегали четкого обозначения круга стран, принадлежавших к новообразуемому региону. Например, в выдержках из «Синих книг по дипломатии», посвященных Индо-Тихоокеанскому региону, опубликованных на сайте МИД Японии, отсутствуют упоминания о России и Китае как ключевых игроках региона, зато уделяется много внимания одобрительным позициям США, Индии, Австралии, стран АСЕАН

Covid-19). На начало 2021 г. Китай также являлся одним из самых крупных держателей государственного долга США (2-е место после Японии на 2020 г.). Источник: 2021 Trade Policy Agenda and 2020 Annual Report // Office of the United States Trade Representative. P. 211–214 URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Trade%20Agenda/Online%20PDF%202021%20Trade%20Policy%20Agenda%20and%202020%20Annual%20Report.pdf (дата обращения: 24.10.2021).

[Japan's effort for a free … URL]. Картографическое сопровождение в тех же выдержках исключает страны Латинской Америки, имеющие прямой доступ к акватории Тихого океана [Diplomatic Bluebook 2018… URL].

Для Соединенных Штатов Америки, провозглашавших свое ключевое участие в поддержании международного порядка, в том числе и в акватории Тихого океана [National Security Strategy … 2015], идея Индо-Тихоокеанского региона оказалась весьма удобна. Развивая ее со своей стороны, США получали возможность расширить рынки сбыта собственной продукции и углубить отношения с традиционными союзниками на Тихом океане. Политика развития «индо-тихоокеанского» дискурса была оперативно закреплена в Стратегии национальной безопасности США 2017 г. Наряду с возведением Китая и России в роль «стратегических конкурентов» США, администрация Трампа обозначила и приоритеты своей региональной политики, состоявшие в укреплении взаимодействия с союзниками, в том числе и военного, обеспечения свободного экспорта американских товаров в страны ИТР, защиты свободного судоходства в океане [National Security Strategy … 2017]. Более подробно политика США в ИТР, в частности в отношении Китая была раскрыта в рассекреченных в январе 2021 г. «Контуров стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона». В этом документе США провозглашали следующие приоритеты в области взаимоотношений с Китаем [U.S. Strategic Framework … URL].

1. Воспрепятствование ущербу глобальным рынкам и конкурентоспособности экономики США из-за индустриальной политики Китая и недобросовестной торговой политики КНР.

2. Выстраивание глобального консенсуса относительно вредоносного воздействия индустриальной и торговой политики Китая на международную торговлю.

3. Продвижение ценностей США в странах региона с целями сохранения своего влияния и противостояния китайской модели правления.

4. Недопущение применения военной силы КНР против США и их союзников, развитие возможности и концепции парирования действий Китая во всех аспектах конфликта.

5. Расширение вовлечения США в политику ИТР и доведение информации об агрессивной политике Китая до сведения правительств, бизнес-сообщества, научного сообщества, СМИ, китайских студентов за рубежом и гражданского общества.

6. Сохранение промышленного превосходства США над Китаем.
7. Сотрудничество США с Китаем в областях совместных интересов.
8. Сохранение превосходства США над Китаем в области разведывательной деятельности и сдерживание разведдеятельности КНР в отношении США и их союзников.

Эти приоритеты, сформулированные администрацией Д. Трампа в 2018 г., фактически составляют ядро современной антикитайской политики команды его преемника. В геополитических построениях окружения Байдена Индо-Тихоокеанскому региону отводится одна из ключевых ролей, что было зафиксировано в Акте о стратегическом соперничестве, одобренном Конгрессом США в апреле 2021 г. В рамках ИндоТихокеанского направления противоборства с Китаем, администрация Дж. Байдена стремится обеспечить стратегическое преимущество США, основанное как на традиционных союзах (Япония, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Республика Корея) [S.1169 – Strategic Competition Act … URL], так и на принципиально новых структурах (QUAD, AUCUS). Последним уделяется ключевая роль, поскольку именно на них ложится координирующая функция во взаимодействии США и союзников на местах.

Отдельное внимание уделяется аспектам дипломатического и военного присутствия США в ИТР, с целью противодействия возможной агрессии со стороны Китая. Несмотря на то, что в официальном поле вопрос ведения войны США с КНР не рассматривается, правительство США предусматривает выделение до 150 млрд долл. займов на поддержание военной инфраструктуры стран-союзников в ИТР к 2026 г. и перераспределение собственных дипломатических работников для осуществления внешнеполитических приоритетов США в регионе [там же].

Значительное внимание уделяется и конкуренции с проектом «Один пояс – один путь» по линии инфраструктурного строительства. В качестве альтернативы китайской инициативе США позиционируют программу Build Back Better World, запущенную по итогам саммита G7 в Корнуолле в июне 2021 г. [FACT SHEET … URL]. Несмотря на кажущуюся скороспелость этого проекта, США располагает определенным инфраструктурным базисом для выстраивания конкурентной борьбы с КНР по линии ИТР. Так, в июне 2018 г. правительство США запустило проект Сети Инфраструктурных Транзакций и Взаимопомощи (*англ*. ITAN). Данная инициатива предоставляет государственным и частным компаниям стран Индо-Тихоокеанского региона возможность получения

финансирования от США для реализации инфраструктурных проектов на своей территории. В том же году был учрежден Индо-Тихоокеанский бизнес-форум. В 2019 г. США совместно с Японией и Австралией также учредили инфраструктурный проект «Сеть голубых точек» (*англ*. BlueDotNetwork). Это многоуровневая инициатива, призванная способствовать координации деятельности государственных структур, частного сектора, неправительственных организаций в области создания высококачественной инфраструктуры.

Однако, несмотря на активное санкционное давление и создание новых структур, призванных сдерживать реализацию политических планов Китая, именно Пекин в большей степени сохраняет стратегическое преимущество над оппонентом. При очевидной обеспокоенности относительно враждебных шагов США КНР показательно исключает себя из «Индо-Тихоокеанского» дискурса, продолжая поступательно развивать отношения со странами континентальной Евразии и Африки в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Вместе с этим Китай демонстрирует готовность играть на поле своих оппонентов. Весьма показательным свидетельством этого стало завершение оформления Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) совместно с Японией и странами АСЕАН без участия США в 2020 г. Даже без включения во (ВРЭП) африканских стран, это объединение представляет из себя крупнейшую в мире зону свободной торговли с примерно 2,2 млрд долл. США потребителей и объемом ВВП в 28 трлн долл. США, что составляет около 30 % от общего мирового объема ВВП (*В Азии создали крупнейшую в мире зону свободной торговли // РБК*[1]).

Относительную спорность американской стратегии противостояния с Китаем отмечают и отечественные эксперты. Так, еще в 2020 г. О. П. Ивановым были отмечены такие сдерживающие факторы, как сущностная неравнозначность партнеров США по ИТР в рамках системы сдерживания КНР, а также неоднозначная позиция Индии относительно участия в продвигаемом американцами проекте регионального строительства [Иванов, URL]. Схожей позиции придерживается А. Губин, отмечавший отсутствие принятия во внимание возможных ответных действий со стороны КНР, а также неоднозначность стратегии опоры на союзников и партнеров, в том числе для размещения дополнительных элементов Вооруженных сил США [Губин, 2021].

[1]URL: https://www.rbc.ru/economics/15/11/2020/5fb0bdb69a7947d5289e28e9

Имеет смысл констатировать, что противоборство между США и Китаем в рамках Индо-Тихоокеанского региона на современном этапе имеет характер позиционного противостояния. В рамках последовательного курса на эскалацию конфликта США, вероятнее всего, продолжат наращивание «индо-тихоокеанского» дискурса, обусловливающего политику укрепления антикитайских союзов. Вместе с тем демонстративный характер политики сдерживания Китая уравновешивается сдержанной реакцией Пекина, сохраняющего определенный стратегический перевес над Вашингтоном. С учетом складывающейся ситуации, противостояние США и Китая в настоящее время всё еще далеко от разрешения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. "Confluence of the Two Seas" Speech by H.E.Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // Ministry of Foreign Affairs of Japan (August 22, 2007) URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html
2. Diplomatic Bluebook 2017 Special Feature: Free and Open Indo-Pacific Strategy// Ministry of Foreign Affairs of Japan URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter1/c0102.html#sf03
3. Japan's effort for a free and open Indo-Pacific (March 2021) //Ministry of Foreign Affairs of Japan p.3 URL: https://www.mofa.go.jp/files/100056243.pdf
4. Diplomatic Bluebook 2018 Special Feature: Free and Open Indo-Pacific Strategy// Ministry of Foreign Affairs of Japan URL: https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2018/html/chapter1/c0102.html#sf01
5. National Security Strategy of the United States of America February 2015 // The White House. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf
6. National Security Strategy of the United States of America December 2017// The White House p.55-57 URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf
7. U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific // The White House 2021, January. p. 6–8 URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf
8. S.1169 – Strategic Competition Act of 2021 // United States Congress URL: https://www.congress.gov/117/bills/s1169/BILLS-117s1169rs.pdf
9. FACT SHEET: President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership// The White House. 2021, June 12. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/

fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/
10. Иванов О. П. Военное измерение Индо-Тихоокеанской стратегии США // Дипломатическая академия МИД России: июнь 2020 года. С. 10–12 URL: https://www.dipacademy.ru/documents/1569/Статья_О.П.Иванова.pdf
11. Губин А. Индо-Тихоокеанская головоломка: почему планам США не суждено реализоваться // Российский совет по международным делам (РСМД). 6 сентября 2021 года URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-tikhookeanskaya-golovolomka-pochemu-planam-ssha-ne-suzhdeno-realizovatsya/

СПОРТ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Е. Д. Леонтьев

аспирант кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
edl24@mail.ru

Аннотация. В статье содержится анализ специфики ведения информационных войн с целью дискредитации государства посредством политических манипуляций в области спорта. Сделан вывод, что спорт стал инструментом политического манипулирования и влияния на международной арене в ущерб спортсменам и соревнованиям, которые стали жертвами политизированных допинговых скандалов и бойкотов.

Ключевые слова: информационная война, информационные кампании, информационные технологии, спорт, Олимпийские игры, Всемирное антидопинговое агентство (WADA), Спортивный арбитражный суд

SPORTS AS ONE OF THE INFORMATION WARFARE TOOLS

E. D. Leontyev

PhD Student at the Department of Political Science,
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University
edl24@mail.ru

Abstract. The article contains an analysis of the specifics of conducting information wars in order to discredit the state through political manipulation in the field of sports. It is concluded that sport has become an instrument of political manipulation and influence in the international arena to the detriment of athletes and competitions who have become victims of politicized doping scandals and boycotts.

Keywords: information war, information campaigns, information technologies, sports, Olympic Games, The World Anti-Doping Agency (WADA), the Court of Arbitration for Sport

В конце XX века развитые страны постепенно перешли от индустриального общества к информационному, в котором основным ресурсом стала информация. В условиях глобального возрастания роли

и значения информации новые вызовы государствам и их политике стали представлять акции, ведущиеся в рамках информационных кампаний. Развитие информационных технологий оказало непосредственное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, в частности, на физическую культуру и спорт.

Спорт во всех своих проявлениях всегда был частью общественного сознания и, обладая определенными коммуникативными функциями, с успехом справлялся с задачами информирования, развлечения и налаживания взаимодействия внутри социума. Влияние, оказываемое спортом на общественное мнение и внешнюю политику государств, превратило его в один из инструментов информационных войн. Спорт стал одной из тех сфер, где нагнетание обстановки в информационном поле негативно сказывается на репутации любого государства на международной арене. Спекуляция информационными поводами о спортивных результатах, допинговых скандалах и бойкотах в СМИ формируют соответствующее общественное мнение о сфере спорта, которое проецируется на государство. В этом смысле спорт в последнее время зачастую становится объектом атак с целью подрыва престижа страны, репутации государственной власти, нейтрализации положительного эффекта от спортивных достижений в прошлом.

С начала 2000-х гг. политика в области мирового спорта всё в большей мере выдвигается в эпицентр информационного противостояния ведущих мировых держав. Стремление спортсменов завоевать главные призы в ходе различных состязаний переросли в жесткую конкуренцию, борьбу идеологий. Именно спорт стал той сферой, в которой информационная война достигала критического накала – с обвинениями в адрес судей, допинговыми скандалами, взаимными бойкотами. Сегодня достаточно часто спортивные результаты сами по себе теряют свою значимость, всё чаще спорт используется в качестве политического инструмента. Ряд ведущих стран Запада, и в первую очередь Соединенные Штаты Америки ставят своей целью полностью пересмотреть олимпийский и мировой спорт, чтобы использовать в своих внешнеполитических интересах. С распадом в 1990-е гг. мировой социалистической системы государств, завершением противостояния капитализма и социализма и формальным прекращением «холодной войны», казалось бы, должна была восторжествовать истина «спорт вне политики». Но этого, к сожалению, не случилось. Информационная война против современной России не только не прекратилась, но и приняла новые, более изощренные формы и методы воздействия.

В XXI веке информационное противоборство становится одним из основных средств достижения превосходства в геополитическом противостоянии как отдельных государств, так и различных межгосударственных объединений, союзов и коалиций. В период нового этапа переустройства мира, инициированного заинтересованными силами влияния в мире, к которым относят представителей мировых финансово-экономических и информационно-политических элит, Россия вновь оказалась в эпицентре глобальных противоречий, так как располагает самыми крупными запасами природных ресурсов, обширными территориями, значительными экологическими, интеллектуальными, военно-стратегическими, коммуникационными и другими возможностями.

На сей раз в качестве инициатора нового витка информационной войны против России выступило Всемирной антидопинговое агентство (WADA), взявшее на себя функции обвинителя якобы на государственном уровне организованной системы употребления допинга российскими спортсменами на всех международных соревнованиях, в том числе и в ходе Олимпийских игр. WADA стремится предъявлять обвинения российским спортсменам в употреблении допинга вот уже в течение семи лет, начиная с конца 2014 года, после блистательной победы России на Олимпийских играх в Сочи. Эти обвинения в значительной мере основываются на показаниях бежавших в Соединенные Штаты бывших сотрудников Московской антидопинговой лаборатории во главе с Г. Родченковым.

В Америке реальных допинговых нарушений существенно больше, чем в России, но WADA отстраняет от Олимпиады именно российские команды. Профессиональные спортивные лиги в США до сих пор не подписали Кодекс WADA и живут по собственным антидопинговым правилам, порой очень либеральным. Приписываемая России группа хакеров Fancy Bear взломала базу Всемирного антидопингового агентства и выложила информацию о том, что звезды американского спорта – теннисистки Серена и Винус Уильямс, гимнастка Симона Байлз – «в терапевтических целях» принимали запрещенные препараты. Но по документам всё законно: для американок сделали исключение. WADA практически автоматически признает справки о терапевтических исключениях, предъявляемые американскими и норвежскими спортсменами. Норвежские спортсмены-биатлонисты, обыгрывающие всех на соревнованиях мирового уровня и при этом поголовно, якобы

болеют астмой. При этом WADA ни разу не удосужилось устроить проверку этим спортсменам в независимых медицинских центрах.

Санкции в отношении России были объявлены Спортивным арбитражным судом (CAS) в декабре 2020 г. Причиной стали якобы имевшие место манипуляции с электронной базой данных Московской лаборатории (LIMS), в которой мог содержаться «компромат» на некоторых звезд российского спорта. Санкции включали в себя двухлетний запрет на российский флаг и гимн на крупнейших соревнованиях (на двух Олимпиадах и чемпионатах мира по всем видам спорта), а также отказ от проведения в России крупных международных стартов. Совсем запретить поездку всей сборной России на Олимпиаду, судьи могли, но побоялись последствий – олимпийское движение без России и сочувствующих ей стран может просто развалится, превратившись в «западный междусобойчик».

Принятое Спортивным арбитражным судом решение представляет собой самое жесткое и беспрецедентное наказание в истории мирового спорта. Этим решением нанесен крупный репутационный и материальный урон России, предпринята попытка в целом выгнать Россию из мирового спорта. Поддержав санкции и применив принцип коллективной ответственности, суд тем самым нарушил основные принципы Олимпийской Хартии, в которой четко указано (Гл. 6, п. 60), что «никакое решение, принятое МОК в отношении каких-либо Олимпийских игр… не может быть никем оспорено по истечении трех лет со дня церемонии закрытия этих Игр»[1]. Тем более, что у России не было и нет претензий к Олимпийскому комитету, и санкций против него она не выдвигала.

Решение CAS было принято несмотря на то, что еще в январе 2019 г. Президент МОК Томас Бах заявил, что, по его мнению, Олимпийский комитет России уже понес достаточное наказание после Олимпиады–2014 и не заслуживает дальнейших санкций[2]. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что в решениях WADA существенно больше политики, чем заботы о чистоте спорта, а допинговые скандальные накрутки – это всего лишь повод для устранения сильнейших в спорте.

Вместе с тем следует признать, что наложенные новые санкции в действительности явились не такими безумными, как на зимней Олимпиаде–2018 в Пхёнчхане: нельзя было даже приближаться

[1]URL: http://rfapa.ru/wp-content/uploads/2019/12/olimpiyskaia-hartiia-09-12-2018.pdf

[2]Президент МОК Бах: Россия уже достаточно наказана за допинг. URL: https://www.vesti.ru/article/1313343 (дата обращения: 02.01.2019).

к российскому флагу, носить что-либо в бело-сине-красной гамме и петь гимн в собственной комнате в олимпийской деревне. Форма наших спортсменов была выполнена в серых тонах, и они официально назывались «нейтральными атлетами из России». Сейчас наша сборная не является нейтральной, а именуется «командой ROC» (Олимпийского комитета России, хотя расшифровывать эту аббревиатуру нельзя). Мы выступали под белым флагом с эмблемой Олимпийского комитета России (на которой присутствует триколор) и вместо гимна использовался фрагмент из Первого концерта для фортепиано с оркестром Чайковского (предложенная на данную роль «Катюша» была отвергнута как «слишком русская»). При этом российские цвета в форме были разрешены, и пользоваться российскими флагами и другими государственными символами вне олимпийских объектов, а также на трибунах можно было без ограничений.

Но даже в условиях уже наложенных санкций президент Всемирного антидопингового агентства WADA поляк Витольд Банька продолжает утверждать, что было недостаточно отобрать у сборной России гимн и флаг. В день открытия Олимпийских игр в Токио в ходе пресс-конференции он заявил, что разочарован тем фактом, что нашей команде на Играх–2020 разрешили выступать в форме, выполненной в цветах российского флага[1].

Действительно, против России ведется информационная война 2.0. по всем информационным каналам и направлениям. Как вынужден был признать сам генеральный директор Всемирного антидопингового агентства Оливье Ниггли в интервью шведскому телеканалу SVT, «если посмотреть на то, что происходит в мире, то мы вернулись во времена холодной войны»[2]. По сути, «холодная война» против России никогда и не прекращалась, просто в разные времена она принимала различные виды и формы, несколько снижая накал только тогда, когда Россия по тем или иным причинам оказывалась существенно ослабленной в экономическом и военном отношении. Но теперь информационная война наконец дошла уже и до спорта, причем даже в худших проявлениях, чем во времена СССР. Отстранение нашей сборной на два года от участия в международных соревнованиях представляет собой ничто иное как дальнейшее усиление противостояния России коллективному Западу. И всё это только потому, что Российская Федерация в лице ее

[1]URL: https://www.championat.com/olympic/news-4409089-prezident-wada-razocharovan-formoj-rossijskoj-komandy-s-cvetami-flaga.html

[2] URL: https://zelv.ru/sport/146998-svt

Президента В. В. Путина осмелилась на суверенную и самостоятельную внешнюю политику. Как справедливо заметил в своем комментарии журналист немецкой газеты Tageszeitung Андреас Рюттенауэр: «Россия – темное царство допинга? Вполне вероятно. Но тот, кто думает, что где-то дела обстоят лучше, либо наивен, либо страдает политической слепотой» (*Рюттенауэр А. Холодная война в спорте // Tageszeitung, 16.05.2016*).

Спорт сегодня, особенно международный, – это в значительной мере не соревнования, а скорее всего уже в большей степени война. «Быстрее, выше, сильнее» – три слова девиза Олимпиад, предложенного Пьером де Кубертеном при создании Международного олимпийского комитета в 1894 году, т. е. 127 лет тому назад, перед Олимпиадой в Токио эти слова были дополнены четвертым – «вместе». Но хроника подготовки и хода Олимпиады в Токио, объективно говоря, требует еще одного дополнения: «Быстрее, выше, сильнее – вместе. Но не со всеми». МОК и WADA резко нарастили попытки превращения игр в еще один инструмент «сдерживания России».

На Олимпиаде–2020 в Токио политические скандалы гремели один за другим. В преддверии Игр на официальном сайте МОК (Olympics.com) была выставлена карта, где Крым был обозначен как территория России (во всплывающем окне Olympics Cheer Zone между Украиной и Крымом была проведена линия границы), а затем полуостров стал отображаться как часть Украины. Что же заставило МОК стыдливо сдать назад и изменить границы? Увы, причины связаны не со спортом, а с политикой: это постоянные двойные стандарты и желание угодить Западу.

Объявленная России информационная война обусловлена фундаментальным кризисом современного мироустройства и ведется по разным направлениям самыми различными методами, в том числе постоянным усилением и расширением санкций. В результате, кроме сугубо экономического эффекта, идет прямое давление на российскую власть. В наше время влияние политики на спорт всё больше усиливается, возрастает использование спорта в качестве инструмента политического противоборства государств на международной арене за выход на лидирующие позиции. При этом всё в большей степени проявляются тенденции, когда спорт становится орудием в руках политиков. Иностранные средства массовой информации изначально пытались позиционировать Олимпийские игры в Сочи как «личный проект Путина». Сегодня очевидно, что странам Запада крайне выгодно исключить

Россию из всех международных встреч, чтобы страна испытала унижение и почувствовала себя в изоляции. Спорт – это лишь одна из сфер, где ведется информационная война против России.

После замечательной победы сборной России на второй в истории домашней Олимпиаде–2014 в Сочи вот уже семь лет не проходит и недели, чтобы кто-то не покусился на наши позиции в мире большого спорта. Информационная война в современном международном спорте вполне реальна и осязаема. Однако ни пересмотреть нашу победную спортивную историю, ни запретить нашим спортсменам ставить рекорды, несмотря на всю мощь информационных кампаний, никак не получится. И это положение нашло свое убедительное подтверждение на Олимпиаде–2020 в Токио в 2021 году.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ ПО ТЕМЕ ПУБЛИКИЦИИ

1. Боцман О. С. [и др.]. Спорт как средство информационной войны / О. С. Боцман, В. Л. Пашута, А. П. Козлов, А. А. Поярков // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2021. № 1. С. 39–44.
2. Бутусов А. В. Политический характер информационных войн в сфере спорта // Вестник Тамбовского университета. 2018. Т. 4. № 14. С. 76–78.
3. Воевода А. Спорт – один из фронтов информационной войны против России // Аргументы и факты, 21.12.2016 г.
4. Нужденов К. Э. Спорт как инструмент политического воздействия на современное общество: дис. ... канд. полит. наук. М., 2012.
5. Осинина Д. Д., Урожок Е. А. Спорт и политика в современном мире // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 2, С. 77–81.
6. Сакулин С. В. Профессиональный спорт как политическая технология информационного давления // Журнал политических исследований, 2020. № 2. Т. 2. С. 153–174.

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СПОРТА ИНСТРУМЕНТАМИ ЖУРНАЛИСТИКИ

П. В. Макарова

кандидат филологических наук
доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций
Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования
Московского государственного педагогического университета
polarmail@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается дипломатическая функция спорта и ее реализация инструментами журналистики. Спорт ассоциируется с «мирной войной», начиная с древности, и сейчас является одним из инструментов международной дипломатии. Символы и ценности спорта способствуют вовлечению в мирный процесс, налаживанию диалога в рамках мира. Достижения в спорте рассматриваются как победа всей страны, всей нации, часто позволяют снять напряжение в отношении неудач в других сферах и продемонстрировать потенциал «человеческого капитала».

Ключевые слова: спорт, журналистика, дипломатическая миссия, международные отношения

IMPLEMENTATION OF THE SPORT'S DIPLOMATIC FUNCTION BY JOURNALISTIC TOOLS

P. V. Makarova

PhD, Associate Professor at the Department of Journalism,
Institute of Journalism Communications and Media Education
Moscow Pedagogical State University
polarmail@inbox.ru

Abstract. The paper examines the diplomatic function of sport and its implementation by tools of journalism. Sport has been associated with "peaceful war" since ancient times. Today sports events can be used as tools of international diplomacy. Symbols and values of sport contribute to the involvement in the peace process, to the settings of dialogue within the universal human values. Achievements in sports are often seen as a victory for the whole country, for the whole nation. "Win" can often relieve social tension regarding problems in other areas and demonstrate one nation's potential.

Keywords: sports, journalism, diplomatic mission, international relations

Мир теряет стабильность, различные регионы «вспыхивают» революциями, конфликтами, войнами. Можно перечислить много «горячих точек», события в которых широко освещаются российскими СМИ (Сирия, Украина, Афганистан, Палестина, Нагорный Карабах), так и других, менее заметных для российской аудитории (Эфиопия, Ливия, Мали, Гвинея, Мьянма, Индо-Китайский пограничный конфликт, Алжир).

Процессы по де-эскалации конфликтов, по вовлечению стран в «мирный диалог» очень сложны и многогранны. Один из таких процессов – вовлечение в международный спорт, включение стран в международное спортивное сообщество. Спорт напрямую связан с международным бизнесом, коммерцией. И так же тесно связан с политической и социальной сферой.

Президент МОК Томас Бах в преддверии Зимних Олимпийских игр в Пекине отметил хрупкость мира и заявил: «Наша миротворческая миссия, переданная еще с древних времен, требует, чтобы Олимпийские игры уважались, как политически нейтральная площадка» [Томас Бах, URL].

Спорт открыто ассоциируется с «мирной войной», с мирными методами выяснения, кто лучше. Эта ассоциация четко прослеживается в стилистике и лексике спорта и спортивной журналистики. Примеров можно привести очень много. Категории «победа / поражение», «нападение / защита», «свои / чужие»; лексикон «атака», «противник», «выстрелить по воротам», «убойная позиция», «зарядить пушку» – весь этот словарь прямо связывает спорт с военными действиями. И при этом спорт всегда остается в парадигме позитива и мира, несмотря на конфликты и скандалы внутри спорта и в фанатской среде. Конечно, история знает случай, когда спортивное состязание спровоцировало настоящую войну между Гондурасом и Сальвадором, но это скорее исключение, подтверждающее правило.

Мирный посыл спорта – одна из центральных тем ежегодных саммитов, международных конференций. Использование спортивной повестки в качестве инструмента дипломатии становится всё более актуальным.

Достижения на международной спортивной арене ассоциируются с достижениями всей нации: государство заявляет, что «человеческий капитал» в целом обладает большим потенциалом; что уровни технологий, методик и медицины позволяют готовить спортсменов высокого

уровня. Также в этом можно увидеть посыл, что население здорово и готово к бою в случае необходимости.

Спортивные международные организации всячески подчеркивают мирную направленность спорта. Спорт предлагает объединение масс на почве чего-то позитивного (спортивного праздника).

Атлеты участвуют в проектах ООН и ЮНИСЕФ, стараются продвигать позитивные мирные ценности. Спорт вообще предполагает внедрение общечеловеческих ценностей и реализует свою дипломатическую функцию.

Всем этим процессам способствует освещение международных спортивных состязаний, и ключевую роль в этом играет журналистика. Благодаря ей крупные состязания собирают миллиардную аудиторию, демонстрируется ценность спорта как символа мирной жизни. Взаимодействие спорта и СМИ позволило образовать глобальную систему «медиаспорта», чья основная задача продвигать ценности спорта по всему миру, используя все доступные инструменты локальных и международных СМИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Томас Бах: Наша миротворческая миссия требует, чтобы ОИ уважались как политически нейтральная площадка // Sports.ru 2021. URL: https://www.sports.ru/biathlon/1102272902-tomas-bax-nasha-mirotvorcheskaya-missiya-trebuet-chtoby-olimpijskie-ig.html

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОЭКОНОМИКА РОССИИ И РУССКОГО МИРА

И. В. Михайлин

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
mikhailin.igor@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются геополитические и геоэкономические аспекты, способствующие повышению эффективности внешней политики России. С точки зрения геоэкономики акцент сделан на анализ привлечения перебравшихся за рубеж российских ученых для содействия решению задачи вхождения России в мировую экономику. Укрепление России способствует консолидации Русского мира, объединяющего зарубежных соотечественников с опорой на такие скрепы, как русский язык, культура, традиции, общая история.

Ключевые слова: Русский мир, зарубежные соотечественники, научная диаспора, диаспоральные сети, несостоявшееся государство

GEOPOLITICS AND GEOECONOMICS OF RUSSIA AND RUSSIAN WORLD

I. V. Mikhailin

Doctor of History (Dr. habil), Professor
Professor at the Theory and History of International Relations Department
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
mikhailin.igor@mail.ru

Abstract. The report deals with geopolitical and geoeconomical aspects contributing to make Russian foreign policy more effective. From geoeconomical standpoint accent in the report is made upon analysis of invitation to Russian scientists residing abroad in search of their assistance to solve the task of our country's entry in world economy. Strengthening of Russia contributes to consolidation of the Russian world, which unite our compatriots living abroad on the basis of such commons as Russian language, culture, traditions, common history.

Keywords: Russian world, compatriots living abroad, scientific diaspora, diasporal network, failed state

Словосочетание «Русский мир» в последние годы прочно вошло в политологический лексикон. По разным оценкам наиболее близкую к раскрытию его смыслового наполнения высказал Президент РФ В. В. Путин: «Русский мир собрал и собирает всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, культуры, русской истории» (*Выступление Президента России Владимира Путина на VI Всемирном конгрессе соотечественников 31.10.2018*). В других выступлениях глава государства отнес к Русскому миру миллионы наших соотечественников, живущих за рубежом. К критериям принадлежности к Русскому миру принято относить также общие ценности, многонациональные традиции, единые представления об общей исторической памяти.

В экспертном сообществе сложилось единое мнение, что именно Россия является ядром Русского мира. У Русского мира нет четко очерченных границ, поскольку наши соотечественники, а также люди, знающие русский язык, знакомые с русской культурой и сопереживающие России живут на разных континентах. Условная численность людей, которые могут быть отнесены к Русскому миру, складывается из нескольких величин. Немногим более 146 млн человек, живущих в России, 30 млн россиян (по данным на 2010 год Департамента МИД РФ по работе с соотечественниками), проживающих за рубежом, и некоторое количество русскоговорящих за пределами нашей страны, считающих себя связанными скрепами с Русским миром. В сумме получается около или более 180 млн человек.

В своих публикациях отечественные ученые анализируют концепт «Русский мир» в четырех разных измерениях. По одному из них, Русский мир воспринимается как уникальная этнокультурная общность русских людей, объединенных русским языком, своей историей, нормами и ценностями. Согласно другому, Русский мир позиционируется как православная цивилизация, включающая под собирательным именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову.

В своем выступлении мы остановимся на анализе двух других измерений – геополитическом и геоэкономическом. Геополитика как наука фиксирует взаимосвязь географического положения, пространства и практической политики. В начале 1990-х гг. геополитический подход широко использовался для оценки способности России, ослабленной из-за распада СССР территориальными потерями, ухудшением своего местоположения, деградацией экономического и военного потенциалов, проводить самостоятельную политику в международных делах. Либеральные круги российской властной элиты не считали

Россию самодостаточной и искали в лице США силу, на которую можно было бы опереться. Из такой позиции вытекали нежизнеспособные прожекты «встраивания России в Запад без растворения в нем» и идея «мировой тройки» США, Евросоюз и Россия, способной «направлять мировую лодку».

Существовало, однако, и другое мнение. Наиболее убедительно и последовательно идею самодостаточности России отстаивал ученый В. Цымбурский. Эту самодостаточность он выводил из геополитического положения России, изображенной автором в своем главном труде «Остров Россия» в виде островного архипелага, располагающего всеми необходимыми ресурсами для автономного развития. Исходя из самодостаточности России, ученый обосновал целесообразность воздерживаться от чрезмерного уклона в сторону Запада, считая наиболее правильной для нее политику разумного изоляционизма. Сложившийся перекос Россия, в том числе в силу и других причин, исправила, начав в середине 20-х гг. XXI века постепенно перенацеливать свою дипломатическую активность на восточное направление [Цымбурский, 1993].

Выигрышные стороны геополитического положения России обсуждались в 1990-е годы и в контексте уже тогда казавшегося неизбежным конфликта «золотого миллиарда» с частью исламского мира, произвольно занесенной западной пропагандой в ряды «международных террористов». Преимущественно за рубежом, но также и в России отдельные представители гражданского общества анализировали сценарии ее возможного вовлечения в это противостояние. В. Цымбурский в упомянутом труде, изданном в 1993 г., высказал противоположное мнение о том, что России следует задействовать все свои геополитические возможности, чтобы остаться в стороне от конфронтации [там же]. В 2000-е гг. она вылилась в инициированную США и НАТО вооруженную кампанию в Афганистане. Россия формально к ней присоединилась, однако ограничила свое участие выполнением только логистической функции, полностью исключив вовлеченность в боевые действия. С учетом ограниченного характера участия России в американо-натовской интервенции, можно сделать вывод, что предостережение ученого не осталось незамеченным.

Опора на серьезную аналитику позволила В. Цымбурскому предвидеть возрастание напряженности в первые десятилетия XXI века, вызванной качественными сдвигами в военном деле. В 1996 г., когда российская армия, вооруженная еще советским оружием, только готовилась ко второй чеченской кампании, он сформулировал прогноз, согласно

которому в первой четверти XXI века нас ожидает большой прилив милитаристской активности, которой будут способствовать политические обстоятельства и технические новшества [Цымбурский,1996]. Предвидение ученого совпало с прогнозными оценками отечественных военных экспертов, что было воспринято российским руководством как своевременный сигнал. В период 2003–2007 гг. началась разработка и осуществление программы технологического перевооружения вооруженных сил Российской Федерации. «Мюнхенская речь» Президента В. В. Путина (2007) положила начало отказу России от словесной риторики и переходу к демонстрации возможностей своих новых вооружений. Судя по характеру последовавших решений, высказанные им оценки и соображения в дальнейшем были учтены при корректировке российским руководством отдельных аспектов внешней и военной политики РФ.

Ряд интересных геополитических соображений высказал и российский ученый А. Дугин. Он считает, что Средняя (точнее Центральная) Азия, включая Казахстан, Киргизию, Таджикистан, входят в так называемый «Русский Юг», к нему также относятся Сербия, Молдова, Южная и Восточная Украина, Кавказ, Туркменистан. По мнению ученого, установлен континентальный стратегический контроль над большей частью «Русского Юга» [Дугин, 2000]. Высказываемые А. Дугиным оценки, даже при том, что некоторые из них носят излишне категоричный характер, в целом вписываются в стратегический курс РФ на создание по периметру наших южных границ союза дружественных государств. Институционально этот союз оформился в Организацию Договора коллективной безопасности (ОДКБ). Учитывая последние события (бегства американских военных и прихода к власти в Афганистане правительства талибов с сопутствующим возрастанием угроз, в первую очередь для жителей соседних с ним районов России и наших соотечественников как составной части населения в центрально-азиатских государствах), роль ОДКБ как фактора обеспечения безопасности и поддержания стабильности его государств-членов объективно возрастает.

Главный геополитический итог минувших после распада СССР 30 лет состоит в том, что Россия сохранилась как единое целое, избежав, как к тому ее усиленно подталкивал коллективный Запад, опасности раскола страны. В результате присоединения Крыма Россия улучшила свою геополитическую локацию, она в основном сохранила, правда, уже без прежнего преобладающего влияния в странах Центрально-Восточной Европы, занимавшее СССР доминирующее положение в Евразии – Хартленде,

по определению Х. Маккиндера. Ведь по оценке этого классика геополитики тот, кто правит Хартлендом, доминирует над Мировым островом; тот, кто управляет Мировым островом, господствует над миром [Маккиндер, 1995].

Русский мир имеет и геоэкономическое измерение. Геоэкономика как научная дисциплина изучает пространственные, временные и политические аспекты экономики и ресурсов. П. Щедровицкий, один из авторов концепта Русского мира, трактует геоэкономическое измерение, в том числе и как кооперацию с приемниками миграционных потоков из России, т. е. государствами Запада, и ее включение с помощью диаспоральных сетей в этих странах в транснациональную экономику. Речь идет об использовании знаний и умений российской научной диаспоры, сформировавшейся из переехавших после распада СССР на Запад отечественных ученых, для содействия технологическому обновлению экономики России как необходимому условию ее подъема и интеграции в мировую хозяйственную систему [Щедровицкий, 2000].

Осознание того, что подавляющее большинство из уехавших ученых не утратили связи с Родиной, не перестали быть частью Русского мира и поэтому могут оказаться ей полезными, подтолкнуло российское руководство к поиску возможностей для налаживания связей с российской научной диаспорой за рубежом. В декабре 2008 г. был принят документ «Основные направления политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», представлявший собой Концепцию взаимодействия России с зарубежными партнерами в области науки, культуры и образования. Она была разработана в качестве приложения к Концепции внешней политики РФ (2008). Это дает основание рассматривать оказание содействия в налаживании сотрудничества с нашими зарубежными соотечественниками, в том числе в сфере науки, как одну из задач отечественной дипломатии. Сформулированные в общей форме эти установки были конкретизированы в Концепции взаимодействия с российской научной диаспорой за рубежом, одобренной в мае 2011 г. российским НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере по таким линиям, как управление научно-технической областью и высокие технологические разработки. Более широкий круг таких направлений обсуждался на конференции «Сотрудничество российских компаний и российской научной диаспоры в области высоких технологий». Она была организована в 2016 г. Международной ассоциацией русскоговорящих ученых с участием представителей зарубежной научной диаспоры из 17 стран.

В результате обсуждения многочисленных предложений удалось определить наиболее действенные формы взаимодействия российских организаций и компаний с нашей научной диаспорой за рубежом. В их числе: экспертиза проектов по заказу государственных структур (в первую очередь, РОСНАНО); экспертиза государственных программ, планов, проектов на региональном уровне; совместные проекты при параллельном их выполнении в России и зарубежной стране; поездки в Россию для проведения консультаций и участия в научных конференциях; чтение лекций в российских университетах. Практический эффект приносит и реализация принятой в 2010 г. государственной программы репатриации уехавших на Запад ученых – беспрецедентного конкурса, по итогам которого Россия пригласит сто именитых российских ученых с обещанием поручить им руководство ведущими научными коллективами. Первые ученые-возвращенцы, ранее работавшие в ведущих научных лабораториях на Западе, уже трудятся на российской земле. Оценивая взаимодействие с российской научной диаспорой за рубежом как одного из инструментов содействия интеграции нашей страны в мировую экономику, П. Щедровицкий сформулировал и другие необходимые условия для вхождения в нее России в качестве самодостаточного участника – формирование отечественной инновационной экономики, развитие человеческих ресурсов, совершенствование институционального обеспечения процессов развития в ядре Русского мира – России [Щедровицкий, 2000].

Русской нации генетически присуще расширение во времени и пространстве. В 1991 г. Советский Союз как одна из ипостасей российской государственности в процессе ее развития во времени распался. Слабые народы ломаются, но русская православная нация стойко перенесла эту самую большую геополитическую катастрофу XX века и постепенно возвращается на путь территориальной реконструкции. Первым в «родную гавань» вернулся Крым. По мнению ряда авторитетных экспертов, в преобладающей ныне обстановке разбалансированности системы международных отношений и неопределенности касательно направления ее дальнейшего развития отдельные регионы одного фактически несостоявшегося государства в Европе, а также самопровозглашенные республики на его территории могут при определенных обстоятельствах поменять свою нынешнюю государственную прописку на российскую. Предвидение Президента РФ В. Путина о том, что Россия будет прирастать северными территориями, нашло подтверждение в недавнем решении профильной Комиссии ООН, признавшей

обоснованность подкрепленных доказательствами притязаний России на часть Арктики, что может увеличить ее территориальные владения на 1,2 млн кв. километров.

Выводы

Россия самоутвердилась как геополитическая реальность. За 30 лет своего существования как самостоятельного субъекта мировой политики Россия улучшила свое геополитическое положение, стала, опередив Германию, пятой экономикой в мире по паритету покупательной способности, умножила многократно свою военную мощь, расширила политическое влияние. Сегодня Россия признается большинством объективных экспертов-международников третьим, помимо Китая и США, глобальным центром силы, и в этом качестве она вносит важный вклад в консолидацию Русского мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цымбурский В. Л. Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 5. С. 6–53.
2. Цымбурский В. Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. 1996. № 3. С. 27–55.
3. Дугин А. Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М. : Арктогея, 2000.
4. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
5. Щедровицкий П. Г. Русский мир и транснациональное русское // Антология русской философии. М. : Сенсор, 2000. С. 374–388.

АКТУАЛЬНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ

Ф. А. Миргалимов

докторант Пограничной академии
Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан
fuatmir@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные угрозы, влияющие на обстановку на государственных границах в современных условиях. Рассмотрены и проанализированы актуальные проблемы возникновения военных конфликтов и пути их предотвращения. Определены направления дальнейших научных разработок по вопросам совершенствования деятельности пограничной службы при возникновении конфликтов на государственной границе.

Ключевые слова: государственная граница, боевые действия, вооруженный конфликт, пограничные ведомства, пограничные формирования

RELEVANCE OF THE EMERGENCE OF MILITARY CONFLICTS AND WAYS TO PREVENT THEM

F. A. Mirgalimov

Doctoral Student of the Academy of the Border Service
of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan
fuatmir@mail.ru

Abstract. This article discusses the main threats affecting the situation on the state borders of states in modern conditions. The actual problems of the emergence of military conflicts and ways to prevent them are considered and analyzed. The directions of further scientific developments on the issues of improving activities in the event of conflicts at the state border are determined.

Keywords: state border, military operations, armed conflict, border agencies, border formations

В сегодняшнем мире угроза прямой военной агрессии между странами постоянно сводится к минимуму. На этот процесс активно влияют ведущие мировые державы, Организация Объединенных Наций и другие международные политические институты. Большинство государств

мира стремится к созданию по периметру своих границ пояса мира, добрососедства и взаимопонимания. Дружеские и взаимовыгодные отношения поддерживаются с сопредельными и другими странами мирового сообщества. Прогрессивное мировое сообщество последовательно выступает за создание такой системы международных отношений, когда значение военной силы будет минимизировано, и ее функции будут сведены к задаче сдерживания военных конфликтов. Однако при этом значение военной силы в международных отношениях не уменьшилось. Это подтверждается стремлением государств к наращиванию вооружений, причем массово поступают на вооружение качественно новые виды оружия, прежде всего, высокоточного. Коренным образом совершенствуются системы разведки, управления и связи.

Основываясь на анализе происходящих в мире революционных изменений в военной сфере военно-политическое руководство ведущих государств рассматривает будущую войну как согласованные действия разнородных сил, сочетающиеся с широким применением высокоточного оружия. Войсковые операции увязываются с операциями сил специального назначения, психологическими операциями, «гибридной и информационной войной». Планирование боевых действий затрагивает все сферы, включающие сушу, море, воздух, космос, информационную среду, одновременно на всю глубину зоны конфликта. Границы зон ведения боевых действий в такой войне становятся размытыми, темп боевых действий, по сравнению с прежними войнами, возрастает, а их продолжительность сокращается. Основным средством обеспечения боевых операций становятся системы разведки и управления войсками и оружием, включающие элементы космического базирования [Фадеев, Ничипор, 2019].

Кроме того, значимым обстоятельством, которое необходимо принимать во внимание при решении вопросов ведения военных конфликтов, является существенный дисбаланс в боевых возможностях группировок войск различных стран и военных блоков. Очевидно, что соотношение сил сторон несоразмерно, и преимущество постоянно будет на стороне государств с более мощными экономическими и человеческими ресурсами. Отдельную угрозу представляет наличие в мире огромных запасов ядерного оружия и других новейших средств вооруженной борьбы, а также стремление некоторых государств к созданию собственного ракетно-ядерного потенциала. И, если вероятность мировой (ядерной или обычной) войны уменьшилась, то резко возросла возможность возникновения локальных войн и региональных

конфликтов. Особенно велика угроза развязывания войн и конфликтов со стороны нестабильных и реакционных режимов на основе территориальных претензий и религиозно-этнической почве [Лаумулин, 2006].

Обострившаяся борьба за сырье и ресурсы планеты, существующая неразрешимость политических, территориальных, религиозных и иных межгосударственных противоречий создают реальные предпосылки к возникновению вооруженных конфликтов.

Снижение темпов роста экономики ряда стран мира, спровоцированное пандемией и сопровождаемое мировым экономическим кризисом, постоянно разгорающимися межнациональными конфликтами, большая миграция населения в связи с трудоустройством порождает зоны нестабильности и хаоса. До сих пор остается неустойчивой и непрогнозируемой обстановка в некоторых регионах мира, где достигнута опаснейшая черта, перейдя которую государства ввергают народы в кровавые столкновения, обрекая их на нищету, страдания и голод.

Таким образом, очевидно, что назрела острая необходимость радикального преобразования в области обороны. При этом необходимо учитывать конкретные изменения в стратегии и концепциях потенциального противника, его боевом составе и оснащении его вооруженных сил. Следовательно, решение всех проблем, связанных с подготовкой и ведением боевых действий в возможных военных конфликтах, необходимо начинать со всесторонней оценки происходящих изменений в военно-политической обстановке в мире, регионе и соседних государствах [Таленский, 2015].

Сегодня необходимо учитывать и такой фактор, как использование спецслужбами ряда государств расширяющихся международных связей для наращивания враждебной шпионской и подрывной деятельности. Кроме добывания разведывательной информации, ведется оказание различного рода финансовой, материальной, информационной помощи террористическим, экстремистским и антиконституционным организациям и группировкам, осуществляется искусственное разжигание межнациональных конфликтов [Чижевский, 2020].

В этих условиях первостепенная роль в защите интересов миролюбивых государств на их границах отводится пограничным ведомствам, непосредственно решающим задачи обеспечения принципов нерушимости границ, соблюдения международных договоров, политической независимости и суверенитета, а также отражения вооруженной агрессии.

Всё вышеуказанное подчеркивают важность теоретической разработки и всестороннего обоснования возможных действий пограничного ведомства, в том числе и в ходе вооруженных конфликтов. В этой связи правительствам государств следует обратить самое пристальное внимание на вопросы подготовки и всестороннего обеспечения соответствующих органов для выполнения задач охраны государственной границы и к действиям в условиях перерастания конфликтных ситуаций в вооруженные столкновения [Романчук и др., 2020].

С учетом объективных факторов вопросам подготовки и всестороннего обеспечения соответствующих органов уделяется определенное внимание, но при этом комплексного исследования действий пограничных ведомств в интересах урегулирования конфликтов на границе не проводилось. Это не позволяет эффективно планировать действия в условиях внезапно возникающих чрезвычайных ситуаций на границе. В этой связи становится очевидной необходимость исследования основных вопросов использования пограничных формирований как инструмента стабилизации военно-политической обстановки на государственной границе.

В ходе исследований в этой области необходимо поставить следующие цели: определить основные задачи, возлагаемые на подразделения пограничного ведомства в интересах стабилизации обстановки, а также возможности по их выполнению; выработать практические предложения по повышению эффективности и совершенствованию форм и способов их действий в интересах урегулирования конфликтных ситуаций. Тем самым закладывается фундамент решения задач по определению основных направлений совершенствования планирования и ведения служебных действий пограничными формированиями на основе анализа обстановки и тенденций ее развития. Из вышеизложенного следует, что важнейшая роль пограничного ведомства заключается в недопущении агрессии, либо ее пресечении в самом начальном периоде развязывания вооруженных конфликтов.

В связи с постоянной трансформацией международной обстановки теория, представляющая собой систему обобщенного достоверного знания о теоретических подходах и практических вопросах использования пограничного ведомства государства в период обострения военно-политической обстановки на государственной границе, требует дальнейшего развития с учетом возникающих угроз в пограничном пространстве.

В настоящее время возникла острая необходимость дальнейшего развития военной научной мысли в вопросах проработки тактики

использования пограничных подразделений в вооруженных конфликтах, что создаст фундамент для разработки законодательной базы и руководств по применению пограничников в военных конфликтах.

При этом необходимо решить следующий комплекс задач:

1) провести анализ сущности и содержания современных вооруженных конфликтов и особенностей их проявления в пограничном пространстве, опыта применения пограничных подразделений в вооруженных конфликтах;

2) провести теоретическое моделирование применения пограничных подразделений в современном вооруженном военном конфликте;

3) выработать обоснованные предложения по подготовке и применению пограничных подразделений в конфликтных ситуациях на государственной границе;

4) разработать теоретико-методологические положения по порядку действий в вооруженных конфликтах в пограничном пространстве;

5) разработать порядок организации управления, взаимодействия и всестороннего обеспечения в условиях конфликта на государственной границе.

Решение вышеперечисленных задач позволит обеспечить более высокий уровень защищенности государственных границ и адекватное реагирование на вызовы и угрозы, возникающие в пограничном пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фадеев А. С., Ничипор В. И. Военные конфликты современности, перспективы развития способов их ведения, прямые и непрямые действия в вооруженных конфликтах XXI века // Военная мысль. 2019. № 9. С. 33–41.
2. Лаумулин М. Т. Центральная Азия в зарубежной и мировой политике. Т. II: Внешняя политика и стратегия США на современном этапе и Центральная Азия. Алматы : КИСИ при Президенте РК, 2006.
3. Таленский Н. Развитие оперативного искусства по опыту последних войн // Военная мысль. 2015. № 5. С. 25–40.
4. Чижевский Я. А. Основные тенденции трансформации природы и характера современных военно-политических конфликтов // Военная мысль. 2020. № 6. С. 6–23.
5. Романчук А. В. [и др.]. Изменения характера вооруженной борьбы по опыту военных конфликтов начала XXI века / А. В. Романчук, П. А. Дульнев, В. И. Орлянский // Военная мысль. 2020. № 4. С. 66–81.

ДОСТИЧЬ МИРА:
ПОНИМАНИЕ ДЕЙТОНСКИХ МИРНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Мэри Холленкамп Рами

доктор психологических наук
председатель попечительского совета
Дейтонского международного музея мира (США)
anti8270@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме понимания и сохранения мира. Особый акцент автор делает на замысле миссий американского Дейтонского музея по продвижению концепции мира без войны.

Ключевые слова: Дейтонский музей, Дейтонские мирные соглашения, выставка, образование, история

ACHIEVING PEACE:
UNDERSTANDING THE DAYTON PEACE ACCORDS

Mary Hollenkamp Ramey

Doctor of Psychology (Dr. habil)
Board Chair of the Dayton International Peace Museum (USA)
anti8270@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the actual problem of understanding and preserving peace. In particular, the author reveals the intention of the missions of the American Dayton Museum to promote the concept of a humankind without war.

Keywords: Dayton Museum, Dayton Peace Accords, exhibition, education, history

Миссия Дейтонского международного музея мира состоит в том, чтобы посредством образования и сотрудничества содействовать созданию более справедливого и спокойного мира. Мы хотим предоставить людям возможность узнать о том, как можно жить без войн, насилия и несправедливости. Для этого в нашем музее проводятся выставки, программы, собираются дискуссионные группы и устраивается дневной лагерь с медитациями и йогой, а также у нас есть библиотека с работами по теме мира.

Ввиду важности непрямых мирных переговоров, состоявшихся в Дейтоне в 1995 г., которые привели к Мирным соглашениям, положившим конец войне в Боснии и Герцеговине, в музее уже давно есть учебная экспозиция на эту тему. В 2018 г. музей решил провести крупное обновление экспозиции, чтобы более подробно изучить как войну, так и мир. Мы узнали, что в Соединенных Штатах нет другой постоянной выставки, посвященной Дейтонским мирным соглашениям. Она открылась 1 ноября 2019 г. в 24-ю годовщину начала непрямых мирных переговоров.

Образование

Сотрудникам музея хотелось бы, чтобы новая экспозиция воплотила все четыре аспекта «правильного образования»: *вовлеченность*, *понимание*, *применение и запоминание*. Выставка «Мирные соглашения» рассчитана на учащихся, но ее глубокое содержание может заинтересовать также и взрослых, и исследователей. Выставка обеспечивает вовлеченность с помощью настенных панелей, экспонатов и интерактивных сенсорных экранов. На каждом сенсорном экране также есть специальный режим для младших школьников: упрощенные / сокращенные версии материала, подходящие для детей 10–12 лет.

Чтобы обеспечить *понимание*, выставка предлагает интерактивные средства для представления материала и предлагает повод для размышления, например: открытые вопросы, встроенные видео, звуковые эффекты, интерактивные карты и ссылки на дополнительные ресурсы. Мы включаем материалы, иллюстрирующие, как изменились взгляды во время войны и что участники переговоров думали друг о друге, чтобы стимулировать более глубокое понимание дипломатии. Мы объясняем не только многочисленные преимущества Соглашений в борьбе с жестокостью войны, но и равное количество аспектов, в которых Соглашения оказались недостаточно эффективны для решения проблем, вызванных или усиленных войной.

Модуль, посвященный последствиям войны, фокусируется на актуальном *применении* уроков, извлеченных из Соглашений. В нем четко увязываются результаты и усилия по примирению с аналогичными проблемами, с которыми сталкивается мир в связи с ростом национализма в странах по всему миру. В модуле приводятся примеры того, как можно мирно противостоять ксенофобии, выражающейся в разжигания ненависти и в личном запугивании. Мы решаем задачу *запоминания*, предлагая

стенд для размышлений, на котором посетители могут увидеть фотографии Боснии в процессе ее восстановления. Посетители могут выразить свою надежду на мир на открытке, которую они затем могут разместить, если захотят, на большой настенной доске. На ней есть множество откликов на английском, немецком и сербскохорватском языках.

История

Выставка соответствует практике «хорошей истории», представляя поддающиеся проверке факты, а также интерпретируя их важность для аудитории выставки. Для этого в мирных соглашениях используются первоисточники: научные работы, отчеты Международного уголовного трибунала, документация о жестоких расправах, освещение в средствах массовой информации непрямых мирных переговорах и личные свидетельства тех, кто пережил войну, а также тех, кто вел переговоры и обеспечивал выполнение условий договора.

После возобновления проведения очных мероприятий после пандемии, мы планируем разработать дополнительные программы вокруг этой выставки, чтобы более формально отразить ее темы и то, как они пересекаются с другими вопросами, которые исследует музей, такими, как основы мирного урегулирования, разрешение конфликтов и создание сообществ. На данный момент мы адаптировали примерно 75 % экспозиции к онлайн-формату, чтобы обеспечить доступ по всему миру. Онлайн-выставка включает в себя ресурсы для учителей, чтобы ее можно было использовать в классе.

Выставка, посвященная Дейтонским мирным соглашениям

На каждом пункте предоставляются наушники, чтобы посетители могли слушать аудиозаписи, не мешая другим. Их можно отсоединить, чтобы большая группа людей могла одновременно смотреть видео или слушать аудиозаписи. Стилусы позволяют посетителям не прикасаться к экранам. Также предоставляются дезинфицирующие салфетки и дезинфицирующее средство для рук. Внутри экспозиции на телеэкране демонстрируются фотографии Боснии, начиная с периода войны и до 2006 года. Это является объединяющим фактором для четырех секций, демонстрирующим связь прошлого и настоящего. Это также показывает, что жизнь может продолжаться даже после чудовищного насилия. Для наших посетителей из Боснии на каждом пункте экспозиции есть настенные панно, переведенные на боснийский язык.

Секция №1: Введение

Первая часть выставки знакомит посетителей с кратким описанием истории Югославии до смерти ее основателя, президента Иосипа Тито. Настенное панно рассказывает об истории этой местности настолько глубоко, насколько позволяет история, перечисляя череду сменяющихся поселенцев. Это панно призвано наглядно демонстрировать, что ни одна этническая группа не может претендовать на ту или иную территорию на Балканах как на свою собственную, учитывая, сколько других этнических групп там поселилось. Сенсорный экран привлекает внимание посетителя вопросом с множественным выбором ответа о названиях или местах, начиная с 1995 г., а затем появляется интерактивная карта с изображением каждой республики, возникшей в результате распада Югославии в 1990-х гг., с ее соответствующим президентом. Перечисляются главные члены европейской делегации на мирных переговорах и члены делегации принимающей стороны – США. Для обозначения враждующих стран используется цветовая схема, которая затем последовательно используется во всех остальных частях экспозиции. Юных посетителей с демографическими и географическими особенностями Боснии и Герцеговины знакомит небольшой видеоролик.

Секция № 2: Геноцид

Настенные панели рассказывают о проблемах этнических чисток, которые были распространены в ходе войны, а также о храбрости ежедневной газеты Сараево во время боевых действий. В ней рассматривается осада Сараево, в результате которой погибли даже дети, также неоднозначное отношение США к вмешательству с целью остановить насилие.

На сенсорном экране посетители могут выбрать одну из глав, в которых подробно рассказывается об этнических чистках с вмонтированными видеоматериалами Международного уголовного трибунала. Также там представлены отрывки из мемуаров 12-летнего мальчика, втянутого в войну (дополненные видео и звуком), а также история сараевского виолончелиста. Центральное место занимает интерактивная карта, на которой представлены миниатюры задокументированных эпизодов геноцида, совершенных разными сторонами конфликта (Это одна из областей, где цветная схема особенно полезна для посетителей). На карте представлены три вида символов: значок взрыва указывает на военные действия против участников боевых действий, в результате которых,

возможно, погибли и гражданские лица; череп анфас указывает на военные действия по планомерному, систематическому геноциду гражданского населения; а череп в профиль обозначает массовые жертвы, совершенные по случайному стечению обстоятельств. В заключительной главе представлена статичная карта, отображающая статус оккупированной территории на момент объявления прекращения огня в середине октября.

Силуэт девушки, приседающей и прячущейся от обстрела и снайперов, – это указание на туннели, которые находились под Сараево во время осады, где граждане находили убежище.

Мы считаем, что, предоставление посетителям более глубокого понимания об ужасах этой войны, которая велась в основном против мирного населения, необходимо для того, чтобы они оценили важность и огромную сложность разработки соглашения о прекращении боевых действий.

Секция № 3: Мирный процесс

Посетителям предоставляется список условий, заранее оговоренных Государственным секретарем США для соглашения, и сенсорный экран заставляет посетителей задуматься о преимуществах и недостатках вмешательства в конфликт, который не ведется на территории их собственной страны. Каким бы ни был их ответ на вопрос, предлагаемый на главном экране, он раскрывает несколько разделов.

В первом разделе рассказывается, почему и как Военно-воздушная база Райт-Паттерсон была выбрана для проведения переговоров и подробно излагается о трудностях подготовки базы для сотен гражданских посетителей всего за две недели.

В следующем разделе изучается процесс дипломатии и некоторые его нюансы. В разделе обращается внимание на то, что дипломатия попрежнему включает в себя искусство управлять государством, или, как выразился посол Роберт Фровик, который вел наблюдение за демократическими выборами в 1996 г. в Боснии, искусство позволять другому человеку поступать по-своему.

Ключевым элементом является календарь, с помощью которого посетитель может ознакомиться с ходом переговоров. Видеозапись освещения переговоров в местной прессе включена в эту главу.

В заключительном разделе представлены ключевые страницы соглашения документа в виде «цифрового экспоната» с аннотациями для каждого блока данных.

На панели третьей секции представлена Розмари Паули (глава штаба после Холбрука), которая помогала в мирных переговорах, что является признанием того факта, что важную роль в установлении мира играли и женщины, и мужчины.

Секция № 4: Последствия войны

Эта секция рассматривает разницу между прекращением войны и достижением мира. Просмотр начинается с настенной панели, в которой излагаются основные достижения мирных соглашений, при этом признаются их ограничения. На другой панели представлена цитата автора книги, использованная в наших заданиях на размышление.

На сенсорном экране представлены результаты Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в Гааге, показаны эскизы некоторых из тех, кого судили, а также информация о том, сколько лиц каждой национальности было осуждено. В нем также рассматривается двойственное отношение к примирению со стороны тех, кто понес потери во время войны.

В другой главе приводятся примеры того, как нация может исцелиться после ужасного насилия, поскольку задача примирения состоит в том, чтобы получить прощение, не забывая, а тем более не отрицая. Одним из основных средств являются свидетельские показания, подтверждающие страдания. Другие методы включают извинения, искусство, памятники и признания со стороны лидеров участвующих стран. Чтобы перенести проблему национализма, причину этой войны, в наши дни, видео, демонстрирующее документированные случаи публичных политических выступлений, разжигающих ненависть, завершается рядом слайдов от мирной контрдемонстрации до местного митинга с пропагандой ненависти, показывающего, что таким выступлениям необходимо противостоять и что это можно сделать без насилия. Экспозиция заканчивается подтверждением необходимости борьбы с ксенофобией и предлагает посетителям поразмыслить и выразить свои пожелания мира в последней секции выставки.

Секция № 5: Задания на размышление

В конце выставки находится стол с копиями фотографий, сделанных в качестве документальных зарисовок попыток боснийцев вернуться к нормальной жизни после войны. Посетителям предлагается

остановиться и ознакомиться с этими фотографиями. Кроме того, им выдаются небольшие бланки, на которых они могут написать пожелание мира и разместить его на стенде слева. Иллюстрация на стене – это тот же панорамный вид Сутьески (украшенный голубем с логотипа музея), как и на самой первой выставочной стенной панели, замыкающей круг, поскольку мы полагаем, что посетители должны завершить мирное урегулирование, чтобы мир продолжался.

В заключение сейчас нам хотелось бы поделиться с вами этим четырехминутным видео. Оно резюмирует смысл, который музей хотел передать этой выставкой.

Расшифровка видео

(включается экран) ***Примечание***: фрагмент с факелами / риторика, используемая в Шарлоттсвилле, может обеспокоить некоторых зрителей.

«*Национализм отличается от патриотизма… Патриотизм – это любовь к своей стране и гордость за свою страну, но не за счет других стран*».

«*Национализм – это мстительный, бессмысленный взгляд на мир как на джунгли. Он представляет опасность во взаимозависимом мире. Он устарел более 70 лет назад*».

1989 год Сербский национализм (Слободан Милошевич): «Ни одна сила на Земле не может остановить сербский народ».

Сербский народ: «Мы будем сражаться за наше дело, и мы выиграем».

2010 год. Голландский Национализм (Грет Вилдерс, Партия Свободы) «Но по своей сути, ислам – это политическая идеология. Это тоталитарная идеология. Ислам не совместим с Западной цивилизацией или демократией и никогда не будет».

Белый национализм 2017 года (Ричард Спенсер, объединение правых): «Вы не замените нас! Вы не замените нас! Иммиграция – это своего рода прокси-война и, возможно, последняя битва для белых американцев…. Их внуки будут жить в чужой и враждебной стране».

Округ Колумбия (Стив Бэннон, стратег Белого дома в 2016 году): «И мы находимся на самых начальных этапах очень жестокого и кровавого конфликта… который полностью уничтожит всё, что нам было завещано».

2017 год. Бразильский национализм (Жаир Болсонаро, президент): «К сожалению, мы добьемся перемен только тогда, когда-нибудь здесь начнется гражданская война, и мы сделаем то, чего не сделал военный режим… Ничего страшного, если погибнут невинные люди. Невинные люди гибнут во многих войнах».

2002 – 2019 годы. Нигерийский мятеж (Абубакар Шекау, Боко Харам): «В этом мире есть два типа людей; есть те, кто с нами, или те, кто против нас, и последняя группа – это те, кого я убью, как только их замечу».

2016–2017 годы. Индуистский национализм (Тапан Гош, основатель, индуистский Самхати): «Миллион белых английских детей, возможно, стали жертвами изнасилований мусульманскими бандами. Все мусульмане – джихадисты».

2013 год. Эстонский ультраправый (Мартин Хельме, Консервативная народная партия Эстонии): «Я хочу, чтобы Эстония была белой страной».

Выборы в Венгрии 2018 года (Виктор Орбан, премьер-министр): «Есть некоторые, кто хочет отнять у нас нашу страну… передать ее иностранцам, приезжающим с других континентов, людям, которые хотят заменить то, что принадлежит нам, тем, что принадлежит им…».

«Мы уже видели этот фильм раньше, и он плохо заканчивается».

«Главный урок заключается в том, что [мы] должны быть такими же страстными, не забывать наши ценности и нести в своих сердцах такую же песню, как националисты и нативисты».

«У дьявола не может быть лучших мелодий», – Дэвид Милибэнд, Президент Международного комитета спасения.

Плакаты:

«Беженцы, добро пожаловать! Расисты, идите домой. Никаких капюшонов в моем лесу».

«Иммигранты и беженцы, добро пожаловать!»

«Я люблю своих мусульманских соседей».

«Беженцы, добро пожаловать!»

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ ПО ТЕМЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Menachem Wecker. The D.C. Peace Museum That Never Happened. 2021.
2. Moss, Meredith. Museums expose hatred, embrace peace. 2021
3. Kevin Kelly. VOICES: Hatred of those who hate us robs us of our ability to love. 2021.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЮНИСФА В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТА В СПОРНОМ РАЙОНЕ АБЬЕЙ

С. А. Тишков

кандидат политических наук, доцент
заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД
Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России им. В. В. Лукьянова
stishkov@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрено участие Временных сил безопасности ООН для Абьея (ЮНИСФА) в урегулировании конфликта за территории спорного района Абьей. Отмечено, что отсутствие политической воли властей Республики Судан и Республики Южный Судан к достижению компромисса негативно влияет на перспективы мирного разрешения конфликта. В данных условиях ЮНИСФА, наряду с выполнением основных задач в сфере безопасности, прилагает определенные усилия по формированию основ мирного диалога на межобщинном уровне.

Ключевые слова: ООН, миротворческая деятельность, ЮНИСФА, Абьей

UNISFA ROLE IN THE DISPUTED ABYEI AREA CONFLICT RESOLUTION

S. A. Tishkov

PhD (Political Science), Associate Prof., Deputy Head of Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Departments of Internal Affairs
Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
stishkov@list.ru

Abstract. The article studies the participation of the UN Interim Security Forces for Abyei (UNISFA) in the settlement of the conflict over the disputed Abyei area. Noted that the lack of political will of the Republic of Sudan and the Republic of South Sudan authorities to reach a compromise significantly affects the prospects for a peaceful resolution of the conflict. Therefore, UNISFA, along with the main security related activities, is making certain efforts to for the foundations of a peaceful dialogue at the inter-community level.

Keywords: UN, peacekeeping, UNISFA, Abyei

Одним из трендов современного миротворчества является отсутствие заранее разработанных алгоритмов внешнего воздействия на конфликтную ситуацию. Данный тренд получил подтверждение в ходе миротворчества ООН на африканском континенте, так как современные африканские конфликты имеют комплексную природу и многолетние цивилизационные предпосылки.

Примером такого конфликта является противостояние за территории спорного района Абьей, расположенные на границе Судана и Южного Судана. На протяжении столетий данные земли являются зоной соприкосновения и, часто, конфликта интересов кочевых скотоводов-мусульман общины миссерия и преимущественно оседлых земледельцев общины нгок-динка.

В XX веке межобщинные столкновения из-за использования пастбищ и доступа к воде, характерные не только для Судана, но и для всей Африки, приобрели очертания межэтническими конфликта. По мнению А. В. Макутчева, «отношения между ними (*мессерия и нгок-динка – прим. автора*) стали напряженными после провозглашения независимости Судана в 1956 году и начала Первой гражданской войны (1956–1972), в рамках которой на первый план вышла межэтническая и межрелигиозная неприязнь между арабским мусульманским Севером и христианским негроидным Югом» [Макутчев, 2019, с. 47]. В дальнейшем новым триггером этно-конфессиональной составляющей конфликта стала насильственная исламизация после введения в 1983 г. в Судане законов шариата.

При этом в научной среде существует мнение, что причинами эскалации суданского кризиса (широком смысле. – *прим. автора*) является «борьба за ресурсы, а расово-этнические противоречия являются лишь их следствием» [Костелянец, 2011, с. 26].

Считаем возможным применить данный подход и к анализу обстановки в районе Абьей, где продолжается борьба за контроль над водными и нефтяными ресурсами [Ромадан, 2018]. В 1970–1980 гг. проблема реализации права скотоводов мессерия и других кочевых народов перемещаться и иметь доступ в сухой сезон к пастбищам в бассейнах рек в районе Абьей дополнилась борьбой за право использования разведанных в регионе нефтяных месторождений.

Эта борьба приобрела новые грани межгосударственного конфликта после отделения Южного Судана. К сожалению, закрепленные во Всеобъемлющем мирном соглашении, подписанном 9 января 2005 г. в Найваше (Найвашское ВМС), рекомендации провести четкую

демаркацию границ и разграничить принадлежности нефтяных месторождений сторонам конфликта не были реализованы во время переходного периода до проведения референдумов о самоопределении Южного Судана и статусе спорного района Абьей. Стороны последовательно не признали предложений созданной в соответствии с Найвашским ВМС Комиссии по границам Абьея, а затем и решения Постоянного арбитражного суда в Гааге 2009 г.

С. В. Мезенцев отмечает, что «причиной непримиримых разногласий стало отсутствие окончательных договоренностей по совместным границам из-за определения статуса пяти спорных территорий в границах суданских провинций Южный Кордофан и Голубой Нил» [Мезенцев, 2012, с. 40].

Не произошло этого и во время проведения референдума по самоопределению Южного Судана, так как конфликтный потенциал неопределенности границ спорного района Абьея усугублялся отсутствием договоренностей о критериях регистрации избирателей, обладающих правом определять будущее данных территорий.

Вопрос о принадлежности спорной территории района Абьей всё еще остается открытым, что приводит к новым вспышкам насилия и осложнению ситуации в сфере безопасности и обеспечения поощрения прав человека. В этих условиях возрастает важность участия в урегулировании данного конфликта международных организаций различного уровня и негосударственных акторов при неоспоримой лидирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН).

Необходимо отметить, что ООН развернула своё миротворческое присутствие в регионе с 2005 г., когда Совет Безопасности ООН (СБ ООН) в своей резолюции № 1590 от 24 марта 2005 г. постановил учредить Миссию ООН в Судане (МООНВС) в целях поддержки Найвашского ВМС между правительством Судана и Народно-освободительным движением/армией Судана (НОДС/А), а также выполнения определенных функций, касающихся гуманитарной помощи; защиты и поощрения прав человека; разоружения, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов и женщин и детей, связанных с комбатантами; реорганизации полиции в Судане в соответствии с демократическими принципами функционирования полиции, разработке программы обучения и оценки деятельности полицейских и оказания иного содействия в обучении гражданских полицейских[1].

[1]URL: https://www.un.org/ru/events/missions/past/unmis/

Наряду с выполнением задач на территории южных штатов Судана МООНВС разместила своих миротворцев в спорном районе Абьей и в так называемых переходных штатах Голубой Нил и Южный Кордофан.

Одним из важных направлений работы МООНВС было сотрудничество с другими международными акторами в целях содействия сторонам в подготовке и проведении референдумов, которые могли поставить точку в политическом противостоянии по территориальным вопросам.

Вместе с тем проведение в январе 2011 года референдума по разделению Севера и Юга Судана не привело к полному урегулированию политического конфликта о спорных территориях. Изъявив желание поменять форму государственного устройства, стороны не смогли преодолеть взаимные претензии на основе исторически сложившихся противоречий, особое место среди которых занимал территориальный спор за богатый углеводородами район Абьей.

Ситуация в данном районе существенно осложнилась после проведения в мае 2011 г. наступательной операции вооруженных сил Судана (ВС Судана), в результате которой из-за разрушения города Абьей и ряда деревень динка-нгок регион покинуло более 100 тыс. жителей.

В своем выступлении по поводу предстоящего окончания мандата МООНВС Специальный представитель Генерального секретаря ООН Х. Менкериос обратила внимание на необходимость новых договоренностей в сфере безопасности и призвала стороны к диалогу для успешного разрешения конфликта и возвращения внутренне перемещенных лиц. Она подчеркнула необходимость дальнейшего присутствия миротворцев ООН в регионе, так как не все положения Найвашского ВМС были выполнены, и мирный процесс в этих государствах не был завершен.

Перед ООН встала задача изменения форм миротворческого присутствия в регионе, чтобы максимально сохранить достигнутые результаты. Таким решением стало учреждение двух новых операций ООН, зоной ответственности которых стали Республика Южный Судан и спорный район Абьей.

20 июня 2011 г. правительства Судана и Южного Судана подписали соглашение в городе Аддис-Абебе, поддержанное Африканским союзом (АС) и содержавшее обязательства обеих сторон полностью вывести свои вооруженные силы из спорного района Абьея и восстановить местное самоуправление. В поддержку этого соглашения СБ ООН 27 июня 2011 г. принял резолюцию № 1990 о создании Временных сил безопасности ООН для Абьея (ЮНИСФА) и санкционировал развертывание 4 200 эфиопских

миротворцев для обеспечения безопасности возвращающихся на родину нгок-динка.

Данные договоренности предусматривали полную демилитаризацию спорного района Абьей при выполнении основных функций в сфере безопасности силами ЮНИСФА, поддерживаемых полицией Абьея.

Мандат ЮНИСФА, утвержденный резолюцией СБ ООН 1990 (2011), можно условно разделить на два блока: задачи, непосредственно направленные на урегулирование и разрешение конфликта, и задачи по обеспечению защиты на основании Главы VII Устава ООН.

Первый (миротворческий) блок предусматривал:

– осуществление наблюдения и контроля за выводом всех подразделений ВС Судана и НОАС или ее преемника из района Абьея, как это определено Постоянным арбитражным судом;

– участие в работе соответствующих органов района Абьея, как это предусмотрено в Соглашении;

– оказание помощи в разминировании и технических консультативных услуг в сотрудничестве с другими международными партнерами по противоминной деятельности;

– содействие доставке гуманитарной помощи и свободному передвижению сотрудников гуманитарных организаций в координации с соответствующими органами района Абьея, как это определено в Соглашении;

– укрепление полиции Абьея путем оказания ей помощи, включая подготовку кадров и координацию деятельности с полицией Абьея по вопросам правопорядка; и, при необходимости, – в сотрудничестве с полицией Абьея – обеспечивать безопасность нефтяной инфраструктуры в данном районе.

В дополнение к перечисленным выше задачам ЮНИСФА были уполномочены действовать на основании Главы VII Устава ООН и в пределах их возможностей и района их развертывания принимать необходимые меры с целью обеспечения:

– защиты личного состава, объектов, сооружений и имущества ЮНИСФА, а также персонала, объектов, сооружений и имущества ООН;

– безопасности и свободы передвижения персонала ООН, сотрудников гуманитарных организаций и членов Объединенного комитета военных наблюдателей и объединенных групп военных наблюдателей;

– защиту гражданского населения в районе Абьея в случаях возникновения непосредственной угрозы физического насилия без ущерба для сферы полномочий компетентных органов;

– безопасности в районе Абьея, включая защиту от вторжений несанкционированных элементов, как это определено в Соглашении.

В резолюции № 1997 (2011) СБ ООН обратился к Генеральному секретарю с просьбой обеспечить передачу создаваемым Миссии ООН в Южном Судане (МООНЮС) и ЮНИСФА персонала, техники, предметов снабжения и прочего имущества МООНВС в объеме, необходимом для выполнения предстоящих задач.

Первоначально утвержденная численность персонала ЮНИСФА составила 4 200 военнослужащих, 50 полицейских и соответствующий гражданский вспомогательный персонал. В дальнейшем численность военного компонента была уменьшена до 3 550 военнослужащих, а полицейский компонент увеличен до 640 человек, включая 148 полицейских, набранных на индивидуальной основе, и три сформированных полицейских подразделения. При этом ООН заявила о намерении сокращать численность полицейского контингента по мере постепенного формирования полиции Абьея и обеспечения ею эффективного поддержания правопорядка на всей территории данного района.

В июне 2021 года – десятилетний срок исполнения мандата ЮНИСФА, что позволяет подвести некоторые итоги работы данной операции.

К сожалению, стороны конфликта так и не достигли прогресса в политическом процессе разрешения данного конфликта и в создании совместных институтов на территории спорного района Абьей. Ценность природных ресурсов делает этот район важным элементом геополитической и экономической борьбы между Суданом и Южным Суданом. Политическая риторика не способствует снижению напряженности, и вопрос Абьея остается одним из главных принципиальных элементов, на которых лидеры конфликтующих сторон стараются поддерживать свой авторитет в ущерб примирению в регионе.

Вместе с тем в резолюции № 2550 (2020) СБ ООН признал, что ЮНИСФА содействовала стабилизации и демилитаризации в районе Абьей и вместе с Совместным механизмом по наблюдению и контролю за границей играла стабилизирующую роль на территориях, расположенных вдоль границ между Суданом и Южным Суданом.

Считаем необходимым отметить, что, наряду с выполнением основных задач по обеспечению безопасности в регионе, ЮНИСФА активно взаимодействовала с общинами миссерия и нгок-динка в целях содействия возобновлению мирного межобщинного диалога. Например, после инцидентов с применением насилия в Найнае и Коломе в январе

2020 г. ЮНИСФА содействовали проведению двух встреч традиционных лидеров в Диффре в марте и апреле 2020 года. К сожалению, эти встречи не привели к каким-либо существенным результатам, и в последующие месяцы миссия продолжала призывать к межобщинному диалогу в целях обеспечения мирного (сезонного. – *прим. автора*) миграционного цикла [Ситуация в Абьее, URL].

ЮНИСФА продолжала проводить информационно-пропагандистскую работу через поддерживаемые Офисом по взаимодействию с местными общинами структуры Совместных комитетов по вопросам мира. Основные усилия данных комитетов были направлены на укрепление межобщинных отношений и содействие стабильности и примирению в районе Абьей; поддержку возвращению перемещенных лиц; развитие потенциала Комитетов по защите местных общин с целью оказания помощи в обеспечении правопорядка; поддержку мер правительства Судана и Южного Судана по укреплению доверия, обеспечивая участие женщин на всех этапах мирных процессов, а также посредством поддержки текущих миростроительных усилий неправительственных организаций[1].

22–25 февраля 2021 г. при поддержке ЮНИСФА была проведена вторая мирная конференция между нгок-динка и миссерия в городе Авейл, на которой были обсуждены критические вопросы мирного сосуществования двух общин. В повестку дня входили вопросы создания механизмов управления и разрешения конфликтов с особым фокусом на обеспечении подотчетности и решении проблем сезонной миграции, а также пресечение преступных действий в районе Абьей.

Конференция собрала более 60 участников, посадив за стол переговоров представителей различных слоев населения, включая молодежных лидеров, членов объединенного суда, скотоводов и людей, живущих вдоль сезонных коридоров перегона скота, а также торговцев и другие заинтересованные стороны[2].

Позитивным результатом стало участие в данной конференции двух женщин из общины миссерия и трех женщин из общины нгок-динка, в то время как в предыдущей конференции в Авейле 1–4 февраля 2021 г. приняла участие одна женщина из племени миссерия. На втором форуме, несмотря на существующие между ними общинные разногласия, все пять участниц заняли единую позицию с тем, чтобы осудить конфликт

[1]URL: https://unisfa.unmissions.org/community-liaison-office
[2]URL: https://unisfa.unmissions.org/ngok-dinka-and-misseriya-peace-conference

и заявить о своей готовности поддержать мужчин в поисках мирного решения конфликта между двумя общинами.

Несмотря на то, что конференция вновь не привела к подписанию формализованного соглашения, стороны согласились вновь созвать реорганизованный Объединенный комитет по вопросам мира между общинами и провести местные предмиграционные совещания в трех коридорах сезонного перегона скота.

Таким образом, перспективы мирного разрешения спора между Республикой Судан и Республикой Южный Судан по поводу принадлежности территорий спорного района Абьей остаются весьма туманными. При этом СБ ООН подчеркивает необходимость разрешения вопроса о статусе спорного района Абьей исключительно путем мирных переговоров в соответствии с достигнутыми договоренностями, а не на основе односторонних действий любой из сторон.

В целях поддержания мирных процессов, наряду с выполнением основных задач в сфере безопасности и защиты гражданского населения, персонала и имущества, ООН ЮНИСФА предпринимает определенные шаги по формированию основ мирного диалога на межобщинном уровне, всё активнее привлекая к данной работе женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макутчев А. В. Война за ресурсы: Абьейский конфликт между Суданом и Южным Суданом // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 1 (82). С. 46–50.
2. Костелянец С. В. Социально-политические и гуманитарные аспекты конфликта в суданском регионе Дарфур: дис. … канд. полит. наук. М., 2011.
3. Ромадан Л. И. Особенности современных конфликтов на Африканском континенте // Этносоциум. 2018. № 12 (126). С. 70–77.
4. Мезенцев С. В. Южный Судан. Независимость, что дальше? // Азия и Африка сегодня. 2012. № 9. С. 40–45.

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК СРЕДСТВО ОСЛАБЛЕНИЯ СЕПАРАТИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ (на примере конфликта между Великобританией и Шотландией)

Е. А. Тюрин, О. В. Переверзева

Тюрин Е. А., кандидат политических наук
доцент кафедры политологии и государственной политики
факультета государственного, муниципального управления и экономики
народного хозяйства Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС
Turinf.Foveran@yandex.ru

Переверзева О. В., аспирант кафедры политологии и государственной политики
факультета государственного, муниципального управления и экономики
народного хозяйства Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС
zzz-0@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают применение «мягкой силы» с целью ослабления сепаратистских настроений. На примере конфликта между Великобританией и Шотландией показываются варианты использования такой силы сторонниками государственно-территориального единства. Делается вывод об эффективности применения «мягкой силы» в качестве инструмента противодействия сепаратистским настроениям шотландцев.

Ключевые слова: «мягкая сила», Шотландия, политический процесс, сепаратистский конфликт, Великобритания

"SOFT POWER" AS A MEANS OF ATTENUATING SEPARATIST MOOD (on the example of the conflict between the Great Britain and Scotland)

E. A. Turin, O. V. Pereverzeva

Turin E. A., PhD (Political Science)
Associate Professor at the Department of Political Science and Public Policy,
Faculty of State, Municipal Management and National Economy Economics,
Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA
Turin.of.Foveran@yandex.ru

Pereverzeva O. V., PhD Student
at the Department of Political Science and Public Policy
Faculty of State Municipal Management and National Economy Economics,
Central Russian Institute of Management -– branch of RANEPA
zzz-0@mail.ru

Abstract. The authors consider the use of "soft power" in order to weaken separatist sentiments. Using the example of the conflict between the United Kingdom and Scotland, the options for using such force by supporters of state-territorial unity are shown. The conclusion is made about the effectiveness of the use of "soft power" as a tool to counteract the separatist sentiments of the Scots.

Keywords: "soft power", Scotland, political process, separatist conflict, Great Britain

Концепция «мягкой силы» получила широкое признание во всем мире среди как теоретиков, так и практиков политической сферы. Согласно автору этой концепции Джозефу Наю, «мягкая сила» – «способность получать желаемое путем привлечения, а не принуждения или подкупа» [Ney, 2004, с. 10]. Обычно данная концепция используется исключительно в области международных отношений, однако, как представляется авторам настоящей статьи, ее применение может быть целесообразным и при рассмотрении конфликтов сепаратистского характера.

Чаще всего центральные органы управления и сочувствующие им субъекты в конфликтах с территориями, стремящимися к отделению, обращаются к «жесткой силе». В зависимости от особенностей законодательства, политического устройства, степени эскалации конфликта и других факторов это может быть как прямое вмешательство армии и юридические санкции, так и устрашение экономическими, социальными и политическими рисками отделения или откровенный подкуп с помощью доступных экономических рычагов. Однако «мягкая сила» в данных конфликтах может дополнять «жесткую», будучи при этом не менее эффективной в борьбе против сепаратистских настроений. В данной статье на примере конфликта между Великобританией и Шотландией будет рассмотрено, какие ресурсы и инструменты «мягкой силы» использует сторона, выступающая за государственно-территориальное единство.

Одним из действий Лондона в русле «мягкой силы» в период перед референдумом о независимости Шотландии 2014 г. и некоторого времени после него было ведение диалога со сторонниками шотландской независимости, в том числе в рамках переговоров по Эдинбургскому соглашению. Центральная власть продемонстрировала свое уважение ко второй стороне конфликта, согласившись на проведение голосования и заявив о готовности принять любой его исход. Кроме того, после

референдума Лондон также выполнил обещание о дальнейшей шотландской деволюции. Всё это создало сторонникам государственно-территориально единства привлекательный образ, который, в совокупности с другими факторами, на несколько лет ослабил сепаратистские настроения в Шотландии. Отметим, что нынешний премьер-министр Великобритании Борис Джонсон не готов искать компромиссы по поводу нового референдума и не развивает потенциал данного инструмента «мягкой силы».

Источником «мягкой силы» стороны, выступающей за сохранение статуса-кво, является историческая и культурная связь Шотландии и Великобритании. Лондон это осознает и использует в своих целях. Именно к таким социокультурным аспектам обращаются политики-юнионисты в своих выступлениях с призывами к единству. Например, на тот момент премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон в своей эмоциональной речи накануне референдума говорил не только о негативных последствиях независимости для Шотландии, но и о «торжественных и памятных мероприятиях всей Великобритании», родственных и дружественных связях между шотландцами и представителями других наций Соединенного Королевства, вкладе выдающихся шотландцев разных сфер в построении Великобритании, совместном преодолении Шотландией и Великобританией экономического кризиса и в целом о «семье наций» [Scottish independence … URL]. Точно так же бывший премьер-министр Великобритании Гордон Браун в последний день перед референдумом в своем выступлении особо выделил тот факт, что шотландцы и другие британские нации вместе одержали победу над фашизмом, а затем вместе построили государство всеобщего благосостояния [Gordon Brown's speech … URL].

Национальная идея о великой, единой и могущественной Великобритании также является ресурсом «мягкой силы» субъектов, стремящихся сохранить единство Соединенного Королевства. Однако эта имперская идея, будучи эффективной на протяжении долгого времени, в настоящее время уже устарела и действует по большей части лишь на британцев старших поколений. Неслучайно, согласно опросу Ipsos MORI, проведенному в апреле 2021 г., только 50 % британцев предпочитают, чтобы в случае нового референдума шотландцы проголосовали против независимости, а 28 % и вовсе всё равно, какое решение они примут. При этом наблюдается иная картина при рассмотрении отдельно ответов людей пожилого и преклонного возраста. Так, 65 %

респондентов в возрасте 65–74 лет и 76 % – в возрасте старше 75 лет хотят, чтобы Шотландия решила остаться в составе Королевства [The Future of the Union, URL].

Росту «мягкой силы» сторонников государственно-территориального единства содействует деятельность общенациональных культурных институтов – в первую очередь BBC и Британского Совета. Эти учреждения объединяют население разных частей Великобритании и улучшают их отношение к Союзу, демонстрируя ценность культуры каждой нации в составе Соединенного Королевства и продвигая их все, в том чисел за рубежом. Одной из общественных целей BBC является «служение разнообразным сообществам всех наций и регионов Соединенного Королевства», и в соответствии с ней организация стремится «способствовать социальной сплоченности и благополучию» Великобритании [Broadcasting, URL, с. 5–6]. Британской Совет заявляет, что помогает Соединенному Королевству достигать его международных целей, «служа всем частям Соединенного Королевства, а также особым интересам Англии, Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса», и хочет, чтобы его деятельность отражала культурное разнообразие Великобритании и служила ему [Submission from British Council Scotland, URL]. Если говорить о конкретных действиях этих институтов по продвижению именно шотландской культуры и действительности, то со стороны BBC можно отметить создание соответствующих телеканалов (BBC Scotland и BBC Alba) и радиостанций (BBC Radio Scotland и BBC Radio nan Gaidheal), причем BBC Alba и BBC Radio nan Gaidheal вещают на шотландском гэльском языке. Британский Совет, в свою очередь, помимо прочего, включает шотландские организации в свои программы, поощряющие популяризацию национальных культур, а также поддерживает проведение на шотландской земле различных культурных мероприятий международного уровня. Всё это показывает шотландцам их значимость для Великобритании и уменьшает привлекательность сепаратистских идей.

Кроме того, единству Соединенного Королевства способствует символизм британской Короны. Королева Елизавета II и в целом королевская семья олицетворяют устойчивость и стабильность Великобритании. Согласно опросу YouGov марта 2021 г., 80 % британцев положительно относятся к действующей королеве, среди конкретно населения Шотландии этот показатель также высок – 70 % [Royal favourability, URL]. Именно поэтому незадолго до референдума 2014 г. Дэвид Кэмерон попытался заручиться поддержкой Елизаветы II, несмотря на то что она

традиционно придерживается политического нейтралитета. Однако Королева Великобритании не нарушила своих принципов невмешательства и ограничилась лишь комментарием о том, что шотландцы должны хорошенько подумать перед тем, как голосовать. Тем не менее многими это было воспринято как жест в поддержку единства Великобритании. Можно полагать, что это также сыграло свою роль в победе юнионистов на референдуме.

Заслуживает внимания и такой инструмент «мягкой силы», как СМИ. Есть основания полагать, что сторонники статуса-кво используют СМИ для упрочнения идей единства среди шотландского населения. Показательным здесь является исследование Джона Робертсона из Университета Западной Шотландии, опубликованное в начале 2014 г., которое доказывает, что каналы BBC Scotland и STV в своих программах отдавали предпочтение кампании, агитирующей против независимости, предоставляя больше эфирного времени ее аргументам, нежели таковым кампании сторонников отделения [Robertson, URL].

Отметим, что существуют факторы «мягкой силы», которые без активного участия со стороны противников шотландской независимости содействуют достижению их целей. Например, пандемия коронавируса и ее последствия дают веский повод центральной власти отодвигать обсуждение нового референдума. Например, в мае 2021 г. премьер-министр Великобритании Борис Джонсон в своем интервью обозначил референдум в нынешних условиях как «безответственный и безрассудный» [Scottish independence: Boris Johnson pushes … URL]. Так, центральные власти не только сдерживают натиск лидеров сепаратистского движения, но и создают себе образ ответственных и рациональных управленцев среди населения в целом.

Таким образом, можно утверждать, что в конфликтах сепаратистского характера для сдерживания роста числа сторонников отделения может эффективно применяться не только «жесткая», но и «мягкая сила». Умелое использование социокультурных особенностей, СМИ, политики ведения диалога и других «мягко-сильных» ресурсов и инструментов может без необходимости прямого давления сделать идею приобретения независимости значительно менее привлекательной среди населения конфликтного региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ney J. Soft power: means to success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
2. Scottish independence: Full text of David Cameron's 'no going back' speech. Independent. URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/scottish-independence/scottish-independence-full-text-david-cameron-s-no-going-back-speech-9735902.html
3. Gordon Brown's speech at the "Love Scotland Vote No" rally in Glasgow // The Office of Gordon & Sarah Brown. URL: https://gordonandsarahbrown.com/2014/09/gordon-browns-speech-at-the-love-scotland-vote-no-rally-in-glasgow/
4. The Future of the Union. Ipsos MORI. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-04/scotland-future-of-the-union-tables-april-2021.pdf
5. Broadcasting. Copy of Royal Charter for the continuance of the British Broadcasting Corporation. URL: http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/about/how_we_govern/2016/charter.pdf
6. Submission from British Council Scotland. External affairs inquiry. Culture, Tourism, Europe and External Affairs Committee. URL: https://archive2021.parliament.scot/S5_European/Inquiries/CTEEA_S5_19_EA_12.pdf
7. Royal favourability. YouGov Survey Results. YouGov. URL: https://docs.cdn.yougov.com/dkq32ft8nv/Royal%20favourability%2011%20March.pdf
8. Scottish independence: Boris Johnson pushes back against IndyRef2 // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/politics/2021/may/08/scottish-independence-referendum-boris-johnson-pushes-back-against-indyref2
9. Robertson J. BBC bias and the Scots referendum – new report. OpenDemocracy. URL: https: //www.opendemocracy.net/en/opendemocracyuk/bbc-bias-and-scots-referendum-new-report/

АКТУАЛЬНОСТЬ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ ГОСУДАРСТВУ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ ПО ИХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ

В. А. Рахман

докторант Пограничной академии
Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан
vadim030882@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные угрозы, влияющие на обстановку на государственных границах в современных условиях. Рассмотрены и проанализированы актуальные проблемы их возникновения и пути предотвращения. Определены направления дальнейших научных разработок по вопросам совершенствования деятельности пограничной службы по парированию «гибридных» угроз в пограничном пространстве.

Ключевые слова: пограничное пространство, «гибридные» угрозы, «гибридные» методы борьбы, пограничные ведомства, пограничные формирования

THE RELEVANCE OF HYBRID THREATS TO THE STATE AND THE ACTIVITIES OF THE BORDER SERVICE TO COUNTER THEM

V. A. Rakhman

Doctoral Student Academy
of the Border Service of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan
vadim030882@mail.ru

Abstract. The article is about the main threats affecting the situation at state borders in the modern world. The actual questions of their occurrence and ways of preventions are considered and analyzed. The directions of further scientific developments on the issues of improving border guard service activities in responding to different threats in the border space have been determined.

Keywords: state border, hybrid threats, hybrid control methods, military operations, armed conflict, border agencies, border formations

Одной из актуальных проблем нашей современности являются гибридные войны. В сегодняшнем мире угроза прямой военной агрессии между странами постоянно сводится к минимуму. Новая гибридная

война отличается умножением сред, в которых она ведется, усилением взаимозависимости между государствами и субъектами, увеличением скорости распространения информации и повышенной уязвимостью населения, которое может быть защищено от широкого спектра физических угроз, но не от тех угроз, что исходят из информационной среды. Борьба с гибридными угрозами особенно труднодостижима в силу сложности современного общества, среды безопасности, а также множества сил и средств, которые могут быть векторами такого рода агрессии, и для успеха такого подхода необходимо снизить уязвимость и создать механизм реагирования.

Гибридная война включает в себя реализацию комплекса гибридных угроз различного типа: традиционные, нестандартные, масштабный терроризм, а также подрывные действия, в ходе которых используются различные, нередко инновационные технологии для противостояния превосходящей военной силе. Это могут быть, например, массированные кибератаки, действия в энергетической сфере и многое другое.

Комплекс гибридных угроз формируется по заранее определенному стратегическому замыслу и воздействует на широкий спектр военных и гражданских целей противника, включая население страны-мишени.

Традиционно угроза понимается как признак непосредственной опасности нанесения ущерба неточно определенного содержания или тяжести, возможности которой точно не установлены. Конечная цель состоит в подрыве совокупной мощи государства, позиций и влияния правительства внутри страны и на международной арене [Бартош, 2016].

При разработке доктринальной и ресурсной базы существенное внимание уделяется повышению способности противостоять специфическому «сплаву» рукотворных внутренних и внешних угроз, которые целенаправленно ориентируются на уязвимые места государства, жертвы гибридной агрессии и направлены на достижение определенных политических, экономических, военных, идеологических целей. Именно такая совокупность угроз положена в основу стратегий гибридной войны с целью дестабилизации государства – жертвы агрессии и его перевода под внешнее управление.

К числу наиболее важных характеристик гибридных угроз можно отнести:

– источники угроз: государство, террористическая организация, структуры транснациональной организованной преступности, олигархические кланы;

– состав угроз, который определяется возможностями и целями того, кто их формирует, а также уязвимыми местами объекта воздействия;

– масштаб или размах угроз, определяющий границы зоны их воздействия, которые зависят от количества и доступности объектов угроз, а также возможностей их предварительного вскрытия и изучения [Бартош, 2017].

Таким образом, очевидно, что назрела острая необходимость радикального преобразования в области обороны. При этом необходимо учитывать конкретные изменения в стратегии и концепциях потенциального противника. Следовательно, решение всех проблем, связанных с подготовкой и ведением действий в возможных конфликтах, необходимо начинать с всесторонней оценки происходящих изменений в военно-политической обстановке в мире, регионе и соседних государствах [Таленский, 2015].

Сегодня необходимо учитывать и такой фактор, как использование спецслужбами ряда государств расширяющиеся международные связи для наращивания враждебной шпионской и подрывной деятельности. Кроме добывания разведывательной информации, ведется оказание различного рода финансовой, материальной, информационной помощи террористическим, экстремистским и антиконституционным организациям и группировкам, осуществляется искусственное разжигание межнациональных конфликтов [Чижевский, 2020].

В этих условиях первостепенная роль в защите интересов миролюбивых государств на их границах отводится пограничным ведомствам, непосредственно решающим задачи обеспечения принципов нерушимости границ, соблюдения международных договоров, политической независимости и суверенитета, а также отражения вооруженной агрессии.

Всё вышеуказанное подчеркивают важность теоретической разработки и всестороннего обоснования возможных действий пограничного ведомства, в том числе и в ходе ассиметричных конфликтов. В этой связи правительствам государств следует обратить самое пристальное внимание на вопросы подготовки и всестороннего обеспечения соответствующих органов для выполнения задач охраны государственной границы в условия «гибридных» угроз [Романчук, Дульнев, Орлянский, 2020].

С учетом объективных факторов данным вопросам уделяется определенное внимание в различных аспектах указанной проблемы, но при этом комплексного исследования деятельности пограничных

ведомств в условиях применения противником «гибридных» методов борьбы не проводилось. Это не позволяет научно обоснованно и эффективно планировать действия в условиях внезапно возникающих задач в пограничном пространстве. В этой связи становится очевидной необходимость исследования основных вопросов противодействия применению противником «гибридных» методов борьбы для стабилизации военно-политической обстановки на государственной границе.

В ходе исследований в этой области необходимо поставить следующие цели: определить основные задачи, возлагаемые на подразделения пограничного ведомства в интересах стабилизации обстановки, а также возможности по их выполнению; выработать практические предложения по повышению эффективности и совершенствованию форм и способов их действий в интересах урегулирования обстановки в пограничном пространстве. Тем самым закладывается фундамент решения задач по определению основных направлений совершенствования планирования и ведения служебных действий пограничными формированиями, на основе анализа обстановки и тенденций ее развития. Из вышеизложенного следует, что важнейшая роль пограничного ведомства заключается в своевременном выявлении «гибридных» методов борьбы противника в пограничном пространстве и недопущении дальнейшего их прогрессирующего развития.

В связи с постоянной трансформацией международной обстановки теория, представляющая собой систему обобщенного достоверного знания о теоретических подходах и практических вопросах использования пограничного ведомства государства в период применения противником «гибридных» методов борьбы на государственной границе и в пограничном пространстве, требует дальнейшего развития с учетом возникающих «гибридных» угроз.

В настоящее время возникла острая необходимость дальнейшего развития военной научной мысли в вопросах проработки теории и практики использования пограничных ведомств в условиях применения противником «гибридных» методов борьбы, что создаст фундамент для разработки законодательной базы и руководств по применению пограничников в ассиметричных конфликтах.

При этом необходимо решить следующий комплекс задач:

– провести анализ сущности и содержания современных ассиметричных конфликтов и особенностей их проявления в пограничном

пространстве, опыта применения пограничных ведомств в условиях применения противником «гибридных» методов борьбы;

– провести теоретическое моделирование применения пограничных формирований в современном ассиметричном конфликте;

– разработать теоретико-методологические положения по порядку действий в условиях применения противником «гибридных» методов борьбы в пограничном пространстве;

– разработать порядок организации управления, взаимодействия и всестороннего обеспечения в условиях ассиметричного конфликта на государственной границе.

Решение вышеперечисленных задач позволит обеспечить более высокий уровень защищенности государственных границ и адекватное реагирование на вызовы и угрозы, возникающие в пограничном пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бартош А. А. Применение гибридных методов в современных конфликтах // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6(39). С. 158–170.
2. Бартош А. А. Диалектика гибридной войны // Философская мысль. 2017. № 12. С. 53–68.
3. Таленский Н. Развитие оперативного искусства по опыту последних войн // Военная мысль. 2015. № 5. С. 25–40.
4. Чижевский Я. А. Основные тенденции трансформации природы и характера современных военно-политических конфликтов // Военная мысль. 2020. № 6. С. 6–23.
5. Романчук А. В., Дульнев П. А., Орлянский В. И. Изменения характера вооруженной борьбы по опыту военных конфликтов начала XXI века // Военная мысль. 2020. № 4. С. 66–81.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Ю. Рудницкий

доктор исторических наук
профессор кафедры международной и национальной безопасности
Дипломатической академии Министерства иностранных дел России
artem-rud55@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные этапы формирования российской исторической политики во взаимосвязи с исторической политикой стран Европы и Северной Америки и в контексте международной и национальной безопасности. Выделяются основные параметры российской исторической политики, анализируются причины ее низкой эффективности и даются рекомендации по ее корректировке.

Ключевые слова: историческая политика, войны памяти, безопасность, образы прошлого, Российская Федерация, страны Европы, США

MEMORY POLITICS AND ISSUES OF NATIONAL AND INTERNATIONAL SECURITY

A. Yu. Rudnitskiy

Doctor of History (Dr. habil)
Professor of the Diplomatic Academy of the MFA of the Russian Federation,
Department of National & International Security
artem-rud55@yandex.ru

Abstract. The paper explores the development of memory politics in Russia in relationship with similar processes in Europe and North America and highlights its impact on national and international security. Author examines the main dimensions of the Russian memory politics, reviews the root causes of its poor performance and offers specific suggestions for its reform.

Keywords: memory politics, memory wars, security, images of the past, Russian Federation, USSR

«Историческая политика» – явление не новое. С древних времен государственная власть стремилась управлять прошлым в своих интересах. Это диктовалось как внутренними, так и внешними

задачами, но в обоих случаях речь шла о манипуляции общественным сознанием. Для контроля над народными массами, обеспечения «правильного вектора» развития, легитимности власти и повышения ее престижа. А также для формирования привлекательного международного имиджа своего государства и придания отталкивающих черт имиджу государств, с которым оно находилось во враждебных отношениях, нанесения максимального ущерба их интересам.

Если перефразировать В. О. Ключевского, то можно сказать, что политика в лучшем случае базируется на искажении истории, а в худшем – на ее отрицании [Ключевский,1990]. Не менее меткое наблюдение оставил О. Хаксли, заметив, что факты истории интересуют людей только в том случае, если они вписываются в наши политические убеждения.

Нынешние реалии свидетельствуют о беспрецедентной значимости исторической политики, ставшей своего рода феноменом современного политического ландшафта. При этом она приобретает весьма конфронтационный характер, провоцируя войны памяти, служит инструментом нагнетания международной и внутренней напряженности и принудительной регламентации общественных процессов в целом ряде стран, включая Россию, страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

Французский историк М. Ферро пишет: «Границы мира раздвигаются, экономически он всё больше унифицируется, в то время как политическая обособленность стран сохраняется. В этих условиях история становится всё более весомым аргументом в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп. Ссылаясь на прошлое, легче овладеть настоящим, придать легитимность власти, обосновать претензии. Государство, церковь, политические партии и группы, связанные частными интересами, контролируют средства массовой информации и книгоиздание. Именно они финансируют культуру: от выпуска школьных учебников и комиксов до кино и телевидения. Прошлое, которое они "отпускают" всем и каждому, выглядит всё более и более единообразным» [Ферро, 2010, с. 7–8].

Однако ключевая причина роста значимости исторической политики коренится в переломном характере современной эпохи. На смену надеждам на торжество либерально-демократического миропорядка пришло глубокое разочарование. Западные «либеральные империи» приходят в упадок и для поддержания своего могущества всё чаще обращаются к отнюдь не либеральным методам управления. Что же касается неофитов, к числу которых некоторое время назад можно было отнести

и Россию, то либеральные идеи так и не нашли надежной опоры в наших условиях. Эту метаморфозу называют «возвращением к политическому реализму» [Соловьев, 2015]. Разочарование в либеральной модели связано с тем, что она не позволила найти исчерпывающие ответы на вызовы международной и национальной безопасности, с которыми столкнулось человечество на рубеже тысячелетий: международный терроризм, издержки глобализации, включая стирание национальной идентичности, религиозные конфликты и противостояние культур и цивилизаций, обострение расовых и межэтнических противоречий и др.

«Реалистические методы» на первый взгляд более эффективны, но лишь в кратковременной перспективе. В конечном счете они сами способны становиться угрозой безопасности, приводя к ограничению и подавлению гражданских прав и демократических свобод, взаимному отчуждению государств, возникновению и обострению международных конфликтов. Сказанное в полной мере относится к государственной деятельности по корректировке и формированию образов прошлого.

В настоящее время даже в странах, считающихся цитаделями демократии, таких, как США или Канада, образы прошлого видоизменяются и подчищаются. По этому поводу высказался канадский ученый Д. Схиммельпенник ван дер Ойе: «…Большую часть XX века на исторических факультетах американских университетов говорили студентам, чтобы они изо всех сил старались не смешивать политику с прошлым. Но в XXI веке всё стало меняться. Историк призван быть политкорректным или “вовлеченным” <…> Теперь историки, занимаясь своим ремеслом, должны применять всё более строгий моральный кодекс. Главная цель историков теперь не заключается в том, чтобы помочь нам понять прошлое. Вместо этого их задача – никого не обидеть… Историки теперь обязаны подчеркивать недостатки наших предков, применяя стандарты настоящего, чтобы судить о прошлом. В результате этого американская история стала чередой мазохистских пересказов о гнусных проступках своих предков»[1].

[1]Круглый стол: историческая политика. URL: https://www.instituteofeurope.ru/partnery/meropriyatiya/item/kruglyj-stol-istoricheskaya-politika?highlight=WyJcdTA0MzhcdTA0NDFcdTA0NDJcdTA0M2VcdTA0NDBcdTA0MzhcdTA0NDdcdTA0MzVcdTA0NDFcdTA0M2FcdTA0MzBcdTA0NGYiLCJcdTA0M2ZcdTA0M2VcdTA0M2JcdTA0MzhcdTA0NDJcdTA0MzhcdTA0M2FcdTA0MzAiLCJcdTA0MzhcdTA0NDFcdTA0NDJcdTA0M2VcdTA0NDBcdTA0MzhcdTA0NDdcdTA0MzVcdTA0NDFcdTA0M2FcdTA0MzBcdTA0NGYgXHUwNDNmXHUwNDNlXHUwNDNlXHUwNDNiXHUwNDNiXHUwNDM4XHUwNDQyXHUwNDM4XHUwNDNhXHUwNDMwIl0=

Крупный западный историк Г. Саймонс характеризует происходящее, как «либеральный маккартизм»[1], открывающий возможности для «охоты на ведьм» и преследования инакомыслящих.

Историческая политика России вполне органично смотрится в русле этого мейнстрима, но отличается специфическими чертами, обусловленными опытом национального развития, прежде всего, после Революции 1917 года. Отношение советской власти к истории было сугубо утилитарным. Из нее изымались целые пласты, которые с точки зрения правящей бюрократии могли нанести ущерб ее авторитету в глазах советских людей и мирового общественного мнения. Формально государство боролось с фальсификацией истории, на деле же такую фальсификацию поощряло и инициировало. Один из самых известных примеров – утаивание секретного протокола к Пакту Молотова-Риббентропа и других документов периода советско-германской дружбы 1939–1941 гг. В изданной в 1948 г. «исторической справке» под названием «Фальсификаторы истории» [Фальсификаторы истории … 1948] (ответ на публикацию Госдепартаментом США советско-германских архивных документов кануна войны [Nazi-Soviet Relations … 1948]) использовались технологии, которые применяются и по сей день: фигура умолчания, передергивание и выборочное акцентирование фактов, предание гласности только «удобных» архивных документов.

Уже тогда выявились особенности исторической полемики между Россией и «коллективным Западом». Обе стороны препарировали прошлое в нужном им ключе, осуществляя политически мотивированную селекцию исторических событий. Разница состояла в том, что на Западе действовали более искусно, избегая открытой лжи или прямого замалчивания тех или иных фактов. Последнее характеризовало советскую позицию – более примитивную, менее изощренную, а потому более уязвимую. Именно убожество «исторических технологий» сыграло свою негативную роль в период перестройки, когда запреты были сняты и хлынувший поток информации подточил устои СССР.

[1]Круглый стол: историческая политика. URL: https://www.instituteofeurope.ru/partnery/meropriyatiya/item/kruglyj-stol-istoricheskaya-politika?highlight=WyJcdTA0MzhcdTA0NDFcdTA0NDJcdTA0M2VcdTA0NDBcdTA0MzhcdTA0NDdcdTA0MzVcdTA0NDFcdTA0M2FcdTA0MzBcdTA0NGYiLCJcdTA0M2ZcdTA0M2VcdTA0M2JcdTA0MzhcdTA0NDJcdTA0MzhcdTA0M2FcdTA0MzAiLCJcdTA0MzhcdTA0NDFcdTA0NDJcdTA0M2VcdTA0NDBcdTA0MzhcdTA0NDdcdTA0MzVcdTA0NDFcdTA0M2FcdTA0MzBcdTA0NGYgXHUwNDNmXHUwNDlIXHUwNDNiXHUwNDM4XHUwNDQyXHUwNDM4XHUwNDNhXHUwNDMwIl0=

В 1990-е г. в России наступила эра информационной открытости, свободных исторических дискуссий и массового рассекречивания архивных документов. Ничто, казалось, не предвещало возобновления «исторических боев» – еще более жестоких и непримиримых, чем в эпоху «холодной войны». Перемены обозначились в самом начале нулевых и к середине второй декады XXI века заявили о себе в полный голос.

Тогда наметились две взаимоисключающие тенденции:

1) использование исторического нарратива как мощного инструмента консолидации общества в поддержку правящего режима под лозунгами патриотизма и российской исключительности, т. е. разработка российской исторической политики;

2) отказ от политизации истории как способа ее фальсификации, которой, мол, занимаются российские оппоненты и которой не пристало заниматься России.

На первых порах вторая тенденция преобладала. Непосредственным «триггером» стала историко-пропагандистская кампания, развернутая странами ЦВЕ (в первую очередь Польши, Латвии, Литвы и Эстонии) – это была своего рода реакция на восстановление в России сильного централизованного государства, усиления ее политической самостоятельности и международного влияния. Политизированные оценки событий Второй мировой войны и ее кануна использовались для обвинений современной России в имперских амбициях и экспансии. С российской стороны это категорически осуждалось. Спорные вопросы предлагалось оставить для обсуждения ученым, а политикам – отказаться от их использования в конъюнктурных целях. Подчеркивалось, что историческая политика «практична до цинизма», она рассматривалась как сугубо негативное явление, и вопрос о том, что Россия должна обзавестись собственным аналогом не входил в повестку дня [Дюков, 2010].

В 2009 г. при Президенте РФ была создана Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб национальным интересам, которая, несмотря на свое грозное название, так и не сумела организовать такое противодействие. Ее активность свелась к мониторингу ситуации в зарубежных странах, разработкой модели российской исторической политики она не занимались. Деятельность Комиссии не была концептуально обоснована, итоги не подводились, объяснений по поводу ее упразднения дано не было.

Этот был провал, во многом дискредитировавший умеренно-либеральный подход и выдвинувший на первый план более жесткие

и наступательные методы, которые начали отрабатываться еще в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Тогда государственные ведомства взялись за создание национальной идеологии, в которой центральное место отводилось «патриотическим» интерпретациям отечественной истории. Чиновники оттеснили на второй или третий план научное сообщество, чему давалось свое теоретическое обоснование: «историкам нельзя доверить разработку и проведение исторической политики», потому что они не в состоянии «выработать единую, приемлемую для всего научного сообщества картину прошлого», и история – это не наука, поскольку у нее «десять истин, и все они противоречат друг другу»[1] .

В основу официальной исторической политики была положена единственная и главная истина – безоговорочно позитивное восприятие деятельности советского государства. Власть пришла к выводу, что построить сильное государство в российских условиях, опираясь на демократические ценности, нереально, и связующей духовной скрепой может стать только известная формула графа Сергея Уварова, разумеется, откорректированная применительно к современным условиям.

Советский опыт далеко не однозначен, и многие явления и процессы попросту невозможно втиснуть в утилитарную схему гибридного советско-российского патриотизма. Поэтому официальные структуры уходят от определенных оценок Революции 1917 г., коллективизации, индустриализации, а преступления сталинского режима затушевывают и стараются лишний раз о них не напоминать. Муссируются и эксплуатируются события и процессы – прежде всего победа в Великой Отечественной войне – на основе которых относительно легко выстраивать новую идеологию.

В обстановке растущей агрессивности внешней среды российская историческая политика заточена на культивирование осадного менталитета, изоляцию страны от внешнего мира, борьбу с явными и скрытыми иностранными агентами. С этой целью происходит перенос на новую почву советских тактических приемов, правда в менее примитивном исполнении. В частности, это касается отношения к православию и роли церкви, Белого движения, диссидентской активности позднего советского периода и т. д.

Однако нынешнюю практику с советской роднит усиление охранительных тенденций, широкое использование законодательных

[1]Г. Герасимов. Историческая политика современной России. URL: https://histrf.ru/read/articles/istorichieskaia-politika-sovriemiennoi-rossii

запретов, чтобы исключить нежелательные интерпретации событий и процессов прошлого. Такие запреты принимаются под предлогом «защиты исторической правды», что прописано в новой редакции Конституции РФ. Справедливо замечание, что эта статья и понятие «размыты», что может привести «к печальным последствиям», включая цензуру на неугодные исторические труды [Портнягина, 2021]. Это, с одной стороны, свидетельствует о нарастании антидемократических тенденций, а с другой – говорит о том, что официальные идеологи не полагаются на убедительность своих аргументов и де-факто признают их слабость и несостоятельность.

Опросы общественного мнения показывают, что в своем нынешнем виде российская историческая политика не находит должного отклика в обществе. Это, главным образом, относится не к старшим поколениям, а к молодежи, которая и должна являться основным объектом этой политики. Навязчивый и принудительный официоз дает эффект, обратный желаемому и способствует не «единству рядов», а повышает градус социальной напряженности и тем самым снижает уровень национальной безопасности[1].

Что до внешнего измерения, то российская историческая политика по своей агрессивности и тенденциозности не уступает польской, украинской или прибалтийской. Это не может не сказываться на международной безопасности и затрудняет нахождение взаимоприемлемых решений и развязок. А. И. Миллер отмечает: «Вступив, по примеру соседей, на путь исторической политики, Россия только способствует закреплению атмосферы “диалога глухих”, которая чем дальше, тем больше сопровождает обсуждение вопросов недавнего прошлого. “Зеркальный” ответ, когда на каждое “да” одной стороны другая неизменно говорит “нет”, далеко не всегда эффективен для борьбы с исторической политикой других государств»[2].

Говорить о смене парадигмы пока едва ли приходится, но реально предлагать и настаивать на модификации российской исторической политики, что сделало бы ее менее одиозной и более результативной, придало бы ей черты не социального раздражителя, а объединяющего фактора. Согласимся с тем, что «историческая политика не всегда несет

[1]См. например: А. Ю. Рудницкий. Моргенштерн не одинок. URL: https://echo.msk.ru/blog/artemrud/2926238-echo/.

[2]А. Миллер. Россия: власть и история. URL: https://polit.ru/article/2009/11/25/miller/

в себе отрицательный заряд, она не должна рассматриваться исключительно с позиции манипуляции прошлым. Она может стать результатом политических, общественных дебатов, быть индикатором демократичности общества, позволяет не забыть или же, наоборот, вспомнить важные события прошлого» [Портнягина, 2021, с. 406].

Однако достижению такого результата препятствуют законодательные запреты, закрытость архивов и выборочное рассекречивание архивных документов, упор на «лобовые атаки», а не на аргументированную полемику, стремление обходить чувствительные темы и другие подобные методы. Интересам как правящего режима, так и общества в целом отвечало бы усиление информационно-просветительского и научно-аналитического компонента исторической политики. Это способствовало бы созданию благоприятных условий для формирования в общественном сознании в нашей стране и за рубежом объективной и правдивой картины российского прошлого, укрепило бы российские позиции в международной исторической полемике и благотворно сказалась на международной и национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 9. М. : Мысль, 1990.
2. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М. : Книжный клуб, 2010.
3. Соловьев Э. Возвращение истории – конец эры либерализма? // Международная жизнь. 2015. № 12. С. 63–75. URL: https://interaffairs.ru/news/show/14373
4. Фальсификаторы истории (историческая справка). М. : ОГИЗ Госполитиздат, 1948.
5. Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. U.S. Department of State, 1948.
6. Дюков А. Р. Историческая политика или политическая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/179
7. Портнягина М. Д. Историческая политика в России: проблемы и перспективы // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 405–414.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

М. В. Пупышева

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
pupysheva.maria@gmail.com

Аннотация. В статье представлено исследование основных направлений внешней политики Испании в контексте нестабильности мирового порядка и внутригосударственных изменений. В основе анализа лежит «Стратегия внешнеполитической деятельности Испании» на период 2021-24 гг., отчеты Королевского институт Элькано и статьи отечественных и зарубежных исследователей. Полученные данные позволяют выделить основные факторы, повлиявшие на изменение внешнеполитического курса страны, а также основные приоритеты на ближайшие четыре года.

Ключевые слова: внешняя политика Испании, Европейский Союз, Иберoамерика

CHANGES IN THE FOREIGN POLICY STRATEGY OF SPAIN AT THE PRESENT STAGE

M. V. Pupysheva

Pupysheva M. V., Senior Lecturer
Department of Linguistics and Professional Communication
in the Sphere of Media Technologies
Moscow State Linguistic University
pupysheva.maria@gmail.com

Abstract. The article presents a study of the main directions of Spanish foreign policy in the light of instability of the world order and domestic changes. The analysis is based on the 2021-2024 Foreign Action Strategy, the Elcano Royal Institute reports and articles by Russian and foreign researchers. The data obtained make it possible to single out the main factors that influenced the change in the country's foreign policy course, as well as the main priorities for the next four years.

Keywords: Spanish foreign policy, European Union, Iberoamerica

Последние несколько лет присутствие Испании на международной арене было ограниченным в силу причин внутреннего характера: взаимная блокада крупнейших партий длилась вплоть до 13 января 2020 г. Перезапуск официальной «Стратегии внешней политики» был вытеснен более важными вопросами – пандемией COVID-19. Не только новое правительство столкнулось с необходимостью организации импорта медицинских препаратов, контроля международных потоков и помощью гражданам за рубежом, но и вся политика ЕС была переориентирована на новые глобальные вызовы [Бабынина 2020]. Таким образом, новый доктринальный документ был принят лишь в апреле 2021 г.

Целью данной работы является анализ изменения курса внешней политики правительства Педро Санчеса в ответ на трансформацию мирового порядка, получившую особый импульс в последние годы. Безусловно, новый курс еще только предстоит закрепить на практике; кроме того, предложенные изменения не имеют той же глубины, как знаменитый «поворот» правительства Фелипе Гонсалеса. В то время изменение курса заключалось как в доктринальном, так и в стратегическом переопределении всей внешней политики Испании. Несмотря на то, что новая «Стратегия» также подразумевают важный стратегический сдвиг, он характеризуется развитием основных констант испанской внешней политики, а не отказом от них.

Данное изменение курса осталось практически вне поля зрения современных исследователей, во-первых, в силу небольшого промежутка времени, прошедшего с момента принятия документа; во-вторых, из-за наличия напряженности во внутренней политике страны, ставшей основой для большинства комментариев и анализа. Внешнеполитический аспект испанской политики традиционно является точкой консенсуса в силу того, что основные его цели перечислены в «Законе о внешней политики и внешнеполитическое службе»[1], а целью стратегий является описание конкретных инструментов для их достижения.

Внешние факторы, способствовавшие смене курса

Очевидно, что коронавирус не мог положительно повлиять на позиционирование Испании – одной из наиболее пострадавших стран в мире как с экономической точки зрения, так и в области

[1]Ley 2/2014 de la Acción y del Servicio Exterior del Estado // BOE, 2014. https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2014-3248

здравоохранения, а также не способствовал ослаблению внутриполитической конфронтации. Однако стоит отметить, что сосредоточение медийной повестки на болезни и ее последствиях послужило толчком для кристаллизации целей одного из важнейших векторов внешней политики страны – европейского, а также сгладило некоторые противоречия внутри правящей коалиции.

Усиление нестабильности, а также необходимость противодействовать терроризму и экстремизму стали важными факторами, способствующими переосмыслению целей испанской внешней политики. Усиление рисков и угроз для Европы, как со стороны Ближнего Востока, так и в связи с напряжением в отношениях с Россией, отразились и на государственном бюджете Испании на 2021 г.[1]: на фоне общей тенденции к сокращению расходов выделяются увеличение бюджета Министерства иностранных дел и Министерства обороны. Белая книга отталкивается от тенденции к снижению рисков, связанных с повышением конкурентности и потенциальной конфронтационности на мировой арене, для выстраивания оборонной политики Испании и ее позиционирования. Многие из указанных рисков были перенесены в качестве внешнеполитических приоритетов, в частности технологическая конкурентоспособность, борьба с дезинформацией, кибербезопасность.

Референдум по Брекзиту от 23 июня 2016 г. изначально рассматривался в качестве дестабилизирующего элемента, однако привел к увеличению сплоченности между государствами – членами ЕС, а также к более позитивному восприятию гражданами будущего Европы. Для Испании выход Великобритании является уникальной возможностью войти в группу ведущих европейских стран, место, на которое она претендовала на протяжении последних 10 лет.

Президентство Дональда Трампа осложнило трансатлантические отношения Испании, вызвав серьезную напряженность после изменения тарифной политики. Реакция США на пандемию, в частности, в рамках международных институтов, и отсутствие интереса к разработке глобальных мер противостояния шли вразрез с основными постулатами внешнеполитической стратегии Испании, а потому были встречены резкой критикой [Tovar Ruiz 2021]. Данный фактор определил окончательный отказ от стратегии внешней политики Хосе Марии Аснара, основывавшейся на лидерстве Испании на международной арене за счет

[1]Ley 11/2020 de Presupuestos Generales del Estado para el año 2021 // BOE, 2020. https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2020-17339

развития партнерских отношений с США. Смена администрации Белого Дома является важным фактором в выстраивании общеевропейской политики, однако Испания не является приоритетной страной для Вашингтона, а потому дальнейшее двустороннее сотрудничество будет происходить на базе международных институтов, а также благодаря стратегии испанофонии в штатах с испаноязычным населением.

Стоит также упомянуть улучшение экономической ситуации (по крайней мере, в темпах роста), хотя нет сомнений в том, что политика жесткой экономии во время эпидемии коронавируса оставит свой след в долгосрочной перспективе. Позиция активного сторонника евроинтеграции позволила Испании получить один из самых выгодных пакетов помощи [Rivero 2021] «Плана по восстановлению ЕС», предполагающего преобразование всей финансовой модели в долгосрочной перспективе [Никулин 2021], в рамках которой будет возможно дальнейшее инвестирование в сотрудничество в целях развития, дипломатию и оборону, несмотря на жесткие ограничения.

Приоритеты внешней политики 2021–2024 гг.

Поскольку у нового председателя правительства не было официальной инаугурации – он пришел к должности после вотума недоверия – правительственная программа так и не была озвучена на официальном уровне, а приоритеты внешней политики были четко обозначены лишь в апреле этого года после подписания Кортесами «Стратегии внешней политики Испании»[1]. Внешняя политика не стала предметом освещения в СМИ, поскольку в парламенте и в обществе не было обсуждения спорных правительственных решений. Тем не менее анализ двух последних внешнеполитических стратегий позволяет выделить ключевые моменты, претерпевшие изменения:

– приоритет европейского вектора и углубление в ЕС, поскольку Европейский Союз рассматривается как элемент, определяющий всю внешнеполитическую стратегию Испании;

– развитие традиционных векторов испанской внешней политики, в первую очередь, Латинской Америки;

[1]Estrategia de Acción Exterior 2021–2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación.
http://www.exteriores.gob.es/Portal/es/SalaDePrensa/ElMinisterioInforma/Documents/ESTRATEGIA%20ACCION%20EXTERIOR%20ESP.pdf

– активное сотрудничество и поддержка франко-германской оси в качестве гаранта принятия Испании в ядро ЕС и дальнейшего закрепления своих интересов в повестке дня;

– европеизация трансатлантических отношений и участие в разработке автономной европейской оборонной политики и, в целом, снижение веса североамериканского вектора в политике Мадрида;

– позиционирование Испании как одного из лидеров современной мировой политики на волне роста популярности социальных движений (феминизм, экология, «новая этика»);

– активное участие в мировом управлении, в особенности за счет восстановления политики сотрудничества в целях развития, как минимум до докризисного уровня.

Что касается европейского вектора внешней политики, приоритетным направлением на данном этапе является реализация стратегии восстановления Next Generation EU, успех которой имеет двойное значение, так как соответствует двум целям социалистического правительства: лидерство в экологическом переходе и толчок в цифровой трансформации страны. Во внешней политике и политике безопасности ЕС продолжает поддерживать идею «стратегической автономии», и эксперты сходятся во мнении, что, несмотря на избрание Байдена на пост президента США, в ближайшее время Европейский союз будет придерживаться нейтрального курса [Biscop 2021]. В отличие от Франции и Польши, открыто выступающих за развитие трансатлантических отношений и укрепление отношений с НАТО, можно предположить, что Испания поддержит курс, выбранный Берлином, поскольку это позволит ей сосредоточить усилия на развитии других направлений, в частности, закреплении позиций в Восточной Азии. Для решения стоящих перед Мадридом задач Испании необходимо сделать упор на двусторонние и многосторонние союзы, что нашло свое отражение в европейском разделе «Стратегии», однако, главной целью Испании остается вступление в «ядро» ЕС, место, на которое претендуют также Италия и Польша.

Одним из краеугольных камней новой «Стратегии» является достижение лидерской позиции в вопросах равноправия, феминизма и «новой этики». Устранение гендерного разрыва нашло свое отражение как в распределении фондов программы Next Generation EU, так и в повестке дня конференции «Будущее Европы», на чем активно настаивал Мадрид. Кроме того, испанские представители требуют обязательного включения вопроса равноправия в национальные планы восстановления

стран – членов ЕС, опираясь на «План ЕС по обеспечению гендерного равенства на период 2021–2025», где он трактуется как геополитический.

Среди предполагаемых конкретных действий Мадрид планирует лоббирование своих кандидатов в главы миссий ЕС в ключевых для нее странах. Кроме того, активная роль Испании в международных организациях является примером готовности страны формировать нужную повестку дня. Всё это, в дополнение к усилению международного авторитета Испании, должно способствовать укреплению ее кандидатуры на непостоянную должность в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций на двухлетний период 2031–2032 гг.

Актуальные отношения между Испанией и регионом ЛАК следует рассматривать с трех точек зрения: двусторонние отношения, иберо-американские многосторонние союзы, а также посредничество Испании в выстраивании отношений ЕС–ЛАК.

В первом направлении задача Испании состоит в том, чтобы сохранить и улучшить двусторонние отношения с большинством стран региона. Приоритетной является экономическая дипломатия, целью которой является сохранение уровня инвестиций как из Испании в Латинскую Америку, так и из Латинской Америки в Испанию, с учетом того, что объем последних значительно вырос в последние годы.

Что касается отношений ЕС–ЛАК, одним из основных активов в продвижении интересов Испании в данном вопросе является Верховный представитель ЕС Жозеп Боррель. Мадриду необходима ратификация договора об ассоциации МЕРКОСУР–ЕС, для которой предполагается совместная работа с Португалией – председателем Евросоюза в 2021 г., поскольку следующие страны (Словения, Франция и Чехия) не будут столь заинтересованы в данном направлении. Кроме того, также необходимо обновление договоров ЕС с Мексикой и Чили, которое планируется на вторую половину 2023 г., когда Испания сама станет председателем ЕС.

Вакцинация является важным вопросом, на который Испании и ЕС в целом необходимо дать быстрый ответ: королевство выступает в качестве гаранта распределения доз европейской вакцины на территории стран региона. Испанские и европейские компании должны исходить из растущей конкуренции со стороны китайских предприятий [Molina 2021] в секторах, где их присутствие было традиционно небольшим: электроэнергия, инфраструктура, телекоммуникации, финансовые услуги и т. д. Сокращение помощи в целях развития будет восполнено активизацией других заинтересованных игроков, в том числе, Россией.

Основой многостороннего сотрудничества являются Ибероамериканские саммиты, последний из которых состоялся в апреле 2021 г. и был посвящен двум проблемам: устойчивому развитию и пандемии. «Латинская Америка перед лицом проблемы коронавируса» включает программу адаптации региона к ситуации с COVID-19 и механизм эффективной координации ответных мер, государственных политик и ибероамериканского сотрудничества. Ответственным за программу является AECID, однако необходимость в срочном финансировании и экономическая ситуация внутри страны позволяют предполагать, что данный проект получит свою реализацию лишь после получения Испанией траншей в рамках восстановления ЕС.

Согласно отчету Организации Ибероамериканских государств по вопросам образования, науки и культуры (OEI), одним из негативных факторов является стагнация инвестиций в НИОКРиТ, что позволяет предположить, что сотрудничество в целях развития в ближайшие годы будет во многом сосредоточено в этой области. Подобный сценарий также выгоден испанскому бизнесу, поскольку в последнее десятилетие институты испанофонии в ЛАК продвигали имидж страны как технологического и инновационного хаба, а также поддерживали экспорт зеленых технологий в области добычи ископаемых и энергетики.

Заключение

Смена внешнеполитического курса Испании, начавшаяся в 2018 г., получила свое развитие лишь в 2021 г. в связи с объективными причинами эпидемиологического характера. Проведенный анализ показал, что Мадрид предпринимает активные действия по укреплению своих позиций как в мире, так и непосредственно в рамках ЕС.

Подчеркнем, что данное изменение курса не перечеркивает действия предыдущего правительства. Оно состоит, в частности, в изменении видения позиционирования Испании на международной арене как лидера в области социальных программ по поддержке населения, а также в интенсификации поддержки франко-германского ядра. Выход Соединенного Королевства и политический кризис в Италии предоставили Педро Санчесу возможность привнести испанское видение в европейскую повестку дня, а снижение приоритетности североамериканского вектора позволило сконцентрировать внимание и ресурсы на восстановлении своих позиций в зоне культурно-исторической общности – Ибероамерике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабынина Л.О. Коронавирус: что может сделать и делает Европейский союз // Аналитические записки ИЕ РАН. 2020. №12(195). URL: http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an195.pdf
2. Tovar Ruiz J. Biden y el futuro de la relación EEUU-UE // Real Instituto Elcano, 2021. 14 p.
3. Rivero F. J. D. Next Generation EU: una panorámica y su dimensión regional en España // Investigaciones Regionales= Journalof Regional Research. 2021. № 50. P. 5–12.
4. Никулин К. Экономика Испании в условиях COVID-19: анамнез и перспективы восстановления // Мировая экономика и международные отношения, 2021. № 1. Т. 65. С. 42-49.
5. Biscop S. Carta de Europa: La llegada de Biden y la autonomía de la Unión Europea // Política exterior. 2021. Nº 199. Vol. 35. P. 12–16.
6. Molina I. España en el mundo en 2021: perspectivas y desafíos // Elcano Policy Paper, 2021. http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/4bc4b6e9-dbb7-43ba-8e74-e4320a6533b1/Policy-Paper-Espana-en-mundo-2021-perspectivas-desafios.pdf

СЕКЦИЯ III
КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ ДЛЯ АКТИВНОЙ ПАМЯТИ И ВДОХНОВЕНИЯ (на примере музея мира, Брэдфорд, Великобритания)

Клайв Барретт

председатель Попечительского совета Музея мира в Брэдфорде (Великобритания)
исполнительный член Международной сети музеев мира
приглашенный научный сотрудник Лидского университета
c.barrett@leeds.ac.uk

Аннотация. Статья посвящена коллекции Музея Мира в г. Брэдфорд в Великобритании. Автор указывает на тот факт, что именно артефакты оживляют истории и помогают анализировать и учитывать множество фактов в достижении или разрушении мира. Такие музеи являются хранилищем памяти борцов за мир.

Ключевые слова: музей мира, память, культура мира, воспоминания, история, экспонаты

THE USE OF COLLECTIONS FOR ACTIVIST MEMORY (an example of the Peace Museum in Bradford, Great Britain)

Clive Barrett

Chair of the Board of the Peace Museum, Bradford, UK
Executive member of the International Network of Museums for Peace
a visiting scholar at the University of Leeds
c.barrett@leeds.ac.uk

Abstract. The article is devoted to the collection of the Peace Museum in Bradford, Great Britain. The author underlines that the artifacts are the ones that bring stories to life and help to analyze and take into account many facts in reaching or destroying peace. Museums like this are a repository of the memory of peace fighters.

Keywords: the Peace Museum, memory, peace culture, history, exhibits, reminiscence

Мы считаем, что память имеет две функции: обеспечивает понимание прошлого и влияет на решения в будущем. Память помогает отдельно взятым людям и обществам в обработке и понимании их опыта и приданию ему смысла. Это знание впоследствии отражается на нашем поведении в будущем, независимо от того был ли это негативный или позитивный опыт.

В контексте мира эта двойная направленность памяти означает, что мы должны опираться, анализировать и учитывать историю в целом как разрушителей, так и миротворцев.

1. Мы помним времена, когда нарушалось состояние мира, что приводило к жестоким конфликтам в истории, и интерпретируем их с целью добиться мира. Главное – это намерение. Без стремления к миру воспоминаниями можно манипулировать для развязывания войны и дальнейшего ужаса. С целью прихода к миру даже ужасающие воспоминания могут быть истолкованы таким образом, что они побуждают к предотвращению повторения зла и всеобщему сближению.

2. Мы также помним примеры глобальных или локальных миротворцев, которые пытались предотвратить, сгладить или завершить такие конфликты. Эти истории часто скрыты, мало ценятся господствующей частью общества, особенно когда они о протестах, сопротивлении государству или оппозиции национализму. Восстановление и пересказ этих историй может послужить источником вдохновения для нового поколения.

Сохранение и надлежащее изучение таких воспоминаний – как ужаса первого, так и вдохновляющих примеров последнего – положительно влияет на культуру мира, улучшение местных и глобальных отношений и снижение вероятности будущей войны.

Где нам найти эти воспоминания?

Наряду со свидетельствами очевидцев событий, которые доступны только при их жизни, лучшими средствами для восстановления воспоминаний являются те артефакты и образы, которые могут оживить прошлое. Хранить коллекцию артефактов, пояснять и рассказывать истории, стоящие за ними, с целью содействия миру – это задачи, которые помогает определить музей мира. В частности, рассмотрим коллекцию Музея мира, в г. Брэдфорд, в Великобритании. В музее хранятся тысячи артефактов, связанных с пацифистскими движениями и сопротивлением войне на протяжении всей истории

Начало работы Музея Мира в г. Брэдфорд в Великобритании было положено на конференции музеев мира 1992 г. в Брэдфорде;

в дальнейшем были представлены коллекции плакатов и реклама для туристов под лозунгом «Посетите Брэдфорд».

Экспонаты музея в Брэдфорде можно условно подразделить на несколько групп:

1. Маленькие предметы, за которыми стоят большие истории. Например, чемодан ребенка-беженца из нацистской Германии; черепица с крыши здания в Нагасаки; фрагмент Берлинской стены.

2. Предметы, описывающие состояние мира. К ним относятся, например, артефакты межрелигиозного мира; коллекция «понимание мира 1919 года», где поднимается вопрос действительно ли сельская идиллия «покой»?

3. Экспонаты, описывающие процесс заключения мира:

а) Договоры. Например, обелиск из дерева Уильяма Пенна (Шакамаксон, США, 1683 г.); Версаль, 1919 г.;

б) Предметы, свидетельствующие о примирении наций и сообществ. Сюда можно отнести баннер «Матери за мир» – отношения женщин между Великобританией и СССР; Свитки повествования о разделе Индии и Пакистана, 1947 г.;

в) свидетельства лауреатов Нобелевской премии мира.

4. Воспоминания активистов, активно выступающих за мир:

а) Первая мировая война: отказники от военной службы в силу своих убеждений; антивоенная музыка;

б) движение за мир 1930-х гг.: протесты против бомбардировок;

с) 1950–1960-е гг.: первоначальный логотип ядерного разоружения (символ «мира»);

г) движение против ядерного вооружения 1980-х годов: текстильные баннеры из женских лагерей мира;

д) недавние воспоминания: искусство изнутри оружейной ярмарки; продолжающиеся протесты против использования атомного оружия; движение по лозунгом «Мир! – Нет ЛГБТ на войне».

Как в самом музее, так и в школах на севере Англии есть динамичная образовательная программа, которая основана на коллекции артефактов. Артефакты оживляют историю. Например, коллекция под названием «Что бы вы положили в чемодан, если бы вам пришлось в спешке бежать из дома и стать беженцем?»

Музей мира в Брэдфорде только что был номинирован на звание «Лучший маленький музей Великобритании 2021 года». Его влияние скоро станет глобальным, поскольку первая часть проекта по размещению

онлайн коллекции музея будет запущена в ноябре 2021 г. Таким образом, вскоре можно будет получить онлайн доступ к 100 объектам из коллекции Музея мира.

Подобное воспитание в духе мира, осуществляемое с помощью музейных коллекций, предназначено не только для ученых, но и для обычных людей. Следовательно, Музей мира в Брэдфорде вносит значительный вклад в развитие культуры мира.

Мы не считаем, что картина 1919 года точно отражает состояние мира. Мир – это больше, чем сельская идиллия. Мир динамичен. Он включает в себя преднамеренные ненасильственные действия для того, чтобы создать мирное и справедливое общество.

Есть много способов описать или определить жизнеспособность культуры мира. Никакими терминами нельзя точно передать значение понятие «культура мира», всегда чего-то будет не хватать, однако сюда обязательно надо включить:

- Истории мира, миротворчества и сопротивления войнам отдельных людей и сообществ
- Искусство мира, ненасилия и сопротивления войне
- Музыку;
- Образование во имя мира на всех уровнях обучения
- Предметы из коллекций, сведения о мире и все, что посвящено памяти мира

Воспоминания о мире и истории мира являются основой культур мира. Музеи мира являются хранилищем памяти борцов за мир. Это уникальное место, где можно найти вдохновение и создать культуру мира.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ ПО ТЕМЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Clive Barrett Being a Museum for Peace in a Volatile Culture, International Network of Museums for Peace, 9th international conference, 2017
2. Matthew Jackson A Troubles Museum? Thoughts on the representation of "difficult" history in a divided present. International Network of Museums for Peace, 9th international conference, 2017
3. Heather Millard Dimmed by Personal Grief : The Peace Treaty and Peace Day Celebrations, 2019

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОДВИЖЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

М. М. Васильева

кандидат политических наук, доцент
доцент кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
catmar@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России. Автор приходит к выводу, что информационное общество демонстрирует свою обратную сторону, и речь идет уже не о просто конвергенции и поисках компромиссов и точек совпадения интересов во имя общемирового развития, а о перестройке и изменении формата международных отношений на базе современных информационных технологий.

Ключевые слова: информационные технологии, информационное общество, международные отношения, национальные интересы

MODERN INFORMAION TECHNOLOGIES BOOSTING NATIONAL INTERESTS OF RUSSIA INTERNATIONAL RELATIONS

M. M. Vasilieva

PhD (Political Science), Associate Professor
Associate Professor at the Department of the Communication Technologies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
catmar@yandex.ru

Abstract. The main problem tackled in this research deals with information technologies as the instrument of boosting national interests of Russia. The author comes to the conclusion that the information society shows the other side and the subject deals with not only mutual interests in the name of world development, but modification of the international relations on the base of the modern information technologies.

Keywords: information technologies, information society, international relations, national interests

Длительное время считалось, что уровень могущества государства определяет военная сила. Сегодня главным фактором могущества государства становится информация. Обладание государством такой способностью открывает для него путь к дальнейшему наращиванию на принципиально новой основе своей экономической, политической и военной мощи. Сегодня правомерно утверждать, что при прочих равных условиях достижение государством стратегических преимуществ зависит от имеющихся у него информационных возможностей.

Вместе с тем вследствие информационной революции и глобализации всего информационного пространства появилась непосредственная возможность доступа как к географической, так и к социокультурной сфере государства из единого пространства информационных коммуникаций. В данном контексте информационное общество демонстрирует свою обратную сторону. Речь уже идет не просто о конвергенции и поисках компромиссов и точек совпадения интересов во имя общемирового развития, а о перестройке и изменении формата международных отношений на базе современных информационных технологий.

Информационные технологии, основанные на их применении новые приемы, являются эффективными средствами борьбы государств за национальные интересы на международной арене.

Информационные технологии открывают новые возможности для воздействия на общественное мнение внутри страны и за ее пределами. К новым способам и методам информационного противоборства некоторые исследователи относят так называемые «гибридные войны», по своей сути носящие тотальный характер и являющиеся более эффективными, чем просто информационные и информационно-психологические войны.

Сегодня перед Российской Федерацией стоят задачи продвижения и отстаивания своих национальных интересов на международной арене. Они вытекают из потребностей внутреннего развития страны, модернизации самой России.

Под информационными технологиями в политике понимают технологии создания, сбора, хранения, обработки, передачи и распространения информации для реализации функций политической системы, направленных на повышение эффективности политического процесса и достижения желаемых результатов в сфере политики [Балашов, 2014].

При этом в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «всё большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» (Ч. II, п. 21)[1].

Информационные технологии и основанные на их применении новые приемы являются эффективными средствами борьбы государств за национальные интересы на международной арене.

При условии низкой политической культуры населения, монополии на СМИ и доступ к информации можно сравнительно просто манипулировать общественным мнением, подавляя голоса тех, кто пытается объективно освещать события в мире. Примером этого является одностороннее освещение событий в Южной Осетии (2008), Сирии (с 2012), Украине (2014).

Попытки разрушения или подмены привычных ценностей, в том числе фундаментальных, ослабление национального духа, педалирование «правами человека» и прочее. Отсюда же соответствующий инструментарий – научно разработанные и обоснованные концепции, доктрины и методики такого феномена, как «управляемый хаос», «управляемый конфликт», «наращивание хаоса как наращивание демократии», «детерминируемого хаоса» и т. п. Существуют целые институты, специализирующиеся на проблемах «управляемого хаоса» (например, институт «SANTA FE» в США). Вместе с тем «управляемый хаос неправомерно рассматривать как цель современного геополитического противоборства. Конечной целью субъектов… было и остается мировое господство, посредством которого обеспечивается беспрепятственный доступ к ресурсам... управляемый хаос следует расценивать не как стратегию, а как технологию».

Новые информационные технологии всё шире применяются в международных отношениях, политико-дипломатической борьбе, при реализации экономических и национальных интересов, в научно-техническом соперничестве.

---

[1]Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683). URL: http://www. scrf.gov.ru/security/docs/document133/ (дата обращения: 07.09.2019).

Так, мировое сообщество стоит на пороге глобальных перемен в сфере добычи и использования энергоресурсов, а это тесно связано с вопросами климата, переходом на безуглеродное топливо и внедрением энергоэффективных технологий. С одной стороны эти меры призваны снизить выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, с другой – представляют угрозу, в частности для России, из-за преимущественного развития нефте- и газодобывающих отраслей, которые играют значимую роль в формировании основы существующей инфрастуктуры.

Вместе с тем на Россию оказывается консолидированное информационное давление, наблюдается тенденция со стороны крупных геополитических игроков к установлению контроля за поставками углеводородного сырья, что является действенным способом усиления влияния. Кроме того, на Западе Россию обвиняют в попытках шантажа путем ограничения поставок энергоносителей, в использовании нефти и газа в качестве «политического оружия».

В соответствии с Парижским соглашением, каждая страна обязуется осуществить переход на безуглеродную экономику. Другими словами, всё топливо, сжигаемое во время эксплуатации, не должно содержать углерод (С). В то же самое время соблюдение этого соглашения требует снижения или практически свертывания добычи такого углеводородного топлива, как: нефть, уголь и газ, замена традиционных технологий металлургии на энергоэффективные.

Европейский Союз планирует с 2023 года ввести в действие механизм трансграничной углеродной корректировки (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM или углеродный налог), который позволит взимать плату за поставки энергоресурсов с высоким содержанием углерода.

Таким образом, Россия, являясь одним из ведущих поставщиков углеродсодержащих энергоресурсов оказывается в зависимой ситуации: либо поставлять свои энергоресурсы и при этом оплачивать налог на повышенное содержание углерода, либо потерять рынки сбыта и доходы бюджетной части. С одной стороны эти меры призваны снизить выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, с другой – призвать страны-поставщиков энергоресурсов (в частности Россию) переходить на технологии с низким содержанием углерода.

В июне 2017 года Соединенные Штаты, желая избежать сложностей и затрат перехода на новые технологии использования энергоресурсов, по инициативе Президента США Дональда Трампа вышли из

Парижского соглашения. Однако с приходом к власти Дж. Байдена США заявили о своем намерении реабилитировать свои позиции по соглашению с целью продвинуть свою экономику в сфере «чистой энергетики».

Вместе с тем Европейская стратегия декарбонизации провозглашает «Зеленый курс» (Green Deal) и включает перевод металлургии, самолетов и судов на водородное топливо (H), привлечение энергии солнца и ветра как возобновляемых источников энергии и выход на климатическую нейтральность уже через 30 лет к 2050 году.

Для России она означает сжимание экспортных рынков, где экспорт нефтепродуктов обеспечивает до 35 % денежных поступлений. По данным Росстата, доходы России от рекордных объемов экспорта нефти в 2019 г. составили 122,2 млрд долл. США, а в 2020 г. – уже 72,36 млрд долл.

Одним из крупнейших потребителей российской нефти является Китай, который также заявляет о выходе на климатическую нейтральность к 2060 году. Россия за 2020 год поставила в КНР более 83 млн т нефти. Известная британская компания BP в 2019 г. предложила варианты развития до 2040 года. Первый вариант предполагает наращивание энергопотребления (нефть, уголь, газ). Второй – развитие альтернативных источников энергии (ветер, солонце, биотопливо). Эксперты BP также отмечают политические меры по сокращению выбросов углерода на 45 %, что отвечает закрепленным в Парижском соглашении целям. А после 2040 г. отмечается полный переход на безуглеродное топливо и декарбонизация энергетики за счет активного внедрения альтернативных (возобновляемых) энергоресурсов, системы накопления энергии и замкнутых циклов производства.

Российским компаниям, занимающимся экспортом на европейские рынки, предстоит сложная перестройка технологических мощностей. Так, в 2020 г. Германия и Россия приняли национальные водородные стратегии. В Москве планируется открытие водородного бюро при посольстве ФРГ, которое будет поддерживать и координировать проекты в этой сфере.

Переход экономически развитых стран к декарбонизации энергетики за счет активного внедрения альтернативных возобновляемых энергоресурсов с заменой традиционных технологий на энергоэффективные и выход на климатическую нейтральность ставят в сфере энергетической политики России следующие задачи: переход к новым наукоемким технологиям; замена традиционных технологий на

энергоэффективные; повышение энергоэффективности своей экономики в рамках сохранения позиций на мировой арене.

Возрастает информационная и военная активность государств, имеющих отношение к арктическому региону. Сегодня Северный полюс вновь стал предметом международной конкуренции в информационной сфере. В перспективе серьезной угрозой для России может стать выдвижение претензий на право свободного пользования природными ресурсами, которыми она владеет.

Всё это становится тем более актуальным сейчас, когда Арктика в силу ее географического положения, огромных запасов природных ресурсов, экологической, научной и оборонной значимости привлекает всё больший интерес многих, в том числе и неприполярных, стран мира, становится ареной борьбы за право обладания ее богатствами и узлом противоречий глобального значения, где фокусируются интересы различных геополитических субъектов

Никакая другая страна не имеет такой большой протяженности границ. Недаром именно у России появился Северный морской путь – самый короткий маршрут из Европы в Америку и Азию, – который обслуживает регион, обеспечивающий сегодня стране 80 % нефти, 90 % никеля, почти весь газ, золото, серебро, олово, апатиты, молибден, алмазы, половину деловой древесины. Северный морской путь в состоянии дублировать и дополнять сухопутные коридоры, обеспечивая жизнедеятельность всего русского Севера.

Система международной торговли давно предусматривает его использование всеми крупнейшими мировыми перевозчиками. В ближайшие годы, учитывая то, что достигнут предел пропускной способности Суэцкого и Панамского каналов и нарастает нестабильность в регионах Малой Азии и Ближнего Востока, стратегическая роль этого коридора и торговли между Юго-Восточной Азией, Японией, Северной Америкой, Евросоюзом и Россией будет только возрастать. С учетом потепления Северный морской путь становится самым удобным для перевозки углеводородов с арктических месторождений. Уже до 2024 года в России планируется увеличение нагрузки на Северный морской путь.

В последнее время резко возросла активность держав, претендующих на добычу полезных ископаемых в арктическом регионе. Кроме того, морские пути и богатства Арктики привлекают и страны НАТО (США, Норвегия, Дания и Великобритания), которые в 2020 г. провели показательные учения в водах Баренцева моря, а Дания вкладывает

значительные финансовые средства и существенно укрепляет свое присутствие в Арктике. По данным ООН, запасы нефти в Арктике превышают все ресурсы России в 2,4 раза. По прогнозам специалистов, к 2040 году из-за глобального потепления Северный морской путь через Арктику станет также самым коротким маршрутом, удобным для транспортировки углеводородного сырья с арктических месторождений, из Европы в Америку и Азию. При этом нефтегазовый комплекс России и маршруты поставок энергоресурсов являются привлекательным объектом для нападений и диверсий, посредством чего может осуществляться политический шантаж в информационной сфере.

Сегодня можно говорить о том, что от возможностей государства в информационной сфере зависит его возможность отстаивать национальные интересы, сохранять суверенитет и территориальную целостность страны, добиться стратегического превосходства в продвижении национальных интересов, что становится неотъемлемой частью современных международных отношений XXI века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балашов А. Н. Информационные технологии в политике: сущность, содержание и классификация // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. Вып. 2(32). С. 85–91.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ РФ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ РЕАГИРОВАНИЯ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ВОЕННЫЕ УГРОЗЫ

Е. А. Данилова

доктор политических наук, доцент
Департамент политологии Финансового университета при Правительстве РФ
старший научный сотрудник
Национального исследовательского Томского государственного университета
Elena.a.danilova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме разработки стратегии национального брендинга РФ с опорой на инновационные компетенции оборонно-промышленного комплекса в качестве ответа на глобальные вызовы в области информационной и военной безопасности.

Ключевые слова: национальный брендинг, информационная война, национальная безопасность, инновации, оборонно-промышленный комплекс

NATIONAL BRANDING OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY AS A TECHNOLOGY FOR RESPONDING TO GLOBAL INFORMATION AND MILITARY THREATS

E A. Danilova

Doctor of Political Science (Dr. habil)
Associate Professor at the Department of Political Science
Financial University under the Government of the Russian Federation
Senior Researcher, National Research Tomsk State University
Elena.a.danilova@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the current problem of developing a strategy for national branding of the Russian Federation based on the innovative competencies of the military-industrial complex as an answer to global challenges in the field of information and military security.

Keywords: national branding, information war, national security, innovation, military-industrial complex

Геополитическое и информационное противостояние со странами Запада служит наполнением современной внешнеполитической конъюнктуры, обусловленной столкновением интересов России и Запада в различных регионах мира, в том числе на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке. Разворачивающаяся информационная война против России, антироссийская риторика вновь пришедшего к власти президента США Дж. Байдена и аналогичный тренд со стороны большинства стран ЕС, обвинения со стороны Запада по делу об имевшем место, по мнению стран ЕС и США, отравлении оппозиционера А. Навального, раскачивание внутрироссийской политической ситуации, приведшее к нарастанию оппозиционных настроений, особенно среди молодежи, усиливающаяся нестабильность на постсоветском пространстве (военный конфликт в Нагорном Карабахе, усиление разногласий с Украиной, протесты в Беларуси) – все эти вызовы, адресованные российской элите, требуют ответа и дополнительно актуализируют проблему поиска ценностной идеи стратегии национального брендинга для укрепления как внутриполитической стабильности, так международного веса.

Одновременно нарастает глобальное информационное противостояние. В то время как информационные войны становятся неотъемлемой частью современной геополитической практики, вопрос отражения информационных атак глобальных оппонентов требует эффективного ответа. Западные СМИ искажают и негативизируют образ России, что требует существенной корректировки через выстраивание коммуникационной стратегии, нивелирующей данные установки в общественном сознании зарубежной аудитории. «России в настоящее время достаточно сложно реализовываться в международном коммуникационном пространстве, вследствие активных дискредитирующих информационных кампаний, развязанных западными странами» [Агуреева, 2020, с. 10], а «внешнеполитический имидж России на данный момент испытывает беспрецедентное информационное давление [Сагалаева, Харичкин, 2019]. По мнению И. В. Радикова, на смену открытым выражениям военной мощи приходит создание мирового информационного пространства, в котором зарождается иная война, информационная [Радиков, 2015]. Наблюдается значительное смещение центра тяжести от применения открытых и силовых методов вооруженной борьбы к активному использованию невоенных мер, преимущественно латентного характера, при этом усилия концентрируются не на природно-географических

театрах военных действий, а в информационно-психологической сфере, где происходит ожесточенное сражение образов и символов, созданных средствами массовой информации [Ленев, Вещагин, Шишков, 2020].

Вместе с тем анализ современной геополитической конъюнктуры указывает на параллельное существование двух видов угроз: и военных, и информационных. По мнению А. А. Ковалева и В. Л. Мрочко, «с одной стороны, мировое сообщество через значительную эскалацию внутригосударственных и международных противостояний осуществило возврат к форме силового разрешения конфликтов и противоречий, а с другой – построило еще одно измерение для выяснения отношений на международном поле – глобальное информационное пространство» [Ковалев, Мрочко, 2017, с. 64]. Пересечение этих осей актуализирует проблему конструирования убедительного образа России и задает потенциальное направление его развития – в области обеспечения национальной безопасности.

Наблюдается усиление трендов милитаризации во всем мире. Сравнительный анализ международного брендинга вооружений указывает на пристальное внимание глобальных игроков, включая США, НАТО, вооруженные силы ЕС и отдельных стран в плоскости общеевропейской безопасности, таких как Германия, Швеция, к этому вопросу и отдельные успешные коммуникационные практики в этой части, что требует от России систематизации «зеркальных» усилий по формированию стратегии национального брендинга вооружений и оборонной отрасли. Современные глобальные вызовы и угрозы актуализируют задачу обеспечения национальной безопасности РФ и ее информационного сопровождения. В условиях нарастания международных милитаристских интенций Россия нуждается в сохранении высокого статуса обороноспособности в национальной системе сдержек и противовесов. Тема инновационного развития российской оборонной промышленности имеет большую актуальность и в связи с ее ролью катализатора инновационных преобразований в других отраслях экономики за счет развития технологий двойного назначения. Диффузия инноваций из ОПК в различные отрасли экономики и промышленности способствует их укреплению и развитию [Данилова, Щербинин, 2015], а следовательно, влияет на усиление положения России на мировой арене.

«Определение центров сосредоточения инновационных компетенций и ключевых акторов оборонно-промышленного комплекса, разработка убедительной национальной коммуникационной стратегии России

будут способствовать росту международного авторитета и глобального престижа страны. Национальный брендинг инноваций ОПК обеспечит России солидную репутацию сильного международного игрока и укрепление патриотизма населения страны в целях консолидации нации перед лицом глобальных вызовов и угроз. При этом смягчению геополитического напряжения будут служить развитие интернационального антитеррористического сотрудничества, международного научно-образовательного и производственного взаимодействия в области гражданского применения ОПК, проведение международных тематических конференций и выставок, развитие экономического сотрудничества в области торговли оружием и технологиями» [Данилова, 2017, с. 104].

Центральная инициирующая роль в реализации стратегии национального брендинга должна принадлежать государству как основному бенефициару и ресурсодержателю. Также в развитии данной стратегии в области национальной безопасности ее сореализаторами могут выступать ключевые субъекты ОПК, принимающие участие в политике инноваций и обеспечивающие выпуск инновационных продуктов и технологий. СМИ выступают значимым актором с технологической точки зрения, так как коммуникация в современных условиях становится ключевым элементом политики. Повышение значимости СМИ в современном политическом пространстве связано с их цифровизацией и переходом в качественно новый формат – цифровое пространство, что позволило расширить аудиторию влияния, вовлекая в цифровое медийное пространство новые социальные группы и субкультуры, а также усилить степень влияния на соинформеров и пользователей. Цифровая дипломатия в эту новую эру глобальной коммуникации является моделью влияния через отношения внутри социальных сетей, а национальный брендинг стал новым трендом публичной дипломатии. Выстраивание национального бренда на глобальном коммуникационном ландшафте без активного использования социальных сетей при всех возможных издержках в настоящее время бесперспективно [Кротова, 2020]. В целом появление новых каналов и форматов коммуникаций обуславливают необходимость их активного применения в стратегии национального брендинга. Требуется разработка стратегии освоения пространства социальных медиа для работы с молодежью, реализации программы военно-патриотического воспитания. Так, сейчас успешно развивается сайт Министерства обороны РФ: там появились актуальные разделы с информацией об армии, которую стало

находить проще и быстрее. С 2014 года активно используются современные коммуникационные площадки: социальные сети, форумы, блоги [Кротова, 2020].

Исследователи указывают на возрастающую роль имиджа Вооруженных сил Российской Федерации в системе обеспечения военной безопасности, что говорит о его востребованности в качестве эффективного ресурса высшего военно-политического руководства государства, отмечая следующие направления:

1) положительная динамика формирования позитивного имиджа Вооруженных сил Российской Федерации в интересах военной безопасности;

2) растущая активность использования имиджа Вооруженных сил Российской Федерации в интересах военного строительства;

3) активное применение имиджа Вооруженных сил Российской Федерации в интересах стратегического сдерживания.

В качестве прикладных технологий формирования имиджа вооруженных сил отмечаются активизация военно-патриотической работы в школах, создание и продвижение идеи возрождения военно-патриотических клубов и обществ (например, движение «Юнармия»), активизация проверок боевой готовности и широкое освещение их в СМИ, проведение армейских игр и конкурсов (в частности, армейские международные игры «АрМИ», которые проводятся с 2015 г. и постоянно расширяют число участников, совершенствование военной науки и военного образования, проведение совместных форумов, конференций и круглых столов (в частности, международный военно-технический форум «Армия») [Ленев, Вещагин, Шишков, 2020].

Необходимость формирования позитивного имиджа армии в качестве приоритетной задачи современных государств З. Ю. Надточий объясняет следующими факторами: расширение кредита доверия правительству за счет уверенности общества в безопасности, обеспечения формирования и стимулирование развития контрактной службы благодаря социальному престижу службы в армии, ключевая роль армии в определении авторитета страны на международной арене [Надточий, 2019а]. К технологиям создания положительного образа российской армии относятся пресс-конференции для иностранных и оппозиционных изданий, продвижение патриотических сайтов, спонсорство рок-фестивалей, ролики на популярных видеохостингах, уведомление общества об успешных спецоперациях, организация развлекательных

мероприятий (например, введенный министром обороны Сергеем Шойгу танковый биатлон) [Надточий, 2019б].

Армия в современных условиях выступает сильным и самостоятельным политическим брендом, оказывающим влияние на расклад геополитических сил в мире и поддержание национальной идеи внутри страны. Наряду с развитием технических и инновационных характеристик вооружений, значимым становится искусство репрезентации армии, вооруженных сил и ОПК в целом, возможности их позиционирования за счет современных коммуникационно-технологических средств и нужных каналов. Во внутренней политике необходима системная реализация активной политики памяти с опорой на ключевые исторические события, в том числе в области обороны и безопасности (одним из шагов ее реализации является широкое празднование Дня Победы, проведение парадов Победы, шествий «Бессмертного полка»), а во внешней среде – активное противодействие фальсификации истории, сохранение исторической правды, недопущение нивелирования роли России как правопреемницы СССР в значимых исторических событиях, закрепление ее роли победительницы и освободительницы. В современных условиях участие России в урегулировании военно-политических конфликтов, например, ввод миротворцев в Нагорный Карабах, борьба с террористическими группировками в Сирии закрепляют за Россией статус глобального миротворца и способствуют усилению ее международного веса.

Одновременная реализация продуманной политики инноваций в оборонной отрасли, инновационное развитие ОПК, выпуск высокотехнологичных продуктов и технологий, активное включение ключевых инновационных субъектов отрасли в стратегию национального брендинга с целью репрезентации их возможностей и достижений будет определять ее эффективность. Разработанная и системно реализованная в ответ на глобальные военные и информационные вызовы современности стратегия национального брендинга РФ в области национальной обороны и безопасности, будет способствовать укреплению международного престижа России, расширению ее влияния на состав глобальной международной повестке, увеличению кредита доверия населения к власти, развития национальной идеи в духе активации глобальной субъектности в рамках формирования многополярного мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агуреева К. А. Политический имидж России в европейских странах // Научно-практические исследования. 2020. № 12–6 (35). С. 12–16.
2. Сагалаева С. С., Харичкин И. К. Отражение внешнеполитического имиджа России в СМИ Великобритании // Огарёв-Online. 2019. № 4 (125). С. 1–7.
3. Радиков И. В. Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5. Ч. 1. С. 150–153.
4. Ленев Ю. А., Вещагин А. В., Шишков А. И. Современные тенденции использования имиджа вооруженных сил РФ в качестве информационно-психологического компонента ресурсной системы обеспечения военной безопасности государства // Мир образования – образование в мире. 2020. № 1 (77). С. 146–155.
5. Ковалев А. А., Мрочко В. Л. Геополитический имидж военного статуса России // Власть. 2017. № 2. Т. 25. С. 64–68.
6. Данилова Е. А., Щербинин А. И. Позиционирование инновационной политики в российской оборонной отрасли в контексте формирования стратегии национального брендинга // Власть. 2015. № 8. С. 39–43.
7. Данилова Е. А. Сравнительный анализ международного брендинга вооруженных сил и Российский национальный брендинг инноваций в оборонно-промышленном комплексе как ответ на глобальные вызовы современности // Власть. 2017. № 7. С. 92–107.
8. Кротова А. Н. Публичная дипломатия и национальный брендинг // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 2020. С. 226–228.
9. Надточий З. Ю. Позитивный имидж вооруженных сил как стратегическая задача современного государства // Государство и общество в современной политике: сборник научных статей 6-й Международной научно-практической конференции. Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Воронеж, 2019а. С. 120–124.
10. Надточий З. Ю. Формирование позитивного имиджа вооруженных сил: зарубежный опыт и российская специфика // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019б. № 3 (20). С. 147–150.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КАМПАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ ПО ОСВЕЩЕНИЮ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» 2010–2012 ГОДОВ

Е. И. Дорошенко

кандидат филологических наук
выпускающий редактор Отдела общественно-политических проектов
Дирекции государственных проектов МИА «Россия сегодня»
e.doroshenko@ria.ru

Аннотация. В статье приводится краткий анализ основных особенностей и характеристик кампаний англоязычных СМИ по освещению и сопровождению событий «арабской весны». Особое внимание уделяется разобщающей направленности риторики, ключевым нарративам, словам и понятиям, появившимся в ходе «цветных революций» в арабском мире.

Ключевые слова: «арабская весна», Ливия, Каддафи, «обязанность по защите» (R2P), военные операции НАТО, «декаддафизация»

MAIN CHARACTERISTICS OF MEDIA CAMPAIGNS BY ENGLISH-LANGUAGE SOURCES COVERING THE ARAB SPRING OF 2010–2012

E. I. Doroshenko

PhD (Philology)
Editor of the Socio-Political Projects Department
of the International News Agency "Rossiya Segodnya"
e.doroshenko@ria.ru

Abstract. The article briefly analyzes the main features and characteristics of media campaigns by English-language sources covering, interpreting, and supporting the Arab Spring events. The main accent is made on the conflicting nature of rhetoric and the basic narratives, words, and notions that emerged during the 2010-2012 events in the Arab world.

Keywords: Arab Spring, Libya, Gaddafi, Responsibility to Protect (R2P), NATO military operations, "degaddafization"

Говоря о заметных исторических событиях с позиции коммуникации, следует отметить, что любое из них неизбежно оставляет след – как в языках государств, где оно имело место, так и в глобальном информационном пространстве. Другими словами, возникают характерные

политические реалии; и «цветные революции», и «арабская весна» – это как раз такие лингвистические единицы, которые соотносятся с совершенно конкретным явлением.

Основные особенности подачи информации (с выходом на формирование общественного мнения как на месте событий, так и за рубежом)

Если мы попытаемся проанализировать и в самом общем плане охарактеризовать риторику англоязычных СМИ, связанную с «арабской весной», то увидим, что ее главной чертой стало жесткое разделение на «своих» и «чужих»: силы «демократии и свободы» противопоставляются «угнетателям и диктаторам». Создавшееся противостояние – в том числе и с легкой руки тогдашнего президента США Барака Обамы – СМИ стали характеризовать в терминах «красных линий» (которые нельзя переступать) и необходимости оказаться на «правильной» стороне истории (что в контексте обращения к лидерам осаждаемых государств означает «вовремя уйти») (Halloran L., Shapiro A. Obama: U.S. Is 'On Right Side Of History' In Mideast // NPR, 15.02.2011[1]).

Особого внимания заслуживает также использование термина «демократия», который, в общем и целом, понимается как предполагаемый новый строй *западного* образца (по умолчанию), призванный сменить существующую диктатуру. При этом происходит манипулирование значением: совершается переход от *политологического* (конкретного) наполнения к *эмоциональному* (абстрактному), т. е. «демократия» подается как «свобода», однозначный свет и добро, вершина устремления народных чаяний.

Вместе с тем повстанцам – как абсолютным «силам добра» – совершенно необязательно иметь конкретную программу действий по достижению «демократии», достаточно лишь *ссылаться* на нее как на конечную цель. Наряду с этим, «демократия» противопоставляется «отжившим свое» угнетателям-диктаторам, под которыми подразумеваются законные правительства.

Красноречивым примером в данном случае является «ливийская» кампания СМИ, которая началась в феврале 2011 года. Прецедентом стали события в Бенгази: якобы мирные демонстрации были жестоко подавлены властями. Тематически кампания была выстроена на противопоставлении «демонического» образа «кровожадного тирана»

[1]URL: https://www.npr.org/2011/02/15/133779423/obama-u-s-is-on-right-side-of-history-in-mideast

Муаммара Каддафи «героическим» образам повстанцев – рядовых граждан, «простых ливийцев», вынужденных взять в руки оружие. Начальный этап характеризовался высоким темпом нагнетания и, благодаря соцсетям, большим охватом и вовлечением аудитории.

«Диктаторство» Каддафи преподносится в качестве исходной установки, не требующей обоснований, т. е. как данность: он таков уже потому, что о нем *так говорят*. Следовательно, и «преступления режима», которые вменяются ему в вину, *существуют*, их просто не может не быть. При этом отчетливых доказательств не приводится.

Вот, например, как рисует заданный образ диктатора The Wall Street Journal в статье, опубликованной 25 февраля 2011 года:

> «Человек, которого Рональд Рейган называл «бешеным псом Ближнего Востока», сегодня вполне оправдывает свой титул, развернув **кровавую кампанию против собственного народа** и [тем самым] напомнив **нам**, почему **мы** так долго **его ненавидим**.
>
> …**Урезонить** Каддафи, кажется, невозможно. **Порочный режим** Каддафи оставляет Ливию в гораздо худшем состоянии, чем она пребывала на момент [совершенного им] переворота 1969 года.
>
> …Став в **один ряд с Иди Амином и императором Бокассой**, Каддафи вскоре пополнит **пантеон карикатурных диктаторов**, оставивших от своих государств одни руины» (*Abrams E. Our bargain with the new Gadhafi // The Wall Street Journal, 25.02.2011*[1]).

Помимо того, что эти утверждения несут негативную субъективно-оценочную эмоциональную окраску, они также имеют *декларативный* характер, т. е. в структурно-смысловом плане они построены так, чтобы *заявить и убедить*, а не *объяснить и доказать*. Фактологическую базу вытесняют стереотипы, основанные на ассоциативном ряде, который, в свою очередь, насаждается в сознании обывателя вместе с понятием «тиран». В выделенных словах можно проследить противопоставление «он» и «мы»; при этом «урезонить» – ссылка на предполагаемое психическое нездоровье Каддафи. С другой стороны, «героический» образ «революционеров» как «народной» силы, сопротивляющейся «диктатору», также можно обнаружить во многих статьях, где поднимается вопрос о том, кто же эти люди, просившие вызов «авторитарному» правлению:

[1]URL: http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052748703842004576163212492956024

«Так кто же такие ливийские повстанцы? **Они – это Ливия**. Они гордые, убежденные националисты, со своими недостатками и неопытные в деле управления страной. Однако в целом, **они – самая большая надежда на лучшее будущее для Ливии**, лучшее, чем всё то, что мог предложить сам Каддафи» (*Murphy D. So who are the Libya's rebels exactly? // CS Monitor, 19.07.2011*[1]).

Столь высокая положительная оценка призвана рассеять все сомнения в том, что «революция» легитимна и что на смену «отжившему режиму» приходят те, кому *власть в стране принадлежит по праву*.

В дальнейшем – по мере развития событий и кампаний СМИ – образы диктаторов утрачивают человеческие черты («расчеловечиваются») и становятся всё более карикатурными (*The Arab Spring: What Is the Arab Spring? // Slide To Doc*[2]). Это реализуется через использование соответствующих изображений в сопровождении к статьям – фотографий и граффити (*Moran M. Arab Spring, One Year On: Winners and Losers (Part II) // Slate, 22.12.2011*[3]). Наряду с этим вводится понятие «нерукопожатности», демонстрируется пренебрежительное отношение со стороны лидеров «свободного мира» и делается акцент на угрозу смерти, «плохого конца» как, например, в высказывании Х. Клинтон о смерти Каддафи: «Мы пришли, мы увидели, и вот он мёртв» (*Baker J., Shane S. A New Libya, With 'Very Little Time Left' // The New York Times, 28.02.2016*[4]).

Характер освещения и информационного сопровождения военной кампании

Немаловажным компонентом «арабской весны» являются *военные действия* как открытые, так и завуалированные, но от этого не менее реальные. Соответственно, задача англоязычных СМИ состояла также и в том, чтобы обеспечить интервенции соответствующую информационную поддержку.

С этой точки зрения главная особенность кампаний заключалась в том, чтобы представить естественные механизмы реагирования государственного аппарата на попытки переворота как «злую волю»

[1]URL: http://www.csmonitor.com/World/Backchannels/2011/0719/So-who-are-Libya-s-rebels-exactly

[2]URL: https://slidetodoc.com/the-arab-spring-what-is-the-arab-spring/

[3]URL: https://slate.com/business/2011/12/arab-spring-one-year-on-winners-and-losers-part-ii.html

[4]URL: https://www.nytimes.com/2016/02/28/us/politics/libya-isis-hillary-clinton.htm

кровожадных диктаторов, которые ради собственной власти готовы истребить собственный народ. Роль внешних сил, стоявших за военным вмешательством, характеризовалась как абстрактная «поддержка» со стороны «свободного мира», обосновывалась доктриной «обязанности по защите» (Responsibility to Protect, R2P) и оправдывалась жизненной необходимостью установления «демократии».

Интересно, что элемент «protect» даже присутствует в названии одной из центральных военных операций «арабской весны» – «Unified Protector», т. е. «Объединенный защитник». Данная операция была развернута в Ливии 31 марта 2011 года.

Более чем за две недели до принятия резолюции ООН 1973, санкционирующей «защиту мирного населения», генерал Джеймс Маттис, в то время глава Центрального командования вооруженных сил США, так охарактеризовал предстоящие задачи:

> «Придется нейтрализовать силы ПВО [противника], чтобы установить бесполетную зону. Поэтому – никаких иллюзий: это будет военная операция. [**Ее**] **смысл – не в том, чтобы просто запретить людям летать на самолетах**» (*Gertler J. Operation Odyssey Dawn (Libya): Background and Issues for Congress // Congressional Report Service. 30.03.2011*[1]).

Последнее замечание связано именно с тем, как описывались предполагаемые действия в СМИ; тот факт, что обеспечение бесполетной зоны достигается именно *военными средствами* и, следовательно, является вторжением и ударом по государственному суверенитету, или замалчивался, или преуменьшался, т. е. был представлен в стиле простого запрета на полеты самолетов.

Необходимость защиты мирных жителей путем интервенции обосновывалась, в частности, при помощи постепенного ввода «фейкньюс»: в частности, приводились завышенные данные об убитых жестокими властями мирных демонстрантах.

Вместе с тем, как отмечает Алан Куперман в статье, опубликованной в журнале International Security в 2013 году:

> «**Вопреки имеющимся на сегодняшний день сообщениям большинства западных СМИ**, многие ливийские демонстранты были вооружены уже 15 февраля 2011 года, в первый день восстания в Бенгази. Правительственные силы первоначально применили средства нелетального воздействия: резиновые пули и водометы.

[1] URL: http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R41725.pdf

…Силы безопасности Каддафи воздерживались от применения летального оружия до тех пор, пока *в течение последующих нескольких дней* насильственные действия повстанцев не распространились на [другие города] и не приобрели большего масштаба.

…**Для захвата армейского гарнизона** в Бенгази демонстранты использовали **огнестрельное оружие, бутылки с зажигательной смесью, бульдозеры и начиненные взрывчаткой автомобили.**

…В [ливийской] столице Триполи 20 февраля **протестующие спровоцировали насилие, поджигая правительственные здания**» [Kuperman, 2013].

При этом из-за вышеупомянутой дискредитации – «нерукопожатности» – законных лидеров любые официальные опровержения, транслируемые через государственные СМИ, воспринимались как ложь и попытки скрыть «правду».

Социальный смысл / воздействие информационных кампаний

Итак, как следует из вышесказанного, тематический и эмоциональный акцент в рамках информационных кампаний «арабской весны» делается на то, что всё происходящее осуществляется ради «спасения» народа, которому угрожает кровожадный «диктатор». Тот же тезис признается и на международном уровне – в частности, в резолюциях ООН, санкционирующих интервенцию во имя «защиты мирного населения». На фоне этого вводится нарратив о том, что установление вышеупомянутой «демократии» *есть воля граждан* этих государств, что по умолчанию делает абсолютно *любые* меры, в том числе и внешнее военное вмешательство, законными – легитимными.

Соцсети также приобретают в этот период особый статус: они – в частности, Twitter – становятся информационным оружием революций, носителем выражения высших устремлений «народа». Попытки властей заблокировать их работу на территории государства, соответственно, расцениваются как ещё один показатель злонамеренности властей, «душащих свободу», а незаконные меры по предотвращению распространения ложной информации и внешнего воздействия.

При очевидном влиянии СМИ формируется *новая государственная идеология*, не столько направленная на примирение, сколько усугубляющая раскол в обществе и неверно расставляющая исторические

акценты. В частности, в Ливии – после смены власти – был взят курс на «декаддафизацию», т. е. предполагалось, что построение нового демократического государства возможно только в условиях абсолютного отказа от всего, что ассоциируется с прежним режимом. В соответствии с данной логикой убийство главы государства преподносилось как одно из основных достижений «революции». В том же ключе основные проблемы, встающие перед страной, считались исключительно результатом «порочной практики» предшествовавшего режима; например, социальная разобщенность – последствие политики Каддафи «разделяй и властвуй», а вовсе не показатель отсутствия реального потенциала у новых властей и не следствие попыток политического, социального и исторического «стирания» недавнего прошлого при недостаточном его переосмыслении.

Пока что трудно предсказать, чем завершатся процессы, протекающие сегодня в Ливии. Однако время, как известно, постепенно расставляет всё по своим местам, и эта расстановка уже сегодня приобретает всё более отчетливые черты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kuperman Alan J. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign // International Security. 2013. Vol. 38. № 1. P. 105–136.

ПРОСВЕЩЕНИЕ ПО ВОПРОСАМ НЕГАТИВНОГО И ПОЗИТИВНОГО МИРА В МУЗЕЯХ МИРА: НА ПРИМЕРЕ ТЕГЕРАНСКОГО МУЗЕЯ МИРА

Мона Бадамчизадех

Член Исполнительного совета Международной сети музеев мира (INMP), Иран
mona.badamchizadeh@gmail.com

Аннотация. В данной статье на примере Тегеранского музея будет показано значение образования для негативного мира наряду с позитивным. Также будет подробно рассмотрен вклад людей, переживших применение на себе химического оружия, в качестве просветителей в музее мира.

Ключевые слова: Тегеранский музей мира, музеи мира, воспитание в духе мира, негативный мир, позитивный мир, химическое оружие

PEACE EDUCATION ON NEGATIVE AND POSITIVE PEACE IN PEACE MUSEUMS: A CASE STUDY OF THE TEHRAN PEACE MUSEUM

Mona Badamchizadeh

Member of the Executive Board of the International Network of World Museums (INMP), Iran
mona.badamchizadeh@gmail.com

Abstract. In this article, using the example of the Tehran Museum, the importance of education for the negative world along with the positive one will be shown. The contribution of people who survived the use of chemical weapons on themselves as educators in the museum of the world will also be considered in detail.

Keywords: Tehran Peace Museum, Peace museums, Peace education, Negative peace, Positive peace, chemical weapons

История вопроса

Музеи мира и музея во имя мира

Начало XX века стало свидетелем появления музеев под названием «музеи мира», в которых основное внимание уделялось антивоенным идеям. Ситуация обострилась после применения атомных бомб и создания Мемориального музея мира в Хиросиме. Однако не все музеи мира ставят акцент на негативном мире и отсутствии войн. Позднее

более широкий подход к определению мира и его изображению привел к концептуализации музеев мира и переименованию «международной сети музеев мира» в «Международную сеть музеев за мир» – INMP.

Тегеранский Музей Мира

Основание Тегеранского музея мира (далее TMM) в 2011 г. Обществом поддержки жертв химического оружия (SCWVS) позволило людям, пережившим ирано-иракскую войну (1980–1988), поделиться своим непосредственным опытом того периода. Применение химического оружия против Ирана имело разрушительные последствия для сотен тысяч участников боевых действий и гражданских лиц, подвергшихся его воздействию, а также для окружающей среды. Однако эти последствия не получили полного признания в иранском обществе и тем более в международном сообществе. Поэтому для Тегеранского музея крайне важно предоставить своим посетителям возможность узнать больше о реалиях войн и химической войны в частности. В этом отношении TMM выигрывает от активной роли людей, переживших применение химического оружия, и ветеранов войны, работающих в музее в качестве добровольцев, которые, проводя экскурсии для посетителей, пытаются представить им и особенно молодому поколению реалистичный образ войны. Пандемия Ковид-19 привела к изменениям в политике и деятельности Музея мира, которые также будут рассмотрены в данной статье.

Образование в духе мира

Образование в духе мира в основном направлено на поиск мирных и ненасильственных решений конфликтов с помощью активных и действенных методов обучения. Используя основные ценности, включая уважение к себе, другим и окружающей среде, образование в духе мира развивает у людей набор навыков ведения диалога, нахождения точек соприкосновения, активного слушания и творческого мышления для преобразования конфликтов и примирения. Для этого необходимо предоставить возможность испытать и применить на практике эти навыки. Жизнь выдающихся миротворцев или борцов за мир является одним из источников вдохновения и мотивации. Повышение осведомленности о последствиях войн – еще одна категория воспитания в духе мира.

Значение рассмотрения негативного мира в музеях мира

Типы насилия, рассматриваемые в музеях мира, зависят от исторического, социального и культурного фона стран. Страны, в которых в недавнем прошлом был более негативный мир, могут сделать акцент на структурном и культурном насилии, либо в постоянных выставках музея, либо в образовательной деятельности, направленной на устранение коренных причин насилия и искоренение всех его форм. С другой стороны, в странах с недавней историей войн или вооруженных конфликтов для граждан более ощутимо начать работу во имя мира через достижение отсутствия войны в общем.

В любом случае, пренебрежение музеями мира негативным миром приводит к тому, что истории вооруженных конфликтов рассказываются в военных музеях в славном, гламурном и романтическом ключе, что игнорирует страдания, вызванные войнами, тем самым поощряя войны и средства ведения войн, включая производство оружия.

Кроме того, не переживать войну в пределах своих границ не обязательно равнозначно тому, чтобы не способствовать ей. Многие из текущих вооруженных конфликтов во всем мире прямо или косвенно поддерживаются странами, которые занимают очень высокие позиции в индексе мира. Поэтому граждане таких стран также должны быть осведомлены в отношении войн и своего вклада в них.

Образование в области мира в ТММ

4-1 Постоянные выставки в ТММ

Выставки музеев служат одним из важнейших образовательных инструментов, передающих музейные послания. В постоянной экспозиции Тегеранского музея акцент смещен с предметов на информационные панели, поэтому передача информации в основном происходит через панели, печатные документы, документальные видео и реальные фотографии.

Постоянная экспозиция музея состоит из пять секторов:

1. «Военная комната» (история некоторых войн и вооруженных конфликтов в мире);

2. «Химическое оружие» (зарождение и применение химического оружия, особенно против Ирана, виды химического оружия и их воздействие на человека);

3. «Жертвы химической войны» (реальные истории из жизни некоторых жертв химического оружия);

4. «Современные формы массового убийства и уничтожения» (включая наземные мины, кассетные боеприпасы, боеприпасы с обедненным ураном и ядерное оружие);

5. «Мир» (определение культуры мира, знакомство с известными борцами за мир и некоторыми проектами Тегеранского музея мира). Различные группы, включая простых иранцев и не иранцев, студентов, чиновников и детей, посещают музей. Число посетителей может достигать тысячи человек в месяц.

4-2 Воспитательный подход, темы, различные средства

В образовании Музея Мира подход к обучению также важен, как содержимое и активное участие обучающихся/учащихся подчеркивается в современных образовательных теориях, особенно среди музеев, как неформальных учебных заведениях. В Тегеранском Музее Мира осуществляется непрямое обучение, образовательные мероприятия разрабатываются тематически, с акцентом на активную роль участников. Основные темы включают в себя, но не ограничиваются химическим оружием, международным гуманитарным правом, ненасильственным общением, разрешением конфликтов и трансформацией конфликтов.

4-3 Аудитория Тегеранского Музея Мира

Пять отдельных групп считаются наиболее распространенной аудиторией Тегеранского Музея Мира, включая в себя: ветеранов войны, выживших после химического оружия, добровольцев музея, студентов университетов, борцов за мир и детей в возрасте до 18 лет. Несмотря на то, что ТММ стремился охватить широкую аудиторию, образованные люди проявили большой интерес к просветительским материалам музея.

4-4 Education on Negative Peace

Те, кто больше всего пострадал от последствий войн, являются одними из лучших поборников мира; поэтому одна из основных задач музея - делиться своими историями и посланиями во имя мира. Для этого один из наиболее важных проектов ТММ основан на новых историях выживших после химической атаки, включая граждан и ветеранов, известный как «Рассказы выживших после химического оружия», где истории выживших записываются и публикуются на различных носителях.

ТММ активно проводит специализированные программы по химическому оружию и его последствиям для ученых, студентов и заинтересованных лиц.

4-5 Education on positive peace

Следуя лозунгу ТММ «мир – это больше, чем отсутствие войны», были предприняты усилия по обучению аудитории миру в позитивном ключе. В связи с этим было проведено множество семинаров по различным типам мира и насилия, по ненасильственному общению, разрешению конфликтов, эскалации и деэскалации конфликтов, посредничеству, построению мира и глобальному гражданству. Кроме того, в сотрудничестве с другими партнерами был разработан ряд профессиональных курсов по воспитанию в духе мира, в результате чего был подготовлен буклет, а также руководство для инструкторов. Руководства доступны в Интернете для всех заинтересованных инструкторов на персидском и английском языках.

В детском отделе проводятся специальные семинары, основанные на самоуважении, которые помогают детям различать и распознавать свои эмоции и дают им мирные инструменты для выражения своих чувств.

4-6 Киберпространство, как инструмент воспитания в духе мира: возможности и проблемы

С начала кризиса COVID19 в большинстве музеев по всему миру были введены жесткие ограничения на деятельность; музеи в Иране, такие как ТММ, не были исключением. ТММ столкнулся с новой проблемой, прекратив большую часть своей деятельности, особенно посещения. Эта проблема решалась по-разному.

Подход ТММ к воспитанию в духе мира раньше в значительной степени основывался на взаимодействии людей и на интерактивном методе, поэтому для изменения этого подхода требовалось не только сосредоточить внимание на методах и содержании, чтобы передавать информацию в формате онлайн, но и на самих подходящих онлайн-платформах. ТММ также представляет собой уникальную проблему в этом отношении, поскольку гиды-добровольцы ТММ, пережившие химическое оружие, страдают от длительных осложнений в дыхательной системе и являются одной из наиболее восприимчивых групп

к COVID19. В результате, их участие в деятельности ТММ значительно сократилось.

В ответ на эту возникшую проблему в июне 2021 г. был запущен виртуальный тур по ТММ, который дает посетителям возможность перемещаться по постоянной выставке музея и читать информацию на стендах. Образовательную онлайн-деятельность ТММ можно разделить на две категории: для студентов или активистов в специальных областях (например, веб-семинары и онлайн-стажировки) и для широкой публики (например, прямые эфиры в инстаграме или создание учебных материалов для социальных сетей).

Заключение

Музеи мира, такие как ТММ, извлекают выгоду из совместных и интерактивных методов, делающих упор на придание индивидуального значения, а не на простую передачу информации. В связи с этим, даже несмотря на то, что для ТММ очень важно обучать свою аудиторию позитивному миру и наделить ее навыками, также было необходимо проинформировать общественность в национальном и международном масштабе об ужасных последствиях ирано-иракской войны и последствиях химической войны.

Музеи мира призваны сыграть важную роль в просвещении общественности, ученых и детей о негативном и позитивном мире посредством выставок и образовательных программ. Чтобы был мир во всем мире, особое внимание необходимо уделять истории каждой страны в отношении негативного мира (отсутствие войн и вооруженных конфликтов). Музеи мира, как места, демонстрирующие реальную картину войн со всеми последствиями : человеческими жертвами экономическими и экологическими последствиями, представляют собой уникальные учреждения, которые могут создаваться и управляться правительством, неправительственными организациями, общественными деятелями или даже отдельными лицами. Если в музеях мира не уделяется внимание такой истории, то их могут заменить военные музеи, прославляющие войны.

Кроме того, учитывая то, что воспитание в духе мира в значительной степени опирается на активное обучение, совместные и интерактивные методы, музеи мира, как неформальные учебные заведения, могут иметь большое влияние на просвещение, если будут использовать

эти методы. Также, поскольку музеи – это места для людей из всех слоев общества и их аудитория представляет собой разных социальные слои, они имеют исключительные возможности для продвижения культуры мира посредством взаимодействия и вовлечения всех граждан.

СПИСОК МАТЕРАИЛОВ ПО ТЕМЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Elizabeth Lewis, Shahriar Khateri From clouds of chemical warfare to blue skies of peace: the Tehran Peace Museum, Iran, 2015
2. Shahriar Khateri The Tehran Peace Museum (Iran) 2018
3. Robert L. Holmes The Ethics of Nonviolence

НЕОЛОГИЗМЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЛИЦА, ДЕМОНСТРИРУЮЩИЕ ПОНИМАЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ» В НЕМЕЦКИХ СМИ

М. В. Петрова

кандидат филологических наук
ст. преподаватель кафедры медиалингвистики
факультета журналистики Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова
pmascha@yandex.ru

Аннотация. Объектом исследования выступают политические неологизмы, относящиеся к лексико-семантической группе «лица, демонстрирующие понимающее отношение» и их роль в политическом коммуникационном противоборстве, предметом исследования – соотнесение когнитивного и прагматического компонентов значения данной словообразовательной модели на примере неологизма «Putinversteher».

Ключевые слова: политическая коммуникация, СМИ Германии, язык массмедиа, пропаганда, Putinversteher, неологизмы, прагматический компонент неологизма

NEOLOGISMS OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP “PEOPLE DEMONSTRATING AN UNDERSTANDING ATTITUDE” IN THE GERMAN MEDIA

M. V. Petrova

PhD (Philology)
Senior Lecturer
Department of Media Linguistics, Faculty of Journalism
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
pmascha@yandex.ru

Abstract. The object of the study is political neologisms belonging to the lexico-semantic group “people demonstrating an understanding attitude” and their role in the political communication confrontation, the subject of the study is the correlation of the cognitive and pragmatic components of the meaning of this word-formation model using the neologism “Putinversteher” as an example.

Keywords: political communication, German media, mass media language, propaganda, Putinversteher, neologisms, pragmatic component of neologism

Лексика наиболее ярко и быстро, по сравнению с другими языковыми системами, реагирует на социальные изменения и на актуальную повестку дня. В связи с этим существенной областью в вопросе изучения языковой стороны политического коммуникационного противоборства выступает смысловая сторона слова: исследование аспектов лексического значения и процесса изменений значений слова. Как отмечал выдающийся русский лингвист и литературовед XX века В. В. Виноградов, формирование нового понятия или новое понимание понятия «осуществляется на базе имеющегося языкового материала», становясь «элементом смысловой структуры данного языка в целом» [Виноградов, 1997].

Неологизмы служат значимыми маркерами языковой картины мира речевого сообщества. Под языковой картиной мира мы понимаем «комплекс суждений, более или менее закрепленных в языке, содержащихся в значениях слов или имплицированных этими значениями, которые говорят о признаках и способах существования объектов внеязыкового мира» [Бартминьский, 2005, с. 305]. Таким образом, языковая картина мира представляет собой общее знание о внеязыковой действительности, содержащееся в языке в виде суммы лексических значений и семантических коннотаций его смысловых единиц и материально выраженное в конкретном тексте.

В лексическое значение новообразованной лексемы как составной элемент входит прагматический аспект, который передает отношение говорящего к объекту и включает в себя общественно осознанные коннотации культурно-исторического характера или индивидуально-психологические коннотации. Объектом данного исследования были выбраны политические неологизмы, относящиеся к лексико-семантической группе «лица, демонстрирующие понимающее отношение» и их роль в политическом коммуникационном противоборстве, предметом исследования – прагматический компонент значения неологизмов данной группы; коннотации неологизмов как сопутствующие значения, закрепленные в ассоциативных связях слова и дополняющее денотативное значение лексической единицы; закономерности реализации неологизмов этой группы в медиадискурсе.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) объединяет в себе слова одной части речи с общим основным компонентом значения. Анализ ЛСГ позволяет понять, как определенный фрагмент реальности репрезентуется, т. е. вербализуется в данном языковом обществе в определенный

исторический период, а также установить тождества и различия в системах лексических совокупностей при сравнительном семантическом анализе языковой картины мира языков.

К исследуемой ЛСГ относятся следующие неологизмы:

Putinversteher(in), также Putin-Versteher(in);

Russlandversteher; Trump-Versteher;

Macron-Versteher; Schweiz-Versteher.

Ограниченность состава неологизмов данной ЛСГ компенсируется продуктивностью используемой словообразовательной модели, потенциальной открытостью ЛСГ для вхождения в ее состав новых лексем. Опорным и постоянным компонентом слов данной ЛСГ, выражающим основное значение, является отглагольное существительное, производное от глагола «verstehen» (*понимать*). Второй компонент неологизма дополняет его в семантическом и стилистическом отношениях.

Для анализа коннотативно-прагматического компонента данной словообразовательной модели рассмотрим в качестве примера лексему «Putinversteher». Композит представляет собой сочетание двух раздельнооформленных имен существительных: имени собственного «Putin» (В. В. Путин – президент Российской Федерации) и имени нарицательного «Versteher» (*понимающий*). Значение сложного слова складывается из суммарной мотивировки слагаемых компонентов и переводится, в зависимости от историко-политического контекста, как «чрезмерно понимающий Путина», «оправдывающий Путина» или «уклоняющийся от критики Путина». Прагматический компонент значения неологизма, т. е. «та часть его содержания, которая остается в нем за вычетом когнитивного содержания» [Касьянова, 2007, с. 37] может быть интерпретирован как «не заслуживающая одобрения пророссийская позиция».

Чтобы определить и охарактеризовать практический компонент значения лексемы необходимо было отделить его от когнитивной информации и определить характер семантических отношений между компонентами структуры слова. Немецкий глагол понимать согласно толковому словарю Дуден является многозначным и имеет несколько номинативных значений. Основными свободными значениями глагола, по В. В. Виноградову, значениями, которые непосредственно направлены «на "предметы", явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека)» и отражают «их общественное понимание» [Виноградов, 1997] выступают следующие значения данного глагола: 1) «четко расслышать сказанное» и 2а) «уловить

смысл, постичь». Остальные значения являются номинативно-производными, в том числе значение 3а) «возможность поставить себя на чье-то место; проявить понимание по отношению к кому-то 3», 3б) «находить (чье-то поведение, отношение, реакцию, чувства с его точки зрения) естественным, последовательным, правильным, нормальным» и значение 4) «ладить с кем-то, иметь хорошие отношения». Это когнитивное содержание семантики глагола перешло в семантический состав неологизма «Putinversteher».

Прагматический компонент семантики слова как дополнительный компонент смысла «конкретнее и глубже» когнитивного компонента [Касьянова, 2007, с. 37]. О наличии в новообразованной лексеме прагматического компонента говорит, во-первых, семантическая двуплановость, то есть присутствие и наложение в сознании говорящего переносного, образного и прямого, конкретно-предметного значений слова [Черкасова, 1963, с. 36]. Во-вторых, использование неологизма в качестве экспрессивной и оценочной характеристики объекта высказывания выявляет прагматическое содержание его значения. В оценочности Л. Ю. Касьянова видит определяющий маркер прагматического элемента значения слова: «в отличие от когнитивной информации прагматический компонент является носителем сведений не о референтах, а об их восприятии говорящими» [Касьянова, 2007, с. 37].

Семантическая двуплановость слова и наличие оценочного момента в свою очередь говорят о состоявшейся метафоризации как о расширении смыслового объема слова за счет взаимодействия «основного (прямого, конкретно-предметного и производного значений», которое «видоизменяет и осложняет номинативную функцию слова: оно уже служит не только средством наименования того или иного предмета», но и средством выражения субъективной оценки предметов и явлений действительности со стороны говорящего» [Черкасова, 1963, с. 35].

Таким образом, в ходе суммарной мотивировки слагаемых компонентов и метафоризации у существительного «Putinversteher» когнитивное содержание может быть сведено к формулировке «пророссийский деятель». Сопутствующее негативное значение неологизма, его прагматический элемент закреплен в ассоциативных связях имени собственного «Putin». Негативная коннотация объяснима историко-политическим контекстом: присоединение Крыма к территории Российской Федерации в 2014 году и позиция России в период украинского кризиса повлекли за собой массированную критику со стороны Запада.

В то время неологизм активно использовался в массмедиа в качестве порицающего ярлыка в отношении публичных политических фигур, уклоняющихся от прямой критики в адрес России. Мишенью критики СМИ стали, например, экс-канцлеры Герхард Шрёдер и Гельмут Шмидт, как и большинство видных членов социал-демократической партии (Зигмар Габриэль, Франк-Вальтер Штайнмайер, Эгон Бар). В качестве обидного прозвища в этом же значении в СМИ использовался и неологизм «Russlandversteher».

В настоящее время слово «Putinversteher» утратило свою популярность в СМИ. Не последнюю роль в этом сыграла критика пропагандистской тактики СМИ в новостном информировании. Отход профессиональной журналистики от журналистики факта в сторону журналистики мнения означает утрату журналистикой объективности, взвешенности и нейтральности.

Первый раз критика слова «Putinversteher» как маркера политически ангажированной журналистики прозвучала еще в 2014 году, когда неологизм был номинирован как «плохое слово года» (также «неслово года»). Лингвистическая кампания по критике языка «Неслово года» направлена на «привлечение внимания к общественным формам использования языка и, таким образом, на повышение языковой осознанности и восприимчивости к языку среди населения. Таким образом, она направляет лингвистически критический взгляд на слова и формулировки во всех сферах публичного общения, которые нарушают фактическую уместность или человечность». В ходе конкурсного голосования победил термин «Lügenpresse» («лживая пресса»), тематизирующий ту же проблемную сферу, что привлекло внимание общественности к проблеме аффилированности СМИ и политики как социальных институтов.

Таким образом, неологизмы ЛСГ «лица, демонстрирующие понимающее отношение», образованные по продуктивной словообразовательной модели по аналогии с лексемой «Putinversteher» – это проявление и порождение информационных политических войн и свидетельство активного участия средств массовой информации в политическом процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография // Избранные труды. М. : Наука, 1997. URL: https://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/vinogradov-osnovnyie-tipyi-leksicheskih-126115.html

2. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с польск. М. : Индрик, 2005.
3. Касьянова Л. Ю. Коннотативно-прагматическое содержание неологизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Научный журнал. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 7(28). С. 36–49.
4. Черкасова Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора) // Вопросы языкознании. 1963. № 2. С. 28–38.

МЕЖДУНАРОДНОЕ G2G-ПРОТИВОБОРСТВО И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

А. Н. Чумиков

доктор политических наук
профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
chumikov@pr-club.com

Аннотация. Статья посвящена международным G2G-коммуникациям, под которыми понимается такое взаимодействие, где и субъектами, и объектами процесса являются целые государства. Задачей каждого из них является формирование позитивного восприятия о своей стране во внешнем пространстве, дружественного отношения к ней с помощью СМИ и других видов массовых коммуникаций. В условиях медиатизации информационной среды конкуренция смыслов становится неизбежной и доминирующей формой коммуникационного поведения в медийном поле.

Ключевые слова: G2G-коммуникации, информационное противоборство, интерпретация, контекст, смыслообразование

INTERNATIONAL G2G CONFRONTATION AND ITS REFLECTION IN THE COMMUNICATION ENVIRONMENT

A. N. Chumikov

Doctor of Political Science (Dr. habil)
Associate Professor Department of Ccommunication Technologies
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State linguistic University
chumikov@pr-club.com

Abstract. The article is devoted to international G2G communications, which means such interaction, where both the subjects and the objects of the process are entire states. The task of each of them is to form a positive perception of their country in the external space, a friendly attitude towards it through the media and other types of mass communications. In the conditions of the mediatization of the information environment the competition of meanings becomes an inevitable and dominant form of communication behavior in the media field.

Keywords: G2G communication, informational confrontation, interpretation, context, making sense

Известно, что в каждой стране и международном пространстве существуют глобальные коммуникационные контексты, которые заключаются в особенностях взаимодействия ключевых субъектов социума: государства (G – government), бизнеса (B – business) и неправительственных организаций, включая отдельных граждан (C – citizen). Если мы станем говорить про систематизированную классификацию контекстов, то их минимальная сумма составит девять вариаций такого взаимодействия: государственные коммуникации (G2C, G2B, G2G), бизнес-коммуникации (B2C, B2G, B2B), социальные коммуникации (C2G, C2B, C2C). Разумеется, что в рамках каждого из обозначенных контекстов возможны их дальнейшие специализированные классификации.

В настоящей статье мы обращаемся к такому сегменту, как международные G2G-коммуникации, под которыми понимаем взаимодействие, где субъектами и объектами процесса являются целые государства. Основой постоянных G2G-коммуникаций на мировом уровне является участие стран в организациях общегосударственного (ООН, ПАСЕ, ОБСЕ, СНГ), экономического (ВТО, МВФ, ОПЕК, АТЭС, ЕАЭС, ЕврАзЭС, БРИКС, ШОС), военного (НАТО, ОДКБ, АНЗЮС) профиля; в области культуры (ЮНЕСКО), здравоохранения (ВОЗ), спорта (Международный олимпийский комитет) и других. Что касается России, то она участвует в деятельности более чем 300 международных организаций.

На уровне федеральных ветвей власти России международные G2G-коммуникации осуществляют специально уполномоченные органы: в Совете Федерации и Госдуме РФ – Комитеты по международным делам, в Правительстве – Министерство иностранных дел и Россотрудничество, в Администрации Президента – Управление по внешней политике; в Верховном суде – Управление международного сотрудничества, в Конституционном суде – Управление международных связей и обобщения практики конституционного контроля, в федеральных арбитражных судах РФ – Управление международного права и сотрудничества.

Общей задачей названных структур является формирование за рубежом позитивного восприятия России, дружественного отношения к ней с помощью СМИ и других видов массовых коммуникаций. Существуют и специальные медийные проекты, наличие которых характерно для многих развитых стран: например, передачи на национальных

языках в странах вещания ведут BBC, Euronews, «Голос Америки». В России также работают СМИ, финансируемые Правительством и вещающие на зарубежье.

Российский международный многоязычный *телеканал RT* – ранее Russia Today (https://russian.rt.com/) позиционирует себя как медийный ресурс с альтернативным взглядом на текущие процессы; сюжетами, не попавшими в другие мировые СМИ; российской точкой зрения на важнейшие международные события. RT продвигает идеи многополярного мира и национального суверенитета, критикует претензии США на гегемонию, изобличает русофобию. Телевизионная сеть RT включает в себя девять новостных и документальных каналов, информационные онлайн-порталы на шести языках, а также глобальное мультимедийное агентство RUPTLY, предлагающее эксклюзивные материалы телеканалам всего мира. RT круглосуточно доступен 850 млн зрителей более чем в 100 странах мира. В 2020 году RT первым в мире из новостных телеканалов набрал 10 млрд просмотров на YouTube, опередив BBC, CNN, Al Jazeera, Euronews, FOX News.

Авторитетным ресурсом стало *Информационное агентство Sputnik* (https://sputniknews.com/), в числе продуктов которого новостные ленты, веб-сайты, социальные сети, мобильные приложения, радиопередачи и мультимедийные пресс-центры. Бренд Sputnik был запущен в 2014 году медиагруппой «Россия сегодня» и работает более чем на 30 языках, освещая политические и экономические новости для международной аудитории. Общий объем радиопередач Sputnik на веб-сайтах и частотах FM и DAB/Dab + составляет более 800 часов в день.

Рассмотрим роль этих и других СМИ на примере трех видов коммуникационных G2G кампаний международного уровня: при обострении политической ситуации, в условиях проведения крупного события и в ходе реализации масштабного экономического проекта.

Так, *конфликт между Грузией и Южной Осетией* 7–12 августа 2008 года, в который втянулась Россия, проявился одновременно в «двух войнах» – действительной, с боевыми действиями, и сопутствующей им информационной. Отметим некоторые показательные действия сторон с помощью и в отношении СМИ. Как известно, вторжение грузинских войск в Южную Осетию началось 7 августа. С 9 августа грузинские власти прекратили вещание российских телеканалов на подконтрольной территории и заблокировали доступ к сайтам в домене ru., а время работы «Голоса Америки» на грузинском языке, напротив,

увеличили. 18 августа после трансляции по RT International интервью министра иностранных дел РФ С. Лаврова, вещание этого канала в Грузии также прекратилось.

Стороны конфликта обменялись атаками в Интернете. Так, 8 августа нападению хакеров подверглись сайты правительственных структур Грузии. В частности, на главной странице веб-ресурса грузинского МИД появился коллаж из фотографий Адольфа Гитлера и тогдашнего Президента Грузии Михаила Саакашвили. В качестве ответных информационных действий был создан клон официального сайта южноосетинского информационного агентства «Осинформ» с похожим адресом (ср.: osinform.ru и os-inform.com), на котором подавалась грузинская версия происходящих событий и даже размещались фальшивые заявления от имени президента Южной Осетии Э. Кокойты.

На общественной и профессиональной основе продуцировалась политическая активность в социальных сетях. Лидеры движений «Наши», «Россия Молодая», «Местные» и «Молодая Гвардия» подписали заявление, в котором призвали сторонников к информационной войне против режима Президента Грузии на интернет-ресурсах.

Известный деятель Рунета А. Носик заявлял об акциях в блогосфере следующее: «Мы видели целенаправленную активность людей, которые утром приходили на работу и садились озвучивать определенные взгляды во всех местах, где они видели неспровоцированное обсуждение тематики… До введения российских войск в Грузию 80 % читателей моего журнала сказали, что в Грузию входить не надо, но 20 % сказали, что надо. А в последующие дни эти 20 % производили 120 % политических комментариев. Каждый человек, который находился при исполнении, он свое мнение высказывал десять раз от десяти разных имен. В результате я в своем собственном журнале получал ощущение, что вообще не осталось никакой точки зрения кроме той, которая существует на Гостелерадио. И это было сделано средствами Интернета, это было сделано в свободной конкурентной среде, про которую нам привычно думать, что такого рода манипуляции в ней невозможны» (*Блогосфера стала ареной войны за общественное мнение // РИА «Новости». 12.09.2008*[1]).

СМИ, ведущие информационную войну, стремились найти спикеров и сюжеты, свидетельствующие о фальсификации действительности

[1]URL: https://ria.ru/20080912/151227944.html (дата обращения: 1.12.2021).

противоборствующей стороной. Так, «Вести.Ru» сообщали, что итальянские медиа дезинформируют жителей этой страны о ситуации в зоне грузино-югоосетинского конфликта и приводили заявление российскому телеканалу популярного журналиста и депутата Европарламента Д. Кьеза. «Итальянские СМИ сообщают о том, что Грузия была подвергнута атаке со стороны Южной Осетии, что Россия ведет войну против Грузии с целью захвата этой страны. Это сплошная ложь», – заявил Д. Кьеза.

Наряду с обвинениями Грузии в конфликте, его виновниками назывались и США. «Вести.Ru» цитировали интервью агентству «Франспресс» одного из лидеров грузинской оппозиции и бывшего министра иностранных дел Грузии С. Зурабишвили: «Если действительно станет ясно, что грузинское руководство допустило ошибки в период перед нынешним вооруженным конфликтом, то США также придется нести часть этой ответственности, так как они были весьма близки к руководству Грузии, но в подобном случае явно недостаточно координировали его действия». Главная цель конфликта, считает С. Зурабишвили, – «это дальнейшая стратегическая ориентация Грузии и, соответственно, возможность для Запада – то есть и для США, и для стран ЕС – продолжать рассчитывать на Грузию, а, следовательно, и на Кавказ, для обеспечения стратегически важного снабжения нефтью» (*Экс-глава МИД Грузии: США несут часть ответственности за войну // Вести.Ru. 9.08.2008*[1]).

Журналисты Russia Today, работавшие в Цхинвали, обвинили американский телеканал CNN в подлоге при освещении грузино-юго-осетинского конфликта: «Наша группа снимала сюжет о разрушенном грузинской армией Цхинвали, в частности, университет Южной Осетии. Каково же было наше удивление, а потом и возмущение, когда американский телеканал CNN показал эти кадры, утверждая, что это грузинский город Гори, по которому якобы российская армия нанесла удар. У нас сохранился исходный материал снятых разрушений в Цхинвали. А картинка, показанная CNN, наглый подлог и грубая фальсификация!» – заявил корреспондент RT Николай Баранов (*Журналисты Russia Today обвинили CNN в подлоге // Газета.Ru. 8.09.2008*[2]).

Многие российские и зарубежные СМИ транслировали выступление В. Путина на заседании президиума Правительства, где фигурировали яркие эмоциональные сравнения: «Удивляет, конечно, не сам

[1]URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=199777&cid=9 (дата обращения: 1.12.2021).

[2]URL: https://www.gazeta.ru/news/lenta/2008/09/08/n_1267938.shtml (дата обращения: 1.12.2021).

цинизм политики – политика, как часто говорят, сама цинична – удивляет масштаб цинизма; умение выдавать белое за черное, черное за белое; умение ловко выставлять агрессоров в качестве жертвы агрессии и возлагать ответственность за последствия на самих жертв… Саддама Хусейна, который вырезал несколько шиитских деревень, надо было, конечно, повесить. А нынешних грузинских политиков, которые в одночасье стерли с лица земли десять осетинских деревень и танками давили детей и стариков, заживо сжигали людей в домах, – вот этих деятелей надо взять под защиту… Когда-то президент США говорил в отношении одного из латиноамериканских диктаторов: "Сомоса, конечно, мерзавец, но это наш мерзавец"» (*Путин возмущен цинизмом западных защитников Грузии // Известия. 11.08.2008*[1]).

Активная коммуникационная G2G-кампания, направленная на зарубежные правительственные организации, проводилась вокруг *Чемпионата мира по футболу в России – 2018*. На этапе определения страны-хозяйки FIFA World Cup происходила традиционная конкуренция между государствами за получение такого права. В декабре 2010 г. в Цюрихе (Швейцария) на презентации российской заявки зрителям показали демонстрационный ролик, в котором мальчик Саша путешествует по стране и завершает свой путь в Москве, на стадионе «Лужники». Выходя на футбольное поле, он забивает мяч со штрафного удара. Презентацию продолжили министр спорта, туризма и молодежной политики РФ В. Мутко и ведущие российские спортсмены. Двукратная олимпийская чемпионка в прыжках с шестом Е. Исинбаева поблагодарила ФИФА за внимание к женскому спорту и воскликнула: «Я люблю футбол!» Капитан сборной России по футболу А. Аршавин обратился к членам исполкома ФИФА со словами: «Поверьте в нас, и мы будем играть в одной команде с ФИФА». После трех туров голосования заявка России победила (*Выбор России организатором проведения ЧМ по футболу-2018 // РИА Новости. 2.12.2016*[2]).

Но основные трудности начались после этого. Подготовку Чемпионата приходилось осуществлять в условиях антироссийских санкций в связи с возвращением Крыма, вооруженным конфликтом в Донецке и Луганске, военными действиями в Сирии. Кроме того, российские спортивные чиновники обвинялись в подкупе членов исполкома ФИФА. Великобритания и ряд других стран объявили дипломатический

[1]URL: https://iz.ru/news/432377 (дата обращения: 1.12.2021).
[2]URL: https://rsport.ria.ru/20161202/1113070500.html (дата обращения: 1.12.2021).

бойкот ЧМ–2018 в связи с отравлением бывшего сотрудника ФСБ России С. Скрипаля и его дочери в Великобритании. В сети распространялось видео о подготовке российских «ультрас» (агрессивно настроенных болельщиков) к приезду иностранных фанатов.

Сгладить напряженность отчасти удалось образцовым проведением и освещением в 2017 г. в России «репетиции» Чемпионата мира – Кубка конфедераций по футболу. Так, британская газета Guardian хвалила организаторов за теплый прием, оказанный иностранным болельщикам: «Россия развеяла опасения накануне ЧМ по футболу 2018 г., организованно и в дружелюбной атмосфере провела турнир, который можно назвать генеральной репетицией FIFA World Cup. Во время Кубка конфедераций не было никаких проблем ни с хулиганством, ни с расизмом, и на предстоящем Чемпионате мира их, по всей вероятности, также не будет», – писала газета (*Мировые СМИ расхваливают Россию за отличную организацию Кубка конфедерации // Inoprosport. 3.07.2017*[1]).

Важную роль выполняли послы ЧМ-2018. Посольскую миссию – рассказать, показать, вдохновить – выполняли 75 медийных личностей из разных областей деятельности: выдающиеся спортсмены, деятели культуры и искусства, а также представители сообщества болельщиков. Первого посла ЧМ выбрали еще в 2012 г. – им стал вратарь ЦСКА и сборной России по футболу И. Акинфеев. Один из послов был коллективным – Кубанский казачий хор. Своих послов представили 11 городов-организаторов ЧМ, и звезды-послы стали главными действующими лицами цикла передач об этих городах на канале «Матч ТВ» и в Интернете. Модель Н. Водянова, музыкант Д. Мацуев, актер Д. Козловский, хоккеист А. Овечкин собрали большие аудитории отечественных и иностранных подписчиков, многие из которых в итоге стали гостями чемпионата.

Кампания вокруг ЧМ сопровождалась и коммуникационными офлайн-мероприятиями. Самое яркое из них – проходивший в 2017–2018 гг. Тур Кубка Мира по городам-участникам будущего футбольного Чемпионата: в Туре участвовали российские послы ЧМ, зарубежные спортсмены и члены FIFA.

В качестве характерной экономической G2G-кампании может рассматриваться *проект строительства первого в Арктике завода по производству и реализации сжиженного природного газа «Ямал СПГ»*. В задачу коммуникационного сопровождения входило привлечение

[1]URL: https://inoprosport.ru/post/22014-mirovyye-smi-raskhvalivayut-rossiyu-za-otlichnuyu-organizatsiyu-kubka-konfederatsii (дата обращения: 1.12.2021).

позитивного внимания международного бизнес-сообщества к проекту, реализуемого ПАО «НОВАТЭК». В рамках этого масштабного проекта работало более 650 российских предприятий из 55 субъектов РФ, около 60 тыс. инженеров и рабочих, конструкторов и ученых. Создавались уникальные производственно-технологические и логистические связи, объединяющие металлургические и машиностроительные заводы, строительные и транспортные организации.

Агентство – исполнитель коммуникационного контракта только за один год инициировало около 30 поездок зарубежных, федеральных и региональных СМИ на площадку строительства завода «Ямал СПГ», по итогам которых вышло более 16 тыс. публикаций. Видеосюжеты транслировались на телеканалах России, Франции, Китая, Южной Кореи, других стран; использовались в контексте видеофильмов про освоение Арктики. Интерес к проекту проявили мировые деловые СМИ: Financial Times, Wall Street Journal, The Economist и др.

Помимо оперативных задач, которые решались в ходе информационной кампании, удалось вынести на международный уровень обсуждение вопросов о наращивании доли России на мировых рынках СПГ, создания «Арктического хаба» на базе Гыданского полуострова, выделения отдельной ресурсной базы для СПГ-проектов.

Продвижение проекта проходило в условиях острой конкурентной борьбы с США за влияние в Арктике. Например, адмирал П. Заканфт на конференции в Вашингтоне сравнил арктическое противостояние с гонкой в космосе: «Мне бы хотелось, чтобы США делали что-то из того, что делает Россия – создавали новые базы, телекоммуникации, поисково-спасательные возможности», – заявил он.

Стремление России восстановить военное и экономическое превосходство на Севере сравнивалось в докладе американского Центра стратегических и международных исследований «Новый ледяной занавес» с рвением, которое демонстрировал Советский Союз в попытках создания «Красной Арктики» в 1930-х годах. «Как показал опыт СССР, – отмечалось в докладе, – успехи страны в Арктике во многом зависят от степени вовлеченности государства в развитие региона. Именно государство, в отличие от разрозненных и зачастую неэффективных частных инициатив, может обеспечить координацию усилий, методический, комплексный подход. Большинство американских экспертов убеждены, что как раз этатистская модель освоения Арктики позволила России тогда и позволяет сейчас одерживать верх над Штатами

в арктической гонке» (*Приоритет национального уровня // Lenta.ru 15.12.2015*[1]).

Общественно-политическая дискуссия по поводу освоения Арктики во многом сводится к главному вопросу – сотрудничество или противостояние? Россия продвигает тезис о том, что политика в Арктическом регионе должна основываться на международном сотрудничестве и взаимном учете интересов. Наша страна постоянно подчеркивает, что подобный курс для нее более предпочтителен, чем усиление соперничества в Арктике [Арктика в фокусе, URL].

Революционные изменения информационного пространства привели к появлению термина «медиатизация общественной жизни», который определяется как процесс создания виртуальной политики и экономики, установления серьезной зависимости реальных сфер от их презентации в СМИ. При этом возникает феномен, называемый «исчезновение факта», «смысл вместо факта», когда модель *повествовательного изложения случившегося всё больше заменяется его* интерпретацией, конструированием актуальных смыслов [Чумиков, 2021]. Именно эта модель лежит в основе международного G2G-противоборства в медийной среде, которое рассматривается в настоящей статье на примере политической, экономической и спортивной кампаний. Смысловая интерпретация полученной информации и конкуренция смыслов становятся неизбежными и доминирующими формами коммуникационного поведения в медийном поле. Смысловое позиционирование предполагает ориентацию аудитории на то, как следует воспринимать представленный контент в текущий момент и что он значит в перспективе. Очевидно, что такого рода действия производятся и должны производиться в интересах информационного субъекта – в данном случае России, в направлении актуализации ее интересов, не противоречащем юридическим актам государства и этическим нормам профессионального сообщества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арктика в фокусе современной геополитики, доклад / М. Г. Делягин, В. А. Лепехин, Д. И. Орлов [и др.]. М. : Ин-т региональных проблем, 2015. URL: https://www.irpr.ru/2015/12/14/arktika-v-fokuse-sovremennoj-politiki/
2. Чумиков А. Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Международный научный журнал «Коммуникология». 2021. # 2. Vol. 9. С. 125-143. URL: https://drive.google.com/file/d/1dRQ5TUguCcwDJHVsY2em-OuUdAuiJgLc/view

[1]URL: https://lenta.ru/articles/2015/12/15/arctic/ (дата обращения: 1.12.2021).

СЕКЦИЯ IV
ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАБОТЫ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ

Б. Ю. Дерешко

кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор внутренней службы,
заместитель начальника по научной работе
Всероссийского научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации
dbj10000@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются основные результаты исследования проблемы идеологических основ работы с личным составом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, даются определения правовой идеологии, воспитательной работы с сотрудниками. Раскрывается содержание правовой идеологии, обозначаются проблемы воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: правовая идеология, воспитательная работа, государственно-патриотическое воспитание, морально-психологическое обеспечение, органы внутренних дел, Кодекс профессиональной этики, гражданственность, государственность, патриотизм

STATE-PATRIOTIC EDUCATION OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS AN IDEOLOGICAL BASIS FOR WORKING WITH PERSONNEL

B. Yu. Dereshko

PhD (Law), Associate Professor, Major General of the Internal Service
Deputy Head of the Institute (for scientific work)
Federal Public Establishment "National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation"
dbj10000@gmail.com

Abstract. The article reveals the main results of the study of the problem of the ideological foundations of working with the personnel of

the internal affairs bodies of the Russian Federation, defines the legal ideology, educational work with employees. The content of the legal ideology is revealed, the problems of educational work with employees of the internal affairs bodies are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: legal ideology, educational work, state-patriotic education, moral and psychological support, internal affairs bodies, Code of Professional Ethics, citizenship, statehood, patriotism

Проблема, вынесенная сегодня для обсуждения на секции международной конференции, в современных условиях развития мирового политического процесса приобрела особое звучание. Отмечаем факт, что патриотизм как политический принцип и социальное чувство стал одной из мишеней, по которой в первую очередь наносится удар с началом информационной войны или при подготовке к «цветной революции». В таком аспекте вопрос государственно-патриотического воспитания молодежи справедливо рассматривается в ракурсе обеспечения национальной безопасности государства. Стратегией национальной безопасности патриотизм отнесен к ряду традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а патриотическое воспитание граждан рассматривается как один из способов дальнейшего развития демократического устройства Российской Федерации и ее открытости миру[1].

Такой подход предполагает развитие системы государственно-патриотического воспитания граждан нашей страны в целом. Остановимся на некоторых аспектах организации этой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Прежде всего, следует определиться со стержневым вопросом – идеологической составляющей воспитания.

Научные дискуссии вокруг проблемы государственной идеологии продолжаются на протяжении последних тридцати лет. С момента принятия всенародным голосованием Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. и по сей день в научных кругах активно обсуждается вопрос: «Нужна ли нам государственная идеология?» и «Если да, то какая?» Пройден длительный путь мучительных споров и изысканий от категорического непринятия самого понятия «идеология» как

[1]Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351. СПС КонсультантПлюс.

наследия догматического периода «застоя» в нашей истории до общественного признания необходимости государственной идеи, как основополагающего стержня мировоззрения человека – гражданина Российской Федерации.

Несколько слов о самом термине.

Опираясь на конституционный постулат, закрепленный в ч. 2 ст. 13 Основного закона нашей страны, мы не предлагаем установить какую-либо идеологию в качестве государственной или обязательной. Речь идет об идеологическом многообразии, имеющем общие базовые принципиальные позиции. При такой постановке проблемы мы говорим именно об идеологических основах работы с личным составом органов внутренних дел.

Учитывая правоохранительное предназначение служебной деятельности сотрудников, такие основания, безусловно, имеют правовую направленность. В этой связи под правовой идеологией мы понимаем систематизированную, выраженную в правовых категориях (законности, справедливости, равноправия, единства прав и обязанностей и других), правовых и научных документах совокупность взглядов, идей, теорий и концепций, выражающих отношение людей к праву. Поскольку правовая идеология выражает интересы социальных классов и иных социальных групп в сфере правоотношений, уместно говорить о преобладающей или господствующей правовой идеологии в том или ином обществе в конкретный исторический период. Здесь следует вывод о том, что в текущий период времени в основе правовой идеологии в сфере морально-психологического обеспечения служебной деятельности органов внутренних дел лежит триединая структура «гражданственность – государственность – патриотизм», отражающая высшую цель деятельности в сфере обеспечения безопасности.

Какими нормативами закреплены идеологические основы патриотического воспитания?

Впервые эти элементы правовой идеологии в системе МВД России были утверждены в Кодексе профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации[1], разработанном в 2007–2008 гг. Кодекс определил нравственные ценности, обязательства и принципы службы в органах внутренних дел, а также профессионально-этический стандарт антикоррупционного поведения сотрудников.

[1]Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : утвержден приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1138. М., 2009..

В числе основополагающих нравственных ценностей (п. 3 ст. 4):

– гражданственность – как преданность Российской Федерации, осознание единства прав, свобод и обязанностей человека и гражданина;

– государственность – как утверждение идеи правового, демократического, сильного, неделимого Российского государства;

– патриотизм – как глубокое и возвышенное чувство любви к Родине, верность Присяге, избранной профессии и служебному долгу.

Таким образом, были установлены идеологические основы, позволяющие организовывать работу по формированию требуемых морально-психологических качеств личного состава, развитию правовой культуры.

В настоящее время в органах внутренних дел применяется принятый в 2020 г. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации[1]. Подобные документы приняты в Вооруженных Силах Российской Федерации, войсках национальной гвардии Российской Федерации и других военизированных формированиях.

Организационные основы государственно-патриотического воспитания сотрудников изложены в Порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации[2]. Задача государственно-патриотического воспитания реализуется в системе воспитательной работы как основного вида морально-психологического обеспечения. Воспитательная работа представляет собой целенаправленную деятельность по формированию у сотрудников комплекса гражданских, профессиональных, психологических и нравственных качеств, обусловленных потребностями службы. Гражданско-патриотическая направленность воспитания, нацеливающая воспитательный процесс на формирование у сотрудника высоких качеств гражданина и патриота определена основным принципом воспитательной работы, а патриотическое воспитание является ее основным направлением.

Формирование у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, понимания государственной политики в сфере внутренних дел, профессиональной культуры и морально-психологической готовности к выполнению оперативно-служебных задач в любых условиях обстановки осуществляется в форме морально-психологической подготовки.

[1]Утверждён приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 // СТРАС «Юрист».

[2]Утвержден приказом МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 // СТРАС «Юрист».

Занятия проводятся со всеми категориями сотрудников не реже одного раза в месяц в форме лекций, семинаров и практических занятий.

Кроме того, задача патриотического воспитания решается путем проведения информационно-пропагандистской работы.

Применяемые формы и методы воспитательной работы в системе МВД России вполне традиционны, их характеристика дана в нормативных документах.

Патриотическим воспитанием в органах внутренних дел охвачены все категории сотрудников, однако основное внимание мы уделяем молодым людям в возрасте до 30 лет, таковых в рядах полиции сегодня насчитывается 29 %, а среди рядового и младшего начальствующего состава – почти 50 %[1]. Основная доля молодёжи в органах внутренних дел обучается в ведомственных образовательных организациях.

Поэтому основные усилия в воспитательной работе с курсантами и слушателями сосредотачиваются на всестороннем духовном, нравственном и интеллектуальном развитии обучающихся, воспитании у них чувств патриотизма и гражданственности, гордости за принадлежность к профессии и устойчивой мотивации к ее освоению, стремления к знанию истории органов внутренних дел и верности лучшим профессиональным традициям.

Таков сложившийся на сегодня подход к организации патриотического воспитания в органах внутренних дел. Отметим, что здесь представлена идеальная схема, которая внедряется в практику работы.

В этой связи нельзя не сказать о проблемах. Назовем три из них:

Во-первых, это нехватка квалифицированных кадров офицеров-воспитателей.

Во-вторых, пробелы в правовом регулировании.

В-третьих, недостаточная техническая и технологическая оснащенность.

Среди путей их решения:

– прежде всего, научная разработка проблем воспитания в комплексе отраслей гуманитарного знания: объединение усилий ученых педагогов, психологов, социологов, политологов, правоведов на основе открытости и широкого научного взаимодействия;

[1]Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2020 год: Сборник аналитических и информационных материалов. М. : ДГСК МВД России, 2021. С. 29.

– совершенствование законодательных основ воспитательной работы – нам нужен Федеральный закон «О патриотическом воспитании», принятие которого предполагалось ещё в 2011 году[1];

– развитие практико-ориентированной системы подготовки кадров для комплектования подразделений морально-психологического обеспечения;

– разработка и применение современных информационных технологий;

– совершенствование организации и управления воспитательным процессом.

В заключение отметим, что представленные идеологические основы государственно-патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел вполне согласованы с идеологией здорового консерватизма, о которой напомнил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на заседании Валдайского клуба 21 октября 2021 года[2].

Всё это направлено на решение главной задачи – формирование сотрудника – гражданина и патриота своей Родины, защитника прав и свобод граждан, общества и государства от преступных посягательств.

[1]Постановление Правительства Российской Федерации от 5 октября 2010 г. № 795 (ред. от 07.10.2013) «О государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011 – 2015 годы"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 41 (2 ч.). Ст. 5250. СПС КонсультантПлюс

[2]Заседание дискуссионного клуба «Валдай» / Источник: Президент России. Официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66975 (дата обращения: 28.10.2021)

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ ПОСРЕДСТВОМ КИНО

О. Ю. Загинайко

кандидат филологических наук
доцент кафедры профессиональной языковой подготовки
Пограничной академии Комитета национальной безопасности Республики Казахстан
olga_zaginaiko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются методы просмотра военных художественных фильмов с целью военно-патриотического воспитания личного состава как один из этапов реализации государственной программы по воспитанию патриотизма у молодежи Казахстана.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, военное кино, методика работы с кинофрагментами

MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION OF MILITARY UNIVERSITIES CADETS USING CINEMA

O. Yu. Zaginaiko

PhD (Philology)
Associate Professor Department of Professional Language Training
of the Border Service National Security Committee of the Republic of Kazakhstan
olga_zaginaiko@mail.ru

Abstract. The article discusses the methods of viewing military feature films for the purpose of military-patriotic education of personnel as one of the stages of the implementation of the state program for the education of patriotism among the youth of Kazakhstan.

Keywords: Military-patriotic education, military cinema, methods of working with film fragments

Военно-патриотическое воспитание молодежи Казахстана является одной из государственных задач. В Плане нации «100 конкретных шагов по реализации 5 институциональных реформ» 85 шагом Президент поставил задачу по разработке патриотического акта «Мәңгілік ел». В данном документе указано, что «мощным механизмом духовно-нравственного просвещения являются искусство, музыка, хореография»[1].

[1]Казахстан 2050: Н.Назарбаев «Мәңгілік ел» // www.kst.adilet.gov.kz

Киноискусство – это синтез всех видов искусства, и в силу его популярности в современном обществе необходимо использовать его воспитательный потенциал. В графике воспитательной работы с курсантами военных вузов и с личным составом пограничных застав предусмотрен просмотр кинофильмов.

В статье предлагается несколько вариантов работы с кинофильмами. Было изучено несколько методов работы с учебными, документальными и художественными фильмами [Павлова, URL; Скороделова, 2016]. Мы адаптировали их под военно-профессиональную специфику и выделили пять основных методов работы с художественным фильмом. Актуальность данной темы состоит в том, чтобы использовать отведенное на воспитательную работу время с максимальной пользой, реализуя не только воспитательные, но и учебные и развивающие цели.

Первый метод – «Анкета на внимательность». Данный вид работы потребует от офицера-воспитателя предварительного самостоятельного просмотра фильма и составления анкеты на выявление внимательности и бдительности зрителей. Желательно, чтобы вопросы имели военно-профессиональную направленность и их немного (не более десяти). Например:

– какая тактика была использована при ведении боя?

– насколько профессионально в киноленте показаны военно-исторические события?

– какой бортовой номер был у танка? и т. д.

Данный вид работы с кинофильмом развивает наблюдательность и профессиональную зоркость. После опроса следует отметить среди личного состава лучшие ответы на анкету и рассмотреть ошибочные ответы. Другой вариант проведения анкеты на внимательность, когда сами военнослужащие готовят вопросы анкеты для другой группы зрителей. Это подстегивает дух соревнования и заставляет быть более внимательными при просмотре фильмов.

Второй метод работы с видеофильмом называется «Only picture» («Только изображение»). Выбирается эпизод из фильма, в котором есть диалог, жесты и мимика актеров: взгляды, выражение лица, движение губ, которые подсказывают содержание беседы. Задача личного состава угадать суть разговора персонажей. Например, фрагмент из фильма «Семнадцать мгновений весны», когда Штирлицу в кафе была устроена встреча с женой, и супруги могли общаться только при помощи взглядов. Зрители могут додумать, какие слова и фразы были не высказаны

супругами друг другу. Данный метод работы с фильмом развивает у военнослужащих умение понимать невербальное общение, т. е. считывать информацию с мимики и жестов собеседников.

Третий метод работы с видеофильмом называется «Sound only» («Только звук»), который заключается в том, что эпизод фильма демонстрируется без видеосопровождения, а личный состав должен высказать свои версии о месте, характере действия, персонажах и т. д. Данный вид просмотра интересен, увлекателен, так как развивает фантазию, логику и умение ориентироваться в ситуации речевого поведения.

Четвертый метод – «Допиши финал». Его можно использовать как на фрагменте фильма, отдельной сюжетной линии, так и в конце всего фильма. Данный вид работы развивает умение логически мыслить и творческую сообразительность.

Пятому методу можно дать общее название «Беседа». Если предыдущие методы можно выборочно использовать не на каждом фильме, то метод беседы – как основа любой воспитательной работы – должен быть реализован при просмотре любого фильма. Сам сюжет фильма будет «диктовать», на какую тему проводить беседу. Жанр военных фильмов располагает к разговору на темы патриотизма, взаимоотношений в воинском коллективе, в семье, на исторические темы.

Данная методика была неоднократно апробирована нами в ходе воспитательной работы с курсантами. Первым для просмотра был выбран фильм «Офицеры» 1971 года выпуска. В начале воспитательной работы мы вкратце рассказали о фильме, об авторе, об истории создания фильма.

Перед началом фильма до курсантов было доведено, что после просмотра фильма с ними будет проведено анкетирование, чтобы они были внимательны и сосредоточены на деталях фильма. Это стало постановкой задачи к первому методу нашей работы.

Недаром кинолента «Офицеры» является классикой жанра военных фильмов. Это очень глубокий фильм, который располагает к беседе на разные темы. Поэтому в нашей воспитательной работе больше всего был реализован пятый метод «Беседа».

Мы поговорили с курсантами на патриотическую тему: «Есть такая профессия – защищать Родину», спросили у курсантов, что для них значит защищать Родину, служба ли это или профессия. Провели беседы на тему взаимоотношений командира и подчиненного, солдат в воинском коллективе. Особую заинтересованность у курсантов вызвала гендерная тема, т. е. взаимоотношения между мужчиной и женщиной.

Беседа на историческую тему имела обучающий характер, так как многие курсанты недопонимали – где и когда происходят события в фильме. По ходу фильма были освещены такие исторические события, как басмачество в Туркестане, японо-китайская война, гражданская война в Испании.

Для реализации второго метода «Only picture» («Только изображение») нами был выбран эпизод встречи главной героини Любы с другом мужа Иваном. В данной сцене показаны сложные психологические взаимоотношения, которые могут быть прочитаны по-разному. На 47 минуте мы отключили звук, оставив только видеоряд, и предложили курсантам восстановить суть разговора Ивана и Любы. Мы просили высказать предположения не только о содержании беседы, но и угадать по мимике, какие эмоции испытывают оба персонажа. Курсантами было предложено несколько вариантов ответов: признание в любви, сообщение трагической новости и прозвучали варианты, близкие к сюжету фильма.

Для третьего метода «Sound only» – «Только звук» была выбрана сцена бытового разговора жены с мужем, который может иметь место в семье любого военнослужащего. В возмущенном монологе Любы присутствуют веские аргументы отказа от очередного переезда, но после секундной паузы Люба неожиданно соглашается. Курсанты должны были предположить, что сделал Алексей, почему Люба согласилась. Мы знали, что поставленная нами задача почти невыполнима, так как угадать, что жена увидит боевые шрамы на спине мужа – очень сложно. Но мы хотели, чтобы курсанты проявили свои творческие способности, сообразительность. Курсантами было предложено несколько вариантов ответа, в основном связанные с агрессивным поведением мужа: гневно посмотрел, стукнул кулаком по столу. После мы продемонстрировали им этот эпизод с изображением. Один из курсантов дал глубокую характеристику данного видеофрагмента. Он сказал: «Жена согласилась ехать с мужем, потому что поняла, что для него защищать Родину уже не служба (как было в начале фильма), а профессия». Тем самым курсант сопоставил данный фрагмент с ключевой фразой фильма, увидел основной, глубинный смысл произведения. Он смог провести эту смысловую связь благодаря тому, что в начале фильма нами была проведена соответствующая беседа. Это доказало эффективность нашей методики.

Дополнительно мы провели лично-ориентированную беседу, спросив: «Как бы вы поступили в данной ситуации, что ответили бы своей жене на отказ переезжать на новое место службы?» Эти вопросы

поставили многих курсантов в тупик, но некоторые сказали, что согласились бы с женой, оставив ее и ребенка в городе, а сами бы уехали; другие утверждали, что необходимо настоять на совместном проживании членов семьи, иначе это будет уже не семья.

Четвертый метод «Допиши финал» был нами применен на отдельной сюжетной линии. В самом начале фильма, когда Иван при знакомстве дарит Любе цветы, и в кадре появляется муж Любы, мы включили стоп-кадр. Сказав курсантам, что это главные персонажи фильма, мы спросили, как с их точки зрения будут развиваться взаимоотношения между этими персонажами. Курсанты, воспитанные на современных фильмах, в основном высказали предположения о мужском соперничестве и женской измене. В конце фильма, когда оба офицеры уже стали генералами, также был включен стоп-кадр с этими же персонажами. Курсанты убедились, что ни один из них не угадал такого развития отношений в любовном треугольнике из-за определенного навязывания нам современными фильмами приземленных, плотских любовных отношений.

После просмотра фильма была проведена анкета на внимательность. В анкету были включены следующие вопросы: «Какие исторические события (военные конфликты) отражены в фильме?», «Какие слова являются ключевой фразой фильма?», «В каких войсках служил младший из династии Трофимовых?» и т. д. Результаты анкетирования показали, что 95 % курсантов ответили правильно на вопросы анкеты, это говорит о том, что используемая нами методика позволила сконцентрировать внимание курсантов на деталях фильма.

В заключении воспитательной работы мы спросили мнение курсантов о данной методике. Все отметили, что данный вид работы их заинтересовал, и что они обязательно будут использовать его в своей воинской службе. Следовательно, рассмотренные методы кинопросмотра могут быть использованы в воспитательной работе как в полном объеме, так и выборочно, что позволит:

1) повысить понимание просмотренных художественных фильмов;

2) развить у личного состава такие качества, как бдительность, внимательность, профессиональная зоркость;

3) расширить кругозор в области исторических и политических фактов, лежащих в основе сюжета фильма;

4) проводить неформальные личностно-ориентированные беседы на темы патриотизма, взаимоотношений в воинском коллективе, вопросов воспитания.

Важно, что предложенные нами методы работы при просмотре художественных военных фильмов развивает у военнослужащих не только наблюдательность, бдительность, логику, сообразительность, умение понимать невербальное общение, а самое главное – всё это является стартовой площадкой для воспитательных бесед о том, каким должен быть настоящий офицер, какие морально-психологические качества наиболее важны для военнослужащего, правильно ли поступил персонаж в данной экстремальной ситуации и т. д. Таким образом, военно-патриотическое воспитание военнослужащих посредством кино дает определенные преимущества, позволяя оживить, сделать более личностно-ориентированной беседу о долге и чести каждого человека перед Родиной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павлова Е. А. Возможности видео и методика работы с видеофильмом на уроке иностранного языка. URL: https.urok.1sept.ru
2. Скороделова А. Р. Роль советского кино в патриотическом воспитании молодежи // Гуманитарные научные исследования. 2016. №11(63). С. 126–128. URL: https.snauka.ru

ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК СРЕДСТВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Е. С. Зимакова

старший преподаватель
кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации
Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
zimakova2014@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается вопрос актуальности влияния литературных произведений на патриотическое мировоззрение читателя. Большинство русских писателей считают нераздельными понятия Родины и своей социальной и гражданской позиции. Поэтому в их произведениях отражается не только лиричность по отношению к теме Родины, но и патриотизм, берущий начало в глубине веков.

Ключевые слова: Родина, Русь, патриотизм, христианские заповеди, подрастающее поколение

POTENTIAL OF LITERATURE AS A MEANS OF PATRIOTIC EDUCATION

E. S. Zimakova

Senior Lecturer of the Professional Communication Foreign Languages Department
Vladimir State University, Vladimir
zimakova2014@yandex.ru

Abstract. The article considers the question of the relevance of the influence of literary works on the patriotic worldview of the reader. Most Russian writers consider the concepts of Motherland and their social and civic position to be inseparable. Therefore, their works reflect not only lyricism in relation to the theme of Motherland, but also patriotism, originating in the depths of centuries.

Keywords: Motherland, Russia, patriotism, Christian commandments, the younger generation

Русский язык является одним из самых сложных, но потому и самых выразительных языков во всем мире. На этом языке написано огромное множество разных произведений, однако с самого зарождения русской литературы главной и излюбленной темой русских писателей была тема Родины.

Во-первых, стоит сказать, что слово «родина» изначально произошло из общеславянского языка. Это мы можем узнать, заглянув в этимологический словарь М. Фасмера, в котором происхождение слова Родина описано таким образом: «ро́дина "отечество", тогда как *укр*. роди́на = "семья", *блр*. ро́дзіна – то же, *болг*. роди́на "родина, место рождения", сербохорв. роди́на "обилие плодов", *словен*. rodína – то же, *чеш., слвц*. rodina "семья", польск. rodzina – то же. Произведено от "род"» [Фасмер, URL]. Несмотря на то, что на разных славянских языках значение этого слова немного различается, тем не менее, сложив все эти переводы, мы можем сказать, что родина – это отечество, семья, место рождения.

Каждый из нас, слыша слова «Родина», «родной» в разговоре, в стихах, песнях, фильмах, представляет себе самое родное в своей жизни. Это и родной дом, и место, где ты вырос, и всё, что становится родным в дальнейшей жизни: школа, друзья, одноклассники. Даже соседи, они всё равно, можно сказать, родные, по сравнению с другими чужими людьми. И всё это вместе и составляет слово «родина» – отчизна, государство. Преданность и любовь к Родине воспитывается именно благодаря родным людям, родным местам. Именно ради процветания и мира в нашем доме мы готовы работать, учиться, бороться, сражаться, жертвовать. И именно многогранность слова «родина» позволяет выражать самые разные мысли, эмоции.

Уже с зарождения письменности на Руси писатели (в то время летописцы) очень трепетно относились к описанию событий, происходящих на родной земле. Самым древним памятником древнерусской литературы является «Повесть временных лет», которая была собрана монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Это описание рассказывает о жизни наших предков в далеком прошлом, об их традициях в мирное время и в период войн. Особое внимание летописец уделяет изображениям великих подвигов защитников Родины. Рассмотрим, например, произведение «Сказание о Кожемяке», события которого происходят в период постоянных набегов отрядов печенегов. Однажды, перед очередным сражением, печенеги предлагают устроить сражение двух самых сильных воинов с обеих сторон. Князь Владимир долго искал того, кто мог бы противостоять печенежскому богатырю, но таковой никак не отыскивался, пока один старый муж не рассказал ему о своем сыне, неказистом на вид, но очень сильном. Это был Никита Кожемяка. Он лишь попросил провести испытание его сил, в ходе которого он вырывает у разъяренного быка бок с кожей. Выдержав

проверку, Кожемяка отправляется на бой. «И увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста». В летописи описано, как «Долго бойцы бились – сражались. Наконец, Кожемяка бросил печенега оземь.

Раздался клич – и побежали печенеги. И гнали их русские, пока не прогнали совсем» [Нестор, URL].

Это произведение показывает нам, что люди готовы жертвовать самым дорогим, что у них есть, чтобы защитить Родину. В летописях Родина часто представляется как нечто, за что стоит отдать свою жизнь, как самое важное, что есть у человека.

Особо ярко патриотизм проявляется, когда стране угрожает опасность. Таких примеров в русской литературе можно найти множество. Например, в произведении Льва Толстого «Война и мир» Андрей Болконский уже раненный, без надежд на карьерный рост, возвращается в ряды русского войска, борющегося с армией Наполеона, Пьер Безухов не покидает оставленную русским войском Москву, замышляя убить Наполеона, Наташа Ростова уговаривает своих родителей отдать подводы, приготовленные для перевозки разных ценных вещей, раненным солдатам. Все они готовы были пойти на жертвы, чтобы хоть как-то помочь своей Родине, их абсолютно не интересовала собственная выгода.

Приведенные примеры, показывают нам, что человек готов забыть о собственных нуждах, если Родина нуждается в поддержке. Вот как говорил о ней действующий президент Российской Федерации Владимир Путин: «Само слово род. Это означает что-то родное, чувствуете? Наша Родина больна, но от кровати больной матери не уезжают». Неважно в каком положении оказалась Родина, человек всё равно стремится сделать максимум, чтобы помочь.

Большинство русских писателей считают нераздельными понятия Родины и христианской веры. Известный современный литературовед И. А. Есаулов совершенно справедливо заметил: «Мы привыкли считать (а вернее, нас приучили к этому), что русский пейзаж хорош сам по себе; однако без маковок православных церквей пейзаж перестает быть русским» [Безруков, URL]. Вот как С. А. Есенин описывал свою тоску по родным землям:

«Запели тёсанные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я тёплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на извёстку колоколен
Невольно крестится рука.

…

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –
Я научиться не могу» [Есенин, URL].

Христианские заповеди учат человека любви и смирению. Так и большинство людей относятся к своей Родине – с безмерной нежностью, несмотря на ее недостатки. М. Ю. Лермонтов в своем стихотворении «Родина» признается, что не знает, за что любит свою родину, но в дальнейшем мы понимаем, что Родину ценят за ее простоту, за те эмоции, которые она нам принесла:

«Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень» [Лермонтов, URL]

Наверное, нет такого писателя, который за всю свою писательскую карьеру не посвятил ни одной строки описанию родных, милых сердцу мест, вспоминая о которых, не мог не ощущать приятного чувства ностальгии по прекрасным и беззаботным временам детства и юности. Слово «родина» может ассоциироваться с родным селом, городом, улицей, на которой стоял отчий дом и где ты провел лучшие годы своей жизни, или даже с твоей первой школой, в которой ты обрел своих первых друзей. Стихи А. С. Пушкина очень ясно дают прочувствовать все те чувства, которые испытывает человек возвращаясь в родной уголок:

«Уж десять лет прошло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять

Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.» [Пушкин, URL]

У слова «родина» есть множество синонимов, которые однозначно дают понять, что она является одной из важнейших элементов жизни человека. Во времена Первой мировой и Великой Отечественной Войн существовали образы Родины-матушки и Родины-матери, которые как бы призывали своих сыновей на помощь. Несомненно, подобный образ матери, которая оказалась в беде, вызывал мощный всплеск патриотических чувств среди населения. И правда, эта аналогия является очень правильной, она очень точно описывает то, как человек относится к родной земле. Также можно часто видеть, как Родину ассоциируют с колыбелью, как, то место, где ты появился и где набирался сил на всю дальнейшую жизнь. Или «Отечество» – край, где родились твои родители и родители твоих родителей.

Несомненно, понятие Родины является также объединяющим фактором всей страны. Патриотизм позволяет людям стать единым целым, несмотря на убеждения, идеи и цели. Это очень важно для поддержания мощи государства. Мы видим, что для русского человека Родина не просто слово, мы всегда относились с огромным уважением и любовью к этому понятию. Это может быть малая родина, место в котором ты вырос, где живут твои близкие люди, а может быть целое государство со всеми народами и многочисленными городами, деревнями. Но важно понимать, что у каждого она всего одна и не любить ее нельзя, а в сложную минуту нужно быть готовым, не жалея себя, бросить все силы на помощь ей. Николай Чернышевский отмечал, что патриот – это человек, служащий Родине, а Родина – это прежде всего народ . Другими словами – если каждый человек будет стремиться к процветанию своей Родины, то он будет стремиться и к процветанию своего народа, а это лучшее из возможных стремлений. Поэтому в русском языке и русской культуре к этому понятию относятся с особым трепетом и уважением. Важно воспитывать в подрастающем поколении любовь к Родине, нельзя допустить, чтобы чувство патриотизма в сердцах людей угасало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фасмер М. Происхождение слова «родина». Этимология слова родина в словаре Фасмера // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%80/%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0
2. Безруков А. Особое чувство Родины в русской литературе // Журнальный мир. URL: http://www.zhurmir.ru/content/osoboe-chuvstvo-rodiny-v-russkoy-literature
3. Нестор. Сказание о Кожемяке // LitHelper. URL: https://lit-helper.com/p_Povest-_vremennih_let_Skazanie_o_Kojemyake _Nestora
4. Есенин С. А. «Запели тесаные дроги...» / Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: https://ilibrary.ru/text/4037/p.1/index.html
5. Лермонтов М. Ю. Родина / Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: https://ilibrary.ru/text/997/p.1/index.html
6. Пушкин А. С. «…Вновь я посетил» / Классика на РуСтих. URL: https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-vnov-ya-posetil/

ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В ДУХЕ МИРА В МУЗЕЯХ МИРА

Кадзуйо Яманэ

Советник Международной сети музеев мира и Киотского музея мира
Приглашенный исследователь Университета Рицумэйкан
KazuyoYamanekyamane5131@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль музеев мира в воспитании в духе мира не только в школах, но и в локальный сообществах. Автор приводит достижения музеев мира с момента проведения первой международной конференции в Брэдфордском университете в Великобритании в 1992 г. Анализируется роль Международной сети музеев мира и Японской гражданской сети работников музеев мира. Также перечисляются примеры организации выставок и проведения вебинаров дистанционном формате и проясняются некоторые проблемы, с которыми сталкиваются музеи мира.

Ключевые слова: музей, мир, молодежь, атомная война

PROBLEMS OF EDUCATION FOR PEACE IN MUSEUMS OF THE WORLD

Kazuyo Yamane

Advisor to the International Network of World Museums and the Kyoto Peace Museum
Visiting Scholar, the Ritsumeikan University
KazuyoYamanekyamane5131@gmail.com

Abstract. The article examines the role of peace museums in peace education not only in schools, but also in local communities. The author cites the achievements of the world's museums since the first international conference was held at Bradford University in the UK in 1992. The role of the International Network of Museums of the World and the Japanese Civil network of workers of museums of the world is analyzed. It also lists examples of organizing exhibitions and conducting webinars in a remote format and clarifies some of the problems faced by museums around the world.

Keywords: museum, world, youth, nuclear war

Введение

В сентябре 2021 года в разгар пандемии коронавируса в интернете состоялась 10-я международная конференция, посвящённая музеям

мира. С момента проведения в 1992 году в британском университете Брэдфорда первой международной конференции по этой тематике, какие достижения были сделаны и какие проблемы остались? Чтобы понять это, нам хотелось бы обсудить роль Международной сети музеев мира (МСММ) и Японской гражданской сети работников музеев мира. Таким образом, некоторые проблемы в этой сфере станут понятнее.

Обзор литературы

Информационные бюллетени МСММ, опубликованные с 1992 по 2021 г., являются достаточно содержательными, хотя они не публиковались с 2003 по 2010 г. Японские информационные бюллетени публикуются два раза в год с 1992 г. по сегодняшний день: так, информационный бюллетень Grassroots House публиковался с1992 по 1998 год, а пришедший ему на смену Muse – с 1999 г. по настоящее время. В информационном бюллетене МСММ № 18 опубликована статья Питера ван ден Дунгена об истории МСММ. В изданиях и на вебсайте МСММ можно найти большое количество полезной информации для изучения истории музеев мира.

Основной тезис

Военных музеев больше, чем музеев мира. Какова же роль музеев мира в наши дни? Содействовали ли музеи мира и музеи за мир воспитанию в духе мира, примирению, устойчивому развитию, чистоте окружающей среды, а также мирному и ненасильственному урегулированию конфликтов? Особое внимание уделяется международным конференциям МСММ, которые помогают увидеть историю движения музеев мира и продемонстрировать как результаты их деятельности, так и проблемы, с которыми они сталкиваются.

Роль Международной сети музеев мира и Японской гражданской сети работников музеев мира

Международная сеть музеев мира (МСММ)

Международная сеть музеев мира была создана в результате проведения Первой Международной конференции музеев мира, состоявшейся в Брэдфордском университете в Англии в 1992 г. Японская гражданская сеть работников музеев мира берет свое начало с 1998 г., когда

Третья Международная конференция музеев мира была проведена в Осаке и Киото.

Япония – единственная страна, имеющая национальную сеть музеев мира, а, по словам доктора Питера ван ден Дунгена, бывшего координатора МСММ, Япония – единственная страна, в которой существует *движение* музеев мира. Международная сеть организовывает международные конференции, издает информационные бюллетени и книги, редактирует путеводитель под названием «Музеи мира во всем мире» и обменивается экспонатами, идеями, визитами и т. д. На сайте МСММ также можно найти много полезной информации[1].

Японская гражданская сеть работников музеев мира

Ниже приведены места, которые служили секретариатом Японской гражданской сети работников музеев мира. Музей мира общественных инициатив (Kusanoiye) в Коти (1998–2001), Киотский музей мира во всем мире (2002–2005), Центр истории военных разрушений Токио (2006–2010), Музей войны и мира «Peace Aichi» (2011–2019). Сейчас, несмотря на отсутствие секретариата, сетью руководят Икуро Анзай (почетный директор Киотского музея мира во всем мире, Университет Рицумейкан) и Кадзуйо Яманэ (то есть сам выступающий).

Японская гражданская сеть работников музеев мира также проводит национальные совещания по обмену мнениями, издает информационный бюллетень Muse (в том числе и на английском языке), а также обменивается информацией с помощью электронной новостной рассылки.

Секретариат и редакторы информационных бюллетеней следующие. № 1 (1999) – № 6 (2001) Музей мира общественных инициатив: Сигео Нисимори, директор, и Кадзуйо Яманэ; № 7 (2002) – № 16 (2005) Киотский музей мира во всем мире: Икуро Анзай, Масахико Ямабэ, Кадзуйо Яманэ; № 17 (2006) – № 25 (2010) Центр истории военных разрушений Токио: Икуро Анзай, Йонг-Хван Ким (№ 17 и 18), Кадзуйо Яманэ, Масахико Ямабэ. № 26–42 (2019) Музей войны и мира «Peace Aichi»: Дайскэ Мияхара (Секретариат), Икуро Анзай, Масахико Ямабе, Кадзуйо Яманэ, № 43 (2020) – до настоящего времени (2021) нет секретариата, но редакторами выступают Икуро Анзай и Кадзуйо Яманэ.

Начиная с первой международной конференции в 1992 г., информационные бюллетени публиковались два раза в год: до № 13 (1998)

[1]URL: https://sites.google.com/view/inmp-museums-for-peace

– Информационный бюллетень Музея мира общественных инициатив (1998). С 1999 г. информационный бюллетень называется Muse и публикует новости со всей Японии. Информационный бюллетень Muse был переведен на английский язык членами организации «Переводчики без границ» и различными переводчиками-волонтерами, включая Кадзуйо Яманэ.

Издание Muse на английском языке играет очень важную роль, так как оно является единственным информационным бюллетенем, который позволяет людям, вовлеченным в работу музеев мира за границей, узнать о музеях мира в Японии. В период, когда информационный бюллетень Международной сети музеев мира не публиковался (2003–2010), информационный бюллетень Muse позволял людям узнавать новости о музеях мира как в Японии, так и за рубежом. Другими словами, в течение последних девяти лет информационный бюллетень Muse был единственным информационным бюллетенем музеев мира, который информировал людей по всему о состоянии дел в этой сфере.

Роль Международной сети музеев мира и Японской гражданской сети работников музеев мира

В качестве примера обмена экспонатами можно привести выставку «Атомная бомба и человечество», которую Музей мира общественных инициатив в 1995 году принес в дар галерее Центра мира «Мечи на орала» в Детройте. Если говорить о культурном обмене в форме лекций, стоит упомянуть доктора Эрика Сомерса, научного сотрудника Нидерландского института войны, Холокоста и Геноцида, который прочитал лекцию в Музее мира в Киото в 2016 г. Есть много других примеров международных обменов, таких как, например, визит волонтеров из Тегеранского музея мира в Киотский музей мира в 2014 г.

История Международной конференции музеев мира

В 2020 г. был опубликован путеводитель «Музеи мира во всем мире», включающий в себя информацию о 303 музеях мира по всему свету (в том числе о 84 музеях в Японии). Чтобы собрать информацию о музеях мира, потребовалось много времени, но важно отметить, что предпосылкой этого процесса было проведение международных конференций, на которых происходил обмен информацией по данной тематике. Информация о первых девяти международных конференциях

была кратко изложена доктором Питером ван ден Дунгеном в информационном бюллетене МСММ № 18[1]. Главы, посвященные с первой по девятую международным конференциям, будут доступны в полной версии статьи автора. Информация о десятой Международной конференции пока что отсутствует в указанных источниках, поэтому она будет представлена далее в этом докладе.

Десятая Международная онлайн-конференция 2020 г. в Киото

Десятая Международная конференция была проведена в онлайн-формате из-за глобальной пандемии новой коронавирусной инфекции. Несмотря на различные ограничения, конференция прошла с большим успехом благодаря сотрудничеству соорганизаторов (Университета Рицумейкан, Киотского университета искусств, Университета Сейка в Киото и Колледжа Икенобо) и активному участию членов МСММ. Было представлено более ста онлайн-отчетов из 25 стран, с докладами выступили почти 200 сотрудников музеев мира. Открывавшая конференцию японская культурная программа в видео-формате с традиционными барабанами тайко и цветочной композицией икебана получила много положительных откликов.

Большинство докладов были опубликованы на веб-сайте МСММ, с ними можно ознакомиться из любой точки мира даже после проведения международной конференции. Переход международной конференции в онлайн-формат позволил нам взаимодействовать в электронном пространстве с профессионалами из музеев мира из разных частей света, в том числе с молодыми людьми из развивающихся стран, которые раньше не могли принять участие в тематических конференциях. Впервые большое количество докладов было представлены с помощью платформы YouTube.

Для тех, кто не владеет английским языком, мы опубликовали коллекцию тезисов под названием «Десятая Международная конференция Музея мира: Тезисы докладов онлайн-конференций и вебинаров» и «Введение в веб-выставку «Манга во время пандемии» на японском языке.

Также мы организовали четыре вебинара по следующим темам:

- Вебинар №1. Дискуссионный форум «Хиросима»: обсуждение прошлого, настоящего и будущего Хиросимы в 2020 г., 75-я годовщина атомной бомбардировки

[1]https://sites.google.com/view/inmp-museums-for-peace/conferences?authuser=0

- Вебинар № 2. Дискуссионный форум директоров / кураторов: директора и кураторы музеев мира обсуждали ситуацию, с которой они сталкиваются сегодня в попытках укрепить позиции сети музеев мира и передать эстафету следующему поколению, таким образом обеспечивая дальнейшее развитие музеев мира.
- Вебинар № 3. Молодежный форум: послания молодёжи музеям мира для создания мира во всем мире
- Вебинар № 4. Дискуссионный форум «Права женщин и человека»: объекты и процессы для обеспечения гендерной справедливости в переходный период – гражданское общество, Международное право и Музей мира

Также была проведена веб-выставка «Манга во время пандемии», в рамках которой было представлено более тысячи работ в стиле японских комиксов манга от 345 авторов из более чем 50 стран. Работы всё еще можно увидеть в галерее на веб-сайте выставки[1].

На этой международной конференции были представлены переиздания справочника «Музеи Мира во всем мире» (под редакцией Икуро Анзаи и Кадзуйо Яманэ), в том числе и на японском языке (под редакцией Икуро Анзаи, Кентаро Кодзимы и Кадзуйо Яманэ). Обе версии (английская и японская) доступны в онлайн[2].

В справочнике содержится информация о 303 музеях мира во всем мире и 84 музеях в Японии. Английская версия была опубликована издательством Lulu, а японская версия – Киотским Музеем мира во всем мире.

Сессия генеральной ассамблеи МСММ также состоялась в режиме онлайн 18 сентября. Обзор встречи можно найти на веб-сайте Международной сети музеев мира[3].

Одной из особенностей этой сессии стало избрание трех новых координаторов МСММ, а также назначение многоопытных членов правления МСММ в качестве старших советников организации.

[1]URL: https://www.mangapandemic.jp/gallery1/

[2]URL: https://sites.google.com/view/inmp-2020/museums-for-peace-worldwide?authuser=0

[3]URL: https://sites.google.com/view/inmp-2020/generalmeeting

Достижения и перспективы развития Конференции международных музеев мира

Итоги Конференции международных музеев мира

Сказанное ниже можно считать результатами десятилетней работы Международной конференции.

- Проведение международных конференций способствует учреждению новых музеев мира. К примеру, так появился музей мира в Брэдфорде (Великобритания), а также Австралийский музей мира.
- Благодаря международной сети мы смогли обсудить роль Музея мира и Музея за мир, подискутировать на тему демонстрации экспонатов с учетом возраста посещающих выставки детей, обменяться экспонатами и осуществить обмен кадрами.
- Пандемия коронавируса способствовала проведению выставок и вебинаров в формате онлайн, что позволило просматривать экспонаты в Интернете (в том числе в интерактивном режиме), даже при условии невозможности личного посещения.
- Благодаря созданию Японской гражданской сети работников музеев мира, за один год было опубликовано 2 издания информационных бюллетеней (на японском и английском языках) и ежегодно проводятся встречи по обмену мнениями на национальном уровне. В обстоятельствах пандемии коронавируса используется онлайн-платформа Zoom для обсуждений и обмена мнениями. С помощью англоязычной версии информационного бюллетеня Muse мы рассылаем информацию о деятельности японских музеев мира в другие страны, а иностранцы могут узнать о выставках и деятельности различных музеев мира в Японии. Например, во время посещения Свортмор-колледжа штата Пенсильвания в США, мы смогли лично передать англоязычные версии информационных бюллетеней Muse в архив колледжа Peace Collection (Коллеция мира). Однако стоит заметить, что в последнее время бюллетени публикуются в электронном, а не в бумажном виде.

Проблемы и перспективы развития

В задачи Международной сети музеев мира входит празднование 30-летия создания Сети в 2022 г. и успешное проведение 11-й

Международной конференции Музеев мира в 2023 г. Также важно, чтобы Международная сеть музеев мира и Японская гражданская сеть работников музеев мира стали известны большему числу музейных работников и посетителей.

Существует много споров об определении музея мира, поэтому Международной сети музеев мира необходимо уточнить это определение в будущем.

Также необходимы дальнейшие исследования того, как использовать музеи для осуществления образовательных программ и воспитания в духе мира в школах и различных локальных сообществах.

Как отметил Икуро Анзай в июле 2020 г., согласно опросу, проведенному музеями мира и другими музеями по всей Японии (всего в опросе приняло участие 62 музея), все музеи временно закрыты из-за пандемии Covid-19. С уменьшением числа школьных групповых экскурсий почти 40 % музеев столкнулись с финансовыми трудностями, а 10 % всерьез думали о закрытии [Yomiuri, 2021]. Новая информация будет доступна в ноябре 2021 г., потому что повторные анкеты были отправлены в музеи мира в октябре 2021 г. Необходимо учесть, какие выставки и мероприятия возможны в условиях пандемии коронавируса, и как создать финансовую базу для их проведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Yomiuri Shimbun Educational Renaissance: Learning about Peace 5: War Remnants Convey the Actual Situation, 2021.

ПАМЯТНИКИ И МУЗЕИ МИРА. ВОСПИТАНИЕ В ДУХЕ МИРА

Балкришна Курвей

Профессор Индийского института мира, разоружения и охраны окружающей среды, Индия
iipdep@nagpur.dot.net.in

Аннотация. Статья посвящена музеям мира и их роли в понимании мира обществом. В статье рассмотрены последствия применения ядерного оружия и отмечена важность хранения и распространения информации о воинах в качестве исторической ценности. Автор отмечает необходимость предотвращения любых военных действий.

Ключевые слова: музей мира, предотвращение войн, Хиросима, Нагасаки, ядерное оружие

MONUMENTS AND MUSEUMS FOR PEACE. PEACE EDUCATION

Balkrishna Kurvey

Professor at the Indian Institute for Peace Disarmament & Environmental Protection
iipdep@nagpur.dot.net.in

Abstract. The article is devoted to the peace museums and their role in the understanding of the "peace" by society. The article examines the consequences of the use of nuclear weapons and notes the importance of storing and distributing information about wars as a historical value. The author notes the need to prevent any military action.

Keywords: peace museum, prevention of wars, Hiroshima, Nagasaki, nuclear weapons

Двадцатый век был полон кровавых событий: войн, революций, жестоких действий и нарушения прав человека. «Холодная война» окончена, но риск новых войн и вооружённых конфликтов всё еще присутствует, и они могут существовать под предлогом миротворчества и обеспечения безопасности, в форме региональных конфликтов, терроризма и несоблюдения прав человека во всех частях света.

Погружение в историю с помощью живописи и памятников культуры других форм, которые находятся в музеях мира, повышают уровень просвещения людей и воспитывает их в духе мира.

Как много людей знает, что произошло в роковой период с 6 по 9 августа 1945 года? Война в Ираке. Зарождение терроризма.

Описывая случаи жестокости на войне, взрывы в Хиросиме и Нагасаки, мы не стремимся передать то, насколько ужасна война. Наша цель – заставить людей задуматься, как хрупок мир, и донести ужасы войны до следующих поколений.

Обращение к истории, например, при помощи изображений и прочих визуальных средств передачи информации, представленных в музеях мира, проливает свет на учение о мире. Через музеи мира мы можем обратиться к людям, готовым продвигать идеи о том, что мудрость должна быть превыше всего, и мы должны объединиться, чтобы укрепить мир во всем мире при помощи миротворческих музеев.

Предназначение музея мира – не дать повториться Нагасаки – заключается в том, чтобы привлечь внимание как можно большего числа людей по всему миру, чтобы обеспечить сплоченность и осведомленность мировой общественности о незамедлительных и долгосрочных последствиях использования атомного оружия и о необходимости подписания странами договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

С помощью музеев мира мы должны объяснять людям, что предположение о том, что ядерное оружие обеспечивает безопасность – неверно, и что оно оказывает негативное влияние на окружающую среду и здоровье людей.

Музей мира призван показать посетителям, насколько хрупок мир. Совместные усилия отражают всеобщее стремление к миру. С помощью учебников по истории учителя могут создать учебную среду, свободную от насилия. Также они способствуют созданию мирных обществ и построению международного общественного порядка.

Видение проблемы, а также уроки, проводимые музеями мира, вносят вклад в общее понимание мира и воспитание в духе мира. Музеи мира могут сыграть важную роль в просвещении общественности по вопросам мира. Например, они могут проводить общественные кампании против использования ядерного оружия наряду с другими негуманными орудиями убийства.

Музеи Мира и их сети могут способствовать формированию общественного консенсуса и стимулировать развитие и распространение образованности в области создания мира.

Сохранение в памяти новых поколений болезненных воспоминаний о войне поможет в воспитании духа мира в школах, что также внесет свой вклад в формирование мирной обстановки.

Музеи мира и их деятельность – это лишь один из инструментов коллективных действий по созданию мира и солидарности. Глобальная цель таких музеев – стать движущей силой в достижении полной ликвидации ядерного оружия.

Мы можем наблюдать огромный отклик в нашей деятельности от людей по всему миру и особенно со стороны молодых людей. Молодое поколение осознало важность борьбы с высшей формой насилия и неуважением к международному гуманитарному праву и правам человека. Люди, посетившие музей мира и увидевшие последствия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, приходят к твердому выводу о том, что ядерное оружие неприемлемо и должно быть запрещено.

Это один из примеров роли музеев мира в воспитании людей в духе мира. То же самое может быть сказано в отношении противопехотных мин, кассетных боеприпасов, биологического, химического оружия и других негуманных орудий войны. С помощью миротворческих музеев мы можем достигнуть нашей цели. Примером может служить Оттавский договор, запрещающий противопехотные мины, которые подписали 164 страны.

Семена мира должны быть посеяны в сознании детей через историческую литературу, мемориалы и музеи мира. Они могут играть важную роль в общественном просвещении по вопросам мирного существования. Музеи мира также могут проводить социальные кампании против использования ядерного оружия.

Личный опыт пострадавших хибакуся (люди, подвергшиеся воздействию взрыва) в Японии, если его правильно преподносить, можно использовать для создания спокойствия в мире. Таким образом, музей мира придаст импульс повышению осведомленности о войне и мире.

Болезненная память о войнах, переданная другим людям на выставках в музеях, дает возможность размышлять о мире, показывая, насколько неотразима земля и как драгоценна жизнь. Рассказы о войнах и ядерных бомбардировках в Хиросиме и Нагасаки в школьных учебниках по истории ускорят распространение идей о мире среди молодежи. Глобальная сеть миротворческих музеев внесет свой вклад в распространение и поддержание мирного образа жизни и развитие идей о мире.

В наше время очень важно донести до общества в целом и особенно до законодателей информацию об ужасных последствиях применения ядерного оружия, просвещать и информировать их на этот счет.

Вместе мы сможем превратить Музеи Мира в и источник идей и сделать его местом для хранения информации о мире и для создания мира.

РОЛЬ ДУХОВНОСТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Б. Е. Талканбаева, А. М. Уразбаева

Талканбаева Б. Е., кандидат юридических наук,
заместитель начальника Факультета правовой и гуманитарной подготовки
Академии Комитета национальной безопасности
начальник специальной кафедры №1, bayan912@mail.ru

Уразбаева А. М., кандидат исторических наук
доцент специальной кафедры №1 Факультета правовой и гуманитарной подготовки
Академии Комитета национальной безопасности
akzhamal.m@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь патриотизма, нравственности и духовности человека. Духовность определяется как главное условие и основа всех нравственных качеств и способностей человека, в том числе патриотизма. Авторы статьи обосновывают роль духовности в патриотическом воспитании молодежи.

Ключевые слова: историческое сознание, национальное сознание, традиция, образование, духовность

ROLE OF SPIRITUALITY IN PATRIOTIC EDUCATION

B. E. Talkanbaeva, A. M. Urazbayeva

Talkanbaeva B. E., Ph.D (Law)
Deputy Head of the Faculty of Legal and Humanitarian Training of the Academy of the National Security Committee
Head of the Special Department №1, bayan912@mail.ru

Urazbayeva A. M., PhD (History)
Associate Prof. of the Special Department №1 Faculty of Legal and Humanitarian Training of the Academy of the National Security Committee
akzhamal.m@gmail.com

Abstract. The article examines the relationship between patriotism, morality and human spirituality. Spirituality is considered as the main condition and basis of all moral qualities and abilities of a person, including patriotism. The authors of the article substantiate the role of the spiritual in the patriotic education of young people through problems and solutions.

Keywords: historical consciousness, spiritual consciousness, tradition, spirituality, education

Тема патриотизма, патриотического воспитания как и в прошлом, так и сейчас очень актуальна. Формирование и становление системы ценностей у молодого поколения, их духовность, гуманность сегодня приобретает общегосударственное значение. Вопрос морали, сохранения духовного потенциала нации и исторического сознания напрямую зависит от уровня духовности и морали подрастающего поколения.

Исходя из этого, мы можем с уверенностью сказать, что приоритетным направлением в воспитании молодежи должно быть формирование человека нравственного, обладающего чувством ответственности за судьбу своего Отечества, народа. А любовь и служение Родине присущи только настоящим патриотам. Для организации эффективного патриотического воспитания, который подразумевает формирование системы качеств личности, взглядов и убеждений, необходимо объединить силы семьи, образовательных учреждений, педагогической науки и, конечно, СМИ. Разумеется, по отношению к СМИ нужно быть осторожными и использовать только через призму критического анализа. Несмотря на то, что здесь немаловажную роль занимают образовательные учреждения и культурно-досуговое пространство, основное воспитание каждого из нас начинается с семьи.

Изменения, имеющие место в казахстанском обществе в XXI веке, несколько деформировали такие понятия как долг и честь, любовь к Родине, гуманное отношение к окружающей среде и т. д. В эпоху глобализации для нас очень важно формирование казахстанского патриотизма, который в дальнейшем будет способствовать развитию социально-экономической стабильности общества и национальной безопасности. Сегодня особое внимание уделяется понятию «новый казахстанский патриотизм». Для такого полиэтнического государства, как Республика Казахстан очень важны идеи гражданского согласия и национального единства.

Воспитание у молодежи патриотических чувств в условиях ослабления отличительной культурной сущности, присущей только казахскому народу, быстрая тенденция в сторону глобализации в ущерб духовным, гуманным ценностям и является основной проблемой доклада.

Еще в средневековье Аль-Фараби в своих трудах придавал большое значение специально организованному воспитанию и образованию. По его мнению, цель воспитания состоит в поощрении стремления подрастающего поколения совершать нравственно одобряемые, благие дела [аль-Фараби, 2014]. Ученый и мыслитель за основу воспитания берет добродетель, что является крайне важным фактором в воспитании.

Далее данная идея нашла отражение в трудах Ю. Баласагуни, М. Кашгари, в поэзии Доспамбета-жырау и Махамбета Утемисова и т. д. В размышлениях о воспитании в семье Ю. Баласагуни опирался на народную мудрость. Изучая его наследие можно проследить, что основным средством воспитания он считал труд, требовательность и строгость в отношениях. И первыми воспитателями, по его мнению, являются мать с отцом. Поскольку они воспитывают детей в первую очередь своей любовью и лаской [Баласагунский, 1983]. Идеи поэта актуальны и сейчас, любовь берет свое начало с рождения ребенка, это любовь к родителям, любовь к родным и близким, далее это перерастает в любовь к Родине, с чего начинается патриотизм.

Махамбет Утемисов, живший в эпоху национально-освободительных движений, искренне любил свой народ, боролся за их права, призывал к борьбе и благодаря своим произведениям сумел повести народ за собой. По свидетельству русского ученого Е. Ковалевского, Утемисов был натурой обаятельной, героического склада, подлинным патриотом со страстно ищущей душой. Благодаря своим подвигам он становится ярким примером патриота. Его произведения могут научить современную молодежь ценить свободу, независимость и защищать, оберегать свой народ и страну.

В начале XX века призыв к образованию, идея идентичности и национального самосознания нашла свое отражение в трудах казахской интеллигенции. А. Букейханов, Б. Каратаев, А. Байтурсынов и многие другие своей упорной борьбой заложили путь к независимости. Всех выше названных личностей объединяла одна цель – независимость, свобода, грамотное поколение. Через свои произведения они возлагали большое доверие нашей молодежи. Ярким примером служит текст песни М. Жумабаева «Я верю в молодых» [Жумбаев, URL]:

…И в глазах их искр не счесть,
И в словах их пламя есть,
Им дороже жизни честь. –
Верю, верю в молодых!

Данная цель в современности зародила другую цель – идею сохранения «Вечного народа» («Мәңгілік ел»). Сегодня перед нами стоит задача – воспитать нашу молодежь на примере личностей, т. е. ханов, султанов, батыров, просветителей, интеллигенции, которые задачу воспитания видели в привитии любви к своей стране, национальной культуре,

духовно-нравственным ценностям, традициям и обычаям. И, конечно, родной язык, который является главной базой и средством воспитания, формирования национального, исторического самосознания, развития духовно-нравственных качеств народа и преемственности его культуры.

Великий полководец Бауыржан Момышулы писал, что патриотизм, т. е. любовь к Отечеству – осознание прямой зависимости, личного благополучия от общественно-государственной безопасности, признание своей зависимости от государства, того, что укрепление государства есть укрепление личности. Один из важных элементов патриотизма – национальный дух или национальный патриотизм. Это любовь к своему народу, с которым связана кровным единством, общностью происхождения, территорией, языком, бытом, нравами, психологическими и этнографическими особенностями, сложившимися историческими традициями, имеющими вполне определенные и самостоятельные, отличные от других качеств и особенности [Момышулы, 1990].

В современных условиях не исчезает потребность осмысления условий формирования патриотизма в Казахстане. По нашему мнению, этот анализ должен быть направлен на выявление взаимосвязи патриотизма и духовности, поскольку именно духовность служит фундаментальной основой и условием патриотизма. С философской точки зрения, духовность предстает как «…высшая способность человека, позволяющая ему стать источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преображения действительности; способность, открывающая возможность дополнить природную основу индивидуального и общественного бытия миром моральных, культурных и религиозных ценностей» [Философский словарь, 2001, с. 171]. Воспитание духовности является фундаментальным основанием развития нравственных качеств и способностей человека, включая и патриотизм.

Нельзя не согласиться с мнением В. А. Фролова, о том, что, будучи результатом исторического творчества многих поколений, духовность в качестве сложной системы духовных норм и ценностей существует не как данность, а как идеальное требование, как заданность [Фролов, 2012а, с. 276], является главным условием, базой, основанием всех нравственных качеств человека, а также его интеллектуальных способностей, возникающих исключительно на базе и при наличии духовности и реализующих ее в самой сущности [Гурьянова, Фролов, 2019, с. 9].

Не секрет, что в эпоху современности мы замечаем тенденцию ослабления духовных и культурных основ общества. В связи с этим

проблема патриотизма представляет собой одну из самых актуальных в сфере духовной жизни казахстанского общества. И попытка связать эту проблему только с недооценкой патриотизма тоже неправильно, как и утверждение, что только «уровень патриотичности, его приоритетность определяет духовное возрождение общества, государства в целом» [Шумилина, Мезенцева, 2016, с. 157].

Если рассматривать духовность и патриотизм во взаимосвязи, то исследования показывают, что духовность – это явление, формирующееся чаще всего задолго до того, как человек начинает осознавать себя членом общества, государства, этноса, т. е. с самого раннего детства. В семье, в условиях ближайшего окружения родных и близких, в атмосфере искренности, душевности и любви душа ребенка впервые открывается миру, его красоте и многообразию. Дальнейшее развитие человека – отрочество, юность, взросление – происходит уже в условиях контакта с обществом, от состояния которого во многом зависит формирование его индивидуальных нравственных качеств. Так что патриотизм формируется также из некой «общественной идеологии». Если атмосфера в обществе и общественная нравственность позиционированы в целом со знаком «плюс», это, несомненно, способствует укреплению нравственности социализирующихся в нем индивидов. Если же окружающая общественная среда не способствует укреплению нравственности и даже, напротив, противостоит ей, зачатки духовности могут «зачахнуть», и тогда нравственность деформируется, что ведет к формированию антисоциальных, антигуманных, аморальных ценностей [Фролов, 2012б].

Ко всему прочему прослеживается тенденция влияния субкультур, контркультур, что является угрозой по отношению к национальной культуре, традициям и обычаям. Ведь духовное возрождение и историческое сознание также определяет уникальность способа формирования национальной безопасности, ценностно-смысловую сущность национальной культуры. Наши национальные традиции и обычаи, язык и музыка, литература и свадебные обряды – одним словом, национальный дух, должны вечно оставаться с нами[1]. Именно культурный код, сформированный базовыми ценностями народа, определяет своеобразие национальной психологии, воплощенной в поступках и деятельности людей, в их жизненных позициях и стратегиях поведения.

[1]Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» 12 апреля 2007 года // https://www.akorda.kz (дата обращения: 08.10.2021).

Как мы видим, прослеживается тенденция снижения культурного уровня современного общества, в том числе традиционной духовно-национальной иерархии ценностей, отрицанием истории, неуважительным отношением к памятникам истории, заслугам и достижениям родной страны [Фролов, 2012а], во многом этому способствует то обстоятельство, что на молодежь через средства массовой информации, через интернет ресурсы и социальные сети идет поток информации который разрушают определенные стереотипы. Какие же пути решения данной проблемы можно предложить? Для начала нужно обогатить содержания обучения, посредством включения в него духовно–нравственного, культурно-исторического, т. е. предлагается особое внимание уделить таким предметам как история, литература, через которых будет осуществляться гражданско-патриотическое, правовое и поликультурное воспитание [Карпыкбаева, Пачанова, 2011]. Такого рода воспитание способствует росту гуманизма, уважения истории и традиции казахского народа, становлению гражданской позиции и патриотического сознания, через призму таких духовных ценностей, как знание языка и литературы, через почитание творчества казахских поэтов (акынов и жырау). Потому что патриотизм невозможно навязать, человек должен сам формироваться как гражданин и патриот.

Духовно-патриотическое воспитание молодежи – основа формирования будущего гуманного гражданина. Как уже было отмечено выше, казахстанское общество сильно изменилось за последние десятилетия, что привело к деформации понятий, лежащих в основании государства.

Проблемы, препятствующие формированию гражданско-патриотических и духовных ценностей, могут быть разнообразны. Это выше приведенные отрицание истории, попадание под влияния субкультурных течений и т. д. Остановимся на одной из них, на неполноценной социализации. Неполноценной она может быть по большому количеству факторов: детский алкоголизм, наркомания и др. Беспризорники также не получают социальных навыков, так как они исключены из общества. В таких условиях государство должно бороться с вышеприведенными проблемами, а также соблюдать следующий комплекс норм: развивать у молодежи любовь к родине, воспитывать чувство гордости за подвиги предков, учить уважать старших, изучать историю, интересоваться культурой и расширять ее; создавать общественные объединения и организации, привлекающие молодежь и воспитывающие патриотизм и гражданственность; поощрять интерес к военной

службе, освоению военного дела; научить соблюдать традиции и обычаи, что является средством возрождения и развития национального духа [Семёнов, 2007]. Отдельное внимание следует уделить духовно-нравственному воспитанию, которое не отождествляется с религиозным воспитанием, но и его не исключает. Также, одной из важных проблем остается проявление инфантилизма у молодежи. «Пассивность» молодых людей мешает становлению полноценной личности и гражданина [Нехорошков, Падерин, 2012, с. 229]. Поэтому нужно найти пути грамотного взаимодействия с молодежью. Через молодежные форумы, предоставление молодым людям рабочих мест, повышение в образовательных учреждениях уровня противодействия внешним угрозам со стороны контркультур. При этом значимым фактором остается воспитание семьи, поэтому важна работа не только с молодежью, но и с молодыми родителями.

Подводя итоги, обращаем внимание, что патриотизм может быть сформирован лишь на основании развития духовности, в ходе целенаправленного, согласованного воздействия, оказываемого на сознание человека, его эмоции и волю. Наша многовековая история учит, что выходят из тяжелейших кризисов и занимают соответствующее место в мировом сообществе лишь те государства, которые славятся своими героями, где высок моральный, патриотический дух граждан и крепки национальные традиции и где ценятся культурные ценности и история. Привитие этих ценностей подрастающему поколению является гарантом светлого будущего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. аль-Фараби, А. Н. Добродетельный город. Философские трактаты // Собр. соч.: в 4 кн. / Ин-т лит-ры Народов мира при КазНУ им аль-Фараби и межд. клубе Абая ; ред.совет: Ж. Алтаев и др. Алматы, 2014.
2. Баласагунский Ю. Благодатное знание / пер. С. Н. Иванова. М. : Наука, 1983.
3. Жумабаев М. «Я верю в молодых». URL: // https://pesni.guru (дата обращения: 11.10.2021).
4. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика, 2001.
5. Момышулы Б. Психология войны. Книга-хроника / сост. Мырзахметов М. ; Алама-Ата: Казахстан, 1990.
6. Фролов В. А. [и др.]. Светское и религиозное понимание духовности и проблема воспитания современной молодежи // Духовно-нравственные проблемы информационного общества: Монография. Самара, 2012а. С. 267–288.

7. Гурьянова А. В., Фролов В. А. Духовность как основание патриотизма в российском обществе // Известия Саратовского гос. ун-та. Нов. сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Вып 1. Т. 19. С. 8–11.
8. Шумилина Ю. В., Мезенцева Е. А. Патриотическое воспитание как необходимое условие духовно-нравственного воспитания // Система ценностей современного общества. 2016. № 49. С. 154–158.
9. Фролов В. А. Проблемы патриотического воспитания молодежи // Духовно-нравственные проблемы информационного общества. Самара, 2012б. С. 299–314.
10. Карпыкбаева А.С., Пачанова Д. Н. Роль патриотического воспитания студенческой молодежи // Научный мир Казахстана. 2011. № 3(37). С. 149-151.
11. Семёнов В.Е. Ценностные ориентации молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.
12. Нехорошков А.В., Падерин В.К. Нравственные и патриотические аспекты мировоззрения студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 227–230.

СИСТЕМА РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ИДЕЙ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
(опыт регионального вуза)

Е. П. Шульга

кандидат исторических наук, доцент
заведующий кафедрой Социально-гуманитарного образования
Социально-гуманитарного факультета
Сургутского государственного педагогического университета
luchs77@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен опыт работы регионального вуза по выстраиванию системы профилактики проникновения в студенческую среду идей экстремизма и терроризма. Приводится пример задач, которые вуз ставит перед собой в данной области, описываются пути достижения воспитательных результатов. Приводятся рекомендации по смещению фокуса в образовании с частного на общенациональное.

Ключевые слова: воспитание, вуз, молодежь, компетентностный подход, воспитывающая среда

WORK ON PREVENTION OF EXTREMIST AND TERRORIST IDEAS IN HIGHER EDUCATION
(Experience of Regional University)

E. P. Shulga

PhD (History), Associate Professor
Head of the Department of Social and Humanitarian Education
Faculty of Social and Humanitarian Affairs
Surgut State Pedagogical University
luchs77@yandex.ru

Abstract. The article presents the experience of a regional university in building a system for preventing the penetration of ideas of extremism and terrorism into the student environment. An example of the tasks that the university sets for itself in this area is given, the ways of achieving educational results are described. Recommendations on shifting the focus in education from private to national are given.

Keywords: education, university, youth, competency approach, nurturing environment

Реалии современной действительности свидетельствуют о сверхбыстрых темпах распространения идеологии экстремизма и терроризма с использованием новейших информационных и коммуникационных технологий, что определяет важность профессиональной оценки этих серьезных вызовов времени. Молодежь является самой подверженной негативному влиянию группой, ввиду особой чувствительности ко всему происходящему в социуме [Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации ... 2016]. Идеи экстремизма не оставляют места интеллектуальному, нравственному развитию личности. На фоне передовых технологий и ресурсов, применяемых экстремистскими структурами, в разы возрастает важность профилактической работы, проводимой в вузе.

Среди комплексных задач, направленных на профилактику экстремизма и терроризма в молодежной среде Сургутского государственного педагогического университета можно выделить следующие[1]:

- Формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде.
- Создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства; развитие социальной инициативы и формирование активной гражданской позиции студентов.
- Создание средствами учебной и внеучебной деятельности условий, позволяющих обеспечить формирование у будущих педагогов: понимания значимости, ценности и сущности воспитательной работы с учащимися, в том числе в ситуации роста влияния новых факторов социализации (современных медиа, включая интернет); опыта овладения вариативностью воспитательных систем и технологий, нацеленных на конструирование

[1]Задачи сформулированы исходя из новой редакции закона об образовании: Закон Российской Федерации «Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 304-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся"» от 22.07.2020 № 304-ФЗ // Российская газета. 2020. № 174. Ст. 8228.

индивидуальной траектории развития личности ребенка с учетом его потребностей, интересов и способностей; умений осуществлять воспитание и социализацию школьников, в том числе через сопровождение семейного воспитания, организацию вожатской и волонтерской деятельности, осуществление функций классного руководителя.

Так же одной из задач воспитания в вузе является координация усилий и возможностей структурных подразделений вуза, внешних партнеров в реализации комплекса профилактических мер. Вуз активно включен в окружной комплексный план профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде. По заказу СК и МВД проводится историко-этнографическая, лингвистическая экспертиза религиозной литературы на предмет экстремизма. По заказу СК и МВД проводится историческая экспертиза экстремистских материалов для доказательств в суде, экспертиза материалов сайтов и страниц ВКонтакте на предмет экстремизма. Кроме того, Сургутский педагогический университет сотрудничает с антитеррористической комиссией ХМАО – Югры по оказанию помощи оперативному штабу. Например, в последнее время подготовлены образцы символьной графики и числовых знаков, пропагандирующих террористическую и экстремистскую идеологию.

Преподавателями вуза разрабатываются программы повышения квалификации педагогических работников и специалистов образовательных организаций, такие как «Повышение эффективности профилактики экстремизма как фактор национальной безопасности», «Гражданское население в противодействии распространению идеологии терроризма», «Особенности работы образовательной организации по профилактике экстремизма и терроризма в молодёжной среде», «Технологии вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность», «Деструктология» и др. Курсы востребованы, ежегодно несколько десятков педагогов округа и района проходят переподготовку по данным курсам.

Результаты исследований в рамках тематики гражданско-патриотического воспитания, как правило, включаются в тематику круглых столов, реализуемых проектов, отдельных кураторских часов. В большей степени применение результатов исследований и мониторингов нашло отражение в тематике курсовых и дипломных работ.

В рамках создания условий для самоопределения и социализации обучающихся действуют ряд проектов направленных на профилактику

идей экстремизма и терроризма. «Студенческий экспертный центр», в процессе его деятельности выстраивается система мероприятий, направленных на формирование у обучающихся необходимых компетенций эксперта в области межэтнических отношений в поликультурной среде региона. Историко-политический клуб «Наша Эра», результатом деятельности которого являются не только открытые дискуссии по общественно важным вопросам, но и реализация различных проектов, в том числе курсовых и дипломных. «Студенческая лаборатория исследований межэтнических процессов Сургута и ХМАО–Югры», периодически проводит исследования как внутри университета, так и за его пределами, результаты которых ложатся в основу докладов на советах факультетов и учёном совете вуза. В последние годы активизировалась и работа студенческих советов факультетов, студенческих вузовских объединений в этом направлении. На недавно прошедшей «НЕконференции» «Лаборатории студенческих инициатив» студентами-активистами была представлена 31 проектная инициатива по различным направлениям Государственной молодежной политики.

Однако проекты, лаборатории и другая внеучебная деятельность охватывают лишь активную часть студенчества, в то время как большинство студентов остаются не охвачены этим процессом. А стереотипное представление о вузовском воспитании только как о внеучебном процессе искусственно ограничивает вуз и ППС в выборе средств и методов воспитания. Преподаватель, вступая во взаимодействие с обучающимися на практическом, лекционном занятии или в свободном общении в процессе другого вида деятельности (спортивной, художественной и т. п.) имеет возможность воспитывать студентов, без «необходимости множить сущности», различных проектов, групп, лабораторий и т. п. «Разнообразное межличностное взаимодействие в сферах совместного бытия имеют огромный воспитательный потенциал»[1] .

Рассматривая учебные планы таких направлений подготовки как «Организация работы с молодежью», «Безопасность жизнедеятельности», «Журналистика», «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки), направленность «История и обществознание», можно сделать вывод о том, что на направлениях подготовки разрабатываются программы вариативных курсов, направленных на формирование

[1]Воспитание в вузе: основные понятия и новое в законодательстве // ЛаЛаЛань URL: https://lala.lanbook.com/vospitanie-v-vuze-osnovnye-ponyatiya (дата обращения: 08.10.2021).

гражданско-патриотического сознания. Вместе с тем слабо используется потенциал дисциплин базового блока в формировании осознанного неприятия деструктивной идеологии молодежью вуза. Например, направление подготовки «Организация работы с молодёжью». Существует целый комплекс дисциплин, способных включать в свое содержание тематику профилактики и противодействия экстремизму и терроризму: Основы правовых знаний, Основы социального государства, Молодежные СМИ, Молодежная политика за рубежом, Молодежная политика в РФ, Профилактическая работа в молодежной среде, Социология молодежи, Молодежные субкультуры, Теория и практика социальной работы, Организация работы в молодежных сообществах, и др. Исходя из анализа аннотаций, формы ФОС, рабочей программы, содержание дисциплин слабо отражает аспект профилактики деструктивных явлений.

Например, дисциплина Основы межэтнических коммуникаций. Цель дисциплины – научиться осуществлять межэтническую коммуникацию с позиции толерантности. В рабочей программе 153 результата, из них узнавание – 11 %, воспроизведение – 46 %, применение – 43 %. Уровень применения связан с такими формами работы, как: применять понятия, сравнивать, характеризовать тенденции, структурировать пути решения, применять понятия «межкультурная компетенция» и «межкультурная компетентность» для анализа, сравнивать ценности, идеалы и нормы поведения, инсценировать характерные черты традиционной культуры, составлять алгоритм анализа проблемных ситуаций, инсценировать проблемы межэтнического взаимодействия в деловой сфере, разрабатывать конфликтные ситуации межэтнического взаимодействия. Практика в малой степени, но присутствует. Дисциплина заканчивалась общеуниверситетским фестивалем, который на практике учил студентов уважительно взаимодействовать. Однако необходимо отметить, что отсутствует тематика занятий, связанная с вызовами современности в молодежной среде, экстремизмом и терроризмом.

Часто практико-ориентированные дисциплины очень слабо увязаны с практикой. Например, Теория и практика социальной работы. В самом названии дисциплины заключена практическая составляющая. Цель дисциплины – сформировать теоретические представления и навыки использования профессиональных компетенций социолога в области социальной работы. В рабочей программе в пункте «Контроль освоения» указаны 119 результатов, из них 15 % – применение, а

85 % – воспроизведение. Уровень применения связан с такими формами работы, как «составить алгоритм», «составить технологическую карту», «разработать критерии», «смоделировать ситуацию». Как таковой практики социальной работы в дисциплине нет. А ведь ее можно организовать, даже не выходя за пределы университета. Так же отсутствует тематика занятий, связанная с профилактикой опасных социальных явлений в молодежной среде.

Большое количество практико-ориентированных дисциплин, на которых возможно формирование гражданского сознания, неприятия идеологии экстремизма и терроризма заканчиваются итоговым тестированием. Из 1061 дисциплин, заканчивавшихся в 1-м семестре, 60 % заканчиваются тестированием, 40 % альтернативными формами контроля.

На данный момент мы можем отметить недостаточное использование потенциала учебных дисциплин в части решения задач воспитания, профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде. Учебно-практическая деятельность обучающихся как часть внеаудиторной работы студентов в рамках дисциплины практически не предусматривает такие формы работы, как пресс-конференция, лекция вдвоем, лекция-дискуссия, проектные студии, профессиональные конкурсы, неформальное образование, и т. д. Кстати, это созвучно принятому в современном профессиональном образовании компетентностному подходу и проектному подходу, который определяется как ведущий в стратегии государственной молодежной политики в РФ.

Что необходимо предпринять для более качественного решения обозначенных задач?

- Обеспечение четкой координации действий всех участников образовательного процесса на уровне планирования, непосредственной организации деятельности. Осуществление межфакультетского, межкафедрального/межструктурного взаимодействия.
- Переосмысление ценностных ориентиров и содержательной основы учебного процесса, принятие преподавателями установки «воспитание – это моя ответственность» как аксиомы.
- Недопустимость так называемой «неприкосновенности» содержания учебных дисциплин в условиях динамично и стремительно меняющегося информационно-коммуникационного пространства.

- Наполнение взаимодействия со студентами новыми смыслами, содержанием, актуальными формами, как при проведении учебных занятий, так и во внеучебной деятельности.

Если говорить о формах и средствах воспитания, то сегодня приоритетными должны стать те из них, которые позволяют обогащать созидательный опыт молодых людей по решению значимых общекультурных, общенациональных задач и только потом значимых для них личных проблем. Если ставить задачи в обратном порядке, представители молодежи начинают выстраивать свою идентичность на уровнях более низких, чем национальный – региональном, этническом, конфессиональном, субкультурном [Пономарёв, Белов, Майлис, 2018] Имеет место также конструирование искусственных идентичностей.

Университет должен стать воспитывающей средой, источником развития нравственных норм, которые бы формировали национальную идентичность [Пономарёв и др., 2015]. А это, в свою очередь, требует изменения всей парадигмы профессионально-педагогического образования, кардинального изменения педагогического мышления преподавателей. Системный подход к проблемам подготовки учителя диктует переосмысление целевых установок и содержательной основы учебного процесса, в сторону интеграции его обучающей, развивающей и воспитывающей направленности в рамках культурологического подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации : методические рекомендации. М. : Антитеррористический центр государств – участников СНГ ; Санкт-Петербург : Русь, 2016.
2. Пономарев А.В. [и др.] Воспитательная среда университета: традиции и инновации. Екатеринбург, 2015.
3. Пономарев Н. А., Белов С. И., Майлис А. А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 25–30.

КРУГЛЫЙ СТОЛ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА

СТОРИТЕЛЛИНГ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

М. Ю. Белогурова, В. А. Данилова

Белогурова М. Ю., старший преподаватель кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
mblgrva@gmail.com

Данилова В. А., кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
vita.danilova@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается дидактический потенциал сторителлинга как технологии обучения иностранному языку в высшей школе, а также алгоритм применения сторителлинга при работе над лексическим и грамматическим материалом. Сторителлинг широко и успешно применяется в рамках коммуникативного подхода, способствуя комплексному овладению всеми видами речевой деятельности в психологически благоприятном, личностно значимом контексте.

Ключевые слова: сторителлинг, обучение иностранному языку в высшей школе, коммуникативный подход

STORYTELLING AS A TOOL IN MODERN COMMUNICATION MEDIA DISCOURSE AND GENERAL EDUCATION

M. Yu. Belogurova, V. A. Danilova

Belogurova M. Yu., Senior Lecturer
at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of
Mediatechnologies Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University
mblgrva@gmail.com

Danilova V. A., PhD (Philology), Assistant Professor
Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Mediatechnologies
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University
vita.danilova@gmail.com

Abstract. Authors discuss how storytelling as a tool can be successfully applied in the context of foreign language education in under- and postgraduate studies, with a special emphasis on the potential of using storytelling while working with lexical and grammatical sources. Storytelling, both as a tool and strategy, proved its high potential as a part of the communicative approach. It was shown to be highly beneficial for fostering complex personal development and psychological astuteness in humans.

Keywords: storytelling, undergraduate and postgraduate foreign language studies, communicative approach

Ключевой целью обучения иностранным языкам в высшей школе является подготовка студентов к коммуникации с представителями иноязычной культуры как в бытовых, так и в официально-деловых (профессиональных) ситуациях. Именно поэтому поиск действенных методов и технологий обучения в рамках коммуникативного подхода постоянно продолжается. Одной из современных технологий является сторителлинг (*англ*. storytelling) – технология, в основе которой лежит рассказывание небольших историй. В широком смысле сторителлинг определяется как технология воздействия на людей с разными целями через тексты, облеченные в форму увлекательных историй. Существуют и более узкие трактовки термина, например, сторителлинг рассматривается как один из приемов создания интересного, актуального, полезного, развлекательного, эмоционального контента, как искусство устного повествования, сказительство, как трансляция историй в любой форме (устный рассказ, письменный текст, визуальные изобразительные средства).

Впервые понятие «сторителлинг» появилось в 1992 году. Дэвид Армстронг использовал его в своей книге «MBSA: Managing by Storying Around» («Управление посредством историй») с целью донести до сотрудников принципы и правила деловой этики [Armstrong, 1992].

Под историей в контексте сторителлинга понимается прозаическое или поэтическое произведение любого повествовательного жанра, обладающее следующими параметрами: небольшой объем,

наличие увлекательного сюжета, потенциал эмоционального воздействия и вовлечение целевой аудитории в коммуникацию [Багрецова, 2020]. Сторителлинг успешно используют маркетологи, журналисты, специалисты по связям с общественностью, психологи. Востребованность сторителлинга во многих профессиональных сферах делает его одним из ключевых надпрофессиональных коммуникативных умений, которое современные соискатели указывают в резюме. Именно поэтому и педагоги, которые готовят специалистов в этих областях, не могли оставить данную технологию без внимания.

Использовать сторителлинг для обучения иностранным языкам в 1990-х г. предложил школьный учитель испанского языка из США, Р. Блэйн (Ray Blaine). Вслед за Дж. Ашером (J. W. Asher), который говорил о методе полной физической реакции (TPR – Total Physical Response), в основе которого лежит формирование у обучающихся психомоторных ассоциаций между словом и жестом, облегчающих понимание иностранного языка [Asher, 1996], Р. Блэйн придал новый смысл аббревиатуре, добавил к аббревиатуре TPR букву S (Storytelling) и назвал свой метод TPRS (Teaching Proficiency through Reading and Storytelling – Обучение владению языком через чтение и рассказывание историй) [Blaine, Seely, 2004].

Данная технология находится в русле теории естественного овладения иностранным языком С. Крашена (Stephen Krashen), согласно которой беглость и грамотность иноязычной речи формируются в процессе обильного слушания, чтения и обсуждения на иностранном языке доступного, т. е. соответствующего интеллектуальному и языковому уровню обучающихся, материала [Krashen, 2004]. При этом стоит отметить, что для сторителлинга не подходят бессюжетные тексты, как например, тексты познавательного или страноведческого характера, либо тексты, описывающие элементарную последовательность действий. Именно это отличает сторителлинг от давно известного в отечественной педагогике нарративного метода, который также предполагает использование текста в качестве инструмента обучения.

В зависимости от роли учащегося различают рецептивный и продуктивный сторителлинг. При рецептивном сторителлинге предполагается, что студенты читают историю или воспринимают ее на слух с визуальными средствами опоры или без них. Продуктивный сторителлинг предполагает сочинение историй самими обучающимися в письменной или устной форме самостоятельно или совместно с преподавателем. Истории могут быть составлены студентами полностью

самостоятельно, если это позволяет их уровень владения языком и не противоречит цели занятия, или же с использованием различных опор. Студентам могут быть предложены сюжетный каркас, ключевые слова, визуальная поддержка, задан жанр, грамматические или лексические конструкции и т. д. Для совместного составления истории преподавателем и студентом используется термин сэндвич-сторителлинг (sandwich storytelling). Если в процессе создания истории задействовано более двух участников, речь идет о многоголосом сторителлинге.

Кроме того, можно говорить о классификации видов сторителлинга по форме. При устном сторителлинге студенты слушают звучащую речь или аудиосюжет или составляют устный рассказ, при письменном сторителлинге студенты читают текст на бумаге или в электронном виде. Возможен также гибридный формат (видеосюжет с субтитрами, устный рассказ с применением средств наглядности или устный рассказ с опорой на текст и др.) Самым современным направлением является цифровой сторителлинг, который предполагает использование мультимедийных технологий.

После определения цели и задачей урока преподаватель должен принять решение, какая именно из форм сторителлинга подходит для его занятия. В зависимости от целей определяется тема, отбирается лексический и грамматический материал, готовятся каркас сюжета, визуальные средства опоры и подходящий софт, если речь идет о цифровом сторителлинге.

Как и традиционная работа с аудио или печатным текстом, работа над историей предполагает три этапа. На первом, подготовительном или дотекстовом этапе необходимо настроить обучающихся на специфическую форму работы, ввести необходимые лексические и грамматические структуры, сформулировать цели и задачи, которые стоят перед обучающимися, активировать личный опыт, познакомить с главными действующими лицами, попросить сформулировать предположения о содержании истории.

На этапе работы над историей педагог должен ориентироваться на самого слабого учащегося, так называемого barometer student. Следует контролировать понимание содержания, при необходимости комментировать грамматические конструкции, используя краткую грамматическую справку (pop-up grammer), акцентировать внимание учащихся на цели (на активной лексике, грамматике и т. д.)

Третий (завершающий) этап предполагает обсуждение конечного продукта (сюжета, действующих лиц и др.), подведение итогов. Кроме того, готовый продукт может стать отличным импульсом для дальнейшей самостоятельной работы. Учащимся можно предложить написание продолжения истории в качестве домашнего задания.

Сторителлинг создает условия для комплексного овладения всеми видами речевой деятельности в интересном, личностно значимом контексте. Погружаясь в искусственную языковую среду, студенты знакомятся с особенностями культуры страны изучаемого языка, учатся уважительно относиться к другим культурам. Развлекательная составляющая сторителлинга дает возможность обеспечивать не только непроизвольное запоминание лексических и грамматических конструкций, но и добиться беглости и грамотности речи. Данная технология способствует созданию благоприятной атмосферы и снижению тревожности на занятии, облегчает коммуникацию, и, как следствие, снимает языковой барьер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Armstrong, David. Managing by Storying Around: A New Method of Leadership. Crown, 1992.
2. Багрецова Н. В. Сторителлинг в обучении иностранному языку: ключевые аспекты // Педагогика и психология образования. 2020. № 2. С. 25–38.
3. Asher, James W. Learning Another Language Through Actions (5th ed.). Los Gatos, CA: Sky Oaks Productions, 1996.
4. Blaine, R., Seely, C. Fluency Through TPR Storytelling: Achieving Real Language Acquisition in School (4th ed.). Command Performance Language Institute, Blaine Ray Workshops, 2004.
5. Krashen, St. The power of reading: insights from the research (2nd ed.). Heinemann, 2004.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Л. В. Ивина

кандидат филологических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
ivins@mail.ru

Аннотация. В статье, посвященной антонимии в экономическом медиадискурсе, с позиций лингвокогнитивистики проанализированы особенности антонимической номинации в данном типе дискурса, а также системообразующая роль этого типа парадигматических отношений.

Ключевые слова: антонимия, антонимы, вторичная номинация, зоометафоры, медиадискурс, метафора, цветообозначения, экономический дискурс, экономический медиадискурс

LINGUOCOGNITIVE ASPECTS OF ANTONYMY IN ECONOMIC MEDIA DISCOURSE

L. V. Ivina

PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics
and Professional Communications in the Field of Media Technologies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
ivins@mail.ru

Abstract. The article focuses on the antonymic relations in economic media discourse. The study explores from a linguocognitive perspective the patterns of antonyms as well as the systemic role of these paradigmatic relations in discourse.

Keywords: antonyms, antonymy, colour names, economic discourse, economic media discourse, media discourse, secondary nomination, zoological metaphors

Лингвокультурология как отрасль лингвистики и научная дисциплина, изучающая взаимодействие культуры и языка, возникла менее ста лет назад. Первые упоминания о ней можно найти у Д. С. Лихачева,

Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, при этом проблема взаимоотношения языка и культуры давно привлекает внимание исследователей. Действительно, невозможно изучать язык изолированно от культуры, продуктом которой он является. На идее неразрывной связи языка и культуры основывается известная гипотеза Сепира-Уорфа. Всем знакомо высказывание Гумбольдта о том, что любой язык очерчивает вокруг человека круг, и выйти из этого круга можно, только вступив в круг другого языка. Медиадискурс представляет огромный интерес с точки зрения лингвокультурологии, потому что он является сиюминутным срезом языкового и культурного состояния общества.

Заметим, что исследование медиадискурса является лингвокультурологической проблемой, внимание к которой позволит получить представление о процессе формирования современной языковой личности и языковой и национальной картины мира как у индивидуальных представителей языкового коллектива, так и всей языковой общности.

В нашем исследовании мы решили сосредоточиться на лингокультурологических особенностях антонимии в экономическом медиадискурсе по следующим причинам. Во-первых, экономический дискурс предлагает обширный, а, главное, постоянно обновляемый материал для изучения в лингвокультурологическом аспекте. Во-вторых, антонимия как одна из языковых универсалий и ведущий способ выражения парадигматических отношений в лексике в значительной степени создает каркас языковой картины мира, а, значит, в семантике антонимических единиц найдут воплощение стереотипные культурные представления языкового коллектива.

В данной работе под экономическим медиадискурсом мы, вслед за Т. Г. Добросклонской будет понимать «совокупность продуктов и процессов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации, которые в том или ином виде отражают экономическую жизнь общества во всем ее многообразии и сложности взаимодействия» [Добросклонская, 2006, с. 21].

У многих представителей языкового коллектива экономический медиадискурс ассоциируется с выпуском экономических новостей, видеорядом с символами экономических индексов. Если мы сравним видеоряд российских и иностранных СМИ мы увидим абсолютно идентичные способы подачи информации. О чем это говорит? В первую очередь, о глобализации СМИ в целом и экономического медиадискурса в частности.

В экономическом медиадискурсе особенно отчетливо проявляется поликодовая природа медиатекстов, поскольку видеоряд и визуальные средства передачи информации в некоторых случаях играют в более важную или не менее важную роль, чем сообщение, передаваемое с помощью вербальных средств.

Невозможно переоценить роль антонимических отношений в экономическом медиадискурсе. Они действительно являются системообразующими, поскольку всё смысловое поле этого типа дискурса пронизано противопоставлениями: рост – падение, прибыли – убытки.

Не вызывает удивления тот факт, что огромное количество антонимических пар в экономическом медиадискурсе возникли как единицы вторичной номинации, причем в некоторых случаях антонимические пары заимствуются из общелитературного языка и подвергаются дальнейшему переосмыслению уже в рамках экономического медиадискурса. Однако не являются редкими и случаи вступления лексических единиц в парадигматические отношения антонимии непосредственно в экономическом медиадискурсе.

Какие же области-доноры метафорических единиц в экономическом медиадискурсе с наибольшей долей вероятности будут отражать культурно-исторический опыт языкового коллектива? На наш взгляд, это могут быть цветообозначения, наименования животных и базовых продуктов питания, т. е. единицы, обладающие смысловой емкостью, что делает их идеальными источниками метафорической номинации. Не менее важным обстоятельством является и то, что неожиданные элементы (например, наименования животных) не только привлекают внимание в потоке информации, но и резко увеличивают информационную емкость сообщения.

Наиболее частотными цветообозначениями в экономическом медиадискурсе являются термины с компонентом *black*, что представляется вполне закономерным, поскольку компоненты *black* и *white* в языковой картине мира формируют оппозицию и имеют особый статус. Рассмотрим интересную модель *black* + день недели. Первым сформированным по этой модели стал термин «Black Friday», который появился в 1869 г. для репрезентации ситуации коллапса фондового рынка США.

К концу XX в. все лексические единицы, обозначающие рабочие дни недели, были использованы в данной модели. Разумеется, лексемы, обозначающие нерабочие дни, не были использованы в этой

модели, так как биржевые торги в выходные дни не проводятся [Ивина, Мангова, 2019].

Несомненно, в данной модели актуализирована негативная коннотация компонента *black*, который и в общелитературном языке может рассматриваться как концептуальный символ беды. Очевидным в описываемой модели является усложнение семантики компонента *black*: единицы не просто номинируют катастрофическую ситуацию, но актуализируют такие сценарные фреймы, как панические продажи акций, резкое падение биржевых индексов, банкротство, экономический крах.

Заметим, что в конце XX века в медиадискурсе актуализировалось еще одно значение компонента *black*, связанное с попытками компаний увеличить продажи, предлагая покупателям скидки: *Black Friday* (*черная пятница*). Модель образования похожая, в фокусе номинации обвал цен, который, однако, воспринимается потребителями положительно с связи с возможностью совершить выгодную покупку.

Положительную коннотацию имеют также термины *to be in the black* и *black ink*, которые номинируют ситуацию отсутствия задолженности через референциальную соотнесенностью с цветом, используемым для выделения подобных данных в отчетах о прибылях и убытках. Данные единицы были образованы посредством метонимического переноса, причем по аналогии с возникшими примерно за десять лет до этого терминами «in the red» и «red ink», в которых использовалась та же референциальная соотнесенность [Ивина, Мангова, 2019]. В рамках экономического медиадискурса формируется неожиданная антонимическая пара *black-red*, которая впоследствии была заимствована общелитературным языком.

Говоря о поликодовости медиадискурса и роли визуальных элементов актуализации содержания, нельзя не упомянуть, что в новостных выпусках при визуальном представлении движения фондовых индексов мы имеем дело с парой *green-red*, т. е. компонент *red* репрезентирует отрицательную динамику, как и в паре *black-red*, однако в парадигматические отношения оппозиции эта единица вступает с цветообозначением *green* (растущие акции или индексы оказываются в зеленой зоне, а падающие в красной). Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с другой референциальной соотнесенностью, а именно, с универсальным восприятием языковым коллективом зеленого и красного цветов как репрезентантов положительного и отрицательного вариантов развития ситуации.

Обращает на себя внимание слабая представленность в экономическом медиадискурсе единиц с компонентов *white*, что, на первый взгляд, может показаться странным, ведь компонент *white* традиционно вступает в парадигматические отношения антонимии с компонентом *black*. Чем же это можно объяснить? Причина в первую очередь заключается во вторичности единиц с компонентом *white*: многие из них возникли как антонимическая пара сочетания с компонентом *black*: *black knight* (*черный рыцарь* – физическое или юридическое лицо, делающее нежелательное предложение о поглощении) и *white knight* (*белый рыцарь* – дружественный покупатель компании, спасающий ее от нежелательного поглощения). Вторичность термина с компонентом *white* получила отражение и в его концептуальной структуре: белый рыцарь появляется только после того, как черный рыцарь сделает свое нежелательное для компании предложение о покупке. Другой причиной можно считать то, что многие экономические термины с компонентом *black* просто не имеют своей антонимической пары. Например, термины, образованные по модели *Black + день недели*, не имеют пары из-за отсутствия необходимости номинировать успешные или нейтральные биржевые дни [Ивина, Мангова, 2019].

Среди зооморфных метафорических единиц-антонимов в экономическом медиадискурсе самой известной является, пожалуй, пара «bull-bear» (*бык-медведь*). По мнению большинства исследователей, в фокусе номинации в данном случае манера атаковать, присущая данным животным: бык поднимает жертву на рога, а медведь подминает ее под себя.

Интересной, на наш взгляд, является и пара зооморфных антонимов «chicken» (цыпленок) и «pig» (свинья), которые противопоставляют инвесторов в зависимости от их отношения к риску. Объединяет эти антонимы яркая, но по-разному выраженная негативная коннотация. Так, в термине «chicken» в фокусе внимания трусость, то есть излишняя осторожность инвестора, которая не позволяет ему надеяться на получение высокой прибыли. В отличие от этого, тип инвестора, репрезентируемый с помощью единицы «pig», указывает на слишком высокую рискованность вложений, мотивированную, как подсказывает выбор единицы для вторичной номинации, жадностью и всеядностью. Интересным представляется тот факт, что в данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда метафорическое переосмысление происходит в общелитературном языке: в экономический медиадискурс заимствуется готовая концептуальная модель, подвергающаяся

модификации для номинации концептов, которые возникли в рамках данного дискурса [Ивина, 2018].

В рамках экономического медиадискурса могут и конструироваться новые смыслы, например, для номинации положительного и отрицательного исходов инвестирования с помощью вторичной номинации в исследуемый дискурс привлечены такие названия фруктов, как «lemon» (лимон) и «plum» (слива). В антонимические отношения данные единицы вступают только в рамках экономического медиадискурса.

Действительно, у полисемантической единицы lemon (лимон) в общелитературном языке в результате вторичной номинации возникло значение «провал», а у единицы plum (слива) – «выгодное дело», однако парадигматические отношения антонимии реализуются только в экономическом медиадискурсе, где популярна фраза: «Lemons always ripen faster than plums» (Лимоны всегда созревают раньше, чем сливы). Отметим, что по своей сути это высказывание противоречит законам природы, т. к. сливы всегда созревают раньше лимонов, но в экономическом медиадискурсе эти единицы репрезентируют не фрукты, а варианты исхода инвестирования: неудачный исход инвестирования становится очевидным намного раньше, чем удачные проекты начинают приносить прибыль [Ивина, Перлова, Челикова, 2021].

Даже краткий обзор наиболее интересных и показательных примеров антонимичных пар в экономическом медиадискурсе подчеркивает, насколько интересным может быть исследование языка в целом и его отдельных компонентов с точки зрения лингвокультурологии. Изучение дискурса в этом аспекте позволяет почувствовать то гармоничное разнообразие и удивительную динамику развития языка, на которую влияют не только экстралингвистические факторы, которые проще интерпретировать, но и внутренние факторы, законы, которые в меньшей степени подвластны нашему пониманию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
2. Ивина Л.В., Мангова О.Б. Концептуальные модели англоязычных экономических терминов с компонентом цветообозначения //Вестник Воронежского государственного лингвистического университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2019. С. 45–49.

3. Ивина Л. В. Когнитивные основания зооморфной метафоры в инвестиционной терминологии английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Вып. 4(793). С. 189–198. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/4_793.pdf
4. Ивина Л. В., Перлова О. В., Челикова А. В. Некоторые тенденции эволюции терминосистем (на материале англоязычной терминосистемы венчурного финансирования) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 6. С. 1829–1833. URL: https://doi.org/10.30853/phil210267

КАЗАХСТАНСКИЙ НОВОСТНОЙ МЕДИАДИСКУРС

В. Д. Молдабаева

старший преподаватель специальной кафедры
языковой подготовки Пограничной академии
Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан
vmoldabaeva@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается казахстанский новостной дискурс через призму дискурсивной компетенции. Дается общее понятие медиадискурса, его характеристика и специфика употребления, а также приводятся примеры лингвокультурной специфики современного казахстанского новостного медиадискурса.

Ключевые слова: новостной медиадискурс, медиатекст, СМИ, газетный дискурс

KAZAKHSTAN NEWS MEDIA DISCOURSE

V. D. Moldabaeva

Senior Lecture of the Special Language Training
Department of Academy of the Border Service of the National Security Committee
of the Republic of Kazakhstan
vmoldabaeva@mail.ru

Abstract. The report examines Kazakhstan news discourse through the prism of discursive competence. There are given the general concept of the media discourse, its characteristics, specificity of the usage and examples of the intercultural specificity of the modern Kazakhstan news media discourse.

Keywords: news media discourse, media text, Mass Media, newspaper discourse

Одной из наиболее значимых компетенций при изучении любого языка является формирование дискурсивной компетенции, которая, по мнению многих, включает в себя знание различных типов дискурсов и правил их построения, а также умение их создавать и понимать с учетом ситуаций общения [Кучеренко, 2000]. Новости как источник оперативной информации включают в себя функции дискурса, оказывают воздействие на формирование общественного мнения.

В настоящее время информационные, электронные версии печатных изданий получили массовое распространение и способствуют

увеличению общего числа текстов, которые функционируют в мировом информационном пространстве, обладают определенными признаками и особенностями.

Современные СМИ затрагивают практически все сферы деятельности. Представляется целесообразным описать особенности новостного медиадискурса, уместность его использования в текстах современных СМИ. Новости, нашедшие свое отражение в построении текстов современных СМИ, определили *актуальность* настоящего доклада. Гипотеза, лежащая в основе настоящего доклада, показывает, как в языковой картине мира выделяется концептосфера новостей, имеющая дискурсивную специфику, обусловленная функциональными целями СМИ.

Попытаемся в докладе рассмотреть понятие медиадискурса, основным элементом которого является медиатекст, его характеристику и специфику употребления; описать тенденции развития современного казахстанского медиадискурса, т. е. охарактеризовать лингвокультурную специфику современного казахстанского новостного медиадискурса. В докладе были использованы контекстуальный анализ, контент-анализ, дефиниционный анализ.

Итак, медиадискурс и медиатекст – два основных понятия медиалингвистики, которые находятся в центре ее изучения, как две основные формы существования языка средств массовой информации. Сам термин «медиалингвистика» определяется Т. Г. Добросклонской как самостоятельное научное направление, в котором предметом является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации [Добросклонская, 2005].

Общеизвестно, что особой разновидностью дискурса является медиадискурс. Медиадискурс, по определению Е. А. Кожемякина, является тематически сфокусированной и социокультурно обусловленной в массмедийном пространстве речемыслительной деятельностью [Кожемякин, 2010]. Он представляет собой вербальный / невербальный устный или письменный текст в сумме с социокультурными, прагматическими и другими факторами, который выражен СМИ из событийного аспекта и представлен в виде действия, отражающего механизм сознания говорящих. Мы придерживаемся определения медиадискурса, данного Т. Г. Добросклонской, которая определяет медиадискурс как «некую совокупность продуктов и процессов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации «во всем богатстве и сложности его взаимодействия» [Добросклонская, 2005, с. 153].

Исследовав гипотезы ряда российских авторов в определении понятия медиадискурса (Г. Я. Солганик, Н. Н. Оломская, Н. А. Кузьмина, Н. А. Кожемякин и др.), а также казахстанских ученых (Г. Г. Гиздатов, М. М. Аймагамбетова, Д. О. Байгожина, Г. К. Ихсангалиева и др.), делаем вывод, что медиадискурс как производное дискурса в целом – речемыслительная деятельность, которая реализуется именно в массмедийном пространстве, а одной из распространенных производных в массмедийном пространстве являются новости. Следует отметить, что Г. Г. Гиздатов проанализировал основные социальные концепты и когнитивные стратегии медиадискурса современного Казахстана, подчеркнув в современном казахстанском медиадискурсе конкретные проявления когнитивной модели – антропоцентризм истолкования [Гиздатов, 2015].

Новости как источник оперативной информации включают в себя функции дискурса, медиативность которого представляет собой процесс преобразования реальных социальных событий. Тексты новостей, содержащие социальные, коммуникативные, культурные, когнитивные и психологические параметры, оказывают воздействие на формирование общественного мнения. Текст новостей – это своеобразный дискурс, который с лингвистической точки зрения В. И. Карасик понимает, как «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический [Карасик, 2000].

К основным чертам новостного дискурса относятся информативность, объективность, общественная значимость, способ построения фраз, предложений, иллюстрирующих свое дискурсное образование. Новостной дискурс в структурном отношении включает: заголовок, композицию, стилистическую перспективу. Лингвистические средства новостного дискурса включают в себя три группы языковых и речевых средств: стилистические (диалогизация, цитирование, интертекстемы, риторическое восклицание, аппликация); лексико-семантические (эмоционально-экспрессивная лексика, имена собственные); графические средства (аббревиатуры, цифровые обозначения и иноязычные вкрапления).

Новостной дискурс наиболее полно реализует информативную функцию массовой коммуникации. На уровне семантики новостной дискурс характеризуется устойчивой макро- и микроструктурой, отражающей тематический информационный поток.

В настоящее время большое внимание уделяется подготовке специалистов высокого уровня в сфере профессиональной коммуникации, с целью реализации потенциальных задач, связанных с будущей профессиональной деятельностью во всем спектре ее проявлений. В Академии КНБ Республики Казахстан при изучении цикла языковых дисциплин распространенным этапом практических занятий является непосредственная работа с новостным дискурсом. Практический опыт показывает, что работа с новостным дискурсом позволяет изучать определенную информацию с разных аспектов. Так, анализируя новостной дискурс по семантической макроструктуре, выделяем две группы: «*события в стране*» и «*новости из-за рубежа*», отражающие культурно-специфическое восприятие картины мира.

Составной частью новостного дискурса является газетный дискурс, который представляет собой речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами. Помимо газетного дискурса, в содержание новостного дискурса также входит и новостной Интернет-дискурс, включающий в себя: оперативность, сжатость. Современный новостной Интернет-дискурс демонстрирует широчайшую вариативность в употреблении языковых и речевых средств, имеющих такие особенности: включение языковых средств разных стилей; использование языковых средств снижения речевой культуры.

В языковом отношении анализ новостей по Казахстану позволяет сделать вывод, что в *казахстанском новостном дискурсе наблюдается «пришествие» канцелярита*, присутствующее на республиканском телеэкране, в государственных «посылах» и в социальной рекламе, казахстанской газетно-журнальной публицистике, например, такие новые слоганы «*Сто школ – сто больниц*», «*Сто новых лиц*», «*Дорожная карта занятости – 2020*», «*Дорожная карта бизнеса 2020*», «*Информационный Казахстан*», «*молодежный кадровый резерв*», «*фактор культуры в эпоху кризиса*», «*прорывные проекты*», «*программы на развитие потенциала молодежи*» и пр. Появилось много аббревиатур: **НПП**, **ГФСС**, **ЕНПФ**, «**Даму**», **СПК**. В новостных текстах наблюдается смешивание канцелярита с просторечной лексикой, например, «*Тема наркоты для меня была знакома*»; «*Я пыталась совершить суицид, но меня спасли*»; «*Кроме того, мне предстояло соблюдать режим, и посещать курс гимнастики по йоговской системе*» [Есенаман, 2010].

Кроме этого, в новостном дискурсе Казахстана наблюдается концепт манипулятивного воздействия средств информации, который продиктован их коммуникационной спецификой и своеобразием манипулирования. Об этом пишет М. М. Аймагамбетова с целью выявления механизмов воздействия на получателя в медиадискурсе [Аймагамбетова, 2020].

Влияние средств массовой информации на сознание обусловлено значимостью медиа в формировании картины мира человека в условиях контроля деятельности социума и его представлений. Так, в рубриках – «*Власть*», «*Экономика*», «*Политика*» можно обнаружить примеры языковой манипуляции. Например, в тексте «*По большинству потребительских кредитов существенных рисков нет*» манипуляция начинается на уровне заголовка. Риторический вопрос: «*Усилится ли анализ платежей по кредитам нерегулируемых субъектов финансового рынка?*» актуализирует при помощи частицы ли сомнение о существующих рисках. Эта манипуляция направлена на «формирование интереса к информации, так как вторая часть заголовка предполагает наличие ответа на вопрос, что стимулирует и интерес реципиента» [Дейк, 2016, с. 138].

В текстах новостного дискурса часто употребляется стратегия псевдоаргументации, подкрепленная тактикой апелляции к авторитетам в форме свидетельств для демонстрации и усиления значимости языковыми средствами. Например, ср.: «*У 97 % всех заёмщиков по потребительским без залоговым кредитам явно средняя нагрузка порядка 15–16 тыс. тенге в месяц. Мы говорим о том, что большая часть этих кредитов обслуживаемая, револьверная и, с точки зрения долговой нагрузки, не составляет существенных рисков. Понятно, что есть достаточно крупные займы, более 10 миллионов, но это не могут быть потребительские кредиты*». Такая номинация обуславливает экспликацию, при которой данные необъективны и действуют только в пользу банка. Прием усиливается за счет разворачивания имплицитной конструкции в конце текста: ср.: «*есть достаточно крупные займы, более 10 млн, но это не могут быть потребительские кредиты*».

В статье под заголовком «*Как будут реализовываться предвыборные обещания Президента в Карагандинской области*» присутствует интригующий компонент, привлекающий внимание к материалу, и побуждающий читателя открыть его полный текст, – указание на то, что в статье содержатся «*реальные результаты обещаний*». Используется тактика поляризации, контрастного представления двух позиций

с помощью противопоставлений между «*мы*» и «*они*»: реальные результаты – о получении социальных гарантий, пересмотреть невыполненные обещания – поручил подчиненным продолжить работы» [Аймагамбетова, 2020].

Ярким примером активного использования уникальных возможностей медиадискурса для достижения собственных целей незаконными, преступными путями является обращение к ним экстремистов и террористов. В свое время М. Тэтчер обращала внимание на то, что «освещение в СМИ – кислород террористов» [Салимов, 1999, с. 58]. Также она добавила по этому поводу: «Террористы используют свободные СМИ для того, чтобы уничтожить свободу» [Оганян, 2006, с. 22]. Из этого следует, что отношения с общественностью есть важнейшее оружие террористов, а СМИ – главный инструмент использования этого оружия для воздействия на массы. Например, деятельность чеченского полевого командира Хаттаба особенно активизировалась после того, как он попал в центр внимания российской и зарубежной прессы. Благодаря PR кампании, этот неизвестный ранее в международных исламистских кругах боевик иорданского происхождения получил блестящую рекламу своей деятельности по ведению джихада против «неверных» в России, чем, соответственно, привлек внимание зарубежных спонсоров [Международный терроризм … 2005].

Тема терроризма в СМИ, в том числе и медиатекстах новостного характера всегда привлекает максимальное внимание общественности, так как это явление потенциально угрожает жизни каждого гражданина, независимо от его социального статуса, религии, национальности и т. д. СМИ играют важную роль в формировании знаний о данном феномене и связанных с ним событиях. Часто медиадискурс способен выступить как мощный инструмент против борьбы с терроризмом, а также стать свободной площадкой для представления идеологии терроризма.

Мировой опыт противодействия проявлениям экстремизма и терроризма показывает, что эффективность зависит не только от деятельности правоохранительных органов и спецслужб, но и от участия массмедиа в этой борьбе. Объединение усилий массмедиа и правоохранительных органов в противодействии экстремизму и терроризму позволяют сохранить общественный контроль над процессом антитеррористической деятельности государства, тем самым, поддерживая баланс между безопасностью и правами человека [Сабитова, Турысбек, 2017].

Корреспондент казахстанской газеты «Мегаполис» М. Пак отмечает: «Терроризм в начале 21 века не имеет цвета кожи, национальности и половой принадлежности, наиболее непримиримыми фанатиками и настоящими профессионалами своего дела считаются ближневосточные «религиозники» (*Газета «Мегаполис», 5 декабря 2002, с. 1б*). Именно им спецслужбы различных стран уделяют наибольшее внимание как потенциальным организаторам любого вида террористических актов. Участившиеся факты проявления религиозного экстремизма и, в особенности, религиозного терроризма в современном казахстанском обществе, говорят об обязательном привлечении медиаресурсов, соответственно активного использования и новостного медиадискурса.

Таким образом, новостной дискурс составляет важнейшую часть национального культурно-идеологического контекста, значение которого усиливается благодаря высокой воспроизводимости. Медиадискурс Казахстана на общественно-политические темы в рамках новостного медиадискурса обладает потенциалом манипулятивного воздействия на аудиторию за счет инструментов манипуляции для достижения определенного эффекта (например, перлокутивного – отказ выполнить действие, выраженный в вежливой форме) на фоне их открытого обнаружения речевых конструкций. Сильное речевое воздействие в медиадискурсе Казахстана проявляется на уровне заголовков за счет приемов интриги, подачи факта, трансформаций клише, метафорических, аллюзивных и исторических переносов, например: «Как часто казахстанцы жалуются на банки?», «Как казахстанцы становятся жертвами мотиваторов», «Крыша степи», «Шымкентский врач «дорисовал» на МРТ удаленные органы» [Есенаман, 2010].

В последние годы исследования в сфере массмедиа динамично развиваются и на платформе новостного дискурса, в том числе и казахстанского. Это связано с тем, что специфика новостного казахстанского дискурса содержит общественно значимую новую информацию посредством порождения, трансляции и интерпретации новостных текстов, структурирует стремительное движение информации в условиях глобализированого общества, а также рассчитана на массовую, нейтральную читательскую аудиторию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кучеренко О. И. Формирование дискурсивной компетенции в сфере устного общения: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М. : МАКС Пресс, 2005.
3. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2(83). С. 13–21.
4. Гиздатов Г. Г. Медиадискурс Казахстана: социальные концепты и когнитивные стратегии // Медиаобразование. Media Education. 2015. № 4. С. 55–63.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
6. Есенаман Зара. Хардкор. -Алматы, 2010.
7. Аймагамбетова М. М. Когнитивные стратегии медиадискурса Казахстана / Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 05(61).
8. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 2016.
9. Салимов К. Н. Современные проблемы терроризма. М. : Щит М, 1999.
10. Оганян Р. Театр террора / автор-сост. Р. Оганян. М. : Грифон, 2006.
11. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: монография. М. : Изд-во РАГС, 2005.
12. Сабитова Ш. А., Турысбек А. К. Роль СМИ в сфере противодействия проявлениям экстремизма // Вестник КазНПУ, Алматы, 2017.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ УМЕНИЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА У ИЗУЧАЮЩИХ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

О. В. Перлова

кандидат педагогических наук
доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области медиатехнологий Института международных отношений
и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
perlova.olga2011@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается технология интерпретации широкого спектра газетно-публицистических текстов с учетом лингвокультурных реалий, отраженных в них, и описываются профессионально значимые умения, которые позволяют студентам, изучающим журналистику, социологию, рекламу и связи с общественностью применять полученные знания в процессе интерпретации газетно-публицистических текстов для эффективной профессиональной межкультурной коммуникации в деловой сфере.

Ключевые слова: профессионально значимые, интерпретация, глоссарии, учебно-познавательные умения, конструктивный

PROFESSIONALLY RELEVANT INTERPRETATION SKILLS OF PUBLICIST TEXTS AIMED AT LEARNERS OF MODERN LANGUAGES

O. V. Perlova

PhD (Pedagogy)
Associate Professor at the Linguistics and Professional Communication Department
in the Sphere of Mediatechnologies
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University
perlova.olga2011@yandex.ru

Abstract. This article considers the interpretation techniques of publicist texts, reflecting linguistic and sociocultural charateristics of the language and culture under study. It provides classification of professionally relevant skills , enabling students, being trained for journalism, sociology, PR and Advertising, to use the knowledge acquired from interpreting publicist texts in order to participate effectively in professional intercultural communication in the business sphere.

Key words: professionally relevant, interpretation, glossaries, study skills, constructive

Одной из задач, которая стоит перед преподавателями иностранных языков в настоящее время является формирование и развитие профессионально значимых умений интерпретации газетно-публицистических текстов, в которых отражены лингвокультурные реалии страны изучаемого языка и родной страны студентов, изучающих журналистику, социологию, рекламу и связи с общественностью. Наш опыт преподавания у студентов данных направлений подготовки показывает, что необходимо продолжать развивать такие важные учебно-познавательные способности, как: умение выделять главную информацию, отделять главное от второстепенных деталей, критически осмысливать извлекаемую информацию в научных и профессиональных целях, составлять глоссарии профессиональных терминов. Это позволяет помочь нашим студентам сформировать профессионально ориентированную межкультурную коммуникативную компетенцию, дающую им возможность эффективно общаться в поликультурном мире, и готовит студентов к конструктивному «диалогу культур» и гармоничному межличностному и межкультурному взаимодействию в процессе профессиональной коммуникации с представителями изучаемых языков и культур для совместного решения деловых задач. С этой целью студентам нашей кафедры предлагается широкая палитра газетно-публицистических текстов, описывающих реалии политической, экономической, социокультурной жизни в стране изучаемого языка и статей для реферирования с русского на изучаемый иностранный язык, отражающих социокультурные реалии жизни российского лингвосоциума.

Для того, чтобы наши студенты могли достичь глубины и корректности интерпретации газетно-публицистических текстов, отметим значимость составления преподавателями соответствующих инструкций и формулировок к заданиям по текстам, позволяющие нашим студентам успешно решать стоящие перед ними учебно- познавательные и профессионально-коммуникативные задачи, например, такие как «выстраивание понятийно-тематического, логико-смыслового, образного ряда ключевых фактов, фраз, слов» [Коряковцева, 2010, с. 69], выделяемых в прочитанном тексте. Такой подход способствует тому, что, в процессе смыслового восприятия текста при его интерпретации в нем «выделяются смысловые вехи (смысловые опорные пункты) и устанавливается

связь между ними» [Щукин, Фролова, 2015, с. 236]. Приведем примеры некоторых формулировок заданий, которые мы даем нашим студентам:

> Read the article and pick out facts on how information communication technologies may be used in modern schools. Write out useful words and phrases to deliver a speech on the issue under discussion.
>
> Think of an appropriate subheading to each paragraph, reflecting its main idea.
>
> Sum up the article and comment on the importance of schools as a social institution in educating contemporary citizens and developing the personality of each learner.

Результатом интерпретации газетно-публицистических текстов студентами может быть последующее выполнение профессионально ориентированных заданий, таких как подборка новостных дайджестов, составление статей, репортажей, пресс-релизов, социальной рекламы, подборка статей с результатами социологических опросов, моделирование выступлений на научных конференциях и участия в интервью в СМИ. В частности, это могут аналитико-исследовательские проекты (аналитические исследования, презентации, опросы, др.), информационно-справочные (пресс-релизы, информационные письма, справочная информация, выступления на конференциях и др.) и информационно-медийные продукты (статьи, заметки, социально-значимые рекламные сообщения и др.). В качестве примера можно привести задание для студентов, изучающих социологию, которое дает им возможность подготовить собственный профессионально и личностно значимый продукт:

> You have been trained for a profession of a sociologist, let's suppose you were asked to make a report at a scientific conference about the role of schools in educating and bringing up contemporary citizens. Collect information for the report from the articles, you have been studying. Choose quotes from scientific literature on sociology. Think of an appropriate introduction to your report, the main part, and conclusion. Make a plan of what you are going to say. Come up with a Power Point Presentation of your ideas. Present your report to your teacher and fellow-students.

Следует отметить, что созданный студентами текст (письменный или устный) должен соответствовать определенным жанровым требованиям (к статье, презентации, ток-шоу, интервью с экспертом, докладу), в зависимости от типа профессионально ориентированного личностно образовательного продукта. Предлагая задания своим студентам,

предполагающие создание ими профессионально ориентированного творческого личностно образовательного продукта, на основе собранной и переработанной ими профессионально значимой информации из газетно-публицистических текстов, преподаватель способствует формированию и развитию у изучающих иностранный язык таких профессионально коммуникативных умений, как умение критического осмысления собранной информации, письменной фиксации собранной информации в виде таблиц, денотантных карт, словников и глоссариев терминов для их последующего использования в профессиональных целях, а также такого необходимого для эффективной межкультурной коммуникации умения как умение проводить контрастивно-сопоставительный анализ фактов изучаемой и родной культуры, нахождения культурологически специфических и универсальных моментов в обеих культурах, что способствует формированию необходимых фреймов в когнитивной системе изучающих иностранный язык и иноязычную культуру. При этом необходимо, среди прочего, учесть современные подходы к формированию лингвистических компетенций студентов нелингвистических направлений подготовки.

Особенно важно при этом научить студентов использовать вводные фразы интерпретационного характера, такие как: *The expert expresses his / her concern with*…; *It is necessary to highlight that*…; *The expert gives a profound analysis of*…; *In conclusion, it is essential to stress the importance of*… и др., позволяющие студентам «оптимизировать смысловую обработку информации» [Харламова, 2016, с. 5.], а также продемонстрировать свое умение аналитически перерабатывать генерируемую информацию из текстов.

В целом, хотелось бы отметить, что формирование и развитие лингвистического компонента межкультурной коммуникативной компетенции у студентов нелингвистического профиля в процессе интерпретации газетно-публицистических текстов предполагает сформированность следующих умений:

- для успешной профессионально ориентированной межкультурной коммуникации важно научить студентов свободно выбирать из широкой палитры языковых средств наиболее адекватные способы выражения своих мыслей в процессе дискуссий научного и делового характера;
- помочь студентам применять правила речевого поведения в ситуации профессионального межкультурного общения;

адекватно воспринимать и корректно использовать единицы речи на основе профессионально значимых знаний об изучаемом лингвосоциуме.

В заключение отметим, что выбор преподавателями газетно-публицистических текстов для интерпретации студентами должен отражать постулаты ведущих современных подходов к обучению иностранным языкам, таких как профессионально ориентированный, межкультурный, личностно ориентированный, и способствовать реализации практической, общеобразовательной, развивающей и воспитательной цели обучения иностранным языкам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коряковцева Н. Ф. Теория обучения иностранным языкам: продуктивные образовательные технологии: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2010.
2. Щукин А. Н. Методика преподавания иностранных языков: учебник для учреждений высш. образования. М. : Академия, 2015.
3. Харламова Н. С. Алгоритм работы со статьей: учеб. пособие для студ. I–II курсов, обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения» и «Политология». Английский язык. 2-е изд. стереотип. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016.

КАК ПАНДЕМИЯ COVID-19 ПОВЛИЯЛА НА ТО, КАК МЫ ГОВОРИМ (на примере итальянской и российской прессы)

А. А. Тюлькина

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета
veraena_ska@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования изменений, которые наблюдаются в итальянском и русском языках с начала пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В основе анализа лежит изучение различных источников итальянской и российской прессы, статьи лингвистов из обеих стран. Целью исследования была попытка оценить, в каких сферах языка наблюдаются изменения, и заметны ли различия в медиадискурсе Италии и России эпохи пандемии.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирус, пандемия, неологизмы, словообразование, социокультурный аспект изменений

HOW THE COVID-19 PANDEMIC AFFECTED THE WAY WE SPEAK (case study of the Italian and Russian Press)

A. A. Tyulkina

Senior Lecturer at the Second Foreign Language
Department of The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University
veraena_ska@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the changes that have been observed in the Italian and Russian languages since the beginning of the Coronavirus (COVID-19) pandemic. The analysis is based on the study of various sources of the Italian and Russian press, articles by linguists from both countries. The aim of the study was to try to assess in which areas of the language there have been changes, and whether there are noticeable differences in the media discourse of Italy and Russia during the era of the pandemic.

Keywords: COVID-19, coronavirus, pandemic, neologisms, word formation, sociocultural aspect of changes

Согласно ВОЗ, официальное начало пандемии коронавирусной инфекции нового типа (COVID-19) – 11 марта 2020 г. В нашем исследовании мы попытались понять, мог ли язык измениться за столь короткий срок, и предположить, приживутся ли эти изменения.

Примечательно, что первые статьи о том, как пандемия повлияла на язык, появились в итальянской и российской прессе уже во второй половине марта 2020 г., т. е. спустя всего две недели после официального начала пандемии. Это очередной пример того, как чувствителен язык к любым изменениям в обществе, и как быстро лингвисты замечают эти изменения.

На данный момент в России уже издан «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (Институт лингвистических исследований РАН, 2021 г., 5500 слов). В Италии два основных словаря, Treccani и Devoto-Oli, постоянно обновляют глоссарии, посвященные языку эпохи пандемии.

На примере итальянской и российской прессы мы рассмотрим, как пандемия COVID-19 повиляла на эти языки за это время на уровнях лексики, словообразования и стилистики (метафоры, «комфортные» слова).

1. Начнем с самого термина COVID (ковид) и Coronavirus (коронавирус).

В русском языке термин «коронавирус» – это пример прямого заимствования из латыни без адаптирования к правилам русского языка (соединительная гласная «о»). Можем отметить, что для итальянского языка термин тоже является нетипичным, потому что для итальянского языка логичнее образование слов от общего к частному, т. е. сначала «virus», а потом «какой», «corona». Также в начале пандемии в итальянской прессе чаще можно было встретить слово «Covid» с артиклем женского рода, так как слово «malattia», «болезнь», в итальянском языке женского рода. Однако уже к концу марта 2020 г. слово «Covid», по аналогии со словом «virus» используется преимущественно с артиклем мужского рода.

Почти сразу в итальянской прессе начали появляться производные слова от слова *Coronavirus*, *anti-Coronavirus*, *pre-coronavirus* или *ante-coronavirus* («прекоронавирусный») и даже оптимистичное *post coronavirus* («посткоронавирусный»).

2. Изменения на уровне лексики и словообразования можно разделить на три типа:

– неологизмы;

– лексические единицы, которые уже существовали в языке, но из специальных терминов стали общеупотребительными;

– слова и фразы, которые во время пандемии поменяли свое значение.

- Часто неологизмы в языке отражают общественные настроения, иногда более, иногда менее очевидно.

Преимущественно новые слова приходят в русский и итальянский языки из английского языка с изменениями или без. В качестве очевидного примера вспомним «адаптацию» английского слова «covidiot» («covidiota», «ковидиот»). Здесь мы видим образование слова путем слияния двух, этот прием является более характерным для английского языка (smog, brexit). Тем не менее, и в рассматриваемых нами языках слово прижилось с минимальными изменениями. Чаще всего это используют для описания так называемых «ковид-диссидентов». Но в российской прессе (и особенно социальных сетях) также встречается термин «барановирус» и «барановирусник», которыми, наоборот, называют людей, которые, по мнению говорящих, слишком рьяно и слепо следуют всем ограничениям по борьбе с инфекцией . Таким образом, мы видим два неологизма с похожим типом образования, но противоположными значениями.

Есть множество других примеров новых слов, в которых мы можем сразу заметить негативную коннотацию: «антимасочник», «маскофилия», «инфодемия» // «infodemia», «coglionavirus», «cretinavirus», «pauravirus» (три последних неологизма являются пренебрежительными вариантами названия вируса).

В итальянском языке наблюдается больше прямых заимствований из английского языка, так как они звучат более естественно («lockdown», «droplets», «cluster», «termoscanner», «home office»), в русском языке мы видим попытки «превратить» слова в более типичные для нашего языка («зум», «зумить», «зумиться»).

- Еще один вид неологизмов, калькирование, также приходит в итальянский и русский языки из английского, хотя не всегда примеры совпадают. Например, в итальянском языке для выражения «коллективный иммунитет» используют выражение «immunità di gregge» (*англ.* «herb immunity»), тогда как в русском языке калькирование не понадобилось.
- Многие слова и выражения с начала пандемии поменяли свой смысл. В русском языке такими примерами могут служить: «социальная дистанция» (изначально в психиатрии и социологии термин означал отдаленность разных социальных групп),

«плато» («выйти на плато»). «Контактным» раньше можно было назвать человека, легко идущего на контакт, а не человека, который находился в контакте с заболевшим Covid-19.

- В итальянском языке такими примерами можно считать слова: «positivo» (ранее - «приятный, положительный», теперь – «инфицированный Covid-19»), «tampone», (ранее – любой ватный тампон, сейчас – приспособление для взятия ПЦР-теста на Covid-19) .
- Многие ранее узкоспециализированные термины в обоих языках стали общеупотребительными. Кроме очевидных примеров в обоих языках («коронавирус», «coronavirus, «санитайзер», «sanitizer»), можно отметить:
  - в русском языке: антисептик, сатурация, самоизоляция и т. д.;
  - в итальянском языке: paziente zero, triage, epidemiologo и т. д.

В итальянском языке интересным примером можно назвать слово «untore». Это не узкоспециализированный термин, но историзм. Так во времена эпидемии чумы XVII в. в Италии называли людей, которых обвиняли в намеренном распространении заболевания. Сейчас так называют людей, нарушающих самоизоляцию и масочный режим.

3. Перейдем к заключительному разделу – социолингвистическому аспекту изменений.

И в итальянской, и в российской прессе мы видим множество примеров, в которых COVID-19 стал «врагом», с которым мы сражаемся всем миром, а медработники – солдатами на передовой этой войны. Военные метафоры широко используются в обоих языках. Можно предположить, что таким образом людям легче осознать опасность и сплотиться для разрешения этого кризиса, а правительствам разных стран легче добиться соблюдения ограничений. С другой стороны, подобная военная риторика способствует повышению уровня тревожности в обществе.

Вместе с этим, во время карантина / самоизоляции в прессе стали чаще упоминаться темы, которые дарят людям ощущение комфорта и безопасности. Например, в итальянской прессе и социальных сетях появилось больше упоминаний о выпечке хлеба в домашних условиях.

Заключение

Исследование источников в итальянской и российской прессе показало, что, несмотря на некоторые различия в словообразовании,

в итальянском и русском языках не наблюдается значительных различий в изменениях, вызванных пандемией COVID-19. Однако на данный момент не представляется возможным утверждать, окажутся ли эти изменения временными, или сохранятся в языке.

Период пандемии в обществе – время страха и неопределенности. Это также время стремительных изменений, и задача лингвистов – попытаться проследить за этими изменениями (на уровне языка), проанализировать и их структурировать.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ ПО ТЕМЕ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Ilbolive, Università di Padova,Vocabolavirus: il nuovo linguaggio della pandemia. https://ilbolive.unipd.it/it/news/vocabolavirus-nuovo-linguaggio-pandemia
2. International House, Palermo Language Center, Parole inglesi nel tempo del Covid. https://www.ihpalermo.com/ParoleinglesinelleradelCovid
3. Marazzini, Claudio (2020b). In margine a un'epidemia: risvolti linguistici di un virus - II puntata, «Italiano digitale»
4. Словарь русского языка коронавирусной эпохи // Санкт-Петербург: Институт лингвистический исследований РАН, 2021.
5. Treccani – Vocabolario online, Il mutamento (linguistico) del coronavirus. https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/articoli/parole/parole_nel_turbine_1.html
6. Poliorama, Linguistica, "Positivo" ovvero quando il Covid cambia le parole. https://www.poliorama.it/2020/12/31/linguistica-positivo-ovvero-quando-il-covid-cambia-le-parole/
7. Sentire - Covid19 e la caccia agli untori. https://www.giornalesentire.it/it/covid19-coronavirus-caccia-agli-untori
8. Pietrini Daniela, 2021, La lingua infetta. L'italiano della pandemia, Roma, Treccani.
9. Новости ООН, Максим Кронгауз: как COVID-19 меняет русский язык. https://news.un.org/ru/audio/2020/06/1379652
10. Русский язык и пандемия. https://covid19.fom.ru/amp/post/russkij-yazyk-i-pandemiya
11. Corriere della sera, Coronavirus, così il male cambia il senso delle parole. https://www.corriere.it/cronache/20_marzo_30/virus-che-cambia-senso-parole-749351e8-72b9-11ea-bc49-338bb9c7b205_amp.html
12. Consumatori.it , Covid-19, tutte le nuove parole della pandemia. https://www.consumatori.it/emergenza-coronavirus/covid-19-vocabolario-pandemia/
13. Wired.it, La lingua della pandemia: come il coronavirus ha cambiato il nostro modo di parlare. https://www.wired.it/play/cultura/2020/05/02/coronavirus-cambiamenti-lingua-pandemia/?refresh_ce=

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

К. А. Феофанов

доктор политических наук, профессор
профессор кафедры международных отношений
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации
konstantin.feofanov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-коммуникативным проблемам и особенностям современного социально-политического дискурса, обусловленным влиянием цивилизационных, политико-идеологических, методологических и образовательных факторов.

Ключевые слова: социально-политический дискурс, профессиональный дискурс, непрофессиональный дискурс, медиадискурс, адресант, адресат, месседж, нарратив, когнитивная структура

COGNITIVE AND COMMUNICATIVE FEATURES OF MODERN SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE

K. A. Feofanov

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Professor at the Department of International Relations
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
konstantin.feofanov@gmail.com

Abstract. The article is devoted to cognitive and communicative problems and features of political discourse caused by the influence of civilizational, political and ideological, methodological, and educational factors.

Keywords: social and political discourse, professional discourse, non-professional discourse, media discourse, addresser, addressee, message, narrative, cognitive structure

Профессиональные политологические и социологические сообщества используют в качества инструмента передачи *месседжей и нарративов*[1] научные статьи и монографии, выступления на научных

[1]Месседж (от *англ*. message) – послание, сообщение, однако в данном понятии также присутствуют такие значения как «суть», «подтекст», «цель», «мораль», «смысл»

конференциях и «круглых столах» с последующим опубликованием материалов. Отбор для участия в качестве *адресанта* (автора, источника, отправителя, транслятора научных месседжей и нарративов) является более строгим, чем в непрофессиональных сообществах, и, как правило, предполагает наличие профильного образования и деятельность в соответствующей профессиональной сфере. Что, однако, не исключает возможности влияния экстранаучных факторов, которые будут рассмотрены в данной статье. *Адресат* в профессиональном дискурсе также, как правило, характеризуется наличием профильного образования и принадлежностью к профессиональной сфере деятельности.

В рамках *непрофессионального дискурса* месседжи и нарративы передаются и интерпретируются в повседневном общении обывателей или, что предполагает более широкое социальное распространение, посредством журналистских репортажей в СМИ, выступлений в телепередачах и на интернет-каналах, в ток-шоу и новостных программах. Не являющиеся профессиональными в политологическом и социологическом смысле, перечисленные разновидности медиадискурса характеризуются менее строгим отбором участников и предполагают «смешанное» участие обывателей, журналистов, представителей гражданского общества и других сфер общества, не имеющих прямого отношения к политологии и социологии, наряду с профессиональными представителями научного сообщества политологов и социологов. Вместе с тем, как справедливо отмечено, «политическая терминология все чаще встречается в непрофессиональном дискурсе – газетах, журналах, сериалах, на телевидении, радио и т. д. Сравнивая непрофессиональный дискурс с профессиональным, можно заметить, что он гораздо менее официален, поэтому в нем нет строгих регламентированных правил использования терминологии. Непрофессиональный дискурс отличается экспрессивностью, поскольку ориентирован на целевую аудиторию, поэтому даже термины попадают под влияние экспрессии. Следовательно, можно утверждать, что термины в непрофессиональном дискурсе имеют ряд характеристик, которые не встречаются в профессиональном дискурсе» [Косарина, Федотова, 2015, с. 187]. Специфика непрофессионального дискурса зависит от «таких категорий дискурсообразования, как тип общности участников дискурса; цель

и «читать между строк». Нарратив (от *лат.* narrare) – язык повествования, термин заимствован из историографической концепции «нарративной истории», в которой события интерпретировались через субъективно-окрашенные рассказы о них.

дискурса; ценности дискурса; тематическая структура дискурса; условия общения; ролевая структура дискурса; дискурсивные стратегии; жанровая структура; стилистическое оформление; интертекстуальное взаимодействие…» [Тубалова, 2011, с. 41]. Наблюдение за практикой непрофессионального, в том числе медиадискурса, с профессиональных позиций нередко заставляет удивляться степени непонимания участниками социально-политических проблем и тотальной иллюзорности представлений и используемых понятий. В сущности, обыватели мало что понимают в политологии и социологии, и если внутриполитическую ситуацию могут «чувствовать кожей» в собственной повседневности, то во внешней политике и международных отношениях не понимают практически ничего. Уверенные высказывания обывателей, как правило, сводятся к эмоциональному одобрению или неодобрению политиков, их отдельных фраз, идеологического соответствия или визуального имиджа. Впрочем, у непрофессионального дискурса свои особые задачи – уменьшение градуса напряжённости, формирование общественного мнения, утверждение официальной идеологии – с которыми социально-политический дискурс обывателей в той или иной степени справляется.

Профессиональный социально-политический дискурс выполняет особые аналитические и дидактические задачи: «дискурс как общение… в ходе определенных дискурсивных практик (в социологии, социальной семиотике и политологии) <…> дискурс как вид речевой коммуникации (в логике, философии, социологии, теории коммуникации) <…> а в педагогике <…> понимание дискурса как контекста» [Бичеоол, Мальцева, 2017, с. 25]. Профессиональными участниками социально-политического дискурса являются дипломированные и работающие в соответствующих профессиональных областях (наука, исследования, аналитика, консалтинг, образование, профессиональные общественно-политические журналы) политологи, социологи, историки и др., а квалифицированные представители других профессий (журналисты, инженеры, врачи, политики) считаются обывателями в области социально-политических проблем, несмотря на то что их мнения по проблемам «на стыке» между социально-гуманитарными, инженерно-техническими, медицинскими и другими проблемами могут оказываться полезными. Как справедливо отмечается: «Чтобы дискурс был признан профессиональным, необходимы следующие компоненты: сфера профессиональной деятельности, участники общения – специалисты

либо специалист и иное лицо, общность знаний коммуникантов, стереотипность ситуации общения, протекающей в соответствии с принятыми в данной профессиональной среде правилами и стандартами, мотивом которой является выполнение задания для социально значимого результата. В профессиональном общении специалистов должны обязательно присутствовать специальные языковые единицы данной области деятельности: термины, речевые клише, устойчивые синтаксические конструкции…» [Бичеоол, Мальцева, 2017, с. 26].

Смешанный характер отбора участников – представителей профессиональных и непрофессиональных сообществ – для участия в различных формах непрофессионального дискурса априори снижает уровни обоснованности и достоверности месседжей и нарративов, повышает уровни поляризации (непримиримых ценностно-нормативных «противостояний»), стигматизации (необоснованного «навешивания ярлыков» на оппонентов) и делает дискурс непрофессиональным и ненаучным, несмотря на возможность «вкрапления» в него точечных высокопрофессиональных экспертных оценок.

Как профессиональный, так и непрофессиональный дискурс постоянно подпитываются детерминирующими их господствующими индивидуальными и групповыми ценностями, нормами и традициями, не оцениваемыми рационально и критично, готовыми идеями и объяснениями происходящего, идеологическими, религиозными, эзотерическими и философскими догмами. Однако степень вовлеченности данных априори предзаданных влияний для профессионального и непрофессионального общественно-политического дискурса должна быть различной. Профессиональный дискурс по определению и предназначению должен быть более свободен и независим от господствующих ценностей, норм, традиций, стереотипов и предрассудков, идеологических, религиозных, эзотерических и философских «готовых ответов». Однако, в отличие от точных наук, в социально-политическом дискурсе влияние социально-предписываемых ценностно-нормативно-традиционных, идеологических, религиозных, эзотерических и философских детерминаций обладает колоссальной силой, нередко разрушая профессионализм и научность вплоть до полной депрофессионализации становящегося квазинаучным дискурса [Феофанов, 2017].

В условиях господства политической системы над правом квазирезультаты квазинаучных исследований «известны» априори, и в рамках «кабинетных» квазиисследований «рисуются», «высасываются из

пальца» и «притягиваются за уши». Главным критерием «научности», «уважаемости» и «финансируемости» для тем и авторов является непротиворечие политико-идеологическому «мейнстриму» и другим «идолам» и «призракам» обществознания. Например, обсуждение особенностей Запада в российской политологии, социологии, истории и культурологии «подтягиваются под идею» российского духовного и морального, социального, культурного, военного, дипломатического, экономического и прочего превосходства, что приводит к критике и искажённой рецепции западных идеологий, прежде всего, «либерализма», «плюралистической демократии» и «государства благоденствия». И связанных с ними многочисленных идей, подходов, концепций, теорий и доктрин – всего того, что составляет основу западного мышления и образа жизни.

Цивилизационными детерминантами российского социально-политического дискурса выступают «сверхгетерогенность» («сверхразнородность»), наличие сверхчрезмерного рискогенного множества разноуровневых противоречий, сверхразнородный разброс ценностей и норм, слабая терминологическая и ценностно-нормативная унифицированность (в отличие от большинства стран с более монолитными ценностно-нормативными системами)[1]. В одном обществе, в одном городе и в одном помещении, в котором происходит обсуждение, одновременно возможны десятки абсолютно несовместимых мнений, между которыми нет ни единой точки соприкосновения. Все они претендуют на то, чтобы быть единственно правильными и исключить, переспорить, перекричать, почти физически задавить остальные. Типичной особенностью социально-политического дискурса является поиск «виноватых» и «соломинки в глазу ближнего». «Ближние» и «братья», то есть все люди, не воспринимаются, как ближние, но как «дальние», чужие, до которых нет дела. Как враги, от которых может исходить угроза. И которых даже в превентивном режиме лучше, на всякий случай, заранее поставить на место, чтобы не возникало сомнений, «кто здесь главный». Нередко бывают виноваты «все остальные» – «американцы», «мировая закулиса», «шпионы» и «враги народа». Несколько высказываний могут осуществляться одновременно, так как изначально нет установки на то, чтобы услышать собеседника (тем не менее, в соответствии с известной поговоркой, «хором лучше петь, а высказывать мнение следует по отдельности»). Дискурс, в котором никто никого не слышит,

[1]Данная теория представлена в авторской монографии [Феофанов, 2019]

не имеет шансов привести к конструктивному результату – к реальным действиям конкретных социально-политических акторов в направлении действительного решения проблем. Участники могут только «выпускать пар» и «пиариться» на рейтинговых телеканалах.

Ключевой когнитивно-коммуникативной проблемой являются различия в понимании терминов участниками дискурса, прежде всего, абстрактных понятий, используемых для обозначения описываемых социально-политических явлений. «Капитализм», «либеральные ценности», «либерализм», «цивилизация», «демократия», «политический процесс», «политические институты», «патриотизм», «консерватизм», «национализм», «революционные – реформистские – реакционные», «левые – правые», и многие другие ключевые понятия отражают совершенно разную реальность в сознании различных участников. Особые трудности во взаимопонимании и способности говорить на одном языке возникают, когда понятия объединяются в словосочетания и предложения. Причины октябрьской революции 1917 года, достоинства и недостатки СССР как уникальной цивилизационной и политической системы, причины распада СССР, российские проблемы переходного периода 1991-1999 годов, социально-политические проблемы России 2000-2014 годов, отношения России со странами Запада и Востока, что делать в сложившейся ситуации и многие другие актуальные проблемы новейшего социально-политического дискурса не имеют никаких шансов прийти не то что к общим, но хотя бы ко взаимно-адаптируемым, выраженным в сопоставимых, взаимопроясняющих и взаимодополняющих категориях, дискурсным месседжам и нарративам [Феофанов, 2019]. В ответ на каждый значимый вопрос в сознании участников дискурса могут возникать совершенно различные структуры понимания и ответа, даже терминологически не имеющие между собой ничего общего. Именно поэтому «дискуссия» имеет характер монолога, а не диалога с целью достижения социально-полезных результатов, как минимум, в виде нового, лучшего понимания. И практически всегда является примером беседы на разных языках, т. е. ни о чем – когда приводимые объяснения и когнитивные структуры не имеют содержательных пересечений.

Вопиющим примером целенаправленного искажения медиадискурса является преднамеренный отбор «правильных» участников, нередко с преднамеренным выставлением напоказ для публики жалких и неадекватных, подставных «оппозиционеров». В подобных случаях Истина изначально целенаправленно попирается, изгоняется

и умерщвляется в угоду политико-идеологическим интересам. Однако, даже если искажения не являются преднамеренными, глубина, содержание и результаты профессионального, не говоря уже о непрофессиональном дискурсе, всегда оставляют желать лучшего вследствие недостаточной укорененности ключевых когнитивных структур социологии и политологии в сознании и мышлении участников.

Один из методологически, дидактически и когнитивно-обоснованных способов улучшения качества социально-гуманитарного образования – обеспечение большей наполненности ключевых понятий конкретным содержанием в сознании обучаемых будущих профессионалов. Проблематично, чтобы образовательный процесс в масштабах всего общества был существенно перестроен на основе дидактических инноваций в области работы с ключевыми понятиями, однако на уровне отдельных энтузиастов понимание методологической значимости работы с ключевыми терминами давно является нормой. Имеет смысл говорить о необходимости *более осознанного методологического и когнитивного структурирования социально-политического дискурса*, в рамках которых могли бы быть достигнута бóльшая взаимная согласованность и унифицированность понимания того, что именно и почему в данный момент делают участники социально-политического дискурса. Несмотря на общий терминологический аппарат, *пустоты* в образовательном фундаменте способствуют *авторскому солипсизму*, ведут к тому, что каждый видит за ключевыми понятиями различную реальность, то есть фактически отсутствуют общий язык и понимание масштабности методологических и когнитивных проблем дискурса. «Разговор на разных языках» превращает социально-политический дискурс в конгломерат несопоставимых друг с другом месседжей и нарративов, одновременно высылаемых в информационное пространство, имеющих крайне малые шансы быть реципиированными с последующим креативно-положительным социально-политическим или дидактическим результатом. Обширные списки ключевых слов и визуализация отношений между ними с помощью систем, подсистем и элементов, стрелок и указателей различной толщины, системных и когнитивных карт, графов, диаграмм Ишикавы («рыбий скелет») и т. п. по каждой транслируемой или изучаемой теме позволят выявить действительные различия и единство в подходах, сделать дискурс более прозрачным, понятным, коммуникативно и практически эффективным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косарина А. А., Федотова А. Е. Политическая терминология и номенклатура в рамках непрофессионального дискурса // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. № 4. С. 187–191.
2. Тубалова И. В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4(16). С. 41–52.
3. Бичеоол Ч. В., Мальцева В. М. Профессиональный и непрофессиональный дискурс: к определению понятий // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 25–29.
4. Феофанов К. А. Цивилизационные детерминанты квазинаучности в российских социально-гуманитарных знаниях // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 55–70.
5. Феофанов К. А. Цивилизационная теория модернизации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019.

CORONALENGUA, ИЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

М. А. Харитонова, М. В. Пупышева

Харитонова М. А., ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международный отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, maria.tss@yandex.ru

Пупышева М. В., ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международный отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, pupysheva.maria@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее продуктивные способы словообразования в современном испаноязычном медиадискурсе на примере освещения темы пандемии коронавируса в новостных и публицистических текстах. Авторы анализируют медийные источники, последние обновления испанских толковых словарей и ссылаются на научные статьи испаноязычных авторов.

Ключевые слова: неологизмы, словообразование, медиадискурс

CORONALENGUA, OR WORD FORMATION IN MODERN SPANISH MEDIA DISCOURSE

M. A. Kharitonova, M. V. Pupysheva

Kharitonova M. A., Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University, maria.tss@yandex.ru

Pupysheva M. V., Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Media Technologies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University, pupysheva.maria@gmail.com

Abstract. The article examines the most productive patterns of word formation in modern Hispanic media discourse using the example of the coronavirus pandemic coverage in the news and journalistic texts. The authors analyze media sources, Spanish language dictionaries and refer to scientific articles by Hispanic authors.

Keywords: neologisms, word formation, media discourse

За последние два года пандемии коронавируса весь мир был вынужден адаптироваться к «новой реальности», которая неизбежно нашла свое отражение в языке. В Испании названия новых феноменов и тенденций появлялись именно в медиасреде, эффективно использовав словообразование и неологизмы. Словотворчество было настолько активным, что некоторые испаноязычные исследователи говорят о так называемом «coronalengua», или «covidioma», т. е. «короноязыке». На его примере в статье рассматриваются наиболее эффективные для испаноязычных СМИ способы словообразования.

Изучение механизмов появления и закрепления или же исчезновения слов, определение современной нормы испанского языка входит в компетенции Королевской академии испанского языка (RAE) и 22 родственных академий, базирующихся в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. В апреле этого года RAE представила десятое обновление Исторического словаря испанского языка (Diccionario Histórico de la Lengua Española), добавив к перечню 715 терминов, среди которых оказалось и главное слово 2020 г. – «коронавирус» [Morales, 2021].

Впервые данный термин был задокументирован в словаре в 1980 г. и означал «вирус, вызывающий респираторные и кишечные заболевания у людей и животных». В 2021 г. данный термин получил дополненное определение, основанное на данных, полученных из прессы: «начиная с 2020 г. пандемия сосредоточила внимание человечества на конкретном вирусе рода Betacoronavirus, который может вызывать covid; название вируса сопровождается аббревиатурой на английском языке, его полное название – коронавирус SARS-CoV-2» – согласно статье, опубликованной 25 февраля этого года в газете El País.

Существует ли «Coronalengua»?

Термин «coronalengua» словарь RAE не включает в перечень нормативных, однако само слово уже вошло в употребление – «набор слов, созданных во время пандемии коронавируса» – впервые появившись в июне 2020 г. в парагвайской газете Última Hora. Основываясь на механизме включения в словарь вышеупомянутых терминов, можно уверенно предполагать, что «coronalengua» или же синонимичное «covidioma» найдут своих сторонников среди ученых Королевской академии.

С целью предоставить объективный анализ нами были использованы последнее издание Словаря Королевской испанской академии

(DRAE), Исторического словаря испанского языка, а также серии научных публикаций [Campos-Rivero, Balarezo-López 2021], призванных дополнить список наиболее актуальными словоформами. Анализ источников позволяет сделать вывод, что большинство лексем, составляющих основу так называемого «короноязыка», можно разделить на три группы.

Наименьший пласт составляют слова, пришедшие из региональных диалектов, характерных для определенных стран Латинской Америки, однако используемые с начала 2020 года для придания разнообразия тексту. В частности, с помощью латиноамериканских диалектов был расширен синонимичный ряд слова «маска»: mascarilla – nasobuco (Cuba) – tapabocas (Argentina) – cubrebocas (México) – barbijo (Bolivia).

Другие лексемы пришли из медицинской терминологии, в частности, *antiséptico* (антисептик), *asintomático* (бессимптомный носитель), *aislamiento* (изоляция), *desescalada* (смягчение противоэпидемических мер) у *PCR* (ПЦР), не без активного участия в этом процессе СМИ.

Однако большинство «нововведений» представляют собой неологизмы, полученные на основе деривации, основные модели которой мы рассмотрим более подробно.

Тенденции в словообразовании в современном испанском медиадискурсе

В ходе анализа было обнаружено, что наибольший объем неологизмов коронавирусной тематики составляют единицы на основе словосложения или словослияния, а также лексических заимствований из английского языка, также являющихся частью коронавирусного новояза [Anchiraico, 2020]. Одним из самых известных стал термин «инфодемия» (info(rmation) + (epi)demic), введенный ВОЗ для обозначения избытка информации, в основном ложной.

Следует отметить, что словослияние или словосложение – это наиболее часто используемый ресурс для создания новых слов в испанском медиадискурсе, который при этом обладает стилистическим потенциалом: ироническим, юмористическим или уничижительным подтекстом.

Так, в испанских медиатекстах можно наблюдать целую серию псевдонимов для обозначения коронавирусной инфекции разной степени литературности, в зависимости от жанра публицистического текста, например: coronabicho (корона + жук), confinavirus (изоляция + вирус), coñazovirus (отстой + вирус).

Корень corona- выделяется своей продуктивностью и используется в более или менее юмористических неологизмах, таких как coronacrisis (коронокризис), coronacoma (коронокома экономики), coronacompras (импульсивные коронопокупки), coronadivorcios (короноразводы), coronaplausos (синхронные аплодисменты в 20.00 вечера в благодарность работникам социальных служб во время режима самоизоляции), coronaburrirse (короноскучать в изоляции), coronaburros («коронослы», т. е. люди, не воспринимающие ограничения серьезно и подвергающие риску коллективное благосостояние).

Деривация при помощи добавления или замены аффиксов, в отличие от словослияния и словосложения, использовалась правительством Испании в официальных обращениях, а потому встречается в медиадискурсе в материалах информационных и аналитических жанров.

Наиболее часто используемыми приставками стали *auto-*, *anti-*, *des-*, и *re-* (autocuidado, autoconfinamiento, autocuarentena, desescalada, desinfodemia, reactivación económica, rebrote), т. е. *само-*, *анти-*, *без-* и *воз-* (самопомощь, самоизоляция, деэскалация, дезинфодемия, восстановление экономики, повторная вспышка), а также *tele-* или «дистанционный» (teletrabajo, telesalud, teleterapia, teleconsulta). Среди суффиксов существительных стоит выделить *-azo* (aplausazo, martillazo), обозначающий «массовость» происходящего, глагольное окончание *-ear* (cuarentenear, maratonear, zoomear), означающий повторяемость действия, а также суффикс прилагательных *-al* (cuarentenal).

«Коронослoжение» как отражение рекреативной функции СМИ

Эксперты указывают, что психологическое давление на социум, вызванное последствиями пандемии, стало причиной активного развития рекреативной функции СМИ и, соответственно, развлекательной функции языка [Pato, 2007]. Таким образом, медийный язык обогатился большим количеством ироничных неологизмов [Navarro, 2020]: от vinollamadas и birrallamadas (видеозвонки с вином или пивом) до «поколения К» (cuarentenials, coronials и pandemials), родившихся во время локдауна или через 9 месяцев после него. Ситуацию, в которой оказались люди, лишенные возможности выйти из дома, подверженные панике, но вынужденные принять новую реальность, испанские СМИ описывали такими неологизмами, как cuarempena (изоляция + печаль), panicovid (паника + ковид), covidianidad (ковид + повседневность).

После того, как правительство Испании продлило ограничения, резко возросло количество статей с советами по кроссфит-изоляции (crossfinamiento) и карантинотренировкам (cuarentrena), а также способам справиться с одиночеством при помощи кулинаризоляции (cocinamiento) или коронопраздников (coronafiestas), в том числе зумрождений (zoompleaños).

Выводы

Анализ медиатекстов, словарей и научных публикаций позволяет подтвердить активность и динамизм, с которым обновляется современный испанский медиадискурс. Изученные примеры позволяют сделать вывод, что достижение новых средств выражения осуществляется при помощи традиционных инструментов, поскольку журналист вынужден приспосабливаться к возможностям восприятия широкой аудиторией. Для того чтобы акт коммуникации можно было считать успешным, вносимые «модификации» должны быть реализованы в пределах, установленных лингвистической системой, а также особенностями выбранного жанра. Возникающие в результате данного процесса неологизмы являются результатом сознательных творческих усилий автора и его реципиентов.

Большинство из перечисленных популярных неологизмов скорее всего выйдут из употребления, как только коронокризис удастся преодолеть. Тем не менее изучение данных лексических единиц и существующих способов словообразования необходимо для формирования профессиональной коммуникативной компетенции будущих журналистов на случай новых кризисов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Morales M. Coronaplauso, covidiota... El virus también se extiende por el idioma // El País, 2021. URL: https://elpais.com/cultura/2021-04-14/de-coronavirus-coronaplauso-y-coronabebe.html
2. Campos-Rivero O., Balarezo-López G. Glosario de Términos sobre el COVID-19 // Revista Científica Paideia XXI. 2021. № 2. Vol 11. URL: http://revistas.urp.edu.pe/index.php/Paideia/article/view/4086/5051
3. Anchiraico T. O. Lenguaje COVID 19: un análisis del (nuevo) léxico empleado en la pandemia en el español peruano // Yuyaykusun. 2020. № 10. Vol. 1. P. 125–142.
4. Pato E. La función lúdica del lenguaje y la creación de palabras por medio de sufijos y prefijos // Tinkuy: Boletín de investigación y debate. 2007. № 7. P. 109–140.
5. Navarro F. A. El lenguaje en tiempos de covid // Diario Médico, 2020. URL: https://www.diariomedico.com/opinion/fernando-navarro/el-lenguaje-en-tiempos-de-covid.html

maria.tss@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» (27–29 октября 2021 года, Москва)

27–29 октября в г. Москва состоялась Международная научно-практическая конференция «Мировой политический процесс: информационные войны и «цветные революции». Конференция организована Московским государственным лингвистическим университетом и Антитеррористическим центром государств-участников СНГ. В работе конференции приняли участие представители международных общественных и политических организаций, национальных антитеррористических структур, ученые, деятели науки и образования, профессорско-преподавательский состав вузов Армении, Белоруссии, Великобритании, Германии, Индии, Ирана, Италии, Казахстана, Молдавии, Пакистана, России, Сербии, Соединенных Штатов Америки, Узбекистана, Японии.

На конференции представлены и обсуждены свыше 90 докладов и выступлений. В выступлениях участников конференции указывалось на достижения и наиболее существенные результаты плодотворного сотрудничества в области противодействия идеологии экстремизма и терроризма, воспитания подрастающего поколения. Одновременно было обращено внимание на тот факт, что мировой политический процесс находится сегодня под давлением разновекторных сил, угроз и вызовов, способных создать серьезные помехи в развитии отдельных стран и регионов и в обеспечении их безопасности.

В центре работы конференции было обсуждение путей совершенствования системы профилактики межнациональной розни и экстремизма в молодежной среде, ее научно-исследовательского и учебно-методического обеспечения, обмен опытом в сфере проведения профилактических мероприятий со студентами и молодежью. Основное внимание на заседаниях и в ходе дискуссий на конференции было уделено воспитанию у молодежи толерантности и уважения к другим

культурам и национальностям, предотвращению вовлечения молодежи в террористическую деятельность в современном медиа-пространстве, роли молодежных объединений в профилактике экстремизма, совершенствования системы подготовки специалистов в вузах, направленной на воспитание молодежи в духе гражданственности и патриотизма.

Исходя из уверенности в том, что альтернативы изжитию экстремизма в поликонфессиональном и многонациональном обществе нет, участники конференции считают необходимым:

1. Продолжить практику укрепления связей вузовской общественности со структурами национальных антитеррористических комитетов государств – участников СНГ. В целях совершенствования деятельности и обмена опытом признать важной формой взаимодействия организацию и проведение совместных конференций, форумов, семинаров, «круглых столов» и других мероприятий с последующим опубликованием их результатов, в том числе в сети «Интернет».

2. Использовать в полной мере возможности отечественной системы образования при решении задач формирования у молодежи устойчивых позитивных установок в отношении представителей иной этнокультурной среды, толерантного поведения, профилактики национализма и экстремизма, воспитание молодого поколения в духе уважения к культуре, языку, традициям и обычаям народов мира.

3. Шире вовлекать молодежь в социально одобряемые виды деятельности: здоровый образ жизни, спорт, благотворительность, волонтерство, добровольную помощь различным категориям сограждан и т. д.

4. В вузовских печатных изданиях шире освещать этнокультурные традиции различных народов. Максимально использовать ресурсы сети Интернет, сайтов вузов в целях профилактики распространения ксенофобии и идей агрессивного национализма и экстремизма.

5. Поддерживать научно-исследовательскую деятельность образовательных учреждений, направленную на изучение этнополитических, этнокультурных и этноконфессиональных процессов, на выработку конкретных технологий по изжитию проявлений экстремизма в молодежной среде.

6. Активнее принимать участие в деятельности центральных и региональных СМИ, направленной на утверждение в сознании населения духовных ценностей, общепринятых норм морали и нравственности, уважительного отношения к этнокультурной самобытности народов мира.

7. В период с 15 ноября 2021 г. по 10 июня 2022 г. организовать и провести Второй международной конкурс студенческих инициатив в сфере противодействия идеологии терроризма.

Ответственные: МГЛУ, АТЦ СНГ.

Научное издание

МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС:
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
27–29 октября 2021 г., Москва

Под редакцией
доктора философских наук, профессора И. К. Харичкина

Редактор В. А. Кострюкова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатина
Дизайн обложки А. В. Алымов

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 20.09.2022
Усл. печ. л. 30,6. Формат 60x90/16
Заказ № 43/22

Адрес редакции:
г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел. / факс (8 499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru